

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 27

ВИТЕБСК 2018

СТЕЦВЫПУСК,
посвященный юбилею
доктора филологических наук,
профессора В.А. Масловой

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2018 • Том 27

УДК 378.4(476.5)(062.552)+81(062.552)
ББК 74.483(4Бел-4Вит)бя54+81.0я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 19.12.2018 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
У.М. Бахтикириева (Россия), В.Ю. Боровко, Н.В. Васильева (Россия),
Т.Е. Владимирова (Россия), И.П. Зайцева, О.В. Лапатинская, В.А. Маслова,
А.М. Мезенко, Е.Ю. Муратова, С.В. Николаенко, Т.В. Поплавская (Беларусь)

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Яшенко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

В54 Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ
имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 27. – 200 с.

УДК 378.4(476.5)(062.552)+81(062.552)
ББК 74.483(4Бел-4Вит)бя54+81.0я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

Оглавление

Филология

<i>Лавицкий А.А.</i> Раскрывающая тайны слова: к юбилею выдающегося ученого-профессионала, успешного педагога, доброго друга	7
<i>Лукашанец А.А.</i> Русская орфография в контексте белорусско-русского государственного двуязычия	10
<i>Маслова В.А.</i> Белорусская лингвистика в русле мировой	16
<i>Бекреева Ю.В., Клименко А.П.</i> Ассоциативная связь как фактор неоднозначности языкового знака	20
<i>Богданович Г.Ю.</i> Русский язык в современном измерении	25
<i>Борисова Е.Г., Тарбеева Н.М.</i> Концепты в динамическом аспекте (на примере концепта «Отдых»)	31
<i>Вардомацкий Л.М.</i> «Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований	35
<i>Васильева Н.В.</i> Акциденции онима: к расширению терминологического аппарата ономастики текста	40
<i>Владимирова Т.Е.</i> Языковая личность и ее бытие как объекты полипарадигмальных исследований	44
<i>Воробьева О.И.</i> Формирование языкового пространства г. Витебска посредством наружной рекламы	49
<i>Горбачева А.В., Пучкова А.Н., Осадчий М.А.</i> О принципах понимания и семантических правилах интерпретации знаков в изобразительной части поликодовых текстов	53
<i>Григорьева Е.Я., Рыжова Л.П.</i> Лингвокультурологическая сущность цветообозначения во фразеологических единицах (на материале французского языка)	58
<i>Данич О.В., Крицкая Н.В.</i> Лингвокультурологическая поэтика как вид лингвопоэтики	62
<i>Дружина Н.Л.</i> Осмысление понятийных категорий «концепт» и «семантическое поле» современной лингвистикой	68
<i>Зайцева И.П.</i> Лирический текст в аспекте коммуникативной стилистики: возможности и перспективы	72
<i>Иваноў Я.Я.</i> Лінгвістычныя прыметы афарыстычных адзінак	78
<i>Иванова Л.П.</i> Лингвоимагологический анализ видения А.С. Пушкиным иноземных народов и стран	85
<i>Игнатович Т.В.</i> Методические рекомендации по написанию сочинения-отзыва с учетом лингвокультурологического комментария	92

<i>Казмирова О.В.</i> Проблема понимания англоязычного медиатекста: когнитивный и прагматический аспекты	100
<i>Кириллова Ф.М.</i> Маркированность в асимметричных бинарных оппозициях адъективной лексики немецкого языка	105
<i>Кожинова А.А.</i> Концепт творения и его реализация в церковно-славянских текстах	111
<i>Красина Е.А.</i> Нелинейная грамматика русского высказывания: парцелляция	115
<i>Кудреватых И.П.</i> Художественный текст как особая социолингвистическая данность	120
<i>Максимчук Н.А.</i> Региональный компонент языковой картины мира в зеркале словаря микропонимов	125
<i>Мезенко А.М.</i> Наименования растений в топонимиконе белорусов как составляющая традиционных знаний	131
<i>Муратова Е.Ю.</i> «Той России нету, как и той меня»	140
<i>Оксенчук А.Е.</i> Результаты исследования специфики восприятия семантики абстрактной лексики на раннем этапе развития языковой личности	144
<i>Петрушэўская Ю.А.</i> Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы	150
<i>Руденко Е.Н.</i> Еще раз о концептуальной метафоре	155
<i>Синкевич Т.И., Слесарева Т.П.</i> Обучение грамматике РКИ сквозь призму краеведения	160
<i>Сладкевич Ж.Р.</i> «Няхай крышталная ваза вашага жыцця напаўняецца чыстай крынічнай вадою», или Поздравительный текст в сопоставительном аспекте	164
<i>Тагаев М.Дж., Борчиева Б.Т.</i> Билингвальное мировидение и образы мира в художественном тексте	172
<i>Чайка Н.У.</i> Ускладненыя тыпы эліптычных канструкцый у беларускай мове	178
<i>Черкашина Е.И.</i> Интегративный подход к обучению иностранному языку специальности в предметной сфере «Медицина»	184
<i>Шеваринова О.В.</i> Социопрагматический подход к исследованию литературных онимов	189
<i>Яценко Т.А.</i> Лингвокогнитивный аспект исследования фразем с компонентом душа (В.М. Шукшин «Калина красная»)	195

Contents

Philology

<i>Lavitski A.A.</i> Religious Revealing the Mystery of the Word: for the Anniversary of the Outstanding Scholar, Proficient Teacher and True Friend	7
<i>Lukashanets A.A.</i> Russian Spelling in the Context of the Belarusian-Russian State Bilingualism	10
<i>Maslova V.A.</i> Belarusian Linguistics in the Context of World Linguistics	16
<i>Bekreeva Y.V., Klimenko A.P.</i> Associative Connection as a Factor of a Linguistic Sign Ambiguity	20
<i>Bogdanovich G.Yu.</i> The Russian Language in the Modern Dimension	25
<i>Borisova E.G., Tarbeyeveva N.M.</i> Concepts in the Dynamic Aspect (the Concept of Rest)	31
<i>Vardomatsky L.M.</i> «Orsha Letter on the Transfer of Land in 1629» as a Source for Linguistic and Linguoculturological Researches	35
<i>Vasilyeva N.V.</i> Accidentia of onym: Towards the extension of text-onomastics terminology	40
<i>Vladimirova T.E.</i> Language Personality and its Being as Objects of a Polyparagigmial Approach	44
<i>Vorobyova O.I.</i> Formation of the Language Surroundings of Vitebsk Through Outdoor Advertising	49
<i>Gorbacheva A.V., Puchkova A.N., Osadchiy M.A.</i> On Principals of Perception and Semantic Laws of Sign Interpretation in Descriptive Part of Polycode Texts ..	53
<i>Grigoryeva E.Y., Ryzhova L.P.</i> Linguistic and Cultural Surface of Color Assessment in Phraseological Units (on the Material on the French Language) ...	58
<i>Danich O.V., Kritskaya T.V.</i> Linguoculturology of Poetry as a Form of Linguopoetry	62
<i>Druzhina N.L.</i> Interpretation of conceptual categories “concept” and “semantic field” in modern linguistics	68
<i>Zaitseva I.P.</i> Lyrical Text in the Aspect of Communicative Stylistics: Opportunities and Prospects	72
<i>Ivanov E.E.</i> Linguistic Properties of Aphoristic Units	78
<i>Ivanova L.P.</i> Lingvoimagological analysis of A.S. Pushkin’s vision of foreign peoples and countries	85
<i>Ignatovitch T.V.</i> Methodological Recommendations on Writing an Essay-Review Taking Into Account Linguoculturological Comment	92

<i>Kazimirova O.V.</i> The Problem of Understanding English-Language Media Texts: Cognitive and Pragmatic Aspects	100
<i>Kirillova F.M.</i> Markedness of Asymmetric Binary Oppositions in the Adjective Lexis of the German Language	105
<i>Kozhinowa A.A.</i> Concept of Creation and its Realization in Church Slavonic Texts	111
<i>Krasina E.A.</i> Non-Linear Grammar of the Russian Utterance: Parceling	115
<i>Kudrevatykh I.P.</i> Artistic Text as a Special Social-Linguistic Reality	120
<i>Maksimchuk N.A.</i> The Regional Component of the Linguistic Worldimage in the Light of the Microtype Dictionary	125
<i>Mezenko A.M.</i> The Names of Plants in the Toponymicon of Belarusians as a Component of Traditional Knowledge	131
<i>Muratova E.Y.</i> "There is no Russia Like That, Neither Me"	140
<i>Oksenchuk A.</i> Results of Exploring the Specificity of Non-Figurative Vocabulary Perception at an Early Stage of Linguistic Identity Development	144
<i>Petrushevskaya J.A.</i> National Feature of The Proverbial Fund of the Belarusian Language	150
<i>Rudenko E.N.</i> Once Again About Conceptual Mataphor	155
<i>Sinkevich T.I., Slesareva T.P.</i> Training Grammar of RFL Through the Prism of Regional Study	160
<i>Sladkevich Zh.R.</i> «Няхай крышталёная ваза вашага жыцця нападуняецца чыстай крынічнай вадою», or Birthday Greetings in a Comparative Aspect	164
<i>Tagaev V.D., Borchieva B.T.</i> Bilingual View and Images of the World in Literary Text	172
<i>Chaika N.Y.</i> The Complicated Types of the Ellipsis Constructions in the Belarusian Language	178
<i>Cherkashina E.I.</i> Integrative Approach to Teaching Foreign Language for Specific Purposes in the Domain of Medicine	184
<i>Sheverinova O.V.</i> Sociopragmatic Approach to the Study of Literary Onyms	189
<i>Yashchenko T.A.</i> Linguo-Cognitive Aspect of Research of Idioms With the Component of soul (V.M. Shukshin "Red kalian")	195

ФИЛОЛОГИЯ

Раскрывающая тайны слова: к юбилею выдающегося ученого-профессионала, успешного педагога, доброго друга

Лавицкий А.А.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье представлена краткая биография доктора филологических наук, профессора В.А. Масловой и обзор ее основных трудов. Валентина Авраамовна является одним из самых авторитетных ученых-лингвистов Беларуси в сфере лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики, филологического анализа текста.

Ключевые слова: Маслова В.А., лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 7–9)

Revealing the Mystery of the Word: for the Anniversary of the Outstanding Scholar, Proficient Teacher and True Friend

Lavitski A.A.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The article presents a brief biography of Doctor of Philology, Professor V.A. Maslova and an overview of her works. Valentina Avraamovna is one of the most outstanding Belarusian linguists in linguistic culturology, cognitive linguistics and psycholinguistics, linguistic analysis of the text.

Key words: Maslova V.A., linguistic culturology, cognitive linguistics, psycholinguistics.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 7–9)

Северная столица Беларуси – Витебск – по праву гордится плеядой выдающихся ученых, чьи имена известны далеко за пределами всей страны. Одним из таких ученых-лингвистов является Валентина Авраамовна Маслова, доктор филологических наук, профессор, которая уже более 35 лет преподает в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова. Валентина Авраамовна родилась 2 января 1949 года в провинциальном белорусском городке Климовичи Могилёвской области в небогатой семье сельскохозяйственных служащих: отца-агронома и матери-землемера. Воспитанная в национальных традициях православной веры (дедушка по линии отца служил в церкви), трудолюбия, толерантности, уважения к старшим и любви к родной земле, Валентина Авраамовна всегда трепетно относилась ко всему живому, в том числе и к слову. Именно поэтому всю свою профессиональную жизнь она посвятила стремлению постичь тайны языка. Неудивительно, что, несмотря на широкий круг интересов и эвристическую увлеченность многими учебными предметами, после окончания школы она поступила на дневное отделение Кыргызского

государственного университета по специальности «Русский язык и литература». Проявив себя во время учебы как талантливый и увлеченный студент, свою трудовую деятельность Валентина Авраамовна начала там же, в Киргизии, в качестве преподавателя Ошского государственного университета. За десять лет работы на кафедре русского языка В.А. Маслова успела достаточно много: вышла замуж, родила сына, определила для себя приоритет научных интересов (в 1981 она уже защитила кандидатскую диссертацию по новаторской для того времени теме «Принцип противопоставления и его реализация в семантике языка»). Свой киргизский период жизни Валентина Авраамовна всегда вспоминает только теплыми словами, особенно трепетное отношение коллег (Суюнбека Ибрагимова, Мамеда Тагаева, Тамару Увалканову, Людмилу Иванову) и наставников (Арона Абрамовича Брудного, Михаила Александровича Рудова). Через год после успешной защиты диссертационного исследования молодой доцент В.А. Маслова возвращается на Родину в Беларусь и приходит на работу в Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (тогда – педагогический

институт имени С.М. Кирова). В последующие одиннадцать лет она трудилась доцентом кафедры русского языка (позже – общего и русского языкознания), а в 1992 году в г. Минске блестяще защитила докторскую диссертацию на тему «Онтологический и психолингвистический аспекты экспрессивности текста». К этому времени Валентина Авраамовна была уже достаточно известным ученым с неординарным взглядом на лингвистику, одним из ведущих преподавателей университета с инновационными подходами к проведению учебных занятий.

Будучи всегда энергичным и целеустремленным человеком, имея ряд заслуг и достаточно серьезный авторитет в научной среде, профессор В.А. Маслова не остановилась на достигнутом, а еще более активно стала заниматься исследовательской работой. Проявлением ее широчайшей эрудиции и многогранности таланта стал тот факт, что она внесла значительный вклад в развитие сразу нескольких направлений в языкознании: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвистики текста и др. В рамках этих направлений Валентиной Авраамовной опубликовано около 700 научных работ более чем в 20 странах мира (Беларуси, Болгарии, Германии, Казахстане, Киргизии, Латвии, Польше, России, Сербии, США, Узбекистане, Украине и др.). Целый ряд ее учебников считается классическим, многие из них переиздавались по несколько раз:

– Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие для студентов вузов / В.А. Маслова. – Минск : Вышэйшая школа, 1997. – 156 с.;

– Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва : Следствие, 1997. – 207 с.;

– Маслова, В.А. Филологический анализ художественного текста : пособие для студентов филологических специальностей вузов / В.А. Маслова. – Минск : Універсітэцкае, 2000. – 173 с.;

– Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов вузов / В.А. Маслова. – Москва : Академия, 2001, 2004, 2007, 2010. – 208 с.;

– Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004, 2005, 2008. – 256 с.;

– Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва : Флинта, 2004, 2006, 2007, 2008, 2010, 2011, 2016, 2017, 2018. – 295 с.;

– Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва : Флинта, 2004. – 256 с.;

– Маслова, В.А. Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва : Высшая школа, 2006. – 256 с.;

– Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие / В.А. Маслова. –

Москва : Академия, 2008. – 266 с.;

– Маслова, В.А. Поэтический текст : новые подходы и решения : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 316, [1] с.;

– Маслова, В.А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016, 2017, 2018 – 177, [1] с.;

– Маслова В.А. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие для академического бакалавриата / В.А. Маслова ; под ред. У.М. Бахтикиреевой. – Москва : Юрайт, 2018. – 145, [3] с.;

– Маслова, В.А. Лингвокультурология. Введение : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В.А. Маслова ; отв. ред. У.М. Бахтикиреева. – Москва : Юрайт, 2016, 2018. – 206, [1] с.;

– Маслова, В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В.А. Маслова ; под ред. У.М. Бахтикиреевой. – Москва : Юрайт, 2016, 2018. – 200, [1] с.

– Маслова, В.А. Марина Цветаева: Над временем и тяготением / В.А. Маслова. – Минск : Экономпресс, 2000. – 224 с.;

Научные работы профессора В.А. Масловой известны не только в ближнем, но и дальнем зарубежье. Доказательством тому служит тот факт, что в 2018 году в США вышла в свет ее работа *Linguistic-culture: a Russian Picture of the World*. В настоящее время к изданию готовится еще одно англоязычное издание.

Не менее значимыми и популярными являются монографии, написанные Валентиной Авраамовной:

– Маслова, В.А. Филологический анализ поэтического текста : монография / В.А. Маслова. – Минск, 1999. – 208 с.;

– Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре : монография / В.А. Маслова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2004. – 214 с.;

– Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре : монография / В.А. Маслова. – Москва : Гнозис, 2007. – 319 с.;

– Маслова, В.А. Национальный характер сквозь призму языка : монография / В.А. Маслова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2011. – 76 с.;

– Маслова, В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста : монография / В.А. Маслова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 104 с.;

– Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов : коллективная монография / гл. ред. В.А. Маслова [и др.]. – Минск : Энциклопедикс, 2017. – 268 с.

Валентина Авраамовна Маслова является основателем и бессменным руководителем Витебской лингвокультурологической научной школы, в рамках работы которой издано более 1000 научных трудов, подготовлено 10 кандидатов и 1 доктор наук.

Как один из основоположников лингвокультурологического направления в лингвистике и

известный когнитивист, крупный ученый с международным именем, профессор В.А. Маслова работала в качестве приглашенного лектора в ряде известных вузов: Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Московском государственном лингвистическом университете, Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина, Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, Крымском, Каменец-Подольском государственном университете, Гданьском университете, Зелёногурском университете, Слупском университете, Ольштынском университете, Павлодарском государственном педагогическом институте, Кыргызском Славянском государственном университете.

Валентина Авраамовна Маслова по праву является самым цитируемым ученым-гуманитарием Республики Беларусь: ее научные труды, размещенные в базе РИНЦ, были процитированы почти 11 000 раз. Среди них не только упомянутые учебники и монографии, но и многочисленные статьи, например:

– Маслова, В.А. Трансфер: от слова и термина к новому мировоззрению / В.А. Маслова // Наука – образованию, производству, экономике материалы XXII (69) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 томах. – Т 1. – 2017. – С. 146–148;

– Маслова, В.А. Поэтическая картина мира и роль в ней этимологической составляющей / В.А. Маслова // Мир языковых форм сборник статей к 95-летию профессора Г.П. Цыганенко. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 20–24;

– Маслова, В.А. Поведение человека в зеркале стереотипа с позиций лингвокультурологии / В.А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2015. – № 2(18). – С. 72–78;

– Маслова, В.А. Лингвокультурология как наука о наиболее культуроносных языковых сущностях / В.А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2014. – № 16. – С. 78–90;

– Маслова, В.А. Внешность женщины в русском языковом сознании: гендерный аспект / В.А. Маслова // Гендерная лингвистика. – Павлодар, 2013. – С. 130–145;

– Маслова, В.А. Мир и человек сквозь призму спортивного кода / В.А. Маслова // Новое в когнитивной лингвистике XXI века Сер. «Концептуальные исследования» – Киев, 2013. – С. 28–36;

– Маслова, В.А. Язык и человек: лингвокультурологическое введение в теорию человека / В.А. Маслова // Человек. Язык. Культура сборник научных статей в 2-х частях, посвященный 60-летию профессора В.И. Карасика. Сер. «Концептуальный и лингвальный мир». – Киев, 2013. – С. 118–127;

– Маслова, В.А. Концепты разных типов и пути их реконструкции / В.А. Маслова // Проблемы кон-

цептуализации действительности и моделирования языковой картины мира сборник научных трудов. – Москва ; Архангельск, 2013. – С. 160–169;

– Маслова, В.А. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю.С. Степанов) / В.А. Маслова // Критика и семиотика. – 2012. – № 17. – С. 138–148;

– Маслова, В.А. Концепт как способ изучения культуры через язык / В.А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – № 14. – С. 20–25;

– Маслова, В.А. Значение и смысл в поэтическом тексте / В.А. Маслова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2011. – № 1. – С. 162–166;

– Маслова, В.А. Аудиальная поэзия: фоника стиха / В.А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 185–194;

– Маслова, В.А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация / В.А. Маслова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2011. – Т. 24. – № 2–3 (63). – С. 383–387;

– Маслова, В.А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры / В.А. Маслова // Лингвистика. – 2010. – № 2 (20). – С. 19–30;

– Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 43–47;

– Маслова, В.А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка / В.А. Маслова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2008. – № 4. – С. 30–37.

Говоря о Валентине Авраамовне Масловой, нельзя не сказать о ее личностных качествах. Она очень добрый и мягкий человек, не умеющий таить злобу, льстить или злословить. Несмотря на то, что Валентина Авраамовна очень темпераментна и порой экспрессивна, ее главными качествами являются отзывчивость, искренность, честность, доброжелательность, готовность помочь. В сочетании с этим, ее характеру присущи неиссякаемый оптимизм, остроумие и здоровый авантюризм.

Дорогая Валентина Авраамовна, от имени Ваших учеников и кафедры германской филологии искренне поздравляем Вас с очередным юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, неугасаемой энергии, удачи и благополучия! Счастья и тепла Вам и Вашим близким!

Надеемся, что подготовленный к юбилейной дате специальный выпуск сборника научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»», куда вошли работы Ваших учеников и друзей, станет хорошим подарком от всего коллектива филологического факультета и университета.

УДК 811.161.1'35 + 81'246.2(471)

Русская орфография в контексте белорусско-русского государственного двуязычия

Лукашанец А.А.

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси

Единые и строгие нормы орфографии являются обязательным условием полноценного функционирования письменной формы национального языка в официальных сферах коммуникации. Вместе с тем, использование конкретного национального языка как официального (государственного) в инонациональной и инокультурной среде в условиях близкородственного государственного двуязычия, как правило, приводит к определенной специфике применения орфографических норм в письменной языковой практике.

Цель работы — рассмотреть особенности практики написания прописной и строчной буквы в русском языке в условиях белорусско-русского двуязычия в официальных текстах и официальной именословной практике, а также особенности реализации морфологических словообразовательных моделей с точки зрения орфографии отдельных национально маркированных производных единиц.

Материал и методы. Материалом исследования служат нормативные справочники по русской орфографии, словари русского языка, нормативные документы Республики Беларусь, регламентирующие написание отдельных слов и словосочетаний в официально-деловых документах. Анализ фактического материала осуществляется с использованием описательного и сравнительного методов с привлечением метода словообразовательного анализа.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрены некоторые специфические особенности применения действующих норм русской орфографии в официальной русскоязычной практике Беларуси. Обращается внимание на правописание прописной и строчной буквы в названиях высших государственных лиц, что обусловлено установившейся письменной языковой практикой. Поэтому возникает необходимость дополнительных разъяснений к общим правописным нормам русского языка с учетом национально-культурной специфики, особенностей языковой ситуации и специфики языковой практики в Республике Беларусь. Также рассмотрены некоторые примеры орфографии национальной ономастики, обусловленные спецификой словообразования и морфологических словообразовательных моделей.

Заключение. Функционирование письменной формы современного русского литературного языка в Беларуси и его изучение в белорусской школе базируется на действующих правилах русской орфографии, однако характеризуется определенной спецификой их применения в официальной письменной практике, что является дополнительным аргументом для признания белорусского национального варианта русского языка.

Ключевые слова: белорусско-русское двуязычие, орфография, письменная практика, словообразовательная морфологическая модель, национальный вариант русского языка.

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 10–15)

Russian Spelling in the Context of the Belarusian-Russian State Bilingualism

Lukashanets A.A.

Center for Studies of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus

Uniform and strict norms of spelling are a prerequisite for the full functioning of the written form of the national language in the official areas of communication. At the same time, the use of any national language as an official (state) language in a foreign environment in conditions of closely related state bilingualism, as a rule, leads to certain peculiarities of the use of spelling norms in the practice of the written language.

The aim of the work is to consider the particular practice of writing uppercase and lowercase letters in the Russian language in conditions of Belarusian-Russian bilingualism in official texts and official naming practice, as well as the features of the realization of morphological word-formation models from the point of view of spelling of particular nationally marked units.

Material and methods. The research materials are normative reference books on Russian spelling, Russian language dictionaries, normative documents of the Republic of Belarus regulating the spelling of particular words and phrases in official documents. The analysis of factual material is carried out using descriptive and comparative methods as well as the method of word-formation analysis.

Results and discussion. The article discusses some specific features of the existing norms of Russian spelling in the official Russian-language practice of Belarus. Attention is drawn to the spelling of uppercase and lowercase letters in the names of the

highest state officials due to the established written language practice. Therefore, there is a need for additional clarifications to the general literary norms of the Russian language, taking into account national and cultural specifics, features of the language situation and the specifics of language practice in the Republic of Belarus. Also some examples of the spelling of the national onomastics are considered, due to the peculiarities of word formation and morphological word-formation models.

The conclusion. The functioning of the written form of the modern Russian literary language in Belarus and its study in the Belarusian school is based on the existing rules of Russian spelling, but it is characterized by a certain peculiarity of their use in official written practice, that is an additional argument for recognizing the Belarusian national variant of the Russian language.

Key words: Belarusian-Russian bilingualism, spelling, written practice, word-formation morphological model, the national variant of the Russian language.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 10–15)

В ситуации государственного близкородственного белорусско-русского двуязычия русский язык сегодня реально доминирует во всех без исключения официальных сферах коммуникации, а также является основным языком получения образования. Использование в названных сферах общения письменной формы русского литературного языка базируется на наиболее авторитетных академических нормативных справочниках (словарях, грамматиках и т.д.) и пособиях, подготовленных и изданных в Российской Федерации, в том числе в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН. На эти издания ориентируется и вся учебная литература для различных уровней образования, публикуемая в независимых государствах на постсоветском пространстве. Не является исключением в этом отношении и Республика Беларусь. Такое положение позволяет сохранять единство современного русского литературного языка, прежде всего его письменной формы, в данном регионе.

Цель работы – рассмотреть особенности практики написания прописной и строчной буквы в русском языке в условиях белорусско-русского двуязычия в официальных текстах и официальной именованной практике, а также особенности реализации морфонологических словообразовательных моделей с точки зрения орфографии отдельных национально маркированных производных единиц.

Материал и методы. Материалом исследования служат нормативные справочники по русской орфографии, словари русского языка, нормативные документы Республики Беларусь, регламентирующие написание отдельных слов и словосочетаний в официально-деловых документах. Анализ фактического материала осуществляется с использованием описательного и сравнительного методов с привлечением метода словообразовательного анализа.

Результаты и их обсуждение. Двуязычная среда, иное культурное пространство и

различные национальные традиции оказывают определенное влияние на применение норм современного литературного русского языка в иноязычной и инокультурной среде. Это находит свое отражение не только в специфике актуализации лексических ресурсов русского языка и вовлечением в русскую речь этнографизмов и другой актуальной лексики, отражающей реалии национальной жизни, не только в особенностях национальной орфоэпии, но также затрагивает и такую, казалось бы, совершенно нейтральную и нечувствительную к инонациональному воздействию сторону письменного русского языка, как орфография. Не является исключением в этом отношении и русский язык в Республике Беларусь, имеющий статус государственного языка. Проиллюстрируем это на некоторых примерах.

1. Прописная и строчная буквы в названиях должностей, званий и титулов. Полный академический справочник “Правила русской орфографии и пунктуации” [2] правила написания прописной и строчной буквы в названиях должностей, званий и титулов сформулированы следующим образом: “§ 196. Названия должностей, званий, титулов пишутся со строчной буквы, напр.: *президент, канцлер, председатель, министр, премьер-министр, заместитель министра, мэр, император, королева, хан, шейх, генеральный секретарь, заслуженный деятель культуры, лауреат Нобелевской премии, посол, атташе, директор, генеральный директор, академик, доктор наук, профессор, член-корреспондент, генерал-майор, командующий войсками, руководитель департамента, заведующий отделом, управляющий делами.*”

В официальных текстах названия высших государственных должностей и титулов пишутся с прописной буквы, напр.: *Президент Российской Федерации, Председатель Правительства РФ, Председатель Государственной думы, Премьер-министр Индии, Её Величество Королева Англии*

(см. также § 202). Однако в неофициальных текстах эти названия пишутся со строчной буквы, напр.: выборы президента, выступление председателя Госдумы, распоряжение премьер-министра, приём у королевы.

Примечание 1. С прописной буквы пишется почетное звание *Герой Российской Федерации*, а также почетные звания бывшего СССР: *Герой Советского Союза*, *Герой Социалистического Труда* [2, 187].

Применение данной орфографической нормы в письменном русском языке Беларуси в определенной степени коррелируется нормативными документами, в которых устанавливается орфографический режим при подготовке проектов документов в Аппарате Совета Министров Республики Беларусь [5]. Сравн.: “5.1. С прописной буквы пишутся наименования высших должностей, почетных и высших званий.

Например: *Президент Республики Беларусь, Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Председатель Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Премьер-министр Республики Беларусь, Первый заместитель Премьер-министра Республики Беларусь, Заместитель Премьер-министра Республики Беларусь, Глава Администрации Президента Республики Беларусь, Первый заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь, Заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь, Государственный секретарь Совета Безопасности Республики Беларусь, Первый заместитель Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь, Заместитель Государственного секретаря Совета, Безопасности Республики Беларусь, Председатель Комитета государственного контроля, Управляющий делами Президента Республики Беларусь, Руководитель Аппарата Совета Министров Республики Беларусь, Министр финансов, Министр сельского хозяйства и продовольствия, Председатель Конституционного Суда, Генеральный прокурор, Председатель Верховного Суда, Председатель Государственного таможенного комитета, Председатель Правления Национального банка, Председатель Правления Белорусского республиканского союза потребительских обществ, Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси, Председатель Федерации профсоюзов Беларуси, Председатель Исполнительного комитета – Исполнительный секретарь Содружества Независимых Государств,*

Но: *первый заместитель Председателя Исполнительного комитета – Исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств, полномочный представитель Правительства Республики Беларусь в Межгосударственном Координационном Совете Межгосударственной телерадиокомпании «Мир»;*

Герой Советского Союза, Герой Беларуси, Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза, Адмирал флота Советского Союза, Главный маршал авиации.

5.2. Во множественном числе наименования высших должностей пишутся со строчной буквы.

Например: *заместители Премьер-министра Республики Беларусь, премьер-министры государств – участников Содружества Независимых Государств, председатели Верховных Судов государств – участников Содружества Независимых Государств, министры финансов государств – участников Содружества Независимых Государств.*

5.3. Со строчной буквы пишутся наименования ряда должностей и званий.

Например: *депутат, председатель Постоянной комиссии по законодательству и судебно-правовым вопросам Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, член Президиума Совета Министров Республики Беларусь, член Совета Министров Республики Беларусь, председатель Белорусского государственного концерна по производству и реализации фармацевтической и микробиологической продукции, первый заместитель Руководителя Аппарата Совета Министров Республики Беларусь, заместитель Министра культуры, первый заместитель Председателя Государственного таможенного комитета, председатель Гродненского облисполкома, председатель (секретарь) Уделовского сельского Совета депутатов, член коллегии Министерства архитектуры и строительства, главный ученый секретарь Президиума Национальной академии наук Беларуси, секретарь Федерации профсоюзов Беларуси, директор – главный редактор открытого акционерного общества «Народная газета», генеральный директор открытого акционерного общества «МОТОВЕЛО», директор Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты, председатель Республиканского комитета профсоюза работников культуры, председатель правления общественного объединения “Белорусское общество «Знание»”;*

адмирал, маршал артиллерии, генерал армии, академик, действительный член Национальной академии наук Беларуси, академик-секретарь Отделения химических наук Национальной академии наук Беларуси, ректор Белорусского государственного университета, доктор технических наук, профессор, народный артист Беларуси, заслуженный артист Республики Беларусь, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, лауреат Государственной премии Республики Беларусь...

6.1. В особом стилистическом употреблении с прописной буквы пишутся все слова или первое слово в следующих словосочетаниях: *Правительство* (когда речь идет о Правительстве Республики Беларусь и других государств), *Глава государства*... [5, 19–23].

Эта же норма прописана и в Лингвистическом контроле качества подготовки правовых актов [1].

Сами названия этих документов ([1] и [5]) полностью согласуются с формулировкой написания строчной буквы в названиях высших государственных должностей в Правилах русской орфографии («В официальных текстах названия высших государственных должностей и титулов пишутся с прописной буквы» [2, 187]). Однако проблема заключается в том, что в современной белорусской русскоязычной письменной практике сложилась традиция последовательно использовать прописную букву в названиях должностных лиц, перечисленных в Справочнике Совета Министров, во всех без исключения стилях письменной речи, в том числе научном, научно-публицистическом и т.д.

Сравн.: **Официально-деловой стиль** – функциональный стиль речи, средство письменного общения в сфере деловых отношений: в сфере правовых отношений и управления. Эта сфера охватывает международные отношения, юриспруденцию, экономику, военную отрасль, сферу рекламы, общение в официальных учреждениях, правительственную деятельность. Подстили: законодательный (используется в сфере управления государством, проявляется волюнтарность функции); административно-канцелярский (ведение личных деловых бумаг, документов учреждения, подчеркивает характер административных отношений – кредиты, авансы); дипломатический подстиль (на международном уровне, отношения между правительством и дипломатами). (https://ru.wikipedia.org/wiki/Официально-деловой_стиль). Кроме того, данный перечень не совпадает с перечнем высших государственных должностей Республики Беларусь согласно Указа Президента Республики Беларусь № 664 от 8 ноября 2001 г. Сравн.:

ПЕРЕЧЕНЬ высших государственных должностей Республики Беларусь

Премьер-министр Республики Беларусь

Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь

Председатель Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь

Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь

Глава Администрации Президента Республики Беларусь

Государственный секретарь Совета Безопасности Республики Беларусь

Председатель Комитета государственного контроля Республики Беларусь

Генеральный прокурор Республики Беларусь

Председатель Правления Национального банка Республики Беларусь

Управляющий делами Президента Республики Беларусь [6].

Следовательно, правила написания прописной и строчной буквы в названиях государственных должностей с учетом национальных реалий Республики Беларусь требуют уточнения и корректировки при их изучении в школе и в процессе подготовки работников печати, СМИ, государственных служащих и т.д. по двум направлениям:

1. Распространение нормы написания строчной буквы в названиях высших государственных должностей Республики Беларусь на все стили русской письменной речи в Беларуси.

2. Уточнение перечня названий высших государственных должностей Республики Беларусь, которые пишутся с прописной буквы.

Кроме того, следует иметь в виду, что в Республике Беларусь, как и любой другой стране на постсоветском пространстве, где русский язык используется в качестве официального, существует свой собственный реестр географических и административно-территориальных названий, названий исторических эпох и событий, календарных периодов и праздников, общественных мероприятий, названий органов власти, учреждений, организаций, обществ, партий, названий документов, памятников, предметов и произведений искусства и под., что обуславливает неодинаковый диапазон применения единых правил написания прописной и строчной буквы.

2. Образование и орфография имен прилагательных, образованных от белорусских топонимов. С точки зрения современной русской орфографии определенные трудности вызывает

написание отдельных имен прилагательных, образованных от некоторых белорусских названий населенных пунктов с финалями *-ск*. Так, написание с двумя “с” прилагательных *глусский* (от *Глуск*), *гресский* (от *Греск*), *лосский* (от *Лоск*) (например: *Глусский район*, *Гресский район*, *Гресское антифашистское подполье*, *Лосская типография* [3]) обусловлено их включением в ряд мотивированных слов, образованных по морфологической словообразовательной модели “усечение финали *-к-* мотивирующей основы перед словообразовательным формантом *-ск-*”.

Сравн.: “В прилагательных данного типа отсутствуют следующие финали основ мотивирующих слов.

... Финаль *-к-* (в несклоняемых существительных *-ко*) основ нерусских топонимов и этнонимов на *-ск*, *-ско* – перед морфом *-ск-*: *Дамаск* – *дамасский*, *этруски* – *этрусский*, *Сан-Франциско* – *сан-францисский*” [4, 283–284].

Сложность для правописания подобных слов в условиях белорусско-русского двуязычия заключается в том, что приведенные выше примеры оттопонимических прилагательных образуются по морфологической модели, присущей образованию прилагательных от нерусских (неславянских!?) топонимов и этнонимов. Между тем, образование прилагательных от белорусских топонимов на *-ск* происходит, как правило, по другой, типичной для образования русских (и белорусских!) оттопонимических прилагательных морфологической модели с наложением финального *-ск-* основы с морфом *-ск-*: *Минск* → *минский*, *Витебск* → *витебский*, *Хотимск* → *хотимский*, *Солигорск* → *солигорский* и т.д. Сравн.: “Морф *-ск-* совмещается с финалью *-ск-* (*-цк-*) мотивирующей основы в прилагательных, мотивированных русскими названиями населенных пунктов с основами на *-ск-*, *-цк-*, а также фамилиями на *-ский*, *-цкий*: *Свердлов* – *свердловский*, *Брянск* – *брянский*, *Донецк* – *донецкий*...” [4, 285].

Следовательно, в условиях близкородственного белорусско-русского двуязычия требуется обращать дополнительное внимание на усвоение сложных вопросов русской орфографии, обусловленных белорусским национально-культурным компонентом.

3. Проблемы написания фамилий, имен и отчеств в документах.

Общие правила написания фамилий, имен и отчеств в русском (как, впрочем, и белорусском) языке просты и прозрачны. Сравн.: “С прописной

буквы пишутся личные имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища, напр.: *Ольга*, *Алёша*, *Александр Сергеевич Пушкин*, *Петр Ильич Чайковский*, *Адам Мицкевич*...” [2, с 167]. Однако существующая официальная именованная практика в Республике Беларусь гораздо сложнее, и изложенное выше правило требует дополнительных разъяснений.

Например, согласно установленным правилам русской орфографии следует писать *Соловьёв Ярослав Максимович*. Однако в соответствии с международными стандартами в документах, удостоверяющих личность (паспортах), а также других официальных документах (например, страховых документах для поездок за рубеж и под.), требующих считывания электронными средствами идентификации, фамилия, имя и отчество записываются прописными (большими) буквами: *СОЛОВЬЁВ ЯРОСЛАВ МАКСИМОВИЧ*. Эта норма установлена нормативными документами Министерства юстиции Республики Беларусь для органов МВД Республики Беларусь, выдающих паспорта, а также других организаций и учреждений. Также такое написание фамилии, имени и отчества лица может использоваться в текстах, полностью оформленных прописными буквами. Например, *ПОЗДРАВЛЯЕМ СОЛОВЬЁВА ЯРОСЛАВА МАКСИМОВИЧА С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!*

Очевидно, что вышеизложенное правило правописания фамилий, имен и отчеств в русском языке также требует дополнительных комментариев, разъясняющих возможность иных написаний в каждом конкретном случае.

Еще один аспект русскоязычного орфографического оформления личных имен в документах в Республике Беларусь, обусловленный ситуацией государственного двуязычия и белорусским национально-культурным компонентом, связан с написанием по-русски так называемых прецедентных белорусских личных имен (например, бел. *Альгерд*, *Рагнеда*, *Рагвалод*), а также некоторых белорусских фамилий. Так, в русской именованной традиции нормативно закреплено написание этих имен как *Ольгерд*, *Рогнеда*, *Рогволод* [7]. Однако согласно международным правилам транслитерации собственных имен белорусские *Альгерд*, *Рагнеда*, *Рагвалод* и по-русски должны передаваться как *Альгерд*, *Рагвалод*, *Рагнеда*. То же самое актуально и для написания по-русски некоторых белорусских личных имен: бел. *Рыгор* – рус. *Григорий*, *Ригор* или *Рыгор*, бел. *Мікалай* –

рус. *Николай, Миколай* или *Микалай*.

Данная проблема имеет не только чисто лингвистическую (орфографическую) сторону, но затрагивает и юридически-правовой аспект, связанный с необходимостью идентификации записей фамилий, имен и отчеств в документах, например, записей типа *Соловьёв Ярослав Максимович* и *СОЛОВЬЁВ ЯРОСЛАВ МАКСИМОВИЧ*, *Альгерд* и *Ольгерд*, *Миколай* и *Микалай* и под.

Заключение. Таким образом, единство письменного русского языка в современном мире поддерживается общими нормативными справочниками и пособиями, прежде всего едиными правилами русской орфографии и пунктуации. Однако в Республике Беларусь, где русский язык является одним из двух государственных языков и преимущественным языком в официальных сферах коммуникации, практическая реализация единых правил орфографии в известной степени корректируется ситуацией близкородственного двуязычия и наличием специфического нацио-нально-культурного компонента. Наличие определенных расхождений в письменном русском языке Беларуси на орфографическом уровне может рассматриваться в качестве дополнительного аргумента в пользу формирования национального

белорусского варианта русского литературного языка.

Литература

1. Лингвистический контроль качества подготовки правовых актов [Электронный ресурс] : метод. материалы / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; сост. Н. В. Судилова, А. М. Браусов. – Электрон. дан. – Минск : НЦПИ, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : 12 см. – (Научно-практическая деятельность Национального центра правовой информации Республики Беларусь) (www.pravo.by/main.aspx?guid=15281).
2. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.
3. Республика Беларусь: Энциклопедия: В 6 т. Т. 3. – Минск: БелЭн, 2006; Т. 4. – Минск: БелЭн, 2007.
4. Русская грамматика. Т. 1. – Москва: Издательство «Наука», 1980. – 783 с.
5. Справочник по написанию отдельных наименований, слов и словосочетаний при подготовке проектов документов в Аппарате Совета Министров Республики Беларусь, 2008.
6. Указ Президента Республики Беларусь 8 ноября 2001 г. № 644 “Об утверждении кадрового реестра Главы государства Республики Беларусь (Изменения и дополнения: Указ Президента Республики Беларусь от 30 ноября 2017 г. № 428 (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.12.2017, 1/17378) (<https://belzakon.net>).
7. Усіціновіч А.К. Слоўнік асабовых уласных імён. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81

Белорусская лингвистика в русле мировой

Маслова В.А.

Витебский государственный университет имени Машерова

В статье рассматривается состояние гуманитаристики в нашей стране и предлагается принять вызовы современности, чтобы способствовать развитию интегративности, междисциплинарности, полидисциплинарности, трансдисциплинарности, которые обеспечивают целостную рефлексию о мире, человеке, его сознании и языке. XXI век предполагает более высокий уровень интегративности не только гуманитарных наук между собой, но и с естественными науками. Предпосылки к этому уже были: высказывалось предположение, что наша речь частично материализует квантовую механику мозга и вселенского разума, т.е. ноосферы как его части.

Ключевые слова: гуманитарные науки, лингвистика, интеграционные процессы, информационные барьеры между науками.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 16–19)

Belarusian Linguistics in the Context of World Linguistics

Maslova V.A.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The article considers the state of humanitarian science in Belarus and offers to respond to contemporary challenges in order to foster the development of integrity, interdisciplinarity, polydisciplinarity, transdisciplinarity which provide holistic reflection of the world, a human, his mind and language. XXI century presupposes a higher level of integrity not only of humanitarian sciences between themselves but with natural sciences too. There have already been premises to this: it was suggested that our speech partially materializes the quantum mechanics of our brain and universal mind, i.e. noosphere as its part.

Key words: humanitarian sciences, linguistics, integrative processes, information barriers between sciences.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 16–19)

Ряд проблем в гуманитарных науках требуют широкого обсуждения. Во-первых, вызывает тревогу повышенный интерес к прикладным наукам в ущерб фундаментальным, и, как следствие этого, – особое внимание к техническим наукам. Конечно, их открытия имеют огромное значение для нашего государства с позиций как геополитических, так и экономических. Но, если поощрять только то, что приносит доход, то постепенно придем к состоянию, когда «звон денег будет сопровождаться мычанием» (Евг. Водолазкин). Уже сейчас многое вызывает ироническую улыбку, например создание при Национальной академии наук научно-исследовательского центра (!) по изучению проблем ЖКХ.

Нас волнует состояние гуманитарных наук в стране. С точки зрения глобалистского подхода, гуманитарное образование – лишняя трата денег, отягощающая госбюджет. Глобализм не предусматривает тех ценностей, которые входят в куль-

турный код народа, отсюда дегуманизация общества и национального образования.

Глобалисты считают, что для построения космического корабля знание Тургенева или Гоголя необязательно. Однако А. Эйнштейн писал, что Достоевский дал ему больше, чем все вместе взятые технические книги. И действительно, без активной работы гуманитарного полушария, полноценный мыслительный процесс невозможен. А без ценностей, которые формируются и оттачиваются в гуманитарных науках, общество превращается в стаю.

Материал и методы. Материалом для наблюдений явились опубликованные материалы по результатам съезда ученых, который проходил в прошлом году, но очертил перспективы на несколько лет вперед. Методами стали наблюдение, описание, размышления о состоянии гуманитарных наук.

Результаты и их обсуждение. Исчезновение филологии, одной из важнейших гуманитарных наук, приведет к порче и исчезновению языка, ко-

торый есть одно из самых универсальных средств описания мира, ибо он оперирует словом, всеобъемлющим и всемогущим. Отставание гуманитарных наук может привести к гибели цивилизации вообще: без правильного понимания Добра и Зла, деление на своих и чужих ведет в конечном счете к размыванию традиционных национальных ценностей, и как конечный результат – человечество к самоуничтожению.

Учет человеческого фактора – важнейшая характеристика постнеклассической науки, поэтому нельзя не исследовать, как цивилизационные достижения повлияют на общество и сознание человека. Как справедливо подчеркнул А. Коваленя: «Именно гуманитарная наука обязана помочь людям эффективно и с наименьшими потерями преодолеть негативные последствия современных вызовов» [4, с.61]. Отсюда необходимость проведения гуманитарной экспертизы нано-, био-, информационных научных проектов. Примеров, когда их отдаленное влияние не учитывалось, сколько угодно: слишком активное внедрение химии в сельское хозяйство, быт и другие области человеческой жизнедеятельности привели к модификации многих проявлений человеческого организма и природы; поголовное внедрение информационных технологий в нашу жизнь, в том числе учебный процесс, привело к развитию клипового сознания молодежи со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Развитие общества, формирование мировоззрения и миропонимания всецело зависит от культурных ценностей народа: «Именно в ценностном коде записана вся история антропогенеза» [4, с.63]. Поэтому выявлению и исследованию существующих ценностей, а также формированию новых должна быть уделена важная роль в обществе, т.к. ценности значительно важнее других явлений культуры. Так, американский социолог русского происхождения П.А. Сорокин определял культуру как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица». Какие же ценности нужно прививать молодежи? Этим проблемам, исследуемым в ряде гуманитарных наук (философии, культурологии, лингвистике, педагогике и др.) в ближайшие годы нужен «зеленый свет» и всяческая поддержка. И не обязательно материальная, так как гуманитариям не нужны ни приборы, ни материалы для своих изысканий. Просто нужно направить творческую мысль молодых ученых на решение этих проблем. Мощная техносреда не

должна подчинить себе культуру, язык, искусство, живое человеческое общение, поэтому требуется многомерное осмысление данных проблем.

Каков же основной расклад проблем в гуманитарных науках? Как известно, основой всех гуманитарных наук является философия. По тонкому замечанию Ф. Ницше, наука – это то, что мы знаем, а философия то, чего мы не знаем. Справедливости ради нужно заметить, что отечественная философия по известным историческим причинам едва ли способна справиться с этой миссией. В научном сообществе РБ проявилась тревожная тенденция всю гуманитарную науку сводить к истории (или еще более узкой ее области – археологии), хотя, как известно, считать основой всех гуманитарных наук археологию (см. материалы II съезда ученых Республики Беларусь) неправильно и весьма недалекновидно: чтобы правильно трактовать обнаруженные древние артефакты, как раз и нужна философия.

В XXI веке все гуманитарные науки стали друзьями, ибо к ним жизнь предъявила новые требования. Здесь, думается, неуместен вселенский плач по поводу того, что гуманитарное знание перестает быть профессиональным и специальным знанием, что диахронические исследования сокращаются, что статьи в интернете становятся безавторским. [5, с. 224–228]. Это нужно принять как данность современного мира, как важную тенденцию нашего времени (ср. «смерть автора» в постмодернизме).

Для ряда современных гуманитарных наук характерен, прежде всего, более высокий уровень синтеза, их интегрированность с естественными науками (микробиологией, физикой). Известно, что отцы квантовой физики Нильс Бор, Гейзенберг, Шрёдингер утверждали, что необходимо учитывать сознание как физическую величину, влияющую на процессы. Было высказано предположение, что наша речь частично материализует квантовую механику мозга и вселенского разума, т.е. ноосферы как его части и многое другое, что пока просто непонятно, ибо сокрыто. Данные проблемы не остались без внимания и в нашей стране [1, с. 3–12], но пока это только слова.

В условиях новой социальной и культурной реальности на первое место среди гуманитарных наук выходит лингвистика.

Почему же в XXI веке лингвистика начинает играть первую скрипку в оркестре гуманитарных наук?

Во-первых, потому, что язык является своего рода зеркалом и одновременно орудием для

мозга, который может быть изучен в первую очередь с помощью языка. Язык вносит порядок в мир, создавая стройную картину мира (Б. Уорф, Л. Вайсгербер, Р. Карнап, Б. Расел, У. Куайн, Д. Остин, С. Чейз и др.). Есть мнение, что язык – единственная реальность, данная человеческому сознанию, а границы языка есть границы мира языковой личности [3, с.81]. Проблемы языка и языкового сознания в аспекте обеспечивающих их мозговых механизмов чрезвычайно важны, потому что мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Язык – особая видоспецифическая способность мозга. Об этом уже пишут сейчас исследователи (Т. Нагель, Т.В. Черниговская, Ж.И. Резникова и др.).

Во-вторых, лингвистика занимает авангардные методологические позиции, и обойтись без ее помощи при изучении человека, его культуры и сознания невозможно, ибо, как показывают исследования Н.И. Толстого и В.Н. Телия, эти сущности изоморфны, что позволяет хорошо отработанные лингвистические методы и понятия из лингвистики перенести в культурологию, а затем и другие гуманитарные науки.

Таким образом, «языкознание имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» [2, с. 263]. Разработанные в лингвистике на протяжении нескольких веков методы служат образцом для литературоведения, эстетики, аналитической философии и др. областей современного гуманитарного знания, которые в значительной мере подпитываются идеями лингвистики. Примером может служить структурализм, который, хотя и возник в биологии и физике, но в другие гуманитарные науки пришел из лингвистики.

В-третьих, известно, что возникновение языка уходит своими корнями в глубокую древность. Сейчас в дополнение к существующим гипотезам происхождения языка (а их более 600) появляются новые, которые носят глобальный характер и объясняют понимание мира человеком, а также самого человека. Так, в последние десятилетия все чаще и убедительнее пишут о «языковом инстинкте», т.е. о врожденной способности к языку. С начала «нулевых» годов предпринимаются поиски «метальной грамматики» [7], т.е. врожденных априорных знаний вообще: набора неосознаваемых правил, позволяющих формировать жизненный опыт в целом, а не только усваивать язык. Речь здесь идет о пред-знании, грамматике мышления вообще, являющейся базой и для языка.

И в эту грамматику можно заглянуть через язык. Данный подход, разрабатываемый учеными-материалистами, только подтверждает сакральную мысль: языковая способность как способность мыслить – дар Божий! Он был дан человеку, чтобы тот мог более или менее адекватно понимать и описывать окружающий мир. Каждый язык немного по-своему объективирует опыт и членит мир.

Из сказанного вытекает, что исследование языка – одно из приоритетных направлений человеческого знания вообще, поэтому устройством языка интересуются не только философы, но и физиологи, биологи и представители других наук. Этот процесс Е.С. Кубрякова назвала *лингвистической экспансией*. Языкознанием стало осваиваться то, что еще 10–20 лет назад находилось вне сферы лингвистики.

Для такой сложной области исследования, как язык, свой вклад могут внести представители многих наук – от молекулярной биологии, генетики, нейрофизиологии, психологии, до антропологии, нейролингвистики, аналитической философии. Специализация исследований должна идти, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам», потому что снятие информационных барьеров между науками дает мощный импульс для развития исследований.

Однако здесь нужно не просто содружество ученых разных профилей, что мы уже начинаем понимать, а «специалисты другого, полидисциплинарного типа, которых нужно готовить в лучших университетах», так считает Т.В. Черниговская [6, с. 75], сама будучи физиологом, психологом и лингвистом. Современная лингвистика как раз и движется в этом направлении, поэтому ученым нужно не просто смириться с тем, что размывается номенклатура наук, а активно приветствовать и развивать данный процесс. Как утверждает В.З. Демьянков, есть два типа лингвистов: теоретик-экспортер, он экспортирует знания своей науки в другие и теоретик-импортер, который свежие идеи из других наук переносит в лингвистику. При исследовании лингвистических проблем важно использовать оба подхода.

Современная трагедия человека – ограниченность понимания бытия и невозможность гармонизации природы и общества – может быть преодолена только с помощью глубоких проникновений в сущность языка.

Заключение. 1. Принять вызовы современности: способствовать развитию интегративности, междисциплинарности, полидисциплинарно-

сти, трансдисциплинарности которые обеспечивают целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. XXI век предполагает более высокий уровень интегративности не только гуманитарных наук между собой, но и с естественными науками. Предпосылки к этому уже были: высказывалось предположение, что наша речь частично материализует квантовую механику мозга и вселенского разума, т.е. ноосферы как его части.

2. Поддержать развитие гуманитарных наук во всем их многообразии, способствуя тому, чтобы в современных условиях выдвигались проблемы, которые решались бы совместными усилиями гуманитариев в содружестве с биологами, физиологами, физиками, тогда стирание информационных барьеров между науками даст мощный импульс для развития исследований. Исполнить совет В.И. Вернадского вести исследования по проблемам, а не по наукам. Здесь нужно не просто содружество ученых разных профилей, что мы уже начинаем понимать, а ученые другого, полидисциплинарного типа. Для этого нужно направить 5–10 наиболее способных аспирантов

в лучшие университеты мира, способные дать такую подготовку. В России (в Курчатовском институте) сейчас такая попытка предпринимается, только на базе физики.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Взаимодействие философии, физики, космологии и генетики в истолковании человекомерности развития науки / Е.М. Бабосов // Социология. – 2015. – №1. – с. 3–12.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – с. 440.
4. Коваленя, А. Гуманитарное знание: сохранение национальных духовно-культурных ценностей и государственности / А. Коваленя // Наука и инновации. Спецвыпуск. – Минск, 2017. – с. 61.
5. Мечковская Н.Б. Расточительная гуманитаристика и экономная реклама (о некоторых трендах в социальной коммуникации времен Интернета) // Экономия в языке и коммуникации. Сб. статей. М., 2018, с.223-228.
6. Черниговская, Т.В. Чепирская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 448 с.
7. Fodor, J. Where is my mind? / J. Fodor // London Review of Books – Vol. 31. – No. 3. 12. – February. – 2009. – s. 27–34.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.111'37

Ассоциативная связь как фактор неоднозначности языкового знака

Бекреева Ю.В., Клименко А.П.
Минский государственный лингвистический университет

Неоднозначность фигурирует в качестве центральной проблемы при переводе, создании автоматизированных систем обработки текста, обеспечении успешной коммуникации и интерпретации текстовых сообщений. Указанная проблематика особенно актуальна для английского языка ввиду неразвитой системы флексий. Цель статьи – раскрыть специфику ассоциативной связи и ее роль в создании неоднозначности языкового знака.

Слова выступают в сознании носителей языка в окружении комплекса ассоциаций, которые являются основой разнообразных семантических процессов и дают возможность употребить слово или понять его, соотнеся с другими языковыми единицами как в тексте, так и в системе языка. Для того чтобы определить, какие отношения находят отражение в ассоциативном поле, мы проанализировали частотные реакции на английские многозначные слова, которые характеризуются омонимией формы. Анализ словарных дефиниций и примеров из электронного корпуса текстов позволил выделить типы отношений, стоящие за ассоциацией. Объединение словарных, корпусных, экспериментальных данных позволяет выстроить комплексную картину языковых фактов и отношений и пролить свет на особенности языкового сознания человека, допускающего и принимающего неоднозначность как свойство языкового знака.

Ключевые слова: *неоднозначность, полисемия, омонимия, конверсия, свободный ассоциативный эксперимент, бином стимул-реакция, ассоциация, семантические отношения, языковое сознание.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 20–24)

Associative Connection as a Factor of a Linguistic Sign Ambiguity

Bekreeva Y. V., Klimenko A. P.
Minsk State Linguistic University

Ambiguity appears as a central problem in translation, creation of automated text processing systems, successful communication and text messages interpretation. This issue is especially relevant for the English language due to undeveloped flexion system. The purpose of the article is to reveal the specifics of the associative connection and its role in creating the ambiguity of a linguistic sign.

Words appear in the minds of native speakers surrounded by a complex of associations. These associations are the basis of various semantic processes and make it possible to use a word or to understand it, correlating it with other language units both in the text and in the language system.

In order to determine which relationships are reflected in the associative field we analyzed the frequency responses to English polysemantic words characterized by homonymy of form. Analysis of vocabulary definitions and examples from the electronic corpus of texts allowed us to identify the types of relations connected with the association. The combination of vocabulary, corpus and experimental data allows us to build a comprehensive picture of linguistic facts and relations and shed light on the features of the linguistic consciousness of a person who allows and accepts ambiguity as a property of a linguistic sign.

Key words: *ambiguity, polysemy, homonymy, conversion, free associative experiment, binomial stimulus-reaction, association, semantic relations, language consciousness.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 20–24)

Языковой знак представляет собой двустороннюю сущность, не имеющую строго однозначного соответствия формы и содержания, что предопределяет возможность одного означающего быть соотношенным с несколькими означаемыми. Кроме того, языковой знак является элементом системы языка, и потому заложенный в нем смысл определяется отношением к другим элементам системы, что также обуславливает его неоднозначность. Неоднозначность языкового знака является необходимым условием, чтобы удовлетворять требования постоянно развивающейся мысли и давать возможность каждому индивиду реализоваться как языковая личность. Как отмечал А. Е. Супрун: «План содержания языкового знака обращен к человеку – носителю языка, выступающему то в роли говорящего, то в роли слушающего. Мы стремимся передать прежде всего идеальное содержание. Но передаем мы его при помощи плана выражения языкового знака, который обращен к коммуникативному процессу» [1, с. 22].

Один и тот же знак может семантизироваться по-разному в зависимости от условий коммуникации, индивидуальных особенностей интерпретатора (носителя языка), закономерностей языковой системы. Заложенная в самой природе языкового знака, неоднозначность создает определенные барьеры при использовании языка. Так, например, неоднозначность фигурирует в качестве центральной проблемы при переводе, создании автоматизированных систем обработки текста, обеспечении успешной коммуникации и интерпретации текстовых сообщений. Неудивительно, что, несмотря на большое количество уже имеющихся работ, лингвистические исследования неоднозначности не теряют своей актуальности.

Неоднозначность в языке рассматривается в аспекте разграничения языковых единиц, имеющих одну формы выражения, и связана, в первую очередь, с явлениями полисемии и омонимии. Указанная проблематика особенно актуальна для английского языка ввиду неразвитой системы флексий, порождающей частеречную омонимию и корнеизоляцию, которая служит грамматическим фактором возникновения полисемии [2, с. 64]. Кроме того, в английском языке одним из наиболее продуктивных способов словообразования является конверсия, в результате которой образуется омонимия форм деривата и производящей базы. Принимая во внимание, что значение производного многозначного слова всегда несет в себе отпечаток словообразовательного значения [3, с. 3], можно говорить об особом типе межсловно-внутрисловной неоднозначности. В свете вышесказанного, становится очевидной необходимость новых способов обнару-

жения и анализа неоднозначности, которые бы не только раскрыли ее природу, но и пролили свет на особенности языкового сознания человека, допускающего и принимающего неоднозначность как свойство языкового знака.

В настоящей статье мы обращаемся к психолингвистической методике исследования языковых единиц, стремясь показать, как неоднозначность проявляется в ассоциативном эксперименте. Ассоциативные методы исследования лексики предоставляют новые факты с позиции существования слова в его форме и содержании в сознании носителя языка, как оно есть, без искусственного расчленения. По образному выражению В. А. Масловой, «весь комплекс значения слова как бы пронизан ассоциативными лучами, связывающими как аспекты отдельного значения, так и аспекты разных значений, как-то связанных со словом-стимулом. Каждое движение человеческой мысли включает в себя ассоциативные связи...» [4, с. 152].

Свободный ассоциативный эксперимент предоставляет особую возможность для исследования омонимии и полисемии, поскольку он не устанавливает ограничений в понимании слова. Испытуемым (носителям языка) предлагается ответить на заданный стимул первым пришедшим в голову словом. А. А. Леонтьев, один из основоположников славянской психолингвистики, писал: «Нет оснований сомневаться в том, что свободный ассоциативный эксперимент может служить ценным источником информации при попытке исследовать психологические эквиваленты “семантических полей” и вскрыть объективно существующие в психике носителей языка семантические связи слов» [5, с. 9].

Следует отметить, что поскольку многозначные слова или омонимы в свободном ассоциативном эксперименте не детерминированы контекстуально, они постоянно проявляются в неоднозначной ситуации, давая возможность раскрыть вариативность отношений значения слова с конститuentами ассоциативного поля. При этом большинство исследователей полагает, что одна фиксируемая ассоциация на заданный стимул дает указание лишь на один оттенок значения. Таким образом, вопрос о неоднозначности отношений, представленных в паре стимул-реакция, в рамках конкретных исследований решается самим автором исходя из его целей и логики интерпретации. Однако сама возможность множественной интерпретации ассоциативной связи стимула и реакции определяет значимость языковой единицы в системе языка и на оси функционирования. Следует полагать, что ассоциативная связь, допускающая разные варианты интерпретации, является фактором неоднозначности слова-стимула.

Материал и методы. Для того чтобы определить, какие отношения находят отражение в ассоциативном поле слова, мы проанализировали данные по свободному ассоциативному эксперименту с рядом многозначных слов, которые одновременно характеризуются омонимией формы, возникшей в результате словообразования по конверсии. Источником материала послужили ассоциативные нормы английского языка, собранные на основе массовых экспериментов с носителями языка [6]. Обзор представленных ассоциативных полей доказал, что в свободных ассоциативных экспериментах испытуемые склонны давать ассоциации содержательного характера. Лишь незначительная часть экспериментальных данных является фонетическими ассоциациями, обусловленными звуковым подобием стимула и реакции, ассоциациями словообразовательного характера. Именно ассоциации содержательного характера стали предметом нашего анализа. Кроме того, теснота связи стимула и реакции лучшим образом выявляется в свободном ассоциативном эксперименте через частоту реакции. Значительная стереотипность многих реакций указывает на стабильность ассоциативных связей, которые реально имеются в сознании носителей языка. Возможность множественной интерпретации ядерных элементов ассоциативного поля представляет особый интерес для исследования заявленной проблемы, поэтому в рамках данной статьи мы ограничились описанием наиболее частотных ассоциаций. Однако стоит подчеркнуть, что, чем более вариативно представлено ассоциативное поле, тем большую неоднозначность стимульное слово проявляет в отношении ассоциативной связи с реакциями.

Для определения характера ассоциативной связи стимула и реакции мы обратились к толковым словарям [7] и электронному корпусу текстов «Британский национальный корпус» в программе Sketch engine [8]. Дефиниционный анализ по толковым словарям позволил соотнести представленные в ассоциативном поле реакции с лексико-семантическими вариантами многозначного слова, выступающего стимулом в поле. Разграничение дефиниций в словарной статье послужило подтверждающим фактом существования омонимии. Обращение к тезаурусной справке, представленной в словаре, способствовало определению типа парадигматической связи стимула и реакции. Корпус текстов, размещенный в программе Sketch engine, был задействован при определении взаимной встречаемости стимула и реакции в контексте. Анализ конкордансных примеров со словом-стимулом и связанной с ним реакцией позволил выделить варианты отношений, стоящие за ассоциацией в ассоциативном поле.

Результаты и их обсуждение. По данным свободного ассоциативного эксперимента на материале английского языка сложно установить, как было понято слово-стимул в условиях частеречной омонимии: как существительное или как глагол, или как прилагательное и т.д. Если стимул понимался как глагол, то реакция-существительное должна толковаться скорее как синтагматическая, если же стимул понимался как существительное, то реакция – несинтагматическая. Поскольку при этом и реакция может пониматься неоднозначно, дело оказывается чрезвычайно запутанным. Например, стимул *march* соответствует глаголу ‘маршировать, идти строевым шагом’ и существительному ‘марш’, которые вместе связаны деривационными отношениями по конверсии. В ассоциативном поле стимула первой реакцией указано слово *walk* (частота реакции – 11,9%). Поскольку *walk* также представляет частеречный омоним ‘ходить’, ‘ходьба’, то ассоциат неизбежно определятся как актуализатор парадигматической связи по линии существительное-существительное и по линии глагол-глагол. Нельзя исключать и словообразовательную связь, которая возникает в условиях повтора деривационной модели слов одной лексико-семантической группы (*to march – a march; to walk – a walk*), которая предусматривает не только омонимию формы, но и идентичную трансформацию семантики.

Рассмотрим еще более неоднозначную реакцию в ассоциативном поле *march: band* (частота реакции – 9,2%). С одной стороны, данная реакция в значении ‘оркестр’ тематически связана со вторичным вариантом значения стимула *march* ‘вид музыкального произведения’. С другой стороны, реакция *band* в значении ‘организованная группа людей’ синтагматически связана с глаголом движения и производным от него именем существительным, обозначающим способ организованного движения. Подтверждение такой интерпретации ассоциативной связи мы находим в примерах из корпуса текстов: *The band marched off down the road (BPK)*.¹ ‘Группа прошла строевым шагом по дороге’. В корпусе текстов мы находим и сочетание *marching band* ‘марширующий оркестр, исполняющий музыку’ (14 конкордансных примеров). В данном случае *marching* выступает отглагольным прилагательным, а *band* остается в ассоциативной связи со значением *march* ‘музыка марша’. Указанное выражение позволяет развернуть стратегию ассоциирования по ситуации, которая в определенной степени объ-

¹ Здесь и далее в примерах указан шифр конкордансного текста, представленный в электронном корпусе BNC (Британский национальный корпус) в программе Sketch engine [8].

ясняет семантическую деривацию от значения ‘способ передвижения’ к значению ‘жанр музыки’: организованная группа людей с оркестром в авангарде идет строевым шагом под звуки торжественной ритмичной музыки.

Стимулу *march* соответствует еще один омоним, не связанный словообразовательными отношениями, а именно ‘первый месяц весны’. Первая реакция, которая ассоциативно связана с данным значением стимула, располагается на 7 месте по частотности (*April* ‘апрель’, частота – 3,7%). Обратившись к корпусу текстов, мы обнаружили случаи употребления слова *April* при описании даты или времени проведения марша или шествия, обозначенного словом *march*: например, *Protesters on April 5. disrupted a march* (HKS) ‘Протестующие прервали шествие 5-го апреля’. Следовательно, нельзя исключать тематический тип связи существительного *march* ‘марш’ с ассоциатом *April*.

Грамматически не согласованные биномы стимул – ассоциация не однородны по связывающим их отношениям и в своей глубинной структурной характеристике. Они способны либо заменять друг друга в тексте, либо употребляться в рамках одного сообщения и даже, в определенной степени, быть противопоставлены друг другу. Но указанные отношения могут быть совмещены в одном бинOME, что, в свою очередь, отражает неоднозначность связанных ассоциацией слов. Например, на стимул *drop*, характеризующийся многозначностью и частеречной омонимией, первой по частоте представлена реакция *fall* ‘падать, падение’ (частота реакции – 25,6 %). Дефиниция первичного лексико-семантического варианта *drop* ‘падать или ронять (каплями)’ в толковом словаре указывает на гипонимо-гиперонимические отношения бинOME: *drop* ‘to fall or allow to fall in drops’ [7]. Что касается отношений по конверсии, то значение, заложенное в глаголе – ‘fall in drops’, соотносится со значением сочетаний *drops fall* ‘капли падают’ и *falling drops* ‘падающие капли’, представленные в конкордансных примерах употребления имени существительного. Семантическая трансформация при конверсии *drop* – *to drop* основана на метонимии.

Стимул и реакция *drop* – *fall* во вторичном значении ‘падать, понижаться (о количественных показателях)’ связаны синонимически. Подобная ассоциативная связь актуализируется в тех случаях, когда носитель языка останавливается перед выбором одного из возможных, практически эквивалентных слов для передачи некоторого содержания. Такие замены имеют в принципе симметричный характер уже потому, что в процессе производства текста происходит скорее не замена, а выбор одного из возможных элементов. Рассматривая, однако, бинOME стимул – реакция,

мы признаем, что в тех случаях, когда имеет место отношение заменимости, принципиально возможно как употребление реакции вместо стимула, так и стимула вместо реакции. Об эквивалентном характере ассоциативной связи свидетельствуют употребление стимула и реакции в аналогичных синтагмах, например, *temperature drops/falls* ‘температура падает’, *sales dropped/fell* ‘продажи упали’ и под. Особенно ярко отношение взаимозаменяемости проявляется при смене части речи с сохранением омонимии формы и эквивалентностью смысловой связи. Например, *Last week prices dropped 7% and the fall looks like continuing* (ACR). ‘На прошлой неделе цены упали на 7 % и это падение, вероятно, продолжится’.

Дефиниционный анализ и обнаруженные в корпусе текстов примеры совместного употребления стимула *drop* и реакции *fall* подтверждают еще один вариант интерпретации ассоциативной связи в бинOME: *fall* ‘падать’ может рассматриваться как оппозиция стимулу *drop* в значении ‘ронять’. Например, *I fell. He dropped me and I fell* (A6J). ‘Я упал. Он уронил меня и я упал’. Оппозиция в данном случае выражает конверсивные отношения, которые предполагают трансформационную заменимость, связанную с грамматическим преобразованием конструкции. Интересно отметить, что ассоциативная оппозиция нашла отражение в метафорическом примере совместного употребления стимула и реакции: *When we fall in love we drop the boundaries that are usually described as our ego* (B21). ‘Когда мы влюбляемся (букв. падаем в любовь), мы оставляем (букв. бросаем) границы того, что привычно воспринималось как наше эго’.

Особый аспект проблемы интерпретации ассоциативной связи связан с идиоматизацией сочетания стимула и реакции. К примеру, реакция *shoulders* ‘плечи’ (частота – 6,8 %) на стимул *head* ‘голова’ вполне может считаться родовой (парадигматический тип ассоциативной связи). Но скорее всего данная реакция должна рассматриваться не как соотнесение этих двух понятий, а как образование цельного сочетания слов, имеющего идиоматическое значение, т.е. как часть фразеологизма *head and shoulders* ‘на голову выше, лучший’. Соответственно, в представленном бинOME присутствует реминисцентная ассоциативная связь. Но все же, значение фразеологизма с точки зрения мотивированности несет отпечаток родовой ассоциации.

Омонимы, не имеющие словообразовательной связи (как в случае конверсии), имеют более слабую семантическую связь, поэтому неоднозначность ассоциации практически не проявляется в частотных реакциях. Например, стимулу *pupil* в значении ‘ученик’ соответствует реакция *student* ‘студент’ (частота – 49,5 %), а в значении ‘зрачок’ – реак-

ция *eye* 'глаз' (частота – 31, 2%). Реакция *book* 'книга' (33%) на стимул *page* определяет омоним в значении 'страница', а реакция *boy* 'мальчик' (12,8%) – омоним со значением 'паж'. В ассоциативном поле стимула *second* первую строчку занимает реакция *minute*, которая связана с указанным стимулом отношениями подобия как наименование временного отрезка: секунда – минута. Возможно, связать отношениями синтагматического типа реакцию и стимул в значении 'второй': *second minute* 'вторая минута'. Но данная стратегия ассоциирования представляется маловероятной. Можно констатировать, что при отсутствии деривационной связи, ассоциаты омонимов отражают их разграничение по содержанию. Принципиальная возможность иной интерпретации стратегии ассоциирования всегда существует, даже во внешне бесспорных случаях.

Заключение. Слова выступают в сознании носителей языка в окружении целого комплекса ассоциаций, которые являются основой разнообразных семантических процессов и дают возможность употребить слово в тексте или же понять его, соотнеся с другими языковыми единицами как в тексте, так и в системе языка. Решить, какой именно стратегией руководствовались испытуемые в конкретном случае просто невозможно, тем более, что испытуемые, возможно, выбирают ассоциацию, именно исходя из разнообразия связей двух слов. Поэтому нельзя удивляться ни двоякому толкованию некоторых связей, ни тому, что некоторые возможности интерпретации не учтены в случае подведения отношения под другой тип. Вместе с тем, представленный анализ показывает, что множественная интерпретация ассоциативной связи дает более полное понимание о слове, его значении и его функции. Объединение словарных, корпусных,

экспериментальных данных и их всесторонний анализ повышает обоснованность лингвистического исследования, позволяя выстроить комплексную картину языковых фактов и отношений. Устойчивые ассоциации, выявленные в ходе ассоциативного эксперимента, находят воплощение в разных типах отношений в лексической системе и в тексте. Ассоциации выполняют роль стабильного компонента, связующего воедино разнообразные смыслы, тем самым, допуская и, во многом, обуславливая неоднозначность и функциональную гибкость языковой единицы.

Литература

1. Супрун, А. Е. Лекции по теории речевой деятельности: учеб. пособие / А. Е. Супрун. – Минск: Белорус. фонд Сороса. – 1996. – 287 с.
2. Костромин, А. Б. О некоторых особенностях полисемии в русском и английском языке / А. Б. Костромин // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 3. – С. 63–67.
3. Ермакова, О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. П. Ермакова. – М., 1983. – 18 с.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Изд. Центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Изд. Московского ун-та. – 1977. – 192 с.
6. Norms of word association / ed. by L. Postman, G. Kerpel. – New York, London: Academic Press, 1970. – 467 p.
7. The Free Dictionary [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <http://thefreedictionary.com>. – Date of access: 04.09.2018.
8. Sketch Engine: corpus query system [Electronic resource] / Lexical computing Ltd. – 2003–2018. – Mode of access: <http://www.sketchengine.co.uk>. – Date of access: 04.09.2018.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.161.1

Русский язык в современном измерении

Богданович Г.Ю.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Современная антропоцентрическая парадигма актуализирует векторы лингвистических исследований, которые получают то или иное наполнение. Развитие лингвокультурологии предопределило внимание к когнитивным исследованиям, коммуникативной лингвистике, лингвополитологии. В своих работах В.А. Маслова определяет составляющую лингвокультурологических знаний, последовательно разрабатывает теоретические основы когнитивной лингвистики, свидетельствует о динамичном развитии современной науки о языке. Межкультурная коммуникация и современное лексикографирование позволяют обратить внимание на развитие региональных языков, а также путем создания учебного тематического словаря, в основе которого русская языковая доминанта, пополнить корпус национального языка. Фиксация различий, формирование банка языков народов, компактно проживающих на одной территории, позволяют не только определить специфику, но и наметить новые пути исследования и научного описания возможностей того или иного языка. В результате актуализируются когнитивная лингвистика, социолингвистика, корпусная и компьютерная лингвистика, ориентированные на развитие современных дискурсологических практик.

Ключевые слова: дискурсология, лексикографирование, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, корпусная лингвистика.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 25–30)

The Russian Language in the Modern Dimension

Bogdanovich G.Yu.

Crimean Federal University named after VI Vernadsky, Symferopol

The modern anthropocentric paradigm actualizes the vectors of linguistic research that receive this or that content. The development of cultural linguistics predetermined attention to cognitive research, communicative linguistics, and linguistic politology. In his works, V.A. Maslova defines the component of linguistic and cultural knowledge, consistently develops the theoretical foundations of cognitive linguistics, demonstrates the dynamic development of modern science of language. Crosscultural communication and modern lexicography make it possible to draw attention to the development of regional languages, as well as by creating an educational thematic dictionary, based on the Russian language dominant, to supplement the corpus of the national language. Fixing differences, forming a bank of peoples' languages that compactly live on the same territory allows not only to determine the specifics, but also to outline new ways of research and the scientific description of the capabilities of a particular language. As a result, cognitive linguistics, sociolinguistics, corpus and computational linguistics, focused on the development of modern discourse practices, are actualized.

Key words: discourse science, lexicography, cognitive linguistics, cultural linguistics, corpus linguistics.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 25–30)

Современная лингвистика, чутко реагируя на происходящие в социуме изменения, привычно определяет магистральные направления в сфере языкознания. Эти своеобразные ориентиры дают возможность задуматься, сориентироваться и отметить, в какой сфере деятельности находят применение собственные размышления. В большей мере это зависит от принятой в настоящее время лингвистической парадигмы.

На рубеже XX–XXI вв. актуализировалась антропоцентрическая парадигма, в рамках ко-

торой без особого труда можно было обозначить векторы, в рамках которых современная лингвистика получала свое развитие. Так, В.А. Маслова отмечает, что такими векторами в первом десятилетии XXI в. можно определить коммуникативную лингвистику, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, компьютерную лингвистику и лингвополитологию [1].

Базовое для лингвокультурологии понятие культуры включает мировоззрение, нравственные нормы, лежащие в основе поведения челове-

ка, способы познания мира; произведения искусства; духовные и материальные ценности.

Лингвокультурологические исследования проводились давно и имеют свою традицию. Так, Европейская лингвокультурологическая традиция связана с именами Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, Р. Барта, Т. ван Дейка. Известно, что заметный вклад в лингвистическую теорию культурно-ситуативных моделей внесли Л. Витгенштейн, Г. Гадамер, Г. Гийом, М. Хайдеггер, Н.Хомский, К. Ясперс.

И все-таки у истоков определения мировоззрения народов через их языки стоял В.Гумбольдт. Идеи исследователя получили своё продолжение в трудах А.А.Потебни, а также А. Мейе, Ж.Вандериса, Э.Бенвениста. Сформировалось множество самостоятельных направлений, в каждом из которых складывалось свое понимание связей языка и культуры: антропологическая лингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика и т.п. Однако в центре внимания неизменно находится человек [2], языковая личность, размышления о статусе которой заложены в известном исследовании Ю.Н. Караулова [3].

В современной русистике сложилось несколько направлений в изучении языка и культуры: этнолингвокультурология Н.И. Толстого, этнографические исследования А.К. Бабурина, Я.В. Чеснокова, П.М. Кожина, В.В.Воробьева; изучение языковой картины мира (работы Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, В.В. Иванова, Е.А. Земской, В.Н. Телия, В.Н. Топорова, А.Д. Шмелева и мн.др. Активно занимаются исследованием лингвокультурной ситуации такие ученые, как Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.А. Маслова, В.М. Шаклеин и др.

Складывается ряд направлений в изучении взаимодействия языковых и культурных явлений: историческая лингвокультурология, историко-типологическая, сравнительная и нек.др. Сформировались и продолжают формироваться научные школы лингвокультурологии. В.А. Маслова [4] называет четыре школы: школа Н.Д. Арутюновой (исследование культурных концептов на материале текстов, представляющих разные культуры разных эпох); школа Ю.С. Степанова (описание констант культуры в диахроническом аспекте, с привлечением текстов, интерпретируемых с позиций наблюдателя, а не активного носителя языка); школа В.Н. Телия (лингвокультурный анализ фразеологизмов с позиций рефлексии носителя живого языка, с учетом речемыслительных ментальных состояний говорящего); школа В.М. Шаклеина, В.В. Воробьева и др. (сравнительная лингвокультурология, развивающая лингво-страноведческую концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова). Заслуживает внимания такое направление, как полилингвокультурология [5].

Актуализируются лингвокультурологические ключевые понятия: языковое сознание, концепты, картина мира, метафоры, фразеологические единицы, национальная культура, языковая личность, национальный характер [4, с. 194–203]. Наряду с этими ключевыми лексическими единицами конкретизируется культурно-национальная специфика рассматриваемых языков.

Материал и методы исследования. Современный русский язык выступает как языковая доминанта, на базе которой все чаще проводятся исследования сопоставительного характера. Изучение подобного рода взаимодействий различных языков по-новому актуализируется на территории компактного проживания различных этносов. Именно продуманная региональная языковая политика во многом определяет жизнь и деятельность современного социума.

Приведем в качестве примера лингвокультурную ситуацию, сформировавшуюся в крымском регионе. По данным Всекрымской переписи населения, осуществлявшейся в Республике Крым и Севастополе с 14 по 25 октября 2014 года и опубликованной Росстатом, на территории Крыма проживают представители 175 различных этносов, имеющих свою культуру, свой язык. Самые большие национальные общины – русские (68% населения), украинцы (почти 15,7%) и крымские татары (около 12%). Другие национальности в Крыму составляют до 4% населения. Из них самые многочисленные – это белорусы (21,7 тыс. человек, 1%) и армяне (11 тыс. человек, 0,2%). От одной до пяти тысяч человек в Крыму представлены такими национальными группами, как азербайджанцы, узбеки, молдаване, евреи, корейцы, греки, поляки, цыгане, чуваша, болгары, немцы, мордвы, грузины и турки. Менее одной тысячи человек в Крыму представлены национальными группами таджиков, марийцев, башкир, удмуртов, осетин, казахов, арабов. Кроме того, в Крыму насчитывается 535 караимов, 228 крымчаков. Таким образом, по данным Росстата, перепись зафиксировала в Крыму 2 млн 284 тыс. жителей, из них 96,2% указали свою национальную принадлежность.

Государственным языком Российской Федерации – русским – на территории Крыма владеет 99,8% населения, ответившего на вопрос о владении языками. На вопрос о родном языке 84% населения ответили, что их родным языком является русский, 8% – крымскотатарский, 4% – татарский и 3% – украинский язык. Родным языком русский назвали 79,7% украинцев, 24,8% татар и 5,6% крымских татар.

Данные статистики убедительно свидетельствуют о том, что на территории полуострова именно русский язык выполняет функции языка коммуникации. Своеобразная полилингвокультурная ситуация зафиксирована и в Крымском

федеральном университете имени В.И. Вернадского, где так же, как и в Крыму в целом, обучаются представители разных национальностей, в том числе иностранные граждане. Поскольку язык коммуникации молодого поколения всегда отличается своей спецификой и именно в этой аудитории формируются основы будущего современного общества, роль словесника приобретает особую значимость.

Современное информационное пространство характеризуется наличием разнообразных методик и технологий освоения языкового материала, среди которых актуализируется интерактивная составляющая. Однако техническое обеспечение и психолого-методические возможности сегодня во многом опираются на так называемый ментальный фон, который формируется за счет культурно-национальной специфики региона.

На территории современного Крыма отразилось практически всё многонациональное созвездие народов и культур Российской Федерации. Бесценный духовный опыт поколений, представленный через призму времени, глазами современников разных эпох – одно из важных при создании учебных материалов для преподавания РКИ. В курсе страноведения для изучающих русский язык как иностранный информация о Крыме, о значимости полуострова в судьбе России в нужном объёме для получения системных сведений практически отсутствует. Предлагаемый подход ориентирован на использование крымской темы на страницах комплексного пособия по развитию речи и навыков чтения «Знакомимся с Крымом: от древности до наших дней». В нём содержатся адаптированные тексты для чтения, которые сопровождаются упражнениями и заданиями. Не менее важным является и блок текстов, предназначенных для дополнительного и самостоятельного домашнего чтения. Методический комплекс содержит ярко выраженный региональный «крымский» компонент, что повышает интерес обучающихся не только к предмету, но и к территории пребывания. Свой методический опыт предлагаем рассматривать как необходимое дополнение к учебным материалам по страноведению, которое является важным аспектом в преподавании РКИ.

Результаты и их обсуждения. Не менее важной с точки зрения межкультурной коммуникации представляется возможность освоения языков того или иного региона. В этой связи двух-, трехязычные тематические учебные словари, составленные на основе русского языка как доминанты, решают очень важные коммуникативные задачи, в т.ч. через диалог культур обеспечивают полноценную межкультурную коммуникацию. Государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымскотатарский, которые и составляют уни-

кальный лексический минимум для всех, кто хочет понять, изучить и использовать данные языки в своей практической деятельности.

Словарь представляет собой первое подобное издание и включает около 5000 слов, объединённых в пять обширных понятийных (тематических) областей: I. Человек; II. Общество; III. Работа. Занятие. Свободное время; IV. Окружающий мир; V. Время, пространство, количество. Каждая из этих областей делится последовательно на ряд понятийных (тематических) групп. Всего тематический план включает 22 понятийные группы, содержание которых составляют слова, распределённые на 185 нумерованных подгрупп. Каждая из них имеет наименование. Отдельным заключительным списком в словаре представлены структурные слова, не вошедшие в тематические группы (VI. Структурные слова). В центре всей тематической классификации находится Человек, познающий мир.

Коммуникативная направленность позволяет всем желающим самостоятельно изучать государственные языки Крыма, который благодаря своему историческому прошлому является многоязычным и поликультурным, как и многие другие регионы России.

Идеографический принцип описания лексической системы позволяет систематизировать словарный состав и представить его в виде тематических областей, в которых лексические единицы связаны ассоциативными связями.

В Словаре заложена система мелких шагов при изучении трёх языков. Опираясь на опыт усвоения родного языка, обучающийся овладевает лексической системой другого языка. Этому способствует сам факт подачи материала: лексические единицы русского, украинского и крымскотатарского языков, включённые в списки, являются эквивалентными.

Фрагменты языковой картины мира объединены единым стержнем, описаны с помощью языковых средств в определенной последовательности с соблюдением принципа тематической симметрии.

Учитывая коммуникативную направленность нашего словаря, а также эквивалентность русских, украинских и крымскотатарских лексических единиц, включаем в списки не только отдельные слова и словосочетания, но и полезные коммуникативные единицы. Такой подход к лексикографированию требует тщательного отбора и упорядочения лексических единиц, соблюдения той последовательности, которая в наибольшей степени способствует их целенаправленному запоминанию и интенсификации учебного процесса. Лексикографирование неизменно предполагает внимание к таким характеристикам описываемых языков, как близкородственность и разноструктурность.

При формировании тематических групп учитывалась частеречная принадлежность слов. Поэтому в списках присутствуют практически все основные части речи: имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные. Основу тематических групп составляют имена существительные. Они называют элементы предметного плана и явления окружающей действительности и, как ключевые слова-стимулы, организуют «шаги», возникающие при порождении ассоциаций. В тематические группы входят также ситуативно обусловленные слова, которые помогают обеспечить полноценность коммуникации на всех трёх описываемых языках [6].

Личные, неопределённые и отрицательные местоимения вошли в список структурных слов, остальные разряды местоимений включены в тематические группы.

В результате изучения трех языков получили универсальные параллельные лексические минимумы: русского, украинского и крымскотатарского языков. При этом следует отметить, что на основе русского и украинского языков систематизирована лексическая основа крымскотатарского языка. Существенным представляется тот факт, что на базе созданной лексической основы могут быть написаны современные коммуникативные учебники и учебные пособия по крымскотатарскому языку как родному, так и неродному, что открывает широкий путь к его изучению для всех желающих.

Несомненной инновацией для украинского языка является тематически организованный лексический минимум, позволяющий создавать учебники и учебные пособия по украинскому языку как иностранному, что актуально для описания украинского языка в целях преподавания его иностранным гражданам.

Благодаря расположению лексического материала по темам настоящий словарь относится к учебным словарям активного типа. Это позволяет читателю эффективно овладеть базовыми лексическими минимумами трёх описываемых языков и далее – навыками реального речевого общения.

Отметим общие положения и объясним специфику описания лексических единиц для каждого языкового списка, при этом будем приводить примеры на русском языке с учётом аналогии описания лексических единиц в украинском и крымскотатарском списках.

1. В процессе отбора лексических единиц обращалось внимание на их потенциальную синонимическую и антонимическую ценность. Из синонимов предпочтение отдавалось слову, наиболее тесно связанному с данной тематической группой. Антонимическая ценность слов получила в большинстве случаев отражение в соот-

ветствующих тематических группах: *громкий – тихий, шум – тишина (гр. УХО)* и др.

2. При многозначном или омонимичном существительном в скобках может указываться определение, демонстрирующее типичную сочетаемость слова в данной тематической группе: *(водопроводный) кран*. И хотя само слово *водопроводный* не является обязательным для запоминания в качестве самостоятельной единицы, но на примере этого слова можно показать один из продуктивных способов словообразования в русском и украинском языках. Это позволяет закладывать базу для расширения потенциального словаря учащегося.

3. В ряде случаев существительное приводится во множественном числе и сопровождается указанием на форму единственного числа, которая записывается через запятую. Это говорит о том, что в пределах данной темы слово употребляется чаще всего во множественном числе, хотя возможно употребление и в форме единственного числа: *уши, ухо; брови, бровь; ресницы, ресница* и т.п.

4. В списки включаются также широко употребительные составные наименования: *скорая помощь, родильный дом, приёмный покой, носовой платок, зубная паста, зубная щётка, губная помада* и т.п.

5. Кроме отдельных слов и словосочетаний, в словаре нашли отражение тематически связанные полезные выражения и устойчивые обороты: *Алло! Внимание! Какое сегодня число? Как вас зовут? Меня зовут ...; бойкий на язык, валять дурака; Сколько лет, сколько зим! Спокойной ночи!*

6. При включении слова в список учитывались факты внеязыковой действительности, поэтому в группе *Работа по дому* есть слово *хозяйка*, но отсутствует слово *хозяйин*, так как традиционно это в большей степени женская работа.

7. Особое внимание обращалось на включение в состав словаря лексических единиц, обозначающих реалии, важные для поликультурного пространства Крыма (гр. ПИТАНИЕ; ЭТИКА, РЕЛИГИЯ; в гр. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ разделы СВАДЬБА, СЕМЬЯ, СМЕРТЬ).

В русском и украинском списках для составителей было принципиально важно учесть следующее:

– в описании глагольной лексики при наличии видовой соотносительности на первое место всегда ставится глагол несовершенного вида. В случае видовой парности глаголы записываются через косую черту: *писать/написать, снимать/снять, брать/взять*. Отсутствие видовой парности показывается в записи дополнительной косой чертой: *болеть//заболеть, видеть//увидеть, ранить//поранить*;

– в русском списке присутствует традиционно выделяемая при описании русского языка как ино-

странного группа глаголов движения, которыми обозначается однонаправленное и разнонаправленное движение, что считаем важным и для описания украинского языка в целях преподавания его иностранным учащимся. Описаны как приставочные глаголы, так и приставочные формы с учётом их видовой парности и соотносительности;

– в некоторых (немногочисленных) случаях в тематические группы русского списка включаются частотные причастные формы: *закрытый, закрыт; открытый, открыт; одетый, одет*, – сопоставление которых с украинским языком позволяет продемонстрировать отсутствие краткой формы у страдательного причастия в системе близкородственного языка: *зачинений, відкритий, одягнений*;

– при необходимости показать, что данное слово, входящее в определённую тематическую группу, употребляется с предлогом, указывается нужный предлог: *плата за...* (гр. *ЖИЛЕЦ, КВАРТИРОСЪЄМЩИК*); *решился на..., зависит от...* (гр. *РЕШЕНИЕ*), а параллельное описание близкородственных языков позволяет наглядно выявить различие в употреблении конкретных предлогов. Например: *в час – о першій годині, заботиться о – піклуватися про, к счастью – на щастя, тоска по родине – туга за батьківщиною*;

– с учётом тематической отнесённости у прилагательного могут быть указаны в скобках только окончания форм мужского и женского рода, поскольку окончание среднего рода не является актуальным, например, для прилагательных *дорогой, любимый, милый*, если они входят в состав группы *ЛЮБОВЬ*;

– в тех случаях, когда производное слово более употребительно, чем производящее, именно оно вводится в русский базовый список: *иголка* (а не *игла*), *нитки* (а не *нить*) и т.п.;

– в украинский список включены параллельные формы *увечері – ввечері, удень – вдень, уночі – вночі*, что объясняется необходимостью отразить правило благозвучия, связанное с употреблением начальных *у/в*;

– исходя из технических возможностей описания большого лексического массива на трёх языках, авторы были ограничены в представлении примеров употребления слов в каждом из описываемых языков. Приводимые примеры сочетаемости демонстрируют наиболее типичную сочетаемость для данного слова или указывают, в каком именно значении оно включено в конкретную тематическую группу.

При описании крымскотатарского языка сопоставителями учитывались такие моменты:

– при необходимости дифференциации значений одного и того же слова для него указывается ряд соответствий с пояснением курсивом в скобках контекста употребления каждого из них. На-

пример, русскому слову *оценка* соответствует два слова в крымскотатарском языке: *баа* (*в каких-либо единицах*); *къыймет кесюв* (*отношение*);

– национально-культурная специфика отдельных слов нашла своё отражение в конкретных комментариях. Так, при описании слова *полотенце* комментируются такие лексические единицы: *силеджек* (*для тела*), *юзьбез* (*для лица*), *аякъбез* (*для ног*), *эльбез* (*для рук*), *тесмал* (*для рук после работы*), которые используются в языке как смысловые (семантические) синонимы.

С помощью разработанной методики лексикографирования созданы и разрабатываются учебные тематические словари, актуальные для поликультурного региона Крыма: русско-польский, русско-греческий, русско-болгарский, русско-армянский. Возможность такой работы обеспечивается развитием основных направлений современных лингвистических исследований.

Заключение. Лингвокультурологический потенциал подобного издания, безусловно, заслуживает внимания, а лексикографический опыт послужил базой для создания двуязычных словарей народов Крыма.

Определяя базовые ориентиры развития современной лингвистики, В.А. Маслова последовательно развивает и описывает основные из них, ставит цели и задачи, размышляет о перспективах дальнейших научных исследований, обобщает полученные результаты и фиксирует их в монографических работах и учебниках и учебных пособиях [7; 8; 9; 10 и др.].

Можно констатировать, что лингвокультурология как область языкознания получила разностороннее развитие и описание на рубеже XX–XXI вв. Лингвополитология активно развивается представителями екатеринбургской научной школы профессора А.П. Чудинова.

Начало века выбирает свои ориентиры, опираясь на достижения предшественников. Среди таких направлений второго десятилетия XXI века следует выделить когнитивную лингвистику, корпусную лингвистику, компьютерную лингвистику, дискуртологию, социолингвистику [11]. Для последовательного описания языковой личности требуются новые горизонты. И здесь вряд ли можно обойтись без междисциплинарных исследований, с одной стороны, а с другой, – без того, как сознание человека влияет на его языковые возможности. И поле действий в данном случае безгранично. Именно когнитивная лингвистика сегодня активно развивается и актуализирует то, что принято называть социолингвистикой. Это направление научных исследований, совершенствуя свой методологический аппарат, позволяет по-новому подойти к описанию языковых способностей индивида. Используемые в социолингвистике методы и приемы использу-

ются прежде всего для верификации полученных данных и обобщений при характеристике фактического материала.

Для того чтобы в полной мере описать концептологическую состоятельность языковой личности в социуме, следует изучить различные источники, с которыми связана человеческая деятельность. Поэтому неслучайно приобретает особую значимость так называемая корпусная лингвистика. Различные корпуса создаются с тем, чтобы использовать как можно больше разнообразного материала для описания картины мира в том или ином измерении. Фиксирование подобных данных на различных интернет-платформах позволяет задействовать компьютерные возможности лингвистики и ввести в научный обиход огромный пласт фактического материала (не искусственного, а реального), систематизированного для общего пользования.

И, конечно, нельзя не сказать особо о таком векторе лингвистических исследований, как дискурсология. Теория дискурса требует уточнений и дополнительных описаний, а дискурсологические практики сами по себе и их анализ представляют собой прежде всего междисциплинарную область знаний. Все это позволяет понять, как определяется языковая составляющая дискурсивной деятельности, каким образом в речи выражены ментальные особенности индивида, как те или иные жизненные ситуации связаны с психологическими и социокультурными факторами и что в конечном счете формирует грамотную и правильную речь. Поэтому важно отметить, что именно прагматические свойства языковой личности будут реализовываться в полной мере через разнообразные дискурсивные практики. Не последнее место в этом отводится, по нашему мнению, и межкультурной коммуникации. А упорядоченное лексикографирование способствует формированию национального корпуса русского языка.

Можно по-разному относиться к отмеченным современным направлениям развития лингвистических исследований, однако основные векторы их актуализации сегодня вряд ли вызовут возражения.

Литература

1. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Филолог. образование» / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2008. – 264 с.
2. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре : монография / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 318 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука. – 263 с.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Богданович, Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии: монография. / Г.Ю. Богданович. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 308 с.
6. Шире круг : русско-украинско-крымскотатарский учебный тематический словарь / [авт.-сост.: Т. Ю. Новикова, Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Н. В. Буц, Л. С. Оказ, Р. Р. Девлетов] – Симферополь: Феникс, 2011. – 244 с.
7. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 255 с.
8. Маслова, В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Маслова; под ред. У. М. Бахтикиревой. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 201 с.
9. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / В.А. Маслова; отв. ред. У. М. Бахтикиреева. – 2-е изд., пер. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 208 с.
10. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры: учебное пособие / В.А. Маслова, М. В. Пименова. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 180 с.
11. Пять направлений в современной лингвистике – Режим доступа: <https://newtonew.com/science/5-napravleniy-v-sovremennoy-lingvistike>. – Дата доступа: 30.10.2018.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'1:81'371

Концепты в динамическом аспекте (на примере концепта «Отдых»)

Борисова Е.Г., Тарбеева Н.М.

Московский городской педагогический университет

Статья посвящена рассмотрению динамики концепта «отдых» на примере языковых репрезентаций данного концепта в нескольких индоевропейских языках – русском, немецком, английском, французском и персидском. Особое внимание уделяется рассмотрению внутренней формы лексем, репрезентирующих рассматриваемый концепт, так как именно внутренняя форма свидетельствует о культурных изменениях, произошедших в обществе, и позволяет увидеть изменение концепта. Данный подход также позволяет увидеть те новые средства, которые возникают в языке для выражения концепта.

Ключевые слова: *отдых, концепт, русский, французский, английский, немецкий, персидский.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 31–34)

Concepts in the Dynamic Aspect (the Concept Of Rest)

Borisova E.G., Tarbeyeva N.M.

Moscow City University

The article is devoted to the dynamics of the development of the concept of leisure on the example of language representations of this concept in several Indo-European languages - Russian, German, English, French and Persian. Particular attention is paid to the consideration of the internal form of tokens, representing the concept under consideration, since it is the internal form that indicates the cultural changes that have taken place in society, and makes it possible to see the change in the concept. This approach also allows you to see the new tools that arise in the language for the expression of the concept.

Key words: *rest, concept, Russian, French, English, German, Persian.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 31–34)

В статье рассматривается один из подходов к понятию концепт, а именно, учет его существования на определенном, значимом для употребления отрезке времени. Рассматривается внутренняя форма слова как отражение языковой картины мира и изменения в средствах выражения концептов в связи с культурными изменениями в условиях существования языка.

1. История изучения концептосферы

Термин «концептосфера» был предложен Лихачевым, который определяет концептосферу как «совокупность потенциалов, открываемых в словарном запасе отдельного человека или языка» [2, 283]. Концептосфера народа тем богаче, чем богаче его культурный опыт, в ней сконцентрировано все богатство культуры народа, говорящего на данном языке. Следовательно, концептосфера каждого отдельного человека тем богаче, чем шире его жизненный опыт и эрудиция.

По Ю.С. Степанову, концепт является ступенью культуры в сознании человека. С помощью концепта человек приобщается к культуре [5, 43]. Все то, что входит в концепт, само по себе является фактом культуры.

З.Д. Попова и Стернин [4, 162] придерживаются точки зрения, что изменение концепта может изучаться через изучение изменения значений объективирующих этот концепт лексем в языке, а также утраты старых значений и формирования новых.

2. Методы исследования.

Одним из способов представления отражения культурных особенностей является обращение к внутренней форме слова. Мы используем здесь термин А.А. Потебни, который приложил гумбольдтианское понятие к реальным языковым аспектам. Это понятие плохо вписывается в синхронное описание языка: оно представляется отражением истории. Однако эта история во многих случаях

вполне сознается носителями: ручка чайника связана в их сознании с верхней конечностью человека, а идет дождь сопоставимо с глаголом движения в прямом значении. Фактически перед нами тот же образ, который В.Н. Телия считала лежащим в основе смысловых сдвигов во фразеологии.

Внутренняя форма слова формирует языковую картину мира, и в этом смысле является одним из отражений концептуализации реальности. Поскольку перенос значений отражает близость понятий в деятельности человека определенной культуры, можно говорить и о том, что таким образом концептуализация связана с культурной составляющей мира человека.

Наличие на синхронном уровне двух семантических представлений слова противоречит устоявшимся представлениям о лексической семантике. Однако такое совмещение в языке встречается на разных уровнях. В орфоэпической норме мы наблюдаем наличие произношения [э] в ряде слов. Где в современном языке желателен смягчение предшествующего согласного шинэль – шинель. Бассэйн – бассейн. Речь идет об одновременном существовании двух систем правил. Одна из которых, видимо, вытеснит другую.

Иными словами, для описания синхронного состояния языка имеет смысл не ограничиваться срезом, застающим разные системы в один момент (и потому срез получается противоречивый). А представить состояние в виде сосуществования двух систем. Мы называем такое моделирование динамическим.

Лексическая семантика и внутренняя форма слова предстанут как две системы в динамике: одна уходит, другая наступает. Подчеркнем, что речь идет о моделировании существующей ситуации, а не о попытке воссоздать реальный исторический процесс. Впрочем, ситуация с использованием метода внутренней реконструкции показывает, что моделирование может приблизить исследователей к пониманию реальных процессов. Однако говорить о полном восстановлении реальных процессов не приходится.

3. Рассмотрение материала

Сравнительное изучение средств выражения концепта «отдых» в разных языках позволяет продемонстрировать возможности динамического моделирования. Можно обнаружить сосуществование двух моделей, причем, как в ретроспективном виде (в языке сохраняется внутренняя форма слова), так и в проспективном (возникает новое значение, идущее на замену старому). Кроме того, имеются и случаи, когда вторая модель не представлена, внутренняя форма в языке актуальна.

3.1. Концепт отдых в русском языке.

В русском языке имеется несколько средств выражения идеи восстановления сил после приложения усилий. Ключевым считают слова

с корнем *отдых*, который связывается с глаголом дыхания. Возникает модель внутренней формы «перевести дыхание после физических усилий». В наиболее откровенном виде эта модель демонстрирует себя в слове *передышка*: кратковременный отдых и передохнуть. Заметим, что слова *отдых* и *отдыхать* ведут себя по-разному в части сочетаемости. В русском языке есть сочетания, показывающие, что *отдых* может совмещаться с физической активностью: *активный отдых*, *экстремальный отдых*. Однако отвечающие отадекативные наречия практически не используются, ср. Он активно отдыхал.

Мы наблюдаем использование другой внутренней формы по сравнению с иными славянскими, в том числе и восточно-славянскими языками (ср. болг. *почивам се*, правда, наряду с *отдыхвам*, бел. *Адпачываць*, укр. *Відпочити*). В русском тот же глагол *почивать* встречается редко, в основном, связан со сном. Исключением нам представляется фразеологизм *почивать на лаврах*, который не воспринимается как утверждение о сне, скорее об отдыхе после трудов, увенчавшихся успехом. В любом случае использование славянской модели явно вытеснено и даже может быть проигнорировано.

Еще одна интересная внутренняя форма слова сохранилась в разговорном *прохлаждаться* с негативной коннотацией. Здесь можно усмотреть ту же модель «прихождения в себя после – или вместо – тяжелой, жаркой работы». Однако не следует упускать из виду, что существительное *прохлада* в церковно-славянском означала «наслаждение» (что неудивительно для южных территорий, на которых формировался этот язык, в основе древне-болгарский).

Еще один синоним слова *отдых* – *досуг* – тоже имеет славянское происхождение, однако для современного русского языка его внутренняя форма «не читается». Слово привязано к официально-деловому стилю: *организация досуга*, *досуговый центр*. В значении «отдых» воспринимается как устаревшее.

Разговорные и просторечные синонимы слова *отдых*, *отдыхать* образуются при помощи приставки *от-*, что в данном случае означает удаление от чего-либо (от состояния усталости): *оттянуться*, *оторваться*. Ту же приставку мы встречаем в белорусском и украинском, хотя и с другим корнем.

Слово *расслабиться* тоже используется в значении «отдыха как снятия напряжения». Однако для русского языка еще очень жива связь *напрягаться* – *расслабляться*. Это появилось в анекдоте «Ты не куришь, не пьешь, как же ты расслабляешься? – А я и не напрягаюсь!»

Таким образом, для современного русского языка в рассматриваемой нами сфере мы обнаруживаем необходимость динамического моделирования для слова *отдых*–*отдыхать*, в котором

просматривается внутренняя форма. То же можно сказать и о слове *прохлаждаться*. В этих случаях культурные коннотации – связь с физическим трудом – кажутся очевидными. В других случаях на уровне синхронного описания мы не видим необходимости включения механизмов динамического моделирования, т.к. в языке следов метафорической интерпретации или уже нет (как со словом *досуг*), или еще нет, как со словами, называющими отдельные признаки отдыха, но далекие от того, чтобы стать значимой номинацией этого концепта.

3.2. Концепт отдыха во французском

Одним из ключевых слов, выражающих концепт «отдых» во французском языке, является *repos* «отдых, покой» от *se reposer* «отдыхать», происходящее от лат. *pausare* «прекращать, останавливаться», которая, в свою очередь, восходит к греч. *pauso* «я прекращаю», то есть данная лексема связана с прекращением деятельности, остановкой и покоем. По этой причине *repos* «отдых, покой» и *se reposer* используется только для обозначения спокойного отдыха, направленного на восстановление физических сил, спокойный отдых и сон. Глагол *se reposer* ближе всего к русскому *почивать*, не случайно выражение *почивать на лаврах* во французском передается через глаголы *se reposer* или *s'endormir*, ср. *se reposer (s'endormir) sur ses lauriers* досл. *Отдыхать (засыпать) на своих лаврах (или à l'ombre de ses lauriers – досл. «в тени своих лавров»)*.

Для обозначения отдыха, связанного с какой-либо деятельностью вне работы, используется лексема *loisir* «досуг, свободное время» от лат. *licere* «позволять», то есть обозначает время, когда позволено заниматься другими делами, а не работой. Таким образом, *loisir* обозначает разного рода деятельность, ср.: *loisir actif* «активный отдых», *loisir culturel* «культурный отдых», *loisir sportif* «спортивный отдых», *loisir nautique* «отдых на воде».

Глаголы *se détendre* и *se relaxer* «расслабляться» используются для обозначения отдыха после работы, связанной с напряжением. Необходимо отметить, что речь идет как о физическом напряжении *détendre les muscles*, так и о нервном, ср.: *soit on paie et on se détend, soit on meurt de stress* «либо платишь и расслабляешься, либо умираешь от стресса»; *vous devez parler très doucement, parce qu'elle essaye de se relaxer* – «вы должны говорить очень тихо, потому что она пытается расслабиться». Как и расслабиться в русском языке, во французском *se détendre* и *se relaxer* употребляется в значении «перестать беспокоиться, отдохнуть, снять напряжение».

Таким образом, во французском языке мы можем наблюдать довольно четкую категоризацию отдыха: отдых все больше переходит из области восстановления физических сил в душевный от-

дых, направленный на снятие нервного напряжения и получение позитивных эмоций.

3.3. Концепт отдыха в фарси.

Концепт «отдыха» в персидском языке представлен довольно широко. Большая часть лексем, выражающих рассматриваемый концепт, арабского происхождения, что свидетельствует о том, что концепт претерпевал значительные изменения.

Так, исконно персидская лексема *āsūdan* «отдыхать» восходит к индоиранскому корню *saih-* со значением «ложиться, ложиться спать» и индоевропейскому *key-* «лежать, покоиться». В современном языке глагол не употребляется, однако употребляются производные от этого корня.

Лексема *arāmīdan* «покоиться, пребывать в покое» происходит от перс. *āgām* «спокойный, безопасный, молчаливый, мягкий, приятный, уютный, медленный», который в свою очередь, восходит к древнеиндийскому *gam-* со значением «покоиться, находиться в покое, отдыхать». Таким образом, данные лексемы обозначают именно пассивный вариант отдыха.

Лексема *esterāhat* «отдых, покой» происходит от корня *gwh*, изначально обозначавшего в арабском языке «возвращаться домой вечером» и «то, что делают вечером», то есть занятия после работы, однако позже стал обозначать отдых, покой, сон [1, с. 274–277]. Впрочем, в персидском языке *esterāhat* обозначает более продолжительный отдых, нежели просто вечерний, ср: *esterāhat dar sāhel-e daryā-ye siyāh u-rā be hāl āvord* «отдых на берегу Черного моря восстановил его здоровье».

Для обозначения более активного отдыха, связанного с развлечением и весельем, используется лексема *tafrih*, которая происходит от арабского корня *frh* со значением «радоваться, ликовать», ср: *Šāyad manzureš tanhā tafrih va xandānīdan-e šomā bude ast* – «вероятно, его единственной целью было развеселить и насмешить вас».

Стоит отметить лексему со значением «отдых от работы, снятие нервного напряжения», (*a'sāb* означает «нервы», а *tamaddod* – «растяжение, натянутость (например, мышц)». Ср.: *Sokut barāye tamaddod-e a'sāb besyār mofid ast* – «тишина очень полезна для снятия нервного напряжения».

Таким образом, на основе рассмотренных лексем можно сделать вывод о том, что в персидском языке особое значение принимает спокойный отдых, направленный на восстановление сил и снятие нервного напряжения.

3.4. Концепт отдыха в английском и немецком языках.

В заключение нашего фрагментарного обзора обратим внимание на отражение идеи отдыха в немецком и английском языках.

В немецком языке основные способы выражения это *erholen* и *sich ausruhen*/ Второе связано со словом *покой*. А первое имеет значение выздо-

равливать и по внутренней форме скорее может восприниматься как восстанавливаться.

Вместе с тем отмечается и возможность использовать *entspannen* *ausspannen*, которое, сохраняя значение слова расслабляться, снимать напряжение, чаще всего всё-таки переводится на русский как отдыхать: <http://langtoday.com/?p=366> *Er will vier Wochen an der See ausspannen/ Он будет отдыхать на море месяц.*

То есть можно сказать, что слова с корнем *Span* напряжение начинают вытеснять ругие средства выражения концепта отдых. Здесь если мы используем предложенные нами динамические модели, мы должны признать наличие двух ретроспективных моделей внутренней формы слова, которые соответствуют двум наиболее распространенным способам выражения идеи отдыха, а также одну проспективную, которая показывает, как вполне сохраняющееся в языке значение «расслабляться» постепенно становится внутренней формой для изменяющего свое значения слова, занимающего место основного выразителя значения отдыха.

Здесь культурный аспект прослеживается очевидным образом. Основной составляющей труда становится нервное напряжение. Следовательно и отдых заключается уже не в «восстановлении здоровья или дыхания», а в приведении в норму нервов, расслабление после рабочего напряжения.

Видимо, еще дальше этот процесс прошел в английском языке, если даже традиционное немецкое слова для выражения отдыха *sich erholen* переводится на английский словом *relax*, т.е. расслабляться.

<https://www.verbformen.ru/sprjazhenie/erholen.htm>

4. Результаты рассмотрения материала

Рассмотрение развития средств выражения концепта 'отдых' в разных языках – как родственных так и не родственных позволило обнаружить, что этот концепт часто выражается при помощи нескольких не вполне синонимичных средств. Мы это связываем с наличием в рамках одной культуры различных представлений о том, что является отдыхом после разных видов работы, для разных групп населения.

Второй вывод связан с первым: очень часто выбор средств для выражения идеи отдыха отражает аспекты культуры.

Наконец, третье замечание связано со средствами описания взаимодействия различных способов реальности средствами лексики. Для отражения внутренней формы слова как следов прошлого и появления новых средств выражения понятия, которые еще только завоевывают место главного средства выражения концепта, имеет смысл использовать динамическую модель, отражающую две и более тенденции, одновременно сосуществующие в синхронном срезе.

Литература

1. Белова А.Г. Этимологический словарь древнеарабской лексики. – М.: ИВ РАН, 2012.
2. Карасик В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России; под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.
6. Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. – М.: Вост.лит, 2011.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81-112:81'0:008:94(476)

«Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований

Вардомацкий Л.М.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

История сохранила для нас большое количество различных текстов, написанных на землях современной Беларуси в XVI–XVII веках. Большинство из них – неоценимый источник для формирования объективного взгляда как на историю в целом, так и на истоки и пути формирования белорусского, русского и украинского языков.

Цель данного исследования – показать возможности исторического исследования региональных юридических документов в понимании и объяснении особенностей становления языка и культуры белорусской народности.

Материалы и методы. *Материалом для исследования послужил текст дарственной грамоты от 29 сентября 1629 года землевладелицы Анны Богдановны Стеткевич, урожденной Огинской, и ее сына Ивана Вильгельмовича Заверского-Стеткевича о передаче части своей земли для строительства и содержания монастыря «близь города Оршы между р. Днепромь и Кутеенкой» для устройства и содержания Кутеинского монастыря. Анализ текста документа и представленных в нем исторических сведений и языкового материала проводился методом сравнительно-историческим анализа с использованием метода исторической лингвистической реконструкции.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование документа проводилось с учетом общественно-политической и конфессиональной ситуации, сложившейся к началу XVII века на территории нынешней Беларуси. Оршанская грамота 1629 года претерпела три последовательных копирования. Последнее – в 1768 году в оршанской земской канцелярии. Этот текст, в свою очередь, скопирован с текста, выполненного там же в Орше 1 июня 1668 года. Копия 1668 года является выпиской из «книг минских трибунальных» от 29 ноября 1631 года, которая, в свою очередь, была сделана с оригинала документа 1629 года.*

С текстологической точки зрения документ распадается на две части. Это три представленные в обратном временном порядке предисловия переписчиков. (Эти предисловия, несмотря на их юридическую штампованность, с лингвокультурологической точки зрения интересны уже сами по себе). И непосредственно текст грамоты, несущий основную смысловую нагрузку и демонстрирующий языковые особенности оршанского региона в начале XVII века (с учетом стилистической специфики текста, который является деловым документом). При анализе документа выявляются следующие языковые факты. 1. Текст собственно грамоты, сохраняя древнейшие восточнославянские черты, одновременно демонстрирует новые языковые особенности, сложившиеся на данной территории к началу XVII века и отражающие процесс формирования самостоятельной языковой системы. Юридическое послесловие к тексту грамоты сохраняет отмеченные в основном тексте региональные восточнославянские особенности. 2. Такие же языковые особенности наблюдаем и в предисловии к документу, сделанной два года спустя при оформлении минской копии документа. 3. В юридическом предисловии к копии, сделанной в Орше 1 июня 1668 года, наблюдаются признаки дальнейшего развития языка региона. Здесь не только продолжают сохраняться восточнославянские языковые черты, но появляются новые, собственно белорусские особенности. 4. Предисловие к копии 1768 года сделано уже полностью на польском языке.

Заключение. *Оршанская грамота 1629 года демонстрирует хронологическую последовательность языковых, социально-политических и культурных изменений, проходивших на территории современной восточной Беларуси в XVII веке.*

Ключевые слова: *история языка, дарственная грамота, деловая письменность, деловой стиль, текстология, региональные особенности языка, социальный статус языка.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 35–39)

«Orsha Letter on the Transfer of Land in 1629» as a Source for Linguistic and Linguoculturological Researches

Vardomatsky L.M.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

History has preserved for us a large number of different texts written on the lands of modern Belarus in the XVI–XVII centuries. Most of them are an invaluable source for the formation of an objective view of history as a whole, and the origins and ways of formation of the Belarusian, Russian and Ukrainian languages.

The purpose of this study is to show the possibilities of historical research of regional legal documents in understanding and explaining the features of the formation of the language and culture of the Belarusian nation.

Materials and methods. Material for the study consists of the text of a legal document of 29 September 1629 Anna Bogdanovna Stetkevich and her son Ivan Wilghelmovich Severskiy-Stetkevich on the transfer of part of their land for the construction and maintenance of the monastery near the town Orsha. The analysis of the text of the document and the historical information and language material presented in it was carried out by the method of comparative historical analysis using the method of historical linguistic reconstruction.

Results and discussion. The study of the document was carried out taking into account the socio-political and religious situation that had developed by the beginning of the XVII century in the territory of present Belarus. The document has undergone three successive copying. The last — in 1768 in Orsha Zemsky office. This text, in turn, is copied from the text executed in the same place in Orsha on June 1, 1668. A copy of 1668 is an extract from the “books of the Minsk tribunals” of November 29, 1631, which, in turn, was made from the original document of 1629.

From the textual point of view, the document is divided into two parts. These are the three prefaces of the scribes presented in reverse temporal order, as well as the initial text written by Anna Stetkevich, which carries the main semantic load and demonstrates the linguistic features of the Orsha region in the early 17th century (taking into account the stylistic specifics of the text, which is a business document). The analysis of the document reveals the following linguistic facts. 1. The text of the first document preserves the ancient Eastern Slavic features and at the same time demonstrates the new linguistic features that had developed in this territory by the beginning of the XVII century and reflect the process of formation of an independent language system. The legal afterword to the text retains the regional East Slavic features noted in the main text. 2. The same linguistic features are also observed in the preface to a document made two years later when a Minsk copy of a document is issued. 3. In the legal preface to the copy made in Orsha on June 1, 1668, there are signs of the further development of the language of the region. Here, not only do East Slavic language features persist, but new, Belarusian features themselves appear. 4. The Preface to the copy of 1768 is already in Polish.

Conclusion. The Orsha document of 1629 demonstrates the chronological sequence of linguistic, socio-political and cultural changes that took place in the territory of modern Eastern Belarus in the XVII century.

Key words: history of language, deed of gift, business writing, business style, textual science, regional peculiarities of language, social status of language.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 27. — P. 35–39)

История сохранила для нас большое количество различных текстов, написанных на землях современной Беларуси в XVI–XVII веках. Достаточно подробный список таких текстов был сделан еще академиком Е.Ф. Карским в первом томе своего знаменитого труда «Белорусы» [1; 349–405]. Понятно, что не все тексты в равной мере представляют ценность как источники для лингвистических и лингвокультурологических исследований. Многие из них несут в себе особенности древнерусских письменных традиций и не отражают языковые реалии нового времени, времени становления новых восточнославянских языков. Но большинство из них — неоценимый источник для формирования объективного взгляда как на историю в целом и многие болезненные для наших народов исторические события, так и на истоки и пути формирования белорусского, русского и украинского языков и отражение в этих языках мировоззрения и мироощущения народа.

Цель данного исследования — на основе комплексного анализа показать возможности и значение исторического исследования региональных юридических документов в понимании и объяснении особенностей как становления языка белорусской народности, так и белорусской ментальности и культуры, реализованных и отраженных в языке. Один из путей достижения этой цели — активизация и развитие исторической лингвокультурологии.

Актуальность такого исследования становится особенно очевидной сегодня, в эпоху упрощения

белорусского национального самосознания и исследования генетической общности белорусов в семье славянских народов и исторически сформировавшегося языкового и ментального своеобразия, зафиксированного и закрепившегося в языке.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил текст дарственной грамоты землевладелицы Анны Богдановны Стеткевич, урожденной Огинской, и ее сына Ивана Вильгельмовича Заверского-Стеткевича, написанной 29 сентября 1629 года, о передаче части своей земли «близь города Оршы между р. Днепромъ и Кутеевкой» для устройства и содержания Кутеевского монастыря с обязательным условием, что в нем должна быть построена церковь православная «Roźdestwa Chrystowa... narodu naszoho Ruskoho», а также открыта школа «nauki pisma u jazykow» и устроена типография. (Где уже через два года Спиридоном Соболем были отпечатаны первые экземпляры «Букваря»). Анализ текста документа и представленных в нем исторических сведений и языкового материала проводился методом сравнительно-историческим анализа с использованием метода исторической лингвистической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Исследование данного документа (условно здесь назовем его «Оршанская грамота 1629 года») необходимо проводить с учетом общественно-политической и конфессиональной ситуации, сложившейся к началу XVII века на территории нынешней Беларуси (и прежде всего ее восточных областей). Согласно существующей классификации, XIV–

XVI века – это время формирования и становления белорусского литературного языка [2; 16]. «Оршанская грамота 1629 года» является элементом этого процесса, демонстрируя, однако, противоречивые тенденции.

Как известно, после подписания Люблинской унии (1596 год) территория современной Беларуси оказалась в составе нового более мощного государственного объединения. С одной стороны, это дало новый импульс для военно-экономического, политического и культурного развития Беларуси в составе Великого княжества Литовского. С другой, – объединив в своих границах разные этносы с разными этногенетическими корнями и разными конфессиональными традициями и историческими притяжениями, уния обнажила и существенные противоречия между ними. Агрессивные действия униатских епископов порождали не менее агрессивное сопротивление, что неоднократно приводило к драматическому противостоянию различных групп населения Витебска, Могилева, Орши, Полоцка. Это противостояние отразилось и в языке местной деловой письменности. Исконная для этих территорий кириллическая письменность постепенно вытесняется латиницей, а формирующийся на основе региональной диалектной речи новый, белорусский язык – языком польским.

Своеобразие такой социальной ситуации самым непосредственным образом отражено и в тексте интересующего нас памятника письменности – «Оршанской грамоты 1629 года».

Многие региональные документы частного характера, в том числе и юридические, одним из которых является анализируемая грамота, до настоящего времени еще не привлекли должного научного внимания языковедов-историков. К таким документам относится и названная грамота. Для исследователей были интересны, как правило, лишь исторические факты, изложенные в них. А между тем такие тексты предоставляют исследователю неограниченную информацию. И не только для историков, но и для этнографов, культурологов и, конечно же, лингвистов, поскольку, с одной стороны, являясь юридическим документом, они построены «по законам жанра» и несут в себе устойчивые языковые формулы жанра и времени, с другой, – отражают особенности живого языка региона, языковую культуру и языковую ситуацию, сложившуюся на данное время на данной территории.

Доступный для нас текст исследуемого памятника опубликован Д.И. Довгялло в 1903 году в 32 выпуске многотомной работы «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской».

Но насколько можно в лингвистическом плане доверять этой публикации?

Как известно, Д.И. Довгялло крайне аккуратно относился к подготовке материалов к печати. Так, если А. Сапунов, собирая и публикуя материалы по истории витебского края, ставил перед собой

задачу «собрать ... по возможности, большее количество источников для истории г. Витебска» [3, с. XXII], то Д.И. Довгялло при подготовке текстов к изданию не только преследовал цель «дать все, что можно, в области, освещающей религиозное, политико-экономическое, юридическое состояние и народный быт западно-русского, а посему и нашего Белорусского края, со всеми мелочами деятельности» [4, с. XI]. Но на первое место он ставит несколько другую задачу: «Этими документами, – пишет он в предисловии, – мы начинаем ряд точного копирования древнейших актов как самого драгоценного материала для изучения древнего белорусского языка» [4, с. XI].

В распоряжении Д.И. Довгялло, как видно, оказалась третья по времени копия, исполненная 29 января 1768 года. В связи с эти встает вопрос о степени оригинальности текста. И здесь следует отметить тщательность и скрупулезность, с которой каждый судебный переписчик относился к работе. Каждая копия предваряется предисловием, в котором указано, кем, когда и по чьему поручению осуществлено копирование, по какой причине, с какого источника. Причем каждая последующая копия сохраняет предисловие, написанное предыдущим переписчиком. Это дает нам возможность проследить историю документа, условия, в которых проходило копирование, причины копирования, географическую распространенность документа.

Судя по количеству таких предисловий, Оршанская грамота 1629 года претерпела три последовательных копирования: в 1768 году в оршанской земской канцелярии по просьбе монахов Кутеевского монастыря (этой копией и воспользовался Д.И. Довгялло). Этот текст, в свою очередь, скопирован с текста, выполненного там же в Орше 1 июня 1668 года, которая является выпиской из «книг минских трибунальных», сделанной 29 ноября 1631 года. А эта, в свою очередь, была сделана с оригинала документа 1629 года (либо это был собственно оригинальный документ, который был отправлен в Минск для юридического утверждения), о чем свидетельствуют записи в послесловии основного текста грамоты: «Pisan w Orszy roku tysieczna szescot dwadcat dewiatoho mieseca Sentebra dwadcat dewiatoho dnia» и в предисловии к копии 1631 года: «Wypis z knih hołownych trybunalnych w Minsku otprawowanых» – «Выписка из судебных трибунальных книг в Минске совершенных».

Исконный оригинальный текст, к сожалению, до настоящего времени не сохранился. Перед нами текст, скопированный по просьбе монахов Кутеевского монастыря с оригинала для внесения в качестве юридического документа в «книги земские повета Оршанского». Все копии документа сопровождаются припиской, что они совершены «słowo do słowa» и, следовательно, мы можем доверять им. Правда, с некоторой долей

осторожности, поскольку во вводной части к последней по времени копии документа, написанной на польском языке Петром Антонием Воропаем, указывается, что к нему поступила просьба вписать в земские книги документ «ро gusku pisanu». Но кириллицей или латиницей «pisanu» оригинальный текст, мы, к сожалению, не знаем. Однако с очень большой долей вероятности можно предположить, что исходный документ был исполнен «по-русски» латиницей, о чем свидетельствует утверждение переписчика, что копия совершена «*de verbo ed verbum*» («слово в слово»). К тому же известно, что почти все региональные юридические документы после трагических событий в Витебске 1623 года пишутся латиницей, что может иметь свое объяснение. Документ, написанный латиницей, как бы маскировал профессиональную принадлежность автора, сохраняя при этом родной язык. Это был определенный временный социально-политический компромисс. И, следовательно, весьма вероятно, что и оригинал грамоты 1629 года был написан «ро gusku» латиницей. Вместе с тем, язык документа, его орфографическое оформление отличаются определенной системностью и последовательностью, что позволяет нам видеть в тексте грамоты отражение некоторых черт живого языка жителей оршанского региона первой трети XVII века.

С текстологической точки зрения документ распадается на две части. Первая, как уже было указано выше, это три представленные в обратном временном порядке предисловия переписчиков. (Эти предисловия, несмотря на их юридическую штампованность, с лингвокультурологической точки зрения интересны уже сами по себе). Вторая – непосредственно текст грамоты, несущий основную смысловую нагрузку и демонстрирующий языковые особенности оршанского региона в начале XVII века (с учетом стилистической специфики текста, который является деловым документом).

При анализе основного текста грамоты обращают на себя внимание следующие языковые факты.

1. Часть документа, представляющая собой непосредственный текст грамоты, продиктованный (или написанный?) Анной Стеткевич, сохраняя древнейшие восточнославянские черты, одновременно демонстрирует новые языковые особенности, сложившиеся на данной территории к началу XVII века и отражающие процесс формирования самостоятельной языковой системы. В качестве примеров можно привести:

– сохранение традиции называния лиц по имени и отчеству: Anna Bohdanowna Ohinskaja, Jan Wilhelmowicz Zawierski-Stetkiewicz, u kniazia Jana Iwanowicza Lukomskoho;

– сохранение полногласных сочетаний: z odnoje storony, pered;

– начальное о- (вместо западнославянского je-): w odnom, z odnoje;

– последовательное обозначение [r] фрикативного использованием латинской буквы R: hody (годы), Hde (где), seho (сего), druhim;

– отражение отвердевшего [p] в положениях, не свойственных ни восточно- ни западнославянским языкам-соседям: Nad rekoju Dnieprom, ot reczki Kutejenki, Prykladom prodkow;

– отсутствие в грамоте графических указаний на развитие «цеканья», то есть перехода [t'] в [ц'], что может свидетельствовать о более позднем развитии этого фонетического явления в языке оршанщины: Терет (совр. белор. цяпер, в польск. teraz), Chotiel, Kutejeno;

– сохранение л-эпентетикум: ziemia, ziemlu (польск. ziemia);

– сохранение восточнославянских форм окончаний полных прилагательных: Orszanskoho, Lukomskoho, Orszanskom;

– использование традиционной общевосточнославянской лексики: potom, sym (сим- 'этим'), soznawajem, wsiakimi, wzglad;

– последовательное употребление диалектной формы указательного местоимения ses, вместо sej – 'сей'.

Вместе с тем, в тексте уже нередки слова и формы, которые имеют явные отличия от языков соседей и которые уже можно назвать новыми, собственно белорусскими: szto, majuczcy, tuju, tyie, mene, tohdy, czogo.

Однако не менее заметна в тексте и другая тенденция: пока еще не значительное, единичное проникновение в язык лексико-грамматических особенностей польского языка: khruntow mieyskich (совр. польск. miejskich) – 'городских земель', написание сочетания -kh- используется для передачи [r] взрывного; spolnie (совр. польск. wspólnie – 'совместно'); zgodnie; wobec, zawždy, władzy, jakokolwiek.

2. Послесловие (удостоверяющая приписка в конце основного текста), сделанное в 1629 году, сохраняет отмеченные в основном тексте региональные восточнославянские особенности. Так, в подписной части документа читаем: «Pisan w Orszy roku tysiecza szescsot dwadcat dewiatoho, miesieca Sentebra dwadcat dewiatoho dnia». Написание числительных, обозначение фрикативности [r], отсутствие аффрикаты -dz-, название месяца – все элементы предложения (за исключением слова «roku» – 'года') сочетаются с языковыми особенностями самого текста грамоты.

3. Практически те же языковые особенности наблюдаем и в приписке, сделанной два года спустя при оформлении минской копии документа. (Эта и последующие приписки уже делались в начале документа). Так, в минской приписке читаем: «Kotoryi tot list u sudu pered name pokladanyi ... do knih holownych trybunalnych jest upisan». Как видим, по лексико-грамматической и фонетической структуре язык приписки вписывается в уже отмеченные выше особенности. Форма

kotoryi, указательное местоимении *tot*, предлог *u* (*u sudu*), полногласия в словах *pered*, *holownych*, обозначение фрикативности [r] с помощью буквы *h* (*knih*), приставка *u-* (*upisan*) – особенности, отражающие восточнославянский характер текста. К новым языковым явлениям мы отнесем лишь использование предлога *do* (*do knih*) и глагольной формы *jest*. А также с некоторой долей условности существительное *list*.

4. Удостоверяющая приписка к копии, сделанной в Орше 1 июня 1668 года «*slowo do slowa*», свидетельствует о дальнейшем развитии языка региона. В ней в значительной степени продолжают сохраняться уже отмеченные в предыдущих копиях восточнославянские и сформировавшиеся собственно белорусские особенности. К ним можно отнести фонетическое оформление числительных в написании даты: *leta tysiecza sześćset sześćdziesiąt osmoho* (при появлении [dz]); обозначение фрикативности [r]: *perwoho*; сохранение полногласного сочетания (*pered nami*, *holownych*, *perenosu*); отсутствие перехода [r] в [rz] (*pry*, русск. *при*, польск. *przed*); предлог *u* (*y*) на месте русск. *в* или польск. *do* (*u knihi*), при появлении здесь же параллельных форм уже с предлогом *do* (*do knih*).

Вместе с тем в этой части документа уже заметно активное влияние польского языка и его проникновение в деловую письменность, что проявляется пока еще в изменениях восточнославянских форм под воздействием польской языковой модели. Так, в сравнительно небольшой по объему предисловной части оршанской копии 1668 года выделяем целый ряд свидетельств этого процесса: *na rokoh*, *prawa Pospolitoho*, *oczewisto*, *postanowiwszysie*, (*ku*) *wpisaniu*, *tak sie w sobie majet*.

Особое внимание обращают на себя приведенные в этой части текста имена собственные. На смену имени и отчеству на –ович (–евич), которые использовались при перечислении исполнителей в первых копиях, приходят новые формы: «*Pered name Hieronimom Komarom, ... Stanislawom Kazimierom Boratynskim, ... Ludwikom Karolem Wislouchom ... Pan Bazyli subextract ... pokladal...*».

Эти языковые примеры можно рассматривать как документальное свидетельство постепенного изменения социально-конфессиональной ситуации в оршанском регионе к концу 60-х годов XVII века.

5. Следующая необходимость в получении копии дарственной грамоты на землю для постройки и содержания монастыря под Оршей, известного ныне как Свято-Богоявленский мужской Кутейнский монастырь, и церкви в нем, возникла почти через сто лет и была сделана 9 января 1768 года в оршанской земской канцелярии. Очевидно, что эта необходимость в получении копии документа возникла в связи с новой социально-политической ситуацией, сложившейся в регионе (как и на всей территории Беларуси)

к этому времени, и необходимостью защищать полученные некогда права. Копия исполнена, как указывает переписчик, «*de verbo ed verbum*». Однако текст предисловия здесь написан уже полностью на польском языке. Некоторые графические отклонения, которые наблюдаются в тексте, нельзя признать отражением особенностей местной речи. Например, написания *osmy*, *sposob* (по всему тексту), вместо *ósmu*, *sposób*, скорее всего связано с отсутствием у Д.И. Довгялло технических возможностей для обозначения [ó]. Правда, «случайное» обозначение в данном документе [r] фрикативного и окончания –*u* (*y*) в словосочетании *i humen monastyru* позволяет сохранять мнение, что вне деловой документации в бассейне верхнего Приднепровья продолжал функционировать и развиваться живой язык, базирующийся на восточнославянских языковых корнях.

И только написание во всех случаях в последнем (польском) предисловии названия монастыря *Kutejenskiego* через –*te*- [-тэ-], что в польской орфоэпии искажает название, остается предметом для дискуссии.

Заключение. Таким образом, Оршанская грамота 1629 года, отличающаяся сложной и многокомпонентной структурой, включающей разнесенные по времени и по исполнителям части, демонстрирует хронологическую последовательность как языковых, так и социально-политических и в определенной степени культурных изменений, проходивших на территории современной восточной Беларуси в XVII веке.

Исследование таких памятников письменности помогают глубже и более объективно понять истоки, проблемы и пути формирования белорусского языка в окружении других родственных языков. Такие наблюдения позволяют сделать вывод, что к началу XVII века на территории значительной части современной Беларуси складывается этапный вариант белорусского языка, обладающий уже заметными отличиями как от языка–основы, та и от языков–соседей.

Литература

1. Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский – Варшава, 1903 – С. 349-405.
2. Шакун, Л.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / Л.М. Шакун. – Мінск, 1984 – 320 с.
3. Сапунов, А. Витебска старина. Т. 1. / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – 668 с.
4. Довгялло, Дм. Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый / Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/002055968892936183cdd> – Дата доступа: 10.12.2018.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'373.2:81'27

Акциденции онима: к расширению терминологического аппарата ономастики текста

Васильева Н.В.

Институт языкознания РАН, Москва

Собственное имя в художественном тексте обычно рассматривается в рамках литературной ономастики. В статье предлагается расширение понятийного аппарата литературной ономастики до направления «имя-в-тексте» (Т.М. Николаева), имеющего большую связь с семиотикой, путем введения термина акциденции онима. С помощью этого термина можно более детально представить колебание проприального статуса, которое не подпадает под процесс деонимизации или фигуру антономасии. Одной из акциденций онима является онимический фантом – имя как пустая оболочка, продукт фатической (авто)коммуникации, а также травестийный оним – имя собственное, занимающее в тексте место нарицательного. Выделение класса онимических фантомов имеет последствия для теории прецедентных имен, поскольку фантомность имени не коррелирует с приобретаемой прецедентным именем интенциональностью. Рассуждения о нестандартном статусе имени в тексте иллюстрируются примерами из современных авторов (Б. Кочейшвили, Т. Толстая, М. Кундера). Также делается вывод о том, что акциденции онима дают большие возможности для языковой игры и общей поэтизации дискурса.

Ключевые слова: *имя собственное, ономастика текста, проприальный статус, ономастическая терминология, акциденции онима, онимический фантом, травестийный оним.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 40–43)

Accidentia of onym: Towards the extension of text-onomastics terminology

Vasilyeva N.V.

Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, Moscow

Proper names in a literary text are usually considered within the framework of literary onomastics. The article proposes the expansion of the conceptual apparatus of literary onomastics towards the philological branch “name-in-text” (T.M. Nikolaeva), which has a greater connection with semiotics, by introducing the term accidentia of onym. With the help of this term, it is possible to describe in more detail the variation of proprial status, which does not fall under the process of deonymization or the figure of antonomasia. One of the instances of onymic accidentia is an onymic phantom – the name as an empty shell, a product of phatic (auto) communication, as well as a travesty onym – a proper name in lieu of a common noun in the text. Selecting onymic phantoms has implications for the theory of precedential names, since the phantom quality of the name does not correlate with the quality of intentionality acquired by precedential name. The article also illustrates the arguments about the non-standard status of the name in the text by examples from Boris Kocheyshvili’s poetry, Tatiana Tolstaya’s and Milan Kundera’s prose. It also concludes that accidentia of onym provides great opportunities for language play and poetic discourse.

Key words: *proper name, text onomastics, proprial status, onomastic terminology, accidentia of onym, onymic phantom, travesty onym.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 40–43)

«... Именно в тексте, в его «теле» содержатся сигналы, позволяющие направлять и разные линии его восприятия, и подтекстовые смыслы»

Валентина Авраамовна Маслова

Трудно назвать лингвистическую дисциплину, которая не имела бы дела с текстом – либо как с самостоятельным объектом изучения, либо как со средой, в которой функционируют языковые единицы и которая, как мы хотели подчеркнуть эпиграфом из работы глубокоуважаемого юбиляра [1: 16], своими особыми сигналами направляет восприятие адресата и обеспечивает постижение смысла. Это касается и восприятия в тексте собственных имен (ИС), или онимов. Изучение собственных имен в тексте давно существует как исследовательское направление, при этом не всегда (и необязательно) позиционирующее себя как отдельная дисциплина. Отдельной дисциплиной является литературная ономастика, которая начала формироваться в 60-х гг. XX в. и которая исследует имена собственные в пространстве художественного (фикционального) текста. Достижения литературной ономастики и ее библиографическая база весьма велики, и мы не будем здесь на них останавливаться. Отметим лишь, что в качестве «конкурента» этой дисциплине, причем не только в названии, но в сумме методов, возник термин «имя–в–тексте». Он появился в статье Т.М. Николаевой, обратившей свой взгляд на *nomina propria* [2]. Т.М. Николаева связала изучение «имени–в–тексте» в качестве отдельной ветви ономастики (антропонимики) с семиотическим направлением, которое у нас во многом обусловлено трудами В.Н. Топорова о тексте как о структурированном пространстве. Направление «имя–в–тексте» «имеет свою специфику и может считаться самостоятельной ветвью языкознания, включаясь в целом в лингвистические методы изучения “неочевидных смыслов” текста» [2: 15]. Очевидно, что понятийный аппарат направления «имя–в–тексте» и его лексикографическое представление будут несколько иными, чем у литературной ономастики или у поэтонимологии, разрабатываемой В.М. Калинкиным и его школой [3]. В рамках данной статьи будет представлен фрагмент данной понятийной системы, который мы обозначили как *акциденции онима* [4]. Этот античный термин представляется подходящим, чтобы описать дрейфующий статус ИС в тексте. Еще Отто Есперсен в «Философии грамматики» (1924 г., рус. пер. 1958 г.) отмечал, что с точки зрения лингвистики «совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и именами нарицательными» [5: 76]. Есперсен говорил о «текучести

границ» между ИС и нарицательными именами, приводя в пример *Девятую симфонию* Бетховена, ставшую для мира музыки ИС, но в одном из текстов Ромена Роллана превратившуюся опять в нарицательное имя [5: 77]. Таким образом, критерием проприального статуса всегда выступает сфера употребления – контекст, текст, дискурс. К этому можно добавить следующее. Пара «имя собственное – имя нарицательное» в действительности не всегда представляет собой оппозицию. Взаимодействие двух статусов имени в тексте – проприального и апеллятивного – может происходить не как потеря и приобретение, а как своеобразный дрейф, а иногда и как травестия. Представляется, что античный термин *акциденция* – в данном случае как *акциденция онима* – может точнее передать дрейфующий статус имени в пространстве текста. Если рассматривать свойство «быть собственным именем» как сущность, то трансформации ИС могут быть отнесены к «случайным» свойствам, т.е. к акциденциям. Мы вполне отдаем себе отчет в условности применения в данном случае аристотелевского термина, однако именно с его помощью представляется возможным описать интересующие нас колебания статуса ИС в тексте.

Материал и методы. В качестве материала использованы современные фикциональные русскоязычные тексты, преимущественно прозаические. В задачу входило отобрать такие употребления ИС, текстовое поведение которых нельзя описать в прототипических функциях ИС, а именно: идентификация, индивидуализация и частично характеристика. В качестве метода было использовано теоретическое обобщение с последующим метаязыковым представлением результатов.

Результаты и их обсуждение. Были рассмотрены два типа акциденций онима – онимический фантом и травестия.

Как хорошо известно из получившей в настоящее время широкое распространение теории прецедентных ИС, необходимым условием приобретения именем статуса прецедентного является общеизвестность имени, которая и дает возможность его сигнификации и затем – путем переноса семантических признаков и/или слотов фрейма – возможность дальнейшего употребления уже в виде имени-характеризации. Онимические фантомы, в отличие от имен-характеризаций, не подвергаются в тексте сигнификации. Они предстают в виде пустых словесных оболочек, за которыми не скрывается ни денотат (как у «нор-

мальных» ИС), ни набор семантических признаков (как у нарицательных существительных или имен, подвергшихся деонимизации). Однако, несмотря на свою «фантомность», такие ИС успешно выполняют в дискурсе следующие функции.

1. Фатическая функция. Широко понимаемая фатическая функция может, как известно, реализоваться в трех сферах: 1) поддержание контакта; 2) выражение корпоративности/причастности к некоторой референтной группе; 3) праздноречевая деятельность [6: 650], т.е. безадресное либо самоадресованное локутивное самовыражение. Примеры имитации праздноречевой деятельности можно обнаружить в современной поэзии. Например, в стихотворении Бориса Кочейшвили «Боровицкая – Владыкино»: *сел на Боровицкой / и кроме / боров госпожи Вицкой / ничего не пришло в голову / приближается Чеховская / а там переход / на Пушкинскую / и Чехов не чех / и Пушкин не палил / из пушки*. Лирический герой этого стихотворения, отталкиваясь от реальных названий станций метро, воспроизводит фатические речевые акты с онимами-фантомами с целью получения удовольствия от локутивного самовыражения.

Онимические фантомы могут возникать в дискурсе в результате эктериоризации таких ментальных операций, которые предполагают перечисление возможностей. Например, расшифровка незнакомых адресату аббревиатур. Этим приемом пользуется Милан Кундера в романе «Подлинность», героиня которого по имени Шанталь на протяжении довольно продолжительного отрезка повествования пытается разгадать аббревиатуру С.Д.Б., которой подписаны приходящие к ней любовные письма. Кундера демонстрирует весь алгоритм поиска имени, превращая аббревиатуру в онимические фантомы, находящиеся уже на грани материализации:

С. Д. Б., повторяла она с улыбкой: Сириль–Дидье Бургиба. Серж–Давид Барберусса. <...> «Дю Барро» – это было в самый раз. Во всяком случае, ее обожателя звали не Сириль–Дидье и не Серж–Давид, поскольку «Д» оказалось частицей «дю». Имя у него могло быть только одно. Сириль дю Барро. Или Серж. Она тут же вообразила себе разорившуюся аристократическую семью из провинции. Семейство, смехотворно гордящееся своей частицей «дю». Представила себе этого Сержа дю Барро у стойки, выставляющего напоказ свое безразличие, и тут же подумала, что эта частица ему идет, вполне соответствует его облику пресыщенного аристократа [7: 102].

Введение в ткань повествования онимических фантомов представляет собой специфический прием, имитирующий реализацию фатической функции.

2. Функция коммуникативно-модального триггера [8: 243]. Лингвистов давно занима-

ет оним *Пушкин* в расхожих выражениях типа *А кто платит будет, Пушкин?* или *А кто уроки делать будет, Пушкин?* Вопрос на самом деле неспральный, поскольку для собственного имени *Пушкин* – в данном контексте – прецедентность в традиционном ее понимании сродни прокрустову ложу, так что интерпретировать это имя как прецедентное приходится только с помощью экстенсии типологии прецедентных имен, ср. [9: 53]. Какую функцию выполняет это имя, которое является, на наш взгляд, типичным онимическим фантомом? Обычный вопрос, т.е. без «довеска» *Пушкин*, это запрос об актанте: вопрос задается, чтобы выбрать кого-то из участников ситуации. Например, *А кто пойдет за бутылкой?* (вопрос, уместный при распределении поручений). При добавлении слова *Пушкин* – вследствие невозможности выбора данного актанта – в вопросе появляется модальность долженствования: надо идти за бутылкой, надо мусор выносить, надо платить, надо уроки делать (остальные оттенки подскажет ситуация). Таким образом, онимический фантом *Пушкин* формирует коммуникативно-прагматический сдвиг от простого запроса об актанте к жесткой модальности долженствования.

Онимическую травестию можно рассматривать как вид фантомных онимов, а можно и как отдельную акциденцию имени. Из музыкальной среды хорошо известен – в разных вариантах – текст «про композиторов», ср.: *Проснулся рано утром, продрал Глазунова. Встал, поел Мясковского с Хренниковым и Сметаной и затил Чайковским. Но тут мне стало Паганини <...>*. Понимание текста поддерживается в данном случае внутренней формой онимов, «прочитываемых» как имена нарицательные. Склоняемые фамилии имитируют имена существительные с предметным значением; несклоняемая фамилия выступает в адвербиальной функции. Можно ли сказать, что имена собственные переосмысляются как нарицательные с оживлением внутренней формы, как пишет В.З. Санников, приводя пример шутильной сценки из стенгазеты «Русист», вышедшей в 60-е годы в Институте русского языка АН СССР, обыгрывающей фамилии сотрудников Института: *Как Филлин прокричит, надень Белошапкову на Шварцкопфа, запряги Коннову в Санникова, протруби в Трубачева...* [10: 178]. Однако переосмысление ИС как нарицательных обычно приводит к деонимизации, и при полной деонимизации оним теряет свой статус и превращается в имя нарицательное (ср. *макинтош*, *кольт* и пр.). Также нельзя назвать этот прием антономасией, когда ИС используется метафорически для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя имени (ср. *мы все глядим в наполеоны...*). Мы считаем, что это явление не потери, а травестию проприального статуса, по-

сколькo формально имена остаются именами – в письменном тексте они не теряют заглавной буквы. Фамилии композиторов, принадлежат к одной референциальной сфере музыки, из-за эффекта «списочности» (неймдроппинга) по существу так там и остаются, обеспечивая «понимателя текста» как бы двойной оптикой – условием любого каламбура/шутки. Более редкий пример находим в рассказе Татьяны Толстой «Глупости всякие», названный автором «нравоучительным рассказиком» и «сложенный» из названий немецких городов, ср. начало (выделено автором. – Н.В.):

Один господин встретил Дамме и был Раден: Ах, Ухте и так далее. Вскоре они поженились, и он был к ней Добриц. Жили сначала хорошо: разводили Цапель, во дворе у них жил маленький Пёснекк, в хлеву – Овен. Но шло Времен, жена часто Родах, и появились Деттинген (целых Восмер, и все девочки) с обычными проблемами – то Моккрена, то Какаэль, то Горлозен, а иной раз и Гнойен <...>. [11: 286], В качестве травестийного материала в тексте Татьяны Толстой выступают иноязычные топонимы, действительно существующие [4]. Чем тогда являются эти номинации? По существу, это квазислова, их «похожесть» на русские словоформы, включая глагольные, весьма условна. Можно выделить три категории: 1) случайные точные попадания в падеж, например, домашний *Раб*, разводили *Цапель*, ели *Раков*; 2) почти полное фонетическое совпадение: легкий *Флириш*, налегать на *Бухлоэ*, драгоценный *Камен*, голова *Гудов*, наставить *Рогец*, *Гнойен*, хладный *Охтруп*; 3) аллюзию к русскому слову дает лишь фрагмент немецкого топонима: *Мольшлебен* (моль), ее поджидал *Гибельштадт*, задать *Плеттенберг*, *Уммерштадт*. Таким образом, «понимателю» текста приходится проделывать гораздо большую работу, чем в тексте «про композиторов», поскольку немецкие топонимы врfd ли входят в личную сферу адресата данного текста, и разгадывание того, что за ними скрыто, тоже не всегда прямолинейный путь.

Заключение. Таким образом, пара «имя собственное – имя нарицательное» не всегда представляет собой оппозицию. Взаимодействие двух статусов имени в тексте – проприального и апеллятивного – может происходить не как потеря и приобретение, а как опустошение свойств и травестия качеств, что превращает ИС в фантом. Для обозначения дрейфующего статуса имени собственного в пространстве текста представляется

подходящим термин *акциденция онима*. Акциденции онима – это такой фантомный статус имени собственного в тексте, который нельзя описать в традиционных для ономастики терминах деонимизация, апеллятивация и антономасия. Акциденции онима в тексте дают большие возможности для языковой игры. Онимические фантомы, часто прячущиеся за статусом прецедентных имен, также служат своеобразной «поэтизации» дискурса, при этом не только художественного. Таким образом, расширение литературной ономастики до направления «имя–в–тексте» позволяет исследователю, на наш взгляд, быть более свободным в выборе методов, стратегий и техник анализа. Кроме того, такое расширение помещает ономастику в более широкие научные пространства.

Литература

1. Маслова В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. – Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 104 с.
2. Николаева Т.М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» // Вопросы языкознания. – 2009. № 3. – С. 3–18.
3. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2016. – Т. 2. Вып. 4 (8). – С. 18–27.
4. Васильева Н.В. Не совсем собственное имя: травестия статуса как текстообразующий прием // Жизнь языка в культуре и социуме: материалы Всерос. науч. конф., Москва, 1–2 июня 2018 г. – М.: Издательство «Канцлер», 2018. – С. 169–170.
5. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958. – 404 с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
7. Кундера М. Подлинность / Пер. с фр. Ю. Стефанова. – М.: Азбука-Классика, 2003. – 288 с.
8. Васильева Н.В. О трансформации онимов в дискурсе // Экология языка и речи: материалы V Междунар. науч. конф. (3–5 нояб. 2006 г., г. Тамбов). – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 243–245.
9. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ – Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 49–54.
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
11. Толстая Т. Глупости всякие // Толстая Т. Легкие миры. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 286–288.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'42

Языковая личность и ее бытие как объекты полипарадигмальных исследований

Владимирова Т.Е.

Московский университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена актуальной задаче полипарадигмального рассмотрения языковой личности и раскрытию дискурсивной природы ее бытия. Это позволило объединить в одном исследовательском горизонте данные лингвистики, психологии, философской онтологии как учения о бытии, культурологии и синергетики. При этом автор опирался на триадный метод, передающий идею развивающейся целостности, и, в частности, на процессуальную триаду Аристотеля, на концепцию триединства языка, способа бытия и культуры М. Хайдеггера, а также на понимание «бытия-сознания» как взаимодействия рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и духовной составляющих (К.М. Мамардашвили, В.П. Зинченко). Особое внимание в статье фокусируется на представлениях о смысле жизни, которые составляют ценностное ядро сознания языковой личности и прообраз искомого бытия. Актуализация экзистенциальной проблематики и исследовательское внимание к сущностным основам бытия приводят к заключению, что личность также экзистенциальна, как и ее языковое бытие. При таком понимании экзистенциальная языковая личность может рассматриваться как исторически сложившийся прототип носителя лингвокультуры с характерным для него способом бытия и представлениями о смысле жизни.

Ключевые слова: языковая личность, бытие, сознание, онтология, философия языка, полипарадигмальный подход, экзистенциальный поворот.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 44–48)

Language Personality and its Being as Objects of a Polyparadigmatic Approach

Vladimirova T.E.

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the actual problem of the polyparadigmatic consideration of the language personality and the disclosure of the discursive nature of its being. This made it possible to combine in one research horizon data of linguistics, psychology, philosophical ontology as a theory of being, cultural studies and synergetics. At the same time, the author relied on the triad method, transmitting the idea of developing integrity, and, in particular, on the procedural triad of Aristotle, on the concept of the trinity of language, mode of being and culture of M. Heidegger, as well as on the understanding of "being-consciousness" as a reflexive, existential interaction (existential) and spiritual components (K.M. Mamardashvili, V.P. Zinchenko). Special attention in the article focuses on ideas about the meaning of life, which constitute the value core of the consciousness of a language personality and a prototype of the desired being. The actualization of the existential problematics and the research attention to the essential foundations of being lead to the conclusion that the personality is also existential as its linguistic being. With this understanding, an existential language personality can be considered as a historically established prototype of a carrier of linguoculture with a characteristic way of being and ideas about the meaning of life.

Key words: language personality, being, consciousness, ontology, philosophy of language, polyparadigmatic approach, existential turn.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 44–48)

В предисловии к своей монографии «Homo lingualis» В.А. Маслова писала: «Исследование языка на современном этапе перегружено техническими тонкостями описания, но раскрытию сути человека это не помогает. Нужна некая интеграционная наука на базе лингвистики, которая поможет раскрытию

тайны человека – его происхождения, души, социокультурной среды, в которой он формируется» (Маслова, 2007: 6).

Принимая озабоченность замечательного ученого-лингвиста, автора целого ряда учебников, на которых выросло не одно поколение филологов, заметим, что книги и статьи, написанные

В.А. Масловой, если бы их можно было объединить в одном издании, составили бы энциклопедию русской языковой личности.

При этом перечень статей охватывал бы как общую теорию человека с позиций антропоцентрической парадигмы на материале всего спектра гуманитарных наук, так и анализ национальной языковой личности и ее бытия в пространстве культуры.

Читателя удивил бы и исследовательский диапазон автора, который включает анализ языка и культуры в их неразрывном единстве, вопросы коммуникации, онто- и филогенеза, а также концептуализации мира, самого человека и его бытия среди других и с самим собой.

В результате не только специалист: филолог, культуролог, философ, психолог, социолог и этнограф, но каждый, кто интересуется вопросами бытия человека в пространственно-временном контексте языка и культуры, должен будет признать, что автором фактически представлена та «интеграционная наука на базе лингвистики», о которой говорится во введении к «Homo lingualis». Ведь эта книга раскрывает сущностные основы бытия языковой личности и, следовательно, содержит ответы на множество других вопросов, которые нас волнуют.

Тем не менее, сознавая актуальность разработки интеграционного подхода к изучению человека и стремясь внести свою лепту в его дальнейшее развитие, автор настоящей статьи предпринял попытку рассмотрения языковой личности через призму ее бытия.

Целью настоящей статьи является полипарадигмальное рассмотрение языкового бытия человека, раскрытие его дискурсивной природы, а на этой основе – расширение наших представлений о языковой личности, которая приобретает экзистенциальное изменение при обращении к ее «выразительному и говорящему бытию» (М.М. Бахтин). Поставленная цель потребовала объединения в одном исследовательском горизонте данных лингвистики, психологии, философской онтологии как учения о бытии, культурологии и синергетики.

Методы исследования. Полипарадигмальный подход к рассмотрению языковой личности и ее бытия сделал актуальным обращение к триадному методу, известному со времен античности. Здесь мы имеем в виду 1) процессуальную триаду Аристотеля, которая позволяет раскрыть дискурсивную природу языкового бытия и его сущностные (онтологические) основания; 2) концепцию триединства языка, способа бытия и культуры М. Хайдеггера, также восходящую к аристотелевской триаде и платоновским эйдети-ческим идеям, и 3) понимание «бытия-сознания» как взаимодействия рефлексивной, бытийной

(экзистенциальной) и духовной составляющих (К.М. Мамардашвили, В.П. Зинченко).

Задача изучения функционально-целостной природы человека была поставлена еще в 20-е годы прошлого века в рамках «философской антропологии». Возглавивший это течение Макс Шелер писал: «Если и есть философская задача, решения которой наша эпоха требует как никогда срочно, так это задача создания философской антропологии. Я имею в виду фундаментальную науку о сущности и сущностной структуре человека» (Шелер, 1993: 131). Подобная постановка проблемы, с одной стороны, возвращала к пониманию языка как «внутреннего органа бытия человека» (В. фон Гумбольдт), а с другой – ставила перед лингвистикой проблемы, к которым в то время она была не готова.

Действительно в течение длительного времени язык изучался как многоуровневая система, которая является базой для речевой деятельности. Благодаря четкому, формализованному аналитическому методу были выявлены и классифицированы устойчивые параметры языка и выделены его основные уровни. При этом исследования проводились в искусственно ограниченном, – двумерном, – пространстве: <язык – речь> и <мышление – речь>. Как следствие, речь рассматривалась преимущественно как механизм, обеспечивающий мыслительный процесс, что обусловило «представление о языке как системе, управляющей коммуникацией и подчиняющей себе человека» (Павлова, 2004: 398). Что же касается ведущей исследовательской парадигмы, то на этом этапе лингвисты были нацелены на изучение языка во всей его полноте.

Потребуется время, чтобы Л. Ельмслев, с именем которого связана идея разработки наиболее радикальной версии структурно-семиологической исследовательской парадигмы, признался в «Прологоменах к теории языка», что «временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его *тайны*». Более того, в этой же статье автором была сформулирована новая задача науки о языке – способствовать достижению человечности и всеобщности: «Лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы — но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового культурного знания, добытого посредством языка. На этом этапе лингвистическая теория достигает той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*» (Ельмслев, 1960: 381).

«Антропологический поворот» в философии, которая перешла от изучения «начал всего» к исследованию человека, вывел лингвистику за пределы анализа языка «в себе и для себя» (Ф. де Соссюр) к «человеку в языке» (Э. Бен-

венист), и в число ее объектов вошла языковая личность.

Параллельно психолингвистика отказалась от анализа речевой деятельности в пределах дихотомий <автор – текст/высказывание> и <текст/высказывание – адресат>, которые разрывали коммуникацию, и приступила к ее изучению в составе целостной триады <адресант – текст / высказывание – адресат>. А исследование содержательно-смысловой стороны речи привело к рождению прагматической лингвистики, теории коммуникации и семантики текста. Исследовательское внимание к речевому взаимодействию позволило говорить о начавшемся «коммуникативном повороте» в гуманитарных науках (Савчук, 2013).

Но «выход науки за пределы уже освоенных территорий» приводит к открытию «новой реальности», которой нужен «новый язык описания» (Фрумкина, 1995: 84). Так в лингвистику вошел новый, «функционально цельный» объект – **дискурс**.

Востребованность дискурса вполне объяснима. Включая в себя не только языковую / речевую / текстовую деятельность в ее развитии, но и «онтологическую реальность» (Г.П. Щедровицкий), дискурс раскрывает событийный контекст с присущими ему этнопсихолингвистическими и социокультурными особенностями, в которых протекает бытие языковой личности. Так, внимание к дискурсивной природе бытия языковой личности стало знаком «онтологического поворота» в гуманитарных науках.

В этой связи примечателен следующий факт. М. Фуко сравнивал дискурс с «тонкой контактирующей поверхностью, сближающей язык и реальность, смешивающей лексику и опыт» (Фуко, 1996: 49). Таким образом, дискурс фактически выполняет функцию «настройки» между языком и реальностью, словом и опытом. А в присутствии идеолога дискурс становится «не грандиозной манифестацией субъекта, который мыслит, познает и говорит, а совокупностью, в которой могут определяться рассеивания субъекта и, вместе с тем, его прерывности» (Там же: 55).

А Г.П. Щедровицкий, рассматривая сложную взаимосвязь между человеком и деятельностью, сравнил ее с потоком. Согласно его пониманию, деятельность, а следовательно, и деятельность речевая, дискурсивная, представляет собой «как бы особую субстанцию, которая разворачивается по своим внутренним имманентным законам. Это поток, который передается от одного поколения к другому. Поколения рождаются и умирают, а деятельность протекает через них, и она во многом независима от своего материального биологического субстрата. И уже непонятно, человек определяет деятельность, или деятельность “штампует” определенным образом человека» (Щедровицкий, 1997: 256).

Еще более определенно мысль о взаимообусловленности дискурса и бытия выражена в дефиниции Т.А. Ван Дейка: «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» (Дейк, 1998: 47).

Сравнение «языкового существования» с потоком характерно и для Б.М. Гаспарова: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта». Более того, автор смотрел на «наши отношения с языком не как на целенаправленную “работу”, совершаемую по определенным поводам, на основании определенных правил над определенными, имеющими постоянные свойства строительными элементами, но как на экзистенциальный процесс, столь же всеобъемлющий, но и столь же лишенный какой-либо твердой формы и единого направления, как сама повседневная жизнь» (Гаспаров, 1996: 9–10).

Близкий подход лежит в основе докторского исследования В.А. Курдюмова «Предикация и природа коммуникации», в котором раскрывается «экзистенциальная природа языка» и обосновывается концепция экзистенциальной лингвистики. Анализируя «идеенесущие» свойства языка и речевой деятельности, автор пришел к выводу, что языковое существование, помимо чисто лингвистических измерений, включает «экзистенциальную вертикаль». При таком понимании язык, одной стороны, выступает как «целостный динамический экзистенциальный объект», а с другой, – как «экзистенциальный поток, очерчивающий частные бытия». Поэтому язык выполняет не только регулятивную (повседневное общение) и когнитивную (познание подлинных сущностей) функции, но и экзистенциальную (обретение подлинного существования личности) (Курдюмов, 1999: 1718).

Что же касается самого понятия «языковое существование» (< япон. *гэнго-сэйкацу* ‘теория языкового существования’), то оно было введено в отечественную лингвистику известным востоковедом Н.И. Конрадом, который писал, что «язык — не только и не столько структурное образование, скорее – вид, модус существования человека в том же плане, что и “политическое”, “экономическое”, “художественное” существование» (Конрад, 1959: 7).

Особое место в изучении языкового существования занимает концепция «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили) и его

понимание как взаимодействия рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и духовной составляющих (Зинченко, 2013: 113).

Чтобы раскрыть целостное единство «бытия-сознания» и дискурсивную природу личностного существования, обратимся к аристотелевской процессуальной триаде: <dynamis – energeia – entelecheia> (Аристотель, 2008: 232–233). Согласно Аристотелю, речевая интенция / жизнедеятельность как потенция (dynamis) и собственно речевая деятельность / жизнедеятельность (energeia) соотносятся с «состоянием осуществленности» и искомым речевым / жизнедеятельным совершенством (entelecheia) (Гайденок, 2000: 62).

Выбор данной триады мотивирован тем, что она отражает целостную природу энергийного бытия языковой личности. Потенциально возможное высказывание («бытие в возможности») становится в процессе речевой деятельности реальностью («бытием»), но, будучи соотношенным с исходным намерением и искомым совершенством (энтелехией), переосмысливается и преобразуется, порождая новую речевую интенцию («бытие в возможности») и новое высказывание («бытие») и т. д.

Таким образом, энергийное начало является главным источником проявления «воли говорящего» независимо от прочих условий коммуникации. Именно им предопределяется сама возможность дискурсивного бытия, которое развивается в постоянном соотношении с имеющимися сущностными, смысложизненными ценностными ориентирами поведения, принятия решений и, шире, способа бытия с другими.

Если же личностная оценка своего речевого поведения и, шире, бытия не совпадает с культурно обусловленными (энтелехийными) представлениями об искомом совершенстве, то создается «познавательное-этическое напряжение» (М.М. Бахтин) и возникают экзистенциальные переживания. Так, стремление к полноте личностного существования, которая необходима для духовного самосовершенствования, и поиск смысла жизни становятся частью бытия.

Такова синергетическая природа «единого континуума бытия-сознания»: прообраз возможного будущего направляет речевой замысел и представление о должном бытии, а человек при этом опирается на собственный опыт, принадлежащий прошлому. Как следствие, языковая личность испытывает на себе воздействие двух аттракторов, создающих экзистенциальную напряженность ее существования. Это, во-первых, опыт, знания, ценности и переживания, накопленные в процессе жизнедеятельности, а во-вторых, – представления об искомом совершенстве, принадлежащие не только рефлексии, но в значительной степени интуиции (Владимирова, 2018: 31). Таким образом, осмысление дискурсивной природы языкового

бытия с позиций синергетики раскрывает «становящийся» характер языковой личности и ее бытия.

Что же касается энтелехийных представлений, соотносимых с эйдосами Платона и личностными установками, то они отличаются этнокультурной спецификой. Если для русской языковой личности ведущим аттрактором традиционно выступает будущее, которое «просто надо увидеть и поддержать» (С.П. Курдюмов), то для китайцев – это прошлое, на которое следует ориентироваться, а для западных европейцев это, как представляется, настоящее.

Но изучение языковой личности и ее дискурсивного бытия исходит не только из взаимосвязи лингвистики с философской онтологией. Интерес лингвистов к данной проблематике в значительной степени был подготовлен «онтологическим», а затем и «экзистенциальным поворотом» в философии и, шире, в гуманитарных науках в целом.

Так, согласно М. Хайдеггеру, именно языковая экзистенциально-онтологическая реальность раскрывает человеку самого себя, других и собственное бытие с другими. Ведь «язык есть дом бытия, в жилище которого обитает человек» (Хайдеггер, 1993: 192). Поэтому человек присваивает понимание сущности в границах унаследованного образа мира и на этом фундаменте строит личностный «способ бытия» со свойственным ему пониманием сущего и сущности. В этом, согласно М. Хайдеггеру, и заключается смысл человеческого существования в мире: «Быть–в–мире, быть открытым и обладать изначальным пониманием – это в сущности одно и то же» (Хайдеггер, 2003: 74).

Следовательно, мы можем рассматривать хайдеггеровскую триаду <язык («дом бытия») – бытие («способ бытия») – культура («хранитель бытия») > как восходящую к аристотелевскому пониманию человека, его бытия и свойственных ему энтелехийных представлений (Хайдеггер, 1993: 192 и сл.).

Так, за антропологическим и коммуникативным поворотами в гуманитарных науках последовали «онтологический и экзистенциальный повороты». Но и они вынуждены были уступить дорогу глобальному «повороту к языку». Последний, как представляется, был вызван «неудовлетворенностью лингвистов механистически-бесстрастным, констатирующим и прагматически не нагруженным описанием языка в традиционной грамматике и в “чистом” структурализме, а также стремлением лингвистов приблизиться к объяснительным стратегиям исследования языка» (Сигал, 2004: 14).

Возвращаясь к языковой личности и ее бытию, подчеркнем необходимость раскрытия их сущностных (онтологических) оснований. А игнорирование дискурсивной природы бытия напоминает известную ситуацию, которая возникла при обсуждении квантовой механики. Выступая

против отказа от пространственно-временного континуума, А. Эйнштейн писал, что «такая программа смахивает на попытку дышать в безвоздушном пространстве» (Эйнштейн, 1967: 223).

Возможно, этим же объясняется повышенный интерес к когнитивной исследовательской парадигме, обращенной вглубь познавательной деятельности человека со свойственным ему отношением к «онтологической реальности». Сформировавшись в 70-х гг. прошлого века, когнитивная лингвистика активно продвигается по пути создания концептуальной картины мира, раскрывая новые грани языковой личности и ее бытия. В этой связи позволим себе отметить, что одним из самых востребованных учебных пособий является «Введение в когнитивную лингвистику» В.А. Масловой, переизданное уже в 9-й раз (Маслова, 2018).

Заключение. Предпринятое полипарадигмальное рассмотрение языковой личности и ее бытия позволило объединить в одном исследовательском горизонте лингвистику с философской онтологией, психологией, культурологией и синергетикой. А использование триадного метода способствовало раскрытию дискурсивной природы ее бытия и особой роли в нем представлений о смысле жизни, которые составляют ценностное ядро сознания языковой личности и прообраз искомого бытия.

Изучение экзистенциально-онтологической проблематики и внимание к сущностным основам личностного бытия приводят к заключению, что личность так же экзистенциальна, как и ее языковое бытие. Следовательно, **экзистенциальная языковая личность** может рассматриваться как исторически сложившийся прототип носителя лингвокультуры с характерным для него способом бытия и представлениями о смысле жизни. А поскольку человек выступает не только как наследник образа мира и правил речевого поведения, сложившихся в его родной лингвокультуре. Особое место в жизнедеятельности языковой личности занимает **экзистенциальная картина бытия** как присутствующая в сознании «лента жизни», в которой получил выражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле жизни.

Литература

1. Аристотель С. Метафизика. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
3. Владимирова Т.Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 320 с.
4. Гайденко П.П. Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // Философия природы и в античности в средние века. М.: Прогресс-Традиция, 2000, с. 37–78.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
6. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
7. Конрад Н.И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М.: Изд-во вост. литературы, 1959. С. 5–16.
8. Курдюмов В.А. Экзистенциальные аспекты предикационных преобразований. М., 1999 [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html> (дата обращения 01.11.2017).
9. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука. 2018. 296 с.
10. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. Монография. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
11. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 8–68.
12. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 93–108.
13. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
14. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004. 404 с.
15. Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
17. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
18. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность: гуманитарные аспекты. Ежегодник. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. 1993. С. 133-159.
19. Щедровицкий Г.П. Онтология и онтологическая работа. 1979. [Электронный ресурс] URL: http://docplayer.ru/44316021-Shchedrovickiy-g-p-ontologiya-i-ontologicheskaya-rabota.html#show_full_text (дата обращения 12.08. 2017).
20. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Политики, 1997. 656 с.
21. Эйнштейн А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. 598 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81:659.123.1(476.5-25)

Формирование языкового пространства г. Витебска посредством наружной рекламы

Воробьева О.И.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Наружная реклама формирует городское информационное пространство, она характеризуется непосредственной включенностью в социальную практику, познавательную деятельность, языковой процесс и речевой поток того или иного социума, что и определяет актуальность данного исследования.

Цель статьи – охарактеризовать состояние языка наружной рекламы г. Витебска на современном этапе, проанализировать механизмы рекламного воздействия, определить комплекс языковых и невербальных средств и приемов создания сообщений рекламы.

Материал и методы. *В качестве материала для исследования были выбраны билборды как вид наружной рекламы, обладающий по сравнению с другими видами рекламных сообщений такими преимуществами, как оперативность, краткость, образность, запоминаемость, массовый охват реципиентов.*

Результаты и их обсуждение. *В ходе исследования обнаружены следующие характерные приметы рекламы на билбордах г. Витебска: дифференциация рекламы по социальным, возрастным группам и все большая индивидуализация адресата; стремление к доверительному контакту, диалогу с реципиентом; яркие образы и «фирменный» подход к рекламе, признание высокого качества отечественной продукции.*

Таким образом, рекламный текст – строго организованная и состоящая из множества разноуровневых единиц языка и невербальных знаков коммуникативная структура, не сводимая к «линейному» речевому сообщению. Тексты наружной рекламы отличаются краткостью, образностью, запоминаемостью, что достигается за счёт использования языковых средств, художественных приемов, паралингвистических компонентов.

Ключевые слова: *языковое пространство, наружная реклама, разноуровневые языковые средства, текстовые приемы.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 49–52)

Formation of the language surroundings of Vitebsk Through outdoor advertising

Vorobyova O.I.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Outdoor advertising forms the urban information space, it is characterized by direct involvement in social practice, cognitive activity, language process and the speech flow of a particular society, which determines the relevance of this study.

The purpose of the article is to characterize the state of the language of outdoor advertising in Vitebsk at the present stage, to analyze the mechanisms of advertising influence, to determine the complex of language and non-verbal means and techniques for creating advertising messages.

Material and methods. *As a material for the study, billboards were chosen as a type of outdoor advertising, which possesses, in comparison with other types of advertising messages, such advantages as efficiency, brevity, figurativeness, memorability, mass coverage of recipients.*

Results and their discussion. *The study revealed the following characteristic signs of advertising on the billboards of the city of Vitebsk: the differentiation of advertising by social, age groups and the increasing individualization of the addressee; the desire for trusting contact, dialogue with the recipient; vivid images and "corporate" approach to advertising, recognition of the high quality of domestic products.*

Thus, the advertising text is a strictly organized communication structure consisting of many different-level language units and non-verbal signs, not reducible to a "linear" speech message. Texts for outdoor advertising are short, imaginative, memorable, which is achieved through the use of multi-level language tools, rhetorical techniques, paralinguistic components.

Key words: *language surroundings, outdoor advertising, multi-level language tools, text techniques.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 49–52)

Современный Витебск – один из крупнейших индустриальных и культурных центров республики, административный центр Витебской области – достаточно полно укомплектован рекламными билбордами (билбордами). В отличие от рекламы в СМИ наружная реклама формирует неустраняемое городское рекламное-информационное пространство. Горожан на улицах окружают щиты, вывески, плакаты, указатели, перетяжки, наклейки. Данные рекламные носители привлекают внимание потенциальных потребителей и поражают смелыми и красочными образами.

Являясь формой маркетинговых коммуникаций, реклама представляет собой важную сферу человеческой деятельности. Рекламные произведения служат мощным средством культурного и языкового воздействия на человека, формируют его языковые вкусы и приоритеты. Состоянию рекламы в нашей республике в советское время, изучению ее опыта и достижений, раскрытию механизмов взаимоотношения с промышленностью, торговлей и потреблением, освещению способов и форм воздействия на человека, процесса творческого создания рекламных текстов посвящена книга Б.С. Разумовского[1]. О языковых чертах рекламы на начальном этапе становления рыночных отношений написан раздел «Реклама» в книге Б.Ю. Нормана «Лингвистика каждого дня» [2]. В отдельных работах представлен анализ рекламных текстов, бытующих в рекламе Беларуси в настоящее время [3–6]. Выделяется ряд исследований по особенностям организации билбордов как «массовых носителей» рекламы [7–11].

Такое многоплановое, многоаспектное семиотическое явление, как реклама, неразрывно сочетающее вербальные и невербальные знаки, невозможно описать в рамках чисто внутриязыковых системно-структурных координат. Исследование рекламного дискурса требует большого набора сведений из экономики, психологии, культурологии, социологии, семиотики и ряда других дисциплин. Таким образом, актуальность данного исследования определяется важностью рекламы как языкового, социального и экономического явления, необходимостью определения лингвистических и несобственно лингвистических средств и приемов, которые дают возможность эффективными, максимально учитывающими интересы получателя рекламы способами достичь желаемого эффекта коммуникации.

Цель статьи – охарактеризовать состояние языка наружной рекламы г. Витебска на современном этапе, проанализировать механизмы рекламного воздействия, определить комплекс языковых и невербальных средств и приемов создания сообщений рекламы.

Материал и методы. В качестве материала для исследования были выбраны билборды как

эффективный, доступный и востребованный вид наружной рекламы. Последняя характеризуется непосредственной включенностью в социальную практику, познавательную деятельность, языковой процесс и речевой поток того или иного социума, а реклама на билбордах по сравнению с другими видами рекламных сообщений обладает такими преимуществами, как оперативность, краткость, образность, запоминаемость, массовый охват реципиентов.

Методологической основой исследования послужили труды теоретиков лингвистики текста, работы по языку рекламы, исследования в области теории речевой деятельности, семиотики и системы массовых коммуникаций, лингвистической прагматики, психолингвистики, риторики, лингвокультурологии, социолингвистики, паралингвистики. Для решения поставленных задач использованы различные методы и приемы анализа: описательно-аналитический метод, методы сопоставительного, компонентного и контекстного анализа, приемы риторического анализа. Им сопутствовало применение методов наблюдения, сплошной выборки.

Результаты и их обсуждение. В прагмалингвистическом плане рекламный текст характеризуется как акт специфической коммуникации, содержанием которого становится яркое социальное воздействие адресанта на адресата. Перспективным является исследование рекламного дискурса по пути от выявления его экстралингвистической специфики до обнаружения параметров «тела» текста. Представление рекламы в системе маркетинговых коммуникаций, во-первых, и рассмотрение коммуникативной модели рекламного процесса, во-вторых, дают возможность обнаружить ряд факторов, существенных для реализации прагматики и интерпретации коммуникативного воздействия рекламного обращения. Организация рекламы как одного из важнейших средств маркетинговых коммуникаций состоит из следующих компонентов: изучения предмета рекламы и характеристик аудитории рекламного воздействия, концепции рекламной кампании (цель, коммуникативные задачи, позиционирование, рекламная идея), анализа эффективности проведенной рекламной акции.

Билборды являются активным инструментом наружной рекламы в городе, они используются для рекламы широкого диапазона товаров и услуг, рассчитанных на основную массу потребителей. Реклама на билбордах дает возможность максимально оперативно воздействовать на целевые группы населения города, она не продает товары, а внедряет их в массовое сознание, побуждая тем самым потенциальных потребителей к покупке тех или иных товаров.

Проведенное исследование обнаружило следующие характерные приметы рекламы на бил-

бордах г. Витебска. Во-первых, очевидна дифференциация рекламы по социальным, возрастным группам и все большая индивидуализация адресата: *Elegant Conte. Women's collection – это колготки; Родителей бесит, что ходишь к друзьям? Пусть друзья живут у тебя. Burning Black. Друзья по-черному!*; *Dilis. Парфюм. Очарование роскоши*. Во-вторых, рекламные обращения стремятся к доверительному контакту, диалогу с реципиентом: *Пристегни самого дорогого и пристегнись сам; Зимой вкуснее вместе! квас ЛИДСКИЙ. Отражение вашего города. Портал vitebsk.by*. В-третьих, обнаруживаются яркие образы, а также «фирменный» подход к рекламе: *Фрудоза – музыка твоего лета* (реклама мороженого); *Jacobs. Кофейня есть там, где Melicano*. В-пятых, признается высокое качество отечественной продукции: *ЛюбиМОЕ молоко. Глубокский молочно-консервный комбинат; Богатырский перекус. Славянский мясокомбинат. Зроблена ў Беларусі; Минское молоко. Любимая марка с 1929 года*.

Рекламные сообщения наружной рекламы отличаются краткостью, образностью, запоминаемостью, что достигается за счёт использования разноуровневых языковых средств.

В рекламном тексте раскрываются неисчерпаемые возможности варьирования слова в разных значениях и смыслах. Помимо буквального смысла они несут информацию о культурно-специфичных и социальных особенностях общества: *Забудьте о старом. Тариф “Новый” Велком; С нашим соусом и майонеза не надо. Простоквашино; Халва. Рассрочка на все вкусы. Якобс Монарх. Наполни праздник ароматией*. При помощи семантических операций можно перекинуть мостик между высокой и низкой культурой, в простом распознать сложное, в бытовом возвышенное: *Зимние шины Даванти. Выбирайте свой путь; Самые ценные моменты с NescafeGold; Хочешь в драйв-зону с Новым радио?*

Существуют разнообразнейшие возможности семантического выделения элемента рекламного текста с различной интерпретацией – акцентировкой бренда, эмоциональной подпиткой образа и т.д. *Аига восстанавливает тонус; Тор – подними настроение; Рассро-ооооо-чка*;

Ограниченный по времени контакт с адресата с рекламным сообщением требует, прежде всего, нестандартных лингвистических решений. На бигбордах г. Витебска обнаруживаются оригинальные, неповторимые в деталях, занимательные и остроумные рекламные тексты: *На все случаи жизни есть... План Б* (реклама шоколада).

Действенность рекламного обращения активно повышают оценочные клише — так называемые «ключевые слова», вызывающие у человека эмоции и способствующие формированию положительных установок по отношению к объекту

рекламы. В качестве оценочных клише чаще всего употребляются прилагательные «доступный», «первый», «надежный», «вкусный», «удобный», «специальный», «большой», «качественный», «новый», «экономный» и др. Сами ключевые слова не имеют экспрессивной окраски, но благодаря своей семантике создают в контексте эффект положительной оценки: *Kitkat senses. Оцени новые вкусы; Пятый элемент. Покупаем подарки выгодно*.

Глаголы, употребляющиеся, как правило, в повелительном наклонении, побуждают к действию, делают текст динамичным: *Будь Сантой с подарками для любимых. Попробуй... Почувствуй... Coca Cola; Біткі на Вялікдзень. Трушчым цэны ушчэнт*.

Для языка рекламы характерна более высокая доля существительных по сравнению с другими частями речи (глаголами, наречиями, прилагательными). Текст, как правило, состоит из простых, часто односоставных предложений, упрощенных грамматических конструкций: *Белгосстрах. Комплексное страхование квартир; Витебское молоко. Территория оптовых цен. Широкий ассортимент молочной продукции*.

Особое место в рекламном пространстве занимают дейктические единицы, используемые в функции указания на участников речевого акта, степень отдалённости объекта высказывания и временную и пространственную локализацию данного факта. Они обеспечивают связность различных текстовых слоёв (лексических единиц внутри языкового текста, изобразительного и языкового компонентов), что особенно важно в условиях наружной рекламы т.к. способствуют реализации диалогового режима «автор – адресат», установлению целостной обратной связи последнего с рекламным обращением: *Медицинский центр In vitro. Мы всегда рядом; Его любят все. Безлимитный интернет; Хлеб – тое, что нас аб'ядноўвае*.

В рекламе бигбордов часто используются художественные средства и приемы: метафоры и сравнения (*Burger – king. Цена – огонь!*; *Марко. Кожны крок як узлет*), рифмы, параллелизмы (*Кто-то сильный? А ты нет? Укрепляй иммунитет! Actimel; За мирное небо и сладкие сны спасибо защитникам нашей страны; Вы здабылі мір. Мы зберажам! Министерство обороны РБ*), лексические повторы (*Сок «Вкусный» – вкусно поделиться*).

Паралингвистические компоненты, включающие иконический и графический компоненты (рисунки, цвет, свет, макетирование, фотографии, фирменный знак, типы шрифтов и др.), вступают в сложное взаимодействие с вербальным компонентом, реализуя содержательное наполнение рекламы и оптимизируя ее восприятие. Рекламный слоган банка *Успей взять кредит по вкусной ставке ВТБ. Кредит «Вкусненький»* информацию о процентной ставке изображает в виде долек апельсина. Мы наблюдаем использование

эффекта синестезии, ориентированного на подключение в восприятие рекламы вкусовых ощущений. Кроме того, в данном примере необычная коммуникативная роль разрушает традиционное употребление лексемы «вкусный», происходит семантическая трансформация слова, выполняющая характерологическую функцию и отличающаяся экспрессивностью.

Изображение – один из основных невербальных компонентов рекламы – либо иллюстрирует текст, либо формируют образ предмета рекламы и ситуацию его восприятия реципиентом, выполняя по отношению к вербальной информации такие функции, как повторение, добавление, противопоставление и выделение (модификация). К распространенным изобразительным стратегиям можно отнести привлечение традиционных риторических фигур и средств вторичной номинации, создание игры, основанной на структурной спаянности составляющих сообщения.

Текст рекламного щита ОО «Белорусский Союз женщин» гласит: *Радзіма*. Цветовое разделение слова (*рад* – красным, *зіма* – зеленым) создает двойное прочтение слова, выражающего не только любовь к Родине, но и радость от наступления зимы. Основанную на омонимии языковую игру подкрепляет изображение заснеженных крыш домов. Так создается красочный образ прихода зимы на родную землю. Подобный прием становится активной и серьезной «игрой» значением и смыслом, направленной на достижение максимального рекламного эффекта.

Невербальный код в рекламе подчинен вербальному, хотя отношения между текстом и иллюстрацией не всегда прямые и прозрачные. Рекламная иллюстрация несет определенную коннотацию, возникающую в конкретном идеологическом, культурном, эмоционально-ценностном контексте. Однако иконический текст является слабой импликацией, он обладает неустойчивостью и смысловой неопределенностью, его нельзя подвергнуть однозначной интерпретации. Вербальный знак выбирает одну из нескольких возможных интерпретаций изображения.

Таким образом, осуществленное нами исследование языкового пространства наружной рекламы г. Витебска позволяет сделать ряд обобщений, касающихся организации в ней лингвистических и несобственно лингвистических средств и приемов создания текста. Рекламный текст – строго организованная и состоящая из множества равноуровневых единиц языка и невербальных знаков коммуникативная структура, не сводимая к «линейному» речевому сообщению. Особенности размещения рекламы на билбордах определяют выбор средств воздействия и привлечения внимания, прежде всего, языковых. Сообщения наружной рекламы отличаются краткостью, образностью, запоминаемостью, что достигается за счёт различных лекси-

ческих и грамматических средств, текстовых приемов рекламного воздействия. Рекламные щиты обнаруживают регулярные формы выражения на всех уровнях языковой и невербальной структуры текста. Важнейшими маркерами «рекламности» являются лексика с повышенной эмоциональной ценностью, глаголы повелительного наклонения, побудительные конструкции, речевые клише, слоган, товарный знак и др.

Создание рекламного обращения – в лучших его проявлениях – не сводится к применению некоторых формализованных способов воздействия или техник использования слова. Творение образа сродни труду поэта. Исследование средств и приемов выражения рекламы, тем не менее, может способствовать дальнейшему развитию рекламных лингвистических стратегий. Полученные в ходе данного исследования результаты, на наш взгляд, могут быть использованы также основой для дальнейшей работы по изучению особенностей языковой организации рекламного текста.

Литература

1. Разумовский, Б.С. Торговая реклама в Белорусской ССР / Б.С. Разумовский. – Минск: Польша, 1976. – 88 с.
2. Норман, Б.Ю. Лингвистика каждого дня / Б.Ю. Норман. – Минск: Вышэйшая школа, 1991. – 303 с.
3. Ситник, С. Скажи мне, кто ты, или язык рекламиста / С. Ситник // Популярность. 2000. – № 7 – 9. – С. 13–15.
4. Короткая, С. Морфологические особенности русскоязычных рекламных текстов в российской и белорусской прессе (на материале товарных групп «медицина» и «туризм») / С. Короткая // Беларуская-польскае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: Матэрыялы VI міжнароднай навуковай канферэнцыі, Віцебск, 15–17 мая 2003 г.: в 2 ч. Ч. 1. – Віцебск: Выдавецтва УА «Віцебскі Дзяржаўны ўніверсітэт ім. П.М. Машэрава», 2003. – С. 136–139.
5. Пачкоўская, А.В. Прыярытэтнае ўжыванне назойнікаў у мове рэкламных тэкстаў / А.В. Пачкоўская // Текст в лингвистической теории и методике преподавания лингвистических дисциплин: материалы II Международной научной конференции, Мозырь, 26–27 марта 2003 г.: в 2 ч. Ч. 1. – Мозырь, УО «МГПУ», 2003. – С. 159–160.
6. Новосельцева, И.И. Особенности функционирования прецедентных высказываний в языке белорусской рекламы / И. И. Новосельцева // Universum: Филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. – 2016. – № 9(31). URL: <http://universum.com/ru/philology/archive/item/3653> (дата обращения: 15.12.2018).
7. Бурова, Н.Е. Кому адресована уличная реклама? / Н.Е. Бурова // Русский язык. – 2007. – № 7. – С. 46–48.
8. Скопин, А.А. Разработка и технологии производства рекламного продукта: учебно-методическое пособие / А.А. Скопин. – Ярославль, «Ремдер», 2009 – 118 с.
9. Бердышев, С.Н. Эффективная наружная реклама / С.Н. Бердышев. – М.: Дашков и Ко, 2010. – 132 с.
10. Портал о рекламе [Электронный ресурс] / Наружная реклама. Экскурс в историю. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.bcm.ru/parts/1631>. – Дата доступа: 15.12.2018.
11. Cook, G. The Language of advertising / G. Cook. – London; New York : Routledge, 2008. – 397 p.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'22

О принципах понимания и семантических правилах интерпретации знаков в изобразительной части поликодовых текстов¹

Горбачева А.В., Пучкова А.Н., Осадчий М.А.
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

В статье рассматривается проблема разработки научно обоснованной методики анализа поликодовых текстов на основе уточненных сведений из области семиотики и нейропсихологических и когнитивных исследований, касающихся процессов узнавания образов и понимания изобразительной информации. На материале текстов российского экстремистского дискурса рассмотрены отношения означаемого к означающему и типы отношений концепта к стимулу применительно к изобразительным знакам поликодового текста, представлены существующие сценарии активации концептов в зависимости от организации воздействующего стимула, сформулированы семантические правила для знаков индексального, иконического и символического типов. Указывается на особенности поликодовых текстов экстремистского дискурса, в частности на строгое соответствие принципу кооперации и постулату о способе коммуникации Г.П. Грайса и вытекающие из этого ограничения набора выразительных средств, а также приоритет актуальных и частотных для дискурса значений при интерпретации знаков.

Ключевые слова: знак, индекс, икона, символ, концепт, экстремизм, поликодовые тексты.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 53–57)

On Principals of Perception and Semantic Laws of Sign Interpretation in Descriptive Part of Polycode Texts

Gorbacheva A.V., Puchkova A.N., Osadchiy M.A.
Pushkin State Russian Language Institute

The article covers a problem of development of a scientifically valid methodology for polycode text analysis based on semiotic concepts, cognitive and neuropsychological research of visual information understanding and pattern recognition. Based on the texts from Russian extremist discourse we present the existing scenarios of concept activation depending on the stimulus organization and enunciate the semantic rules for the indexes, icons and symbols. We cover the denotation-to-signification relationship and concept-to-stimulus relationship in the area of visual signs of a polycode text. The article also covers the specifics of extremist polycode texts, such as strict compliance to G.P. Grice's cooperation principle and manner of communication maxim and resulting limitation of means of expression and the priority of the most frequent and immediate meanings in the discourse for the sign interpretation.

Key words: sign, index, icon, symbol, concept, extremism, polycode texts.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 53–57)

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

Внастоящий момент одной из актуальных проблем юрислингвистики в области противодействия экстремизму остается разработка научно обоснованной методики анализа поликодовых текстов, ставших одной из распространенных форм коммуникации в цифровой среде. Вопросы экспертного анализа поликодовых текстов освещаются преимущественно в работах лингвистов, специализирующихся в области судебно-экспертной деятельности, например М.Б. Ворошиловой, К.В. Злоказова [10], Е.А. Кожевниковой, М.А. Осадчего [4] и др. В то же время разработка методики анализа поликодовых текстов требует, чтобы работы в этом направлении были дополнены сведениями из области нейропсихологических и когнитивных исследований, касающихся организации знаний человека и процессов извлечения и обработки информации в головном мозге человека. В частности, требуется уточнение устройства и функционирования знаковых стимулов и механизмов активации когнитивных процессов обращения к памяти и понимания при восприятии этих знаков субъектом. Учет принципов знаковой организации может быть полезен при решении проблемы интерпретации изобразительной составляющей поликодового текста. Как справедливо заключает А.Ю. Нестеров, целью процедуры интерпретации является декодирование знака, которое осуществляется в результате применения семантического правила [6]. В этой статье авторы предпринимают попытку формулирования семантических правил для знаков изобразительной части поликодового текста.

Материал и методы. Материалом исследования являются поликодовые тексты экстремистской направленности формата «статическое изображение + вербальное высказывание». При формулировании семантических правил для изобразительных знаков поликодового текста мы используем классификацию знаков Ч. С. Пирса. Согласно этой классификации, в зависимости от отношения означающего к означаемому знаки разделяются на индексы, «которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними», иконы, «которые выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их», и символы, «или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями благодаря привычке» [7]. В этой работе данная классификация применяется с учетом принципов организации знаний человека. В качестве рабочей модели мы принимаем представление о том, что знания индивида хранятся группами нейронов в семантической памяти и структурированы в форме концептов (см. об этом, например, у Л. Барсалу [1], В.А. Масловой [5], З.Д. Поповой, И.А. Стернина [8], А. Г. Сониной [9]).

Концепт – это набор смысловых компонентов, вместе образующих знание о дискретном элемен-

те реальности: дифференциальные компоненты позволяют выделять элемент реальности и отличать среди прочих, интегральные компоненты дополнительно характеризуют его, обуславливая взаимосвязь с концептами, репрезентирующими другие элементы реальности. С точки зрения когнитивной деятельности субъекта, интерпретирующего знаки, концепт тождествен означаемому, а знак представляет собой стимул, обработка которого активирует конфигурации нейронных сетей, хранящие концепт. Принимая это во внимание, мы предпринимаем попытку рассмотреть отношения означаемого к означающему и описать типы имеющихся отношений концепта к стимулу, опираясь на разработанную Ч. С. Пирсом классификацию. Для простоты мы исходим из того, что содержание и форма знаков известны воспринимающему субъекту.

Знаки различных типов по-разному запускают активацию нейронных сетей, хранящих концепты. Необходимым условием активации целостного концепта является активация тех частей нейронной сети, которые отвечают за хранение дифференциальных смысловых компонентов этого концепта. Из этого следует, что условием успешного функционирования изобразительного знака является его способность в легко опознаваемой форме представить смысловоразличительный признак или признаки означаемого.

Если знак представляет один из некоторого множества смысловоразличительных признаков означаемого, он запускает активацию концепта путем активации участка сети, хранящего этот дифференциальный смысловой компонент. Таковы **индексальные знаки**, принципом функционирования которых является указание на элемент реальности при помощи презентации его части, например: изображение дыма предполагает, что его появление вызвано известной причиной – горением. В силу существования множества концептов, содержащих определенный дифференциальный компонент, индексальный стимул может активировать нескольких концептов, что приведет к информационной избыточности, которую реципиенту потребует скорректировать. В этих случаях читатель поликодового текста вынужден искать среди элементов изображения и высказывания такие, которые активировали бы смысловые компоненты, входящие в какой-либо концепт вместе со значением интерпретируемого индексального знака. При обнаружении такого концепта он получает преимущественную активацию, и впоследствии понимание текста будет строиться прежде всего на его основе. Чем больше из обнаруженных компонентов окажутся дифференциальными для определяемого концепта, тем увереннее реципиент будет его опознавать. Так, например, изображение крови в полико-

довых текстах экстремистской направленности в сочетании с изображением оружия и/или высказыванием, содержащим побуждение к убийству или сообщение об убийстве, интерпретируется как знак насильственных действий, поскольку вместе компоненты «кровь», «оружие», «убийство» формируют ядро концепта «насилие». Вне экстремистского дискурса компонент «кровь» сочетается, к примеру, с компонентами «шприц», «крест в капле», «сердце» и активирует концепт донорства крови. Для дифференциации подобных интерпретаций различные дискурсы могут специфически модифицировать индексальные знаки интегральными признаками, например, форма визуализации крови для формирования концептов «насилие» и «донорство» будет различаться.

Индексальные знаки широко используются в экстремистском дискурсе как указатели на определенные группы лиц. Индекс может указывать как на представителей своей группы, так и на объект вражды. Так, во всех случаях могут использоваться культурные маркеры, например элементы одежды, ассоциированной в общественном представлении с определенной группой: национальной (сарафан, косоворотка), религиозной (хиджаб, чалма, кипа), социальной (камуфляжная форма). Не менее распространенным указателем на принадлежность изображаемого персонажа являются его характерные внешние черты без изображения целиком: прически, характерные особенности внешности. Также для многих экстремистских текстов характерны зоометафоры и сравнения с животным, и дифференциальные признаки животного (пятачок, змеиный язык, хвост, уши) активируют сперва концепт самого животного, а уже затем, через взаимосвязь концептов источника признака и его носителя, ассоциируемых с ним в данной культуре качеств.

Знак может выражать все смысловозначительные признаки означаемого. Воздействие такого стимула активирует участки сети, хранящие дифференциальные смысловые компоненты, что приводит к активации целостного концепта, при которой субъект, интерпретирующий знак, ясно понимает его значение. Такая схема активации не имеет принципиальных отличий от восприятия непосредственно обозначаемого элемента реальности. Этот тип активации характерен в первую очередь для **знаков иконического типа**, которые в зависимости от состава дифференциальных и интегральных смысловых компонентов можно разделить на следующие разновидности:

- схемы, содержащие полный набор дифференциальных компонентов определяемого концепта (эмотикон Гитлера, карикатуры на представителей расовых, национальных групп и др.);

- примеры, содержащие полный набор дифференциальных и неполный набор интегральных

компонентов определяемого концепта (например, натуралистичные изображения представителей какой-либо расовой, национальной, религиозной группы);

- копии, содержащие полный набор дифференциальных и интегральных компонентов определяемого концепта (например, фотоизображения публичных лиц).

Такой же сценарий активации концепта реализуется при интерпретировании **символьного знака с единственным значением**. Следует отметить, что подобные знаки крайне редки и относятся к системам кодов, обеспечивающих безусловное однозначное понимание содержания знаков (например, знаки дорожного движения, для части которых связь формы и содержания произвольна). Экстремистский текст может использовать подобные общеизвестные знаки, однако создание собственных символов ограничено: неизвестный однозначный символ не будет понят читателем, а в тексты этого дискурса потенциально обращены к широкой аудитории.

Наконец, знак может активировать несколько конфигураций нейронных сетей, хранящих дифференциальные признаки нескольких концептов, которые могут представлять собой сложный смысловой комплекс или находиться под управлением омонимичных стимулов. Такой сценарий активации запускают **стимулы символьного типа**. Яркий пример омонимичных стимулов – пятиконечная звезда, выступающая как один из символов СССР и как оккультная пентаграмма. Примерами стимулов к концептам, входящим в сложные смысловые комплексы, в экстремистском дискурсе служат условные знаки запрещенных идеологий (нацистская свастика, геральдика войск СС и др.) и эмблемы тематических сообществ (например, эмблема неонацистского сообщества «Misanthropic Division», включающая символику дивизии СС «Мертвая голова» и изображение оружия) и организаций (например, флаг «Славянского союза» или «Исламского государства»). Эти символы также активируют концепты групп лиц, приверженных идеологии / принадлежащих к сообществам, организациям, характера их деятельности, состава враждебных групп и др. Например, при возбуждении вражды по религиозному признаку используются символы, характерные для объектов вражды: полумесяц для мусульман, звезда Давида для евреев / иудеев, крест для христиан.

В российском экстремистском дискурсе изображение нацистской свастики отсылает к достаточно широкому полю концептов от существовавших национал-социалистического движения и нацистской Германии до более абстрактных националистических идей. Маркером может служить бело-красно-черная цветовая гамма, при

этом нацистская свастика может заменяться на иные графические элементы (изображение черепа, колесницы, отличные от нацистской свастики). Прямой отсылкой к идеологии и практике нацизма является жест нацистского приветствия, встречающийся в текстах, где нацистская Германия не является предметом сообщения.

Во всех случаях, когда стимул – это символ с несколькими значениями, план выражения характеризуется избыточностью. Интерпретирующий субъект вынужден ее корректировать, обращаясь к другим изобразительным и письменным знакам в поисках тех стимулов, которые активируют концепты, обладающие совпадающими смысловыми компонентами. Так, субъект, придерживающийся антикоммунистической или нацистской идеологии, видя изображение пятиконечной звезды в сочетании с высказыванием без маркеров дискурса, по умолчанию интерпретирует ее как советский геральдический знак, а не символ защиты от зла.

Таким образом, различия в организации воздействующих стимулов приводят к реализации различных сценариев активации концептов. Эту зависимость предлагается отразить, сформулировав в соответствии с характером отношений стимула к концепту семантическое правило для каждого типа знаков:

– установление означаемого для знака индексального типа осуществляется посредством определения, к какому целому относится его обязательная часть, выраженная знаком.

Знак индексального типа является стимулом, который активирует часть одной или нескольких конфигураций нейронных сетей, хранящую дифференциальный смысловой компонент одного или нескольких концептов.

Если активированный дифференциальный компонент относится как обязательно связанный к другим дифференциальным компонентам одного концепта, то активация этого компонента вызывает обязательную активацию прочих дифференциальных компонентов, что приводит к активации одного концепта.

Если активированный дифференциальный компонент относится как обязательно связанный к другим дифференциальным компонентам нескольких концептов, то активация этого компонента вызывает активацию наборов дифференциальных признаков нескольких концептов. Возникающая избыточность корректируется поиском среди других концептов текста таких смысловых компонентов, которые входят в один концепт с компонентом индексального знака. При обнаружении таких смысловых компонентов происходит их сравнение с наборами компонентов концептов, активированных посредством индексального знака, в результате чего активиро-

ванное состояние сохраняет один концепт с совпадающим набором компонентов;

– установление означаемого для знака иконического типа осуществляется посредством определения, какое целое образуют все части, выраженные знаком.

Знак иконического типа является стимулом, который активирует часть конфигурации нейронных сетей, хранящую полный набор дифференциальных смысловых компонентов одного концепта. Активация полного набора дифференциальных компонентов одного концепта приводит к активации этого концепта;

– установление означаемого для знака символического типа осуществляется посредством определения, какая часть целого, выраженного знаком, соответствует другим означаемым.

Знак символического типа является стимулом, который активирует широкую и разветвленную сеть семантической памяти, которая обращается к нескольким взаимосвязанным концептам. Возникающая избыточность корректируется поиском в тексте других концептов, содержащих смысловые компоненты, совпадающие со смысловыми компонентами активированных многозначным символом концептов. При обнаружении совпадений такие концепты сохраняют активированное состояние, прочие деактивируются. Если совпадающих компонентов не обнаруживается, приоритетно активируются актуальные или частотные для реципиента концепты.

Следует обратить внимание на строгость, с которой соблюдается принцип кооперации и постулат о способе коммуникации, выдвинутые П. Грайсом[2], в экстремистском дискурсе. В его рамках поликодовый текст служит реализации четких коммуникативных целей информирования, выражения отношения и побуждения к принятию взглядов, осуществлению действий, поэтому в таком тексте реализуется установка на однозначность и понятность информации, передаваемой участникам дискурса. Это накладывает ограничения на использование вариативно интерпретируемых знаков в изобразительной части текста. Авторы вынуждены прибегать к ограниченному набору выразительных средств: либо общепринятым знакам любого типа, либо знакам, понятным всем участникам дискурса. Включение в коммуникативные практики неизвестных символов или специфических индексов и икон внутри коллектива участников дискурса происходит только при появлении необходимости обозначить новые феномены. Необходимость простоты понимания центрального концепта текста обеспечивает высокую стабильность знаковой системы в рамках дискурса и приводит к установлению жестких связей между изобразительными знаками и их концептами. Стабильные сочетания

комплексов типичных знаков, апеллирующие к важным для дискурса концептам, могут служить независимым от вербальной части текста маркером экстремистской направленности текста.

Для успешной интерпретации поликодового текста также важна обнаруживаемая в когнитивных исследованиях специфика распознавания концепта при восприятии стимулов различных типов. Интерпретация воспринимаемой информации идет параллельно с ее восприятием и в значительной мере опирается на личный опыт и ожидания субъекта. При считывании изобразительного знака, активирующего несколько самостоятельных концептов или их комплекс, важен широкий контекст восприятия. Преимущество в активации имеют наиболее ожидаемые концепты: ожидания формируются на основе частотности связи знака и концепта для конкретного субъекта и текущей актуальности этой связи. Например, в связи с какими-либо событиями может актуализироваться ранее малоиспользуемый знак, связанный с новым или одним из уже используемых в дискурсе концептов.

Результаты и обсуждение. Выяснение принципов и механизмов интерпретации изобразительных знаковых стимулов в поликодовых текстах с использованием приведенных в работе сведений в области нейропсихологии и когнитивной лингвистики до настоящего времени не проводилось. В результате этого изыскания описаны отношения означаемого к означающему и типы отношений концепта к стимулу применительно к изобразительным знакам поликодового текста, представлены существующие сценарии активации концептов в зависимости от организации воздействующего стимула, сформулированы семантические правила для знаков индексального, иконического и символического типов.

Заключение. Справедливость полученного описания отношений означаемого и означающего, сценариев активации концепта в зависимости от организации воздействующего стимула и семантических правил для знаков различных типов, классифицированных по Ч.С. Пирсу, предстоит

инструментально оценить в ходе экспериментальных исследований с применением айтрекинга в рамках изучения психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности. Полученные научные результаты планируется применить для решения проблемы интерпретации изобразительных знаков при разработке методики анализа поликодовых текстов в судебно-экспертных целях.

Литература

1. Barsalou, L. W. Cognitive and Neural Contributions to Understanding the Conceptual System / L. W. Barsalou // Current Directions in Psychological Science. – Sage Publications, 2008. – Vol. 17, № 2. – Pp. 91–95.
2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс; пер. с англ. В. В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
3. Кожевникова, Е. А., Осадчий, М. А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы [Текст] / Е. А. Кожевникова, М. А. Осадчий // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №19. – С. 22–28.
4. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / Маслова В. А. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
5. Нестеров, А.Ю. Интерпретация, её стратегии и проблема недостаточной определённости значения [Текст] / А.Ю. Нестеров // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 4(16). – С. 38–45.
6. Пирс, Ч.С. Что такое знак? [Текст] / Ч.С. Пирс // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 88–95.
7. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
8. Сонин, А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19: утв. 17.11.2006 / Сонин Александр Геннадьевич – М., 2006. – 323 с.
9. Экстремистский текст и деструктивная личность [текст]: монография / Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Воропилова М.Б., Злоказов К.В., Тагильцева Ю.Р., Карапетян А.А.; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 276 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.133.1'373

Лингвокультурологическая сущность цветообозначения во фразеологических единицах (на материале французского языка)

Григорьева Е.Я., Рыжова Л.П.
Московский городской педагогический университет

В статье с позиций лингвокультурологии рассматриваются вопросы цветообозначения и цветообразования во фразеологических единицах, отражающих явления национальной культуры и менталитета носителей языка.

Цель статьи – выявить лингвокультурологические особенности фразеологических единиц производства и распространения информации в режиме онлайн.

Материал и методы. *В качестве материала исследования были использованы французские фразеологические и энциклопедические словари, интернет-ресурсы, изученные на основе лексико-семантического и структурного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Проанализированный материал показывает, что целый ряд фразеологизмов содержит в своей семантике национально-культурный компонент. Следовательно, они представляют определённый интерес для изучения механизмов и способов цветоименования и цветообозначения с позиций лингвокультурологии, постулирующей неразрывную связь этих процессов с культурой определённого социума. Этим объясняется их способность реализовывать ознакомительно-познавательную функцию в преподавании французского языка как иностранного, предоставляя обучающимся сведения о французской истории и культуре.*

Заключение. *Фразеологические единицы включающие прилагательные цвета представляют собой материал, отражающий специфические национально-культурные особенности актуализации, характеристики, концептуализации и вербализации знания об объектах реального мира носителями французского языка.*

Ключевые слова: *лингвокультурология, фразеологические единицы, символика цвета, цветообозначение, ознакомительно-познавательная роль.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 58–61)

Linguistic and Cultural Surface of Color Assessment in Phraseological Units (on the Material on the French Language)

Grigoryeva E.Y., Ryzhova L.P.
Moscow City University

In the article from the standpoint of cultural linguistics, the issues of color designation and color formation in phraseological units reflecting the phenomena of the national culture and mentality of native speakers are considered.

The purpose of the article is to identify the linguistic and cultural features of phraseological units of production and dissemination of information online.

Material and methods. *As a material for the study, French phraseological and encyclopedic dictionaries, the Internet resources studied on the basis of lexical semantic and structural analysis were used.*

Findings and their discussion. *The analyzed material shows that a number of phraseological units contain in their semantics a national-cultural component. Therefore, they are of particular interest for studying the mechanisms and methods of color names and color designations from the positions of cultural linguistics, which postulate the inseparable connection of these processes with the culture of a certain society. This explains their ability to implement the familiarization and cognitive function in teaching French as a foreign language, providing students with information about French history and culture.*

Conclusion. *Phraseological units including adjectives of colors are a material that reflects specific national and cultural features of actualization, characterization, conceptualization and verbalization of knowledge about the objects of the real world by native speakers of French.*

Key words: *cultural linguistics, phraseological units, color symbolism, color designation, introductory and educational role.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 58–61)

Цвет как наиболее осязаемый визуальный признак восприятия окружающего мира имеет большое значение в жизни человека. Изучение процессов цветообозначения и цветоименования как предмета исследования не теряет своей актуальности, так как «даже такое объективное, общее для всех людей ощущение, как цвет, в разных языках отражается, по мнению В.Г. Гака, по-разному, наименование красок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [3, с. 98]. Значительные расхождения в членении различными этносами лингвоцветовой картины мира объясняются тем, что восприятие цветового пространства во многом определяется сложившейся в каждом обществе языковой и культурной традицией, разным количеством цветообозначений в языках и тем, что представления о цвете, формирующие обыденную картину мира, в ряде случаев отличаются от современных научных данных о природе цвета, оказываясь частью более глобальной проблемы соотношения содержания и формы языкового знака в каждом конкретном языке. Многие колоративные словосочетания и выражения отражают специфические национально-культурные особенности актуализации, характеристики, концептуализации, вербализации, то есть закрепления исторической памяти об объектах реального мира народом, носителем данного языка, его интеллектуального развития и сохранения опыта его жизнедеятельности. И эта специфика, представляя исторические, политические, бытовые и т.п. реалии определенной страны, выявляется несмотря на «совпадение состава группы основных терминов цвета во всех рассмотренных культурах – их 11 (чёрный, белый, серый, красный, синий, оранжевый, жёлтый, зелёный, фиолетовый, розовый, коричневый). В русском языке насчитывается 12 основных цветов (за счёт включения голубого)» [2, с. 74].

Изучение способов обозначения цвета в разных языках является предметом исследования различных наук: лингвистики, этнолингвистики, этнографии, психологии и психолингвистики, социологии, политологии и др. Особый интерес представляет изучение механизмов и способов цветоименования и цветообозначения с позиций лингвокультурологии, постулирующей неразрывную связь этих процессов с культурой определенного социума и наличием, по мнению В.А. Масловой, скрытой цветовой символики. Светлые, пастельные тона символизируют, как правило, легкость, счастье, радость, романтичность, беззаботность, а темные – тяжесть, печаль, грусть, тоску, угрозу, мрак, безысходность. Так, лексема *белый* выделяется как наиболее частотная и характеризуется такими фоновыми долями знаний, как нравственная чистота, праведность, смерть [8, с. 150–151]. Белый цвет

символизирует также ненасилие, мирные намерения. Красный цвет рассматривается как символ борьбы, жертвенности, сопротивления, голубой цвет (цвет неба) – как символ общности мира, защиты, зеленый – как символ жизни и экологии, а черный – как символ скорби, потери, поражения и т.д. А.С. Бухонкина считает, что «слово *bleu* – «синий» является символической культуремой французского языка, так как оно символизирует меланхолию (*les diables bleus*), чрезмерность чувств (*peur bleue, colère bleue, envie bleue*), неопытность (*bruner les bleus, n'être plus en bleu*)» [1, с. 8]. Во многих европейских языках *чёрный цвет* символизирует несчастье, горе, гибель, траур. Во французском языке *чёрный цвет* символизирует всё негативное, неприятное и используется для обозначения крайней степени отрицательных эмоций и состояний: *bile noire, mélancolie noire* – «чёрная меланхолия»; *humour noir* – чёрный юмор; *machines noires* – мрачные измышления, страсти-мордасти; *papillons noirs* – чёрные мысли [11]. Выражение *bête noire* означает предмет особой ненависти. Но *чёрный цвет* может иметь и положительные коннотации. *Чёрный цвет* – цвет торжественности какого-либо события.

Однако, следует отметить, что существуют различия в цветовых предпочтениях в разных культурах. Так, в Китае и Японии белый цвет символизирует траур, печаль и все, что связано с церемонией похорон. У европейцев эти функции выполняет черный цвет. Зеленый цвет в США указывает на безопасность, а во Франции свидетельствует о преступлении. Желтый цвет в Китае означает символ верховной власти [6, с. 110], а в Германии – выражение негативных эмоций в пословицах [5, с. 52]. С лингвокультурологической точки зрения символическая трактовка цвета национально специфична, она соотносится с тем содержанием, которое кодируется в языке посредством цвета в ходе исторического становления и развития конкретного социума. В.Ф. Петренко и О.В. Митина утверждают, что «когда в качестве доказательства того, что цветовая символика национально-специфична, приводят обычно пример того, что в европейской культуре цвет траура – черный, а у японцев – белый, то забывают, что символика белого цвета означает девственное начало, рождение нового и одновременно растворение, исчезновение старого. В рамках буддистской традиции, где жизнь мыслится как цепь взаимопереходов бытия и небытия, начало и конец не столько антонимичные полюса, как для европейского мироощущения, и образы жизни и смерти, символика черного и белого мыслятся в диалектическом единстве» [9, с. 212]. Тем самым доказывается, что язык антропоцентричен: он предназначен для человека и ориентирован на человека. При этом «язык

не только отражает, но и создает ту реальность, в которой живет человек» [7, с. 26], и концептуализация действительности, формирующая определённую картину мира, существует лишь как реальность человеческого сознания – индивидуального и общественного, как исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, как «определённое видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания» [8, с. 61].

За цветом люди видят смыслы, и этот аспект языковой действительности явно прослеживается в устойчивых выражениях, фразеологических единицах, пословицах и поговорках, то есть в высказываниях, которые в сжатой и ёмкой форме выражают наиболее значимые и важные для данного языкового сообщества идеи и ценностные идеалы. Это тот слой языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость, результаты культурного опыта народа и который является одним из объектов лингвокультурологии, направленной на изучение взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и национального менталитета. Фразеологизмы представляют собой особый тип текста, в котором коротко, ярко, образно и эмоционально выражены стереотипы и нормы поведения людей, отражая специфические положительные или отрицательные характеристики материальной и духовной жизни народа, говорящего на данном языке. Они указывают на исторически значимые моменты в его жизни, свидетельствуют о национальных традициях, о его нравах и обычаях. В них концентрируется, прежде всего, опыт человеческого бытия и сознания. Это значит, что фразеологический текст, как правило, понятен вне контекста. Следовательно, фразеологические единицы, фиксируя страноведческую и лингвокультурологическую информацию, являются достоверным источником лингвокультурологических исследований. Естественно, в рамках статьи невозможно полностью раскрыть лингвокультурологическую сущность концептуального пространства жизнедеятельности человека, но возможно в определённой мере показать его национально-культурное своеобразие.

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы, в которых цветовые прилагательные соединяются либо с именным, либо с глагольным компонентами. Фразеологические единицы именного типа представляют собой сочетание существительного с цветовым прилагательным и в целом выражают какое-то качество или характеристику объекта. В европейских языках *белый цвет* символизируют чистоту, невинность, добродетель, радость. С белизной связано представление о явном, общепринятом, законном, истинном. Этот цвет означает цело-

мудрие, простоту, ясность души, истину. Так, во французском языке слово *blanc* имеет значение *белый* (*vin blanc* – белое вино; *neige blanche* – белый снег). Конкретное цветовое значение прилагательного определяется семантикой существительного и наличием общей семы в обоих компонентах. Если же такое прилагательное сочетается с существительным, обозначающим объект, не характеризующийся по цвету, то это свидетельствует об устранении семы «цвет», при этом семантика прилагательного, как правило, переосмысливается и начинает выражать другие понятия, не связанные с выражением цвета: *чистый* (*du linge blanc* – чистое бельё; *une chemise blanche* – чистая рубашка; *une assiette blanche* – чистая тарелка); *пустой*, с отсутствием чего-либо, отличающийся от обычного (*voix blanche* – глухой, беззвучный голос; *sourire blanc* – натянутая улыбка; *nuit blanche* – бессонная ночь; *bulletin blanc* – незаполненный бюллетень; *mariage blanc* – фиктивный брак; *bac blanc, examen blanc* – тренировочный экзамен) [10, с. 126–136; 4, с. 213].

Прилагательные цвета, особенно *blanc* (белый), *jaune* (желтый) и *rouge* (красный) образуют многочисленные образные сравнения-фразеологизмы, сложившиеся в языке как фразеологические единицы и вошедшие в словарный состав данного языка. Наиболее распространенной является форма образного сравнения, образованная при помощи союза *comme*: *blanc comme (un) linge* – белый (бледный) как полотно (букв. как бельё); *jaune comme un citron* – желтый как лимон; *rouge comme une tomate* – (букв.) красный как помидор.

Значительная группа фразеологических единиц, включающих прилагательные цвета, относится в своей оценочной части к явлениям, раскрывающим концептуальные характеристики жизнедеятельности человека с точки зрения его поведения и моральных качеств, особенностей его образа жизни, его действий в различных ситуациях; выражения эмоциональных реакций на поведение и действия других людей, при этом имеющих целью достижение определённого воздействующего эффекта.

Так, фразеологические единицы *casque bleu* – солдат вооружённых сил ООН; *col blanc* – служащий указывают на род занятий, на профессиональную принадлежность людей.

Фразеологические единицы *faire grise mine à qn* – быть неприветливым с кем-либо; *dire tantôt blanc tantôt noir* – быть непоследовательным; *mettre des gants blancs* – действовать с большой осторожностью, предусмотрительно характеризуют поведение людей в разных ситуациях.

Выражение эмоциональной реакции представлено в выражениях *chagrin noir* – черная меланхолия; *colère blanche (bleue, jaune, rouge, noire)* – ярость; *sourire blanc* – натянутая улыбка; *être*

vert de peur – позеленеть от злости; разозлиться; побелеть от страха; *verser des larmes rouges* – плакать от досады; *rougi rjusqu'aux blancs des yeux* – покраснеть до кончиков волос.

Индивидуальные качества личности характеризуют следующие фразеологические единицы: *bas bleu* – синий чулок; *les ange bleu* – голубая кровь; *merle blanc* – белая ворона; *avoir de la matière grise* – быть башковитым, умным; *avoir peur du noir* – бояться темноты; *être blanc comme un cygne* – быть безупречным, незапятнанным; *manger son pain blanc le premier* – быть нерасчетливым.

Субъективность оценки действительности раскрывается в таких фразеологизмах, как *le voyage dans le bleu* – витание в облаках; пустые мечты; *une vie grise* – серая, неинтересная жизнь.

Таким образом, фразеологические единицы, описывая как вербальную, так и невербальную коммуникативную деятельность человека прежде всего в обиходно-бытовой среде, передают как положительную, так и отрицательную оценку. Фразеологические единицы, придающие речи живость и образность, характеризуют все стороны жизни человека, в том числе и самую важную – коммуникативную. Рассмотрение фразеологических единиц с цветовым компонентом позволяет подойти к изучению фразеологии с точки зрения её связи с культурой народа – носителя языка. Исследуемый материал содержит богатую информацию о национально-культурной специфике языка, являются образным представлением национальных традиций, культуры, менталитета.

Знание фразеологизмов и умение пользоваться ими в повседневной жизни относятся к общей компетенции в коммуникации, осуществление которой на иностранном языке без достаточного владения фразеологическим материалом не представляется возможным. Фразеологизмы как

специфические явления языковой системы представляют собой универсальное средство обучения иностранным языкам с целью развития как языковой (лексической и грамматической), так и лингвокультурологической компетенции, знакомя обучающихся с социокультурными реалиями иностранного языка и культуры его носителей.

Литература

1. Бухонкина А.С. Типы асимметрии культурем (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 23 с.
2. Веденина Л.Г. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 664 с.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.
5. Карасик В.И., Красовский И.А., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 115 с.
6. Кравцова М.Е. История культуры Китая. 3-е изд. – СПб., Лань, 2003. – 416 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
8. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.
9. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. – М.: МГУ, 1997. – 212 с.
10. Рыжова Л.П. Цвет в характеристике человека и его деятельности (на материале французского языка) // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Девятый межвуз. семинар по лингвострановедению: сб. ст. в 2-х ч. – М.: МГИМО (У), 2012. – Ч. 2. – С. 126–136.
11. Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Изд. Иностраных и национальных словарей, 1963. – 1112 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

Лингвокультурологическая поэтика КАК ВИД ЛИНГВОПОЭТИКИ

Данич О.В., Крицкая Н.В.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Проблема дифференциации поэтик сложна и условна, так как литература есть результат языковой деятельности человека, поэтому по своей сути язык и литература едины: литература — это дух, идея, а язык — форма, с помощью которой эта идея выражается. Любая идея, воплощаясь в литературном произведении, опирается на строго очерченные языковые возможности, которые называются стилями речи, высшей степенью проявления языковой и речевой культуры.

Цель статьи — показать, что теория лингвокультурологической поэтики является дополнением к лингвопоэтике и предполагает объяснение авторского выбора языковых единиц и приемов их использования в свете «проницающей» в текст культуры.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам поэтики. Материалом для исследования послужили «русские» поэмы Марины Цветаевой. Объектом настоящего исследования стало поэтическое слово поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. Теоретическим основанием лингвокультурологической поэтики является объединение важнейших положений лингвистики и поэтики, культурологии, семиотики, литературоведения. Это вариант лингвопоэтики, который базируется на языковом материале и рассматривает его в функционально-коммуникативном, структурно-описательном и нормативном аспектах.

Лингвокультурологическая поэтика учит правильно понимать смысл текста, включая его в систему ценностно-культурных ориентиров нации; она толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста, его художественный смысл. Такой вид поэтики помогает постичь взаимосвязь идеи и слова через образ, помогает понять, как в фонетике, отдельных словах, метафорах, сравнениях, особенностях синтаксиса и других языковых средствах и стилистических фигурах выявляется мировоззрение писателя, его идеи, мысли, оценки, эмоции. Данный подход позволяет выявить различные смысловые нюансы поэтического текста, что сделано на примере «русских» поэм М. Цветаевой. Эти произведения выражают определенный целостный мир автора, в них создается собственная история культуры. Важным показателем наличия культуры в текстах данных поэм служат интертекстуальные связи, сознательно и неосознанно оставленные автором «следы культуры».

Заключение. Под лингвокультурологической поэтикой (вариантом лингвопоэтики) мы понимаем область научного познания, в рамках которой изучается совокупность языковых и стилистических особенностей, а также тропов и фигур, ритма, свойственных речи поэта, в их тесной связи с культурой народа. Вся система названных средств — это эстетическая система, вторичная моделирующая система, т.е. «язык культуры». Язык культуры формируется и существует только во взаимодействии людей, принявших правила этого языка.

Ключевые слова: поэтическое слово, поэтика, лингвистика, лингвокультурология, лингвистическая поэтика, лингвокультурологическая поэтика, тропы, фигуры речи.

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 62–67)

Linguoculturology of Poetry as a Form of Linguopoetry

Danich O.V., Kritskaya T.V.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The problem of division of poetic styles is complicated and conditional as literature results from a person's linguistic activity. This makes language and literature inseparable as literature is spirited ideas, while language serves as a form to express them. Any idea taking shape in a piece of writing is rigidly outlined by the means that are available in the language and are called the styles of writing — the highest form of language culture.

This article aims to prove that the theory of linguocultural poetry is a supplement to linguopoetry and serves to show how culture influences the author's choice of words and their application in the text.

Material and methods. The methodological framework is the findings of home and foreign linguists exploring the problem of poetry. The material for this research is the "Russian" poems by Marina Tsvetaeva. The object of this research is her poetic word. The article employs the methods of selection from the poet's texts, modeling and analysis.

Findings and their discussion. *The theoretical basis for linguocultural poetry is a combination of most significant areas of linguistics and poetry, culturology, semiotics and literature science. It is a kind of linguopoetry which is based on the language and studies it in terms of functional-communicative, structural-descriptive and normative aspects.*

Linguoculturological poetry provides means to correctly understand the text including it in the cultural values of the nation; it does not aim to explain the meanings of the words, rather it aims to explain the artistic message of the whole text that these words make. This kind of poetry creates bridges between ideas and words through images, helps to understand how phonetics, individual words, metaphors, comparisons, peculiarities of syntax and other language means and figures of speech reveal the poet's world outlook, their ideas, thoughts, views and emotions. This approach identifies the subtle undertones of poetic texts, in this research – of the texts of the "Russian" poems by M. Tsvetaeva. These poems reflect a special, holistically shaped world of the poet; they create their own history of culture. An indicator of culture in the texts of these poems is the intertextual links, "the cultural marks" that the author left either intentionally or unintentionally.

Conclusion. *We treat linguoculturological poetry (supplement to linguopoetry) as an area of linguistic research which looks into a combination of language and stylistic peculiarities, tropes, figures of speech and rhythm which characterize the style of the poet and are closely linked with the culture of the nation the poet represents. The whole collection of the above mentioned means is an esthetic system, a secondary modeling system, i.e. "the language of the culture". The language of the culture is formed and exists only through interaction among people who have accepted the rules of this language.*

Key words: *Poetic word, poetry, linguistics, linguoculturology, linguistic poetry, linguoculturological poetry, tropes, figures of speech.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 62–67)

Смысл слова «поэтика» менялся на протяжении истории. Блаженный Августин полагал, что тот, кто не разбирается в поэтике, вряд ли сможет стать толковым грамматиком, т.е. он отождествлял поэтику с лингвистикой. М.М. Бахтин, наоборот, всегда считал, что поэтический язык не имеет никакого отношения к лингвистике. Для М.М. Бахтина поэтика – прежде всего область эстетических исследований.

Изучение научной литературы по теоретической поэтике позволило нам разграничить четыре поэтики – литературоведческую, лингвистическую, семиотическую и психопоэтику. Однако в свете современных идей о том, что «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [5] (а это особенно характерно для поэтического языка), в данной статье нам хотелось бы попытаться обосновать существование пятой поэтики – лингвокультурологической.

Цель данной статьи – показать, что теория лингвокультурологической поэтики является дополнением к лингвопоэтике и предполагает объяснение авторского выбора языковых единиц и приемов их использования в свете «проникающей» в текст культуры.

Актуальность настоящего исследования определяется ростом интереса к лингвокультурологии, которая связана не только с языком и культурой, но и с философией, этнографией и этнолингвистикой, психоллингвистикой. Она представляет собой некую совокупность знаний о культурно-национальной специфике организации содержания речевого общения и о культурной ситуации, в которой это общение происходит.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам поэтики. Материалом для исследования послужили «русские» поэмы Марины Цветаевой. Объектом настоящего исследования стало поэтическое слово поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. В связи со стремительным развитием лингвокультурологии, возникла необходимость учитывать место художественного (в том числе, поэтического) текста в более широком культурно-историческом контексте. Лингвокультурология как самостоятельное направление гуманитарной мысли оформилось в работах В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и других. Базовой ее проблемой становится вопрос о вовлеченности языка в моделирование единых общекультурных процессов, одной из существенных форм которых является и поэтическая деятельность.

Еще в начале XX в. и философы, и лингвисты понимали важность учета культурных факторов для восприятия и интерпретации поэзии: «Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разума, слова – воплощение разума» [10].

В определенный исторический период текст так или иначе отражает культурологическое сознание социума, формирует его. Познавая языковую материю в разнообразии ее составляющих, выявляя системные и структурные закономерности языка и речи, лингвисты входят в пространство ценностей мировой и национальной культуры.

Одним из теоретических оснований лингвокультурологической поэтики должно стать объединение важнейших положений не только лингвистики и поэтики, которое мы видели еще в трудах А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и др., но и культурологии, семиотики, литературоведения.

В.В. Виноградов говорит об «эстетике слова» как особой дисциплине и замечает, что «ее система должна покрывать все факты» [2], имея в виду, безусловно, и культурные факты. Слово, находясь в особом текстовом, «поэтическом» состоянии, способно выражать широчайший спектр значений и смыслов, так как лексема (план выражения слова или лингвистического знака) включает в себя одновременно и единицы фонетического, и единицы морфологического уровней языковой системы и, таким образом, потенциально способно выражать одновременно целый пучок смыслов различного характера и различной природы.

Культурологический фактор формирует и организует мысль говорящего, как и собственно языковые категории. Этот фактор, эксплицируясь, занимает привилегированное положение в языковом сознании языковой личности, поскольку представляет собой уникальное явление. Следовательно, всякая грамматическая конструкция выражает определенное значение, «мировидение», потому что грамматические формы являются маркерами авторских смыслов: именно организация слов руководит смыслообразованием. Пёввор союзом, например, приводит к тому, что перечисляемые явления тесно сплавляются в единый образ авторского ощущения родной земли: *Горбы, бороды, да борозды, / Да зелена / Дух навозенный, забористый, – / Моя земля!* [9].

Язык не только связан с культурой: он растет из нее и выражает ее. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения культуры, и ее частью, потому что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры.

В концепции «язык и культура» сходятся интересы всех наук о человеке, это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработки

понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления.

Лингвокультурологическая поэтика – это вариант лингвопоэтики, который базируется на языковом материале и рассматривает его в функционально-коммуникативном, структурно-описательном и нормативном аспектах. Для адекватного восприятия художественного текста важно, чтобы реципиент владел определенным объемом культурного фонда, так как именно на знаниях из сферы культурного фонда строит свое общение с читателем автор художественного произведения.

Дело, конечно, не в том, чтобы создать особую лингвокультурологическую поэтику, а в том, чтобы развивать дальше комплексную филологическую поэтику, уже намеченную в общих чертах в исследованиях А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и других выдающихся ученых. В такой поэтике лингвистический и эстетический анализы слов, словосочетаний, предложений постоянно и глубоко взаимодействуют. Лингвокультурологическая поэтика является междисциплинарным направлением исследований, соприкасающимся одновременно и с лингвистикой, и со стилистикой, и с литературоведением, и с культурологией, но при этом не совпадает с ними, хотя и имеет общую область и пересечение интересов.

Восприятие художественного текста предполагает его соотнесение не только с сознанием воспринимающего субъекта или объективной реальностью, но и с определенной системой художественных конвенций, обусловленных национальной культурой. Это и есть лингвокультурологический подход к тексту.

Анализ «русских» поэм, проведенный нами, позволил установить, что культура по-разному вплетается в текст, строя тем самым многомерные поэтические образы. Во-первых, культура проникает в текст через фольклорный материал, связь с которым была установлена как на уровне заимствования сюжета, так и на уровне фольклорного ритма, слов и выражений, построенных по фольклорным моделям: например, *булавочки-иглочки, вершок-аршин, горе-голова, грибы-грузочки, гусли-самозвоны*. Во-вторых, через энциклопедические знания автора, которые нашли отклик и в душе читателя: историки культуры предполагают существование андрогинного типа человека, что нашло отражение в образе Царь-Девы, которая обладает неженской силой и к которой по контрасту притягивается ее слабый возлюбленный, здесь сила стремится к самоу-

ничтожению и растворению в своей противоположности. В-третьих, через мифологическое, которое становится приемом создания таинственного мира, трансцендентного к реальности. Мы полностью согласны с мнением В.Н. Топорова, что миф и ритуал – первые шаги человеческой культуры; рудименты мифологического сознания и архаических ритуалов обнаруживаются в «русских» поэмах не только в виде устойчивых выражений и древнейших языковых формул, но и в полисемии; так, сюжетобразующую роль в поэме «Молодец» играет танец, круженье, «выкрут», восходящие к древнему ритуалу хоровода: – *Не пожар тушу, / Свою смерть пляшу / С гикотом! С топотом!* В-четвертых, через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой языковой личности: *Конь, Огонь, Пожар, Радуга, Лазорь* и др. В-пятых, через культурно-национальные коннотации и вообще многомерную семантику поэтического слова, поскольку сквозь современное значение слова часто просвечивают древние значения: так, *разлука* содержит в своей семантике не только современное значение утраты, но и радость единения живых и мертвых, осуществляемая через ритуал, некий хоровод *жизни-смерти, встречи-разлуки*. В-шестых, культура растворяется в тексте через интертекстуальные связи. Отмеченные пути проникновения культуры в «русские» поэмы – это и есть технология лингвопоэтического исследования.

Мы хотим подчеркнуть также интегрирующую роль лингвокультурологической поэтики, которая представляет собой попытку объединить три науки (лингвистику, поэтику, культурологию), фактически – это соединение трех миров в единый ансамбль, где каждая часть находила бы отражение друг в друге, ибо только в единстве можно выявить различные смысловые нюансы поэтического текста.

В свое время Г.О. Винокур совершенно справедливо обращал внимание на то, что во всяком замечательном художественном произведении «язык отражен тройко – как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства» [1]. Все это и должно быть учтено в лингвокультурологической поэтике.

Лингвокультурологическая поэтика учит правильно понимать смысл текста, включая его в систему ценностно-культурных ориентиров нации; она толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста, его художественный смысл.

Лингвокультурологический подход позволяет выявить различные смысловые нюансы поэти-

ческого текста, что и сделано на примере четырех поэм М. Цветаевой, объединенных в цикл «русские» поэмы. Эти произведения выражают определенный целостный мир автора, который меняется для читателя в процессе исторического функционирования данных поэм. Кроме того, в исследуемых поэмах создается собственная история культуры, потому что поэтический текст не просто отражает реальность, а творит свой мир – мир гения: так в поэме «На Красном Коне» во всей полноте раскрывается стремление лирической героини к запредельному, колдовскому, таинственному; этот мотив проходит сквозь все творчество М. Цветаевой. Она активно соединяет свою лирическую героиню с грехом, с адом, с чертом, называет ее *беззаконницей, преступницей и чернокнижницей*. В поэме резко сменяют друг друга разные ипостаси – сон чередуется с явью, вымысел с реальностью: *Торопится красным гоном / Мой конный сон*.

Основываясь на фольклоре, поэт трансформировала его, чтобы выразить поэтическое содержание, т.е. создать новые текстовые смыслы. Именно «русские» поэмы несут в себе целые культурные пласты – от русских сказок до ритуальных плясок, все они сплетены в единую ткань, исследовать которую нужно, продолжая традиции великих филологов А.А. Потебни, Е. Карского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и др., но учитывал современные достижения лингвистики и теории культуры.

Слово в «русских» поэмах нагружено широким объемом, оно имеет «ассоциативную ауру», особый «сверхсмысл», формирующийся через культурные коннотации и ритуально-мифологические смыслы, всплывающие в конкретном тексте. Так, во всех поэмах достаточно часто, причем в важных, кульминационных моментах, используются слова *кланяться, поклон* («Молодец» – 5 раз, «Переулочки» – 5 раз, «Царь-Девница» – 6 раз и т.д.): *Позабыл иконам / Класть поклон земной / Не идет с поклоном / К батюшке с женой*. Здесь просматривается ритуал, что мы и стараемся продемонстрировать.

По мнению современных исследователей, до мифа и языка существовал ритуал, который был древнейшей знаковой системой. В основе всякого ритуала лежал жест. Телодвижение поклона, зафиксированное данным ритуалом, обозначает уважение, смирение, покорность перед Богом, человеком, законом и восходит к животному жесту покорности. Известно, что во всех культурах поясной и земной поклон являются знаком покорности. В анализируемых поэмах знакомство с данным ритуалом

формирует следующие сверхсмыслы: жену нельзя вести на поклон к иконам и батюшке, ибо она колдунья, а потому все равно никому не поклонится.

Мы не ставим своей целью разработать методологию лингвокультурологического анализа – это задача будущего. Применяемый нами поуровневый анализ языковых средств, основанный на базе достижений структурной лингвистики, лишь в разной степени дополняется лингвокультурологическим анализом. Любой авторский текст, особенно художественный, есть реализация языка автора, который необходимо понимать не только как индивидуальный язык, но и как отражающий определенный временной культурный срез. Поэтому в каждом произведении великого творца, который является гением нации, создается особый, созвучный его времени и культуре язык.

Многие исследователи (О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.С. Сорокин и др.) считают, что не всякий текст становится феноменом культуры: «...чтобы стать таковым, он должен быть присвоен социумом. Форма присвоения текста – его интерпретация» [3]. Аналогичной точки зрения придерживаются также Д.С. Лихачев, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева и др. Следовательно, для того чтобы поэтический текст стал феноменом культуры, нужна триада *автор – поэтический текст – читатель*, где автор создает текст, который есть явление культуры, расшифровка и интерпретация текста осуществляется человеком, владеющим этой культурой, т.е. происходит сотворчество автора и читателя. Читатель воспринимает при этом не безличную информацию, а произведение чужого сознания. Мы имеем дело именно с автором, с его мировоззрением, т.е. «с тем смыслом, который в тексте обрел голос. В культуре не содержится ничего, кроме смыслов. Это встреча в осмысленном мире» [7].

В.А. Маслова, занимаясь исследованием творчества М. Цветаевой, считает, что почти каждое произведение данного автора требует интерпретации, пояснения, помогающего постичь смысл текста. Здесь имеются в виду не только биографические и текстологические комментарии. Как подчеркивает исследователь, «на первый план при анализе поэзии М. Цветаевой выходит культурный контекст» [6].

Нужно отметить особенно сильное проникновение творчества М. Цветаевой в культурную парадигму нашего времени: наиболее авторитетные теоретики постструктурализма и деструктурализма трактуют текст как единственную реальность, не видят разницы между жизнью человека

и его вербальной рефлексией. М. Цветаева всю жизнь творила миф о самой себе: по андрогинному типу Царь-Девы она строила собственное поведение и внешность: не любила, когда ее называли «поэтесса», носила офицерскую сумку и неженственную одежду и т.д. Так же поступает современный модернист.

Под мифом мы понимаем здесь способ удержания того, что без мифа стало бы хаосом. Тогда миф – это способ организации поведения и конструирование самого человека, а не примитивное представление о мире. В творчестве М. Цветаевой важен следующий культурный миф – отказ от земного счастья. Фатальное одиночество – это жертва, которую приносит поэт во имя творчества. Поэтический дар как будто предполагает одиночество, неизбежную разлуку, таковы героини ее «русских» поэм: это и Царь-Девы, и Маринка из «Переулочков», и Маруся из «Молодца» и другие.

Культурная информация может быть заключена в лексике, грамматике и даже композиции текста. А.Н. Веселовский в своей «Исторической поэтике» пришел к выводу, что повтор в народной поэзии рожден древними обрядами, в которых многократно повторяемые действия или реплики служили воображаемым средством воздействия на силы природы. Наблюдения над повторами в исследуемых поэмах подтверждают эту мысль А.Н. Веселовского. Культура может быть запечатлена в своеобразном видении мотива, пейзажа и других изображаемых явлений.

Кроме того, важным показателем наличия культуры в тексте служат интертекстуальные связи. Ни один текст не может возникнуть на пустом месте и существовать самостоятельно, вне литературного, исторического и культурного контекстов. По мнению Ю.М. Лотмана, он подключен к различным знаковым системам и кодам [4]. Более того, по мнению Н.А. Фатеевой, в литературе последних лет текст просто иначе не рождается, как из фрагментов или с ориентацией на старые тексты, причем соотношение с другими текстами становится не точечным, а общекомпозиционным принципом. С позиции же читателя новые тексты иначе и не прочитываются, как в металитературном ключе [8]: в каждом тексте неизбежно присутствуют другие, ранее созданные тексты, и функционирование текстов возможно лишь в дискурсивном поле культуры. Поэтому интертекстуальные связи в «русских» поэмах – это как бы «следы культуры», которые были оставлены

автором сознательно или неосознанно.

Лингвокультурологический анализ помогает избежать односторонности и постичь взаимосвязь идеи и слова через образ, он позволяет понять, как в фонетике, отдельных словах, метафорах, особенностях синтаксиса и других языковых средствах и стилистических фигурах выявляются культура народа и мировоззрение писателя, его идеи, мысли, оценки, эмоции.

Заключение. Теория лингвокультурологической поэтики, являющейся продолжением и дополнением к лингвопоэтике, предполагает констатацию и объяснение авторского выбора языковых единиц и приемов их использования в свете «проникающей» в текст культуры. Культура проникает в «русские» поэмы М. Цветаевой через фольклорный материал и энциклопедические знания автора, которые нашли отклик и в сознании читателя посредством интертекстуальных связей; через ритуально-мифологическое раскрытие темы, что становится приемом создания особого поэтического мира; через концепты, символы, стереотипы, эталоны, хранящиеся в языке и сознании каждой национальной языковой личности; через многомерную семантику поэтического слова, в том числе – национально-культурные коннотации.

Литература

1. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 257.
2. Виноградов, В.В. К построению теории поэтического языка / В.В. Виноградов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / В.В. Виноградов. – М., 1997.
3. Кузьмина, Н.А. Интертекста и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М.: УРСС, 2004. – С. 43.
4. Лотман, Ю.М. Избранные статьи / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 204.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001.
6. Маслова, В.А. Марина Цветаева: Над временем и тяготением / В.А. Маслова. – Минск: Экономпресс, 2000. – С. 21.
7. Текст как явление культуры / редкол.: Г.А. Антипов, О.А. Донских, Ю.А. Сорокин. – Новосибирск, 1989. – С. 31.
8. Топоров, В.Н. О ритуале: Введение в проблематику / В.Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и ранне-литературных памятниках. – М.: Наука, 1988.
9. Фатеева, Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н.А. Фатеева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56. – № 5. – С. 18.
10. Цветаева, М.И. Переулочки / М.И. Цветаева // Собранные сочинения: в 7 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 276.
11. Шпет, Г.Г. Сочинения / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1989. – С. 380.

Поступила в редакцию 17.12.2017 г.

УДК 81'371:008

Осмысление понятийных категорий «концепт» и «семантическое поле» современной лингвистикой

Дружина Н.Л.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье обобщены взгляды, касающиеся синтеза методов описания и моделирования концепта и семантического поля. Внимание к данным терминам вызвано тем, что объединяющая основа – культура – требует для ее познания и осмысления применения лингвосемиотического, лингвокультурологического, лингвокогнитивного, семантического, семантико-стилистического и др. подходов.

Цель исследования – проанализировать и описать возможности сочетания различных методик описания и реконструкции концепта с учетом применения полевого метода исследования лексики.

Материал и методы. Материал – тексты монографий, посвященных проблемам полевых исследований, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Для достижения поставленной цели нами использовались общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления, систематизации.

Результаты и их обсуждение. При исследовании семантики родственных и неродственных языков целесообразно использовать понятийный и инструментальный аппарат когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, так как изучение фактов языка в современном языкознании – это направление от языка к культуре, а также к вопросам о языковой личности и национальной специфике языка.

Заключение. Лингвосемиотический и лингвокультурологический взгляд не являются достаточными для адекватной реконструкции содержания некоторых концептов. Здесь необходимо также применять методики исследования поля, например, учитывать научный (педагогический), философский, художественный и даже религиозный дискурсы.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, семантическое поле, лингвокогнитивный метод, системно-функциональный подход, синтез методов описания и моделирования концепта и семантического поля, экспликация культурного содержания концепта, национальная концептосфера.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 68–71)

Interpretation of conceptual categories “concept” and “semantic field” in modern linguistics

Druzhina N.L.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Views on synthesis of description methods and modeling of concept and semantic field methods are summarized in the article. For its cognition and understanding the culture demands linguo-semiotic, linguo-cultural, linguo-cognitive, semantic, semantic-stylistic approaches. It determines interest to these terms.

The purpose of the study is to analyze and describe possibilities of combination of different methods of description and reconstruction of concept with provision for usage of semantic field method of lexical investigation.

Material and methods. In the article the following materials were used: monograph dedicated to semantic field study, cognitive linguistic and cultural linguistics. To achieve the purpose, we used the following general scientific methods of observation, generalization, comparison, systematization.

Findings and their discussion. During the investigation of semantics of cognate and non-cognate languages conceptual and methodological basis of cognitive linguistic and cultural linguistics should be used because language study in modern linguistics is a tendency both from language to culture and issues of linguistic persona and national language specificity.

Conclusion. Linguo-semiotic and linguo-cultural views are not enough for adequate reconstruction of some concepts contents. Semantic field methods should be used, e.g. take into consideration scientific (pedagogical), philocopic, artistic and religious discourses.

Key words: linguo-cultural concept, semantic field, linguo-cognitive method, systemic-functional approach, synthesis of methods of description and modeling of concept and semantic field, explication of concept cultural content, national sphere of concepts.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 68–71)

В современных лингвистических работах, выполненных на материале самых разных языков, значительное место занимают вопросы исследования лексической семантики, что является показателем интереса ученых к данной языковой области. Это и неудивительно, ведь лексико-семантический уровень языка, характеризующийся, с одной стороны, системностью, а с другой стороны, практической неисчислимостью лексических единиц, на современном этапе нуждается в дальнейшем углубленном изучении. При всей сложности описания он продолжает оставаться объектом пристального внимания лингвистов. Уже стало традиционным, что языковедческая наука нового времени при исследовании лексики, как правило, основывается на системно-функциональном принципе, предполагающем использование комплексных единиц, наиболее универсальной из которых по-прежнему считается «семантическое поле».

Думается, при исследовании семантики родственных и неродственных языков целесообразно использовать также понятийный и инструментальный аппарат когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, так как изучение фактов языка в современном языкознании – это направление от языка к культуре, а также к вопросам о языковой личности и национальной специфике языка.

Соотнесение понятий «концепт» и «семантическое поле» является обоснованным, поскольку экспликация культурного содержания концепта реализуется в вербализации феномена, стоящего за ним, с помощью языковых средств – лексических, фразеологических, дискурсивных и т. д. Соответственно, корреляцию исследуемых понятий подтверждают объективация концепта в единицах семантического поля, и, как следствие, необходимость и актуальность разноплановой комбинации лингвокогнитивного и полевого методов.

Цель исследования – проанализировать и описать возможности сочетания различных методик описания и реконструкции концепта с учетом применения полевого метода исследования лексики.

Материал и методы. В статье рассматриваются преимущественно теоретические вопросы, поэтому в ней использованы тексты монографических работ, посвященных проблемам полевых исследований, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Соответственно, для достижения поставленной цели нами использовались общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления, систематизации.

Результаты и их обсуждение. Поле является главной структурой, организующей тезаурус языка, концепт формирует национальную концептосферу. Проблема разностороннего рассмо-

трения языковых и культурных фактов на материале одного или нескольких языков, несомненно, актуальна в современной языковедческой науке. Остаются не освещенными вообще или в полной мере многие важные аспекты этой темы, без глубокого исследования которых, вовлечения и осмысления новых, современных данных относительно лексических единиц, репрезентирующих конкретное поле, невозможно сделать надежные научные обобщения. В этой области требуют разрешения и уточнения многочисленные вопросы, связанные с лексическим составом, семантикой входящих сюда единиц и самой структурой определенного лексико-семантического пространства в современных языках, с новых позиций – в аспекте культуры носителей языка.

Вопрос о возможных методах описания и моделирования концепта и семантического поля представляет не до конца решенную научную проблему, несмотря на достаточный арсенал различных методик, приемов, исследовательских способов и процедур. Нам кажется, что на современном этапе изучения системных отношений в лексике нельзя отказываться от лингвокогнитивного метода, несмотря на бытующее среди некоторых исследователей критическое отношение к нему. Однако мы солидарны с мнением исследователя О.А. Леонтович о том, что «использование научных методов не исключает возможности разных подходов – с одной стороны, опирающихся на строгие факты и процедуры, с другой – полагающихся на озарение, полет фантазии, воображение, игру ума и относящихся с презрением к попытке вместить исследование в жесткие рамки; с одной стороны – фундаментальных, закладывающих основу для разработки новых теоретических подходов, с другой – прикладных, имеющих четкую прагматическую направленность и приближающихся к точным наукам [1, с. 7].

Полагаем, что использование смешанной методики и реализация принципа *триангуляции*, то есть «перекрестного анализа» – учета того, что любое социальное явление должно анализироваться с двух и более различных точек зрения – неотъемлемый компонент описания поля и концепта, его номинирующего [1, с. 22].

Концепт выступает отправной точкой описания семантики номинирующих его единиц, которые, в свою очередь, являются оязыковленным воплощением соответствующего ментального пласта. Обратимся к разъяснению сущности сложной природы концепта и рассмотрим различные методики его описания.

Вопрос о сложной природе концепта и его терминологизации является дискуссионным в силу его «многодисциплинарной» включенности и охваченности [2, с. 349]. По мнению Р.М. Фрумкиной, «термин „концепт“ для отечественной

лингвистики относительно нов. Еще в 1974 г. он воспринимался как сугубо инородный и требующий углубленных комментариев» [3, с. 29–30]. Обращение к этимологии слова «концепт» выявляет его связь с латинскими корнями (лат. *conceptus* – ‘понятие, мысль, представление’, а также ‘зачинать / зачатый’). По всей видимости, данный факт и обусловил то, что отечественными лингвистами термин «концепт» в течение полувека трактовался как синоним термина «понятие» (1920–1970 гг.) [4].

В современных научных дискуссиях относительно различий между концептом и понятием выделяется точка зрения В.В. Красных, согласно которой «на логико-рациональном уровне понятия и концепты обнаруживают ряд общих черт, поскольку являются результатом осмысления и концептуализации окружающего мира. Вместе с тем уже на этом уровне представляется возможным выявить и определенные расхождения между данными феноменами: так, понятия с большей вероятностью позволяют обнаружить внутри себя и выявлять (на рациональном уровне) различные классы, роды, виды, подвиды и под.; концепты же en mass менее «склонны» к подобному дроблению» [5, с. 203].

Интересным представляется мнение Ю.С. Степанова о том, что «концепты могут парить над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете» [6, с. 75].

По мысли И.В. Зыковой, (лингво)культурный концепт понимается как «культурно детерминированная идеальная сущность – носитель ценностной культурной информации, которая имеет невербальное воплощение, обладает определенной внутренней организацией (относительно простой или относительно сложной), обусловленной системными связями с другими культурными концептами, отличается определенной динамикой формирования и эволюционирования благодаря различным формам переживания и осмысления мира, способностью накапливать информацию, а также способностью к вербальному преобразованию посредством некоего множества языковых знаков» [2, с. 371].

В установлении лингвокультурного и аксиологического «статусов» концепта особый интерес представляет методика В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, которые определяют принадлежность феномена к лингвокультурным концептам по следующим характеристикам: 1) комплексность бытования (язык и иные сферы, например, музыка, живопись и т. п.); 2) ментальная природа (концепт находится в сознании); 3) ценностность (центром концепта всегда является ценность; акцентуация ценностного элемента); 4) условность и размытость (концепт не имеет четких границ);

5) изменчивость (в ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов (т.е. интенсивность оценки) может меняться); 6) ограниченность сознанием носителя (лингвокультурный концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании); 7) трехкомпонентность (в составе лингвокультурного концепта можно выделить ценностный, образный (образно-перцептивный и образно-метафорический) и понятийный (фактуальный) компоненты); 8) полиапеллируемость («входы» в концепт посредством апелляции к вербальным и невербальным средствам его репрезентации); 9) многомерность (для моделирования могут использоваться различные единицы когнитивистики); 10) методологическая открытость и поликлассифицируемость (использование различных методов исследования и классификация по различным основаниям) [7].

По мнению В.И. Карасика, реконструкция (лингво)культурного концепта должна включать следующие исследовательские процедуры: 1) семантический анализ слов, называющих имена концептов; 2) этимологический анализ этих имен; 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты; 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты; 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом; 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (поговорок, афоризмов, цитат), выражающих определенные концепты; 7) анализ коротких сочинений, написанными информантами на тему, соответствующую содержанию исследуемого концепта; 8) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальные обозначения концепта [7, с. 33–34].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в процедуру исследования концепта включают следующие этапы: 1) выявление состава возможных языковых средств-репрезентантов; 2) когнитивная интерпретация семантики данных единиц; 3) моделирование содержания исследуемого концепта как «глобальной ментальной (мыслительной) единицы»; 4) установление положения концепта в национальной концептосфере [8].

Итак, воссоздание и описание сложной природы концепта предполагает разноплановую научно-исследовательскую направленность, то есть применение комплекса современных методов, включающих смешанные методики (т.е. сочетание лингвокогнитивного и полевого методов). Так, принадлежность исследуемого нами концепта-ценности «семья» к лингвокультурным концептам представляется очевидной, поскольку его существование связано и с культурой, в ко-

торой данный феномен имеет весомую аксиологическую значимость, и с языком, в котором он получает широкую представленность. Семья как неотъемлемый атрибут устройства человеческого бытия – ценность, поскольку ценности представляют собой «окультуренные представления о значимости мира как такового и отдельных его проявлений в жизнедеятельности человека; морально-нравственные идеалы, ориентиры в достижении цели» [9, с. 135]. Однако ценности, согласно мнению известного лингвиста В.А. Масловой, «и устойчивы, и подвижны одновременно» [10, с. 65–66]. Т.е. необходима лексикографическая коррекция понятия *семья*, поскольку в наше время данный феномен приобрел новые характеристики, обусловленные спецификой развития и функционирования современного общества.

Таким образом, в современных методиках описания концептов, восхождение к концепту начинается обычно «снизу» – с уровня лексикографического описания языковых форм его воплощения. Затем оно охватывает область описаний семантики языковой формы, включая выявление культурных смыслов слова, различных коннотаций, сопутствующих его лексическому значению, символики слова и логики образа, стоящего за словом в сознании носителей языка определенной культуры. Но такой чисто лингвосемиотический и лингвокультурологический взгляды не являются достаточным для адекватной реконструкции содержания, например, таких концептов, как *семья*. Здесь необходимо также применять методики исследования поля, например, учитывать научный (педагогический), философский, художественный и даже религиозный дискурсы. Полагаем, что применение полевого метода позволяет определить, насколько адекватно объективная реальность отражена в системе языка (языков), и, кроме того, подтвердить сам факт системной организации лексики, отражающейся в ее частных категориях – синонимии, антонимии, полисемии, меронимии и т.д. Особенно интересными оказываются

результаты исследования тех пластов лексики, которые отражают в языке строгую, реально существующую, иерархическую структуру. Таким лексическим пластом может выступать комплекс порожденных древнейшей эпохой наименований родственно-семейных отношений и примыкающих к ним отношений свойства, являющихся универсальными для всех языков.

Следовательно, использование смешанных методик (синтез лингвокогнитивного и полевого методов) при исследовании концепта и семантического поля представляется очевидным и необходимым фактом.

Литература

1. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
2. Зыкова, И.В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты / И.В. Зыкова. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
3. Фрумкина, Р.М. Концепт, теория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М.: РАН, 1992. – С. 28–43.
4. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
5. Красных, В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии / В.В. Красных. – М.: Гнозис. – 2016. – 496 с.
6. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов // 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.
7. Карасик, В.И. Этноспецифические концепты / В.И. Карасик // Иная ментальность (коллективная монография). – [Сост. В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева и др.]. – М.: Гнозис, 2005. – С. 8–101.
8. Попова, З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 7–9.
9. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост.: Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
10. Маслова, В.А. Культурный символ и его роль в создании национальных ценностей / В.А. Маслова // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конференции, посв. юбилею проф. В.Н. Телия: в 2 т. – Тула, 2010. – С. 65–67.

Поступила в редакцию 17.12. 2018 г.

Лирический текст в аспекте коммуникативной стилистики: возможности и перспективы

Зайцева И.П.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Достижения теории коммуникации в целом и коммуникативной лингвистики в частности способствуют и более глубокому и многостороннему анализу конструктивных жанрово-стилистических параметров лирического текста, среди которых: лирический субъект, семантическая полифония, подтекст и др.

Материал и методы. Материалом для наблюдений послужили лирические произведения одной из популярных современных поэтесс – Ларисы Миллер.

Основным методом, с помощью которого проводилось исследование, является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками коммуникативного и коммуникативно-стилистического методов.

Результаты и их обсуждение. Проведённые наблюдения подтвердили гипотезу о том, что коммуникативно-стилистический подход – в сочетании более традиционными – является весьма плодотворным способом постижения своеобразия современного лирического текста, тем более в ситуации превалирования в творчестве поэтов-лириков настоящего периода лирики автопсихологического характера.

В частности, он позволяет выявить и более детально (а в ряде случаев, несомненно, и более глубоко) описать различные ипостаси лирического субъекта на основе анализа избранных автором в каждом конкретном случае средств и способов лингвостилистического «оформления» данного феномена.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, лирическая структура, лирический субъект, «внутренний» адресат, идиостиль.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 72–77)

Lyrical Text in the Aspect of Communicative Stylistics: Opportunities and Prospects

Zaitseva I.P.

Vitebsk State P.M. Masherov University

Achievements of the theory of communication in general and communicative linguistics in particular contribute to a deeper and multilateral analysis of the structural genre and stylistic parameters of the lyrical text, including: lyrical subject, semantic polyphony, subtext, etc.

Material and methods. The material for the observations was the lyrical works of one of the most popular contemporary poets – Larisa Miller.

The main research method is the method of contextual analysis used in combination with various methods and techniques of communicative and communicative and stylistic methods.

Findings and their discussion. The conducted observations confirmed the hypothesis that the communicative and stylistic approach – in combination with more traditional ones – is a very fruitful way of understanding the originality of the modern lyrical text, especially in the situation of prevalence in the works of the present day lyric poets of the lyrics of the author's psychological nature.

In particular, it makes it possible to identify and describe in more detail (and in some cases, undoubtedly, more deeply) various hypostases of the lyrical subject on the basis of the analysis of the means and methods of linguistic “registration” of this phenomenon chosen by the author in each case.

Key words: communicative stylistics, lyrical structure, lyrical subject, the “internal” addressee, idiostyle.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 72–77)

В современных исследованиях проблем художественной речи, в связи с утверждением в гуманитарной науке антропоцентрической парадигмы как ведущей, лингвопрагматический и коммуникативно-стилистический аспекты закономерно вошли в число наиболее значимых и при комплексном, и при фрагментарном анализе особенностей словесного пространства литературно-художественных произведений. Представляется, что анализ коммуникативно-речевых произведений, в которых превалирует эстетическая функция, будучи дополненным указанными аспектами, также позволит более глубоко и детально постичь концептуально-эстетическое своеобразие словесно-художественных произведений, относящихся к различным литературным родам, а также полнее и многоплановее осознать связь специфических родолитературных параметров с авторскими принципами отбора и организации языкового материала, привлекаемого для создания того или иного произведения.

Настоящая публикация ставит своей целью проанализировать с позиций коммуникативной стилистики одну из ключевых эстетических категорий словесно-художественного лирического произведения, для обозначения которой используется в настоящее время ряд терминов, среди которых: *автор-поэт – лирический герой – лирическое “я” – лирический субъект*. Несмотря на то, что обозначенная категория выделяется теоретиками лирического творчества довольно давно (как минимум – на протяжении последних двух веков), способы её лингвостилистического воплощения в настоящее время обозначены довольно общо и, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшей разработке и детализации, в том числе и с позиций сформировавшегося в последнее время междисциплинарного направления – *коммуникативной стилистики художественного текста*.

Это направление особое внимание уделяет автору художественного произведения как коммуниканту с определёнными особенностями речевого поведения, преимущественно ориентированному на воплощение и передачу информации эстетического свойства – ср., например: «Языковая личность автора интересует коммуникативную стилистику текста в аспекте идиостиля, проявляющегося в текстовой деятельности. При этом данное понятие наполняется **новым, более широким по объёму содержанием** сравнительно с традиционным. ... Новая интерпретация идиостиля связана с многоаспектностью данного понятия, способного интегрировать разные особенности языковой личности автора (ср. известное суждение «Стиль – это сам человек»). ... Идиостиль, таким образом, – это стиль личности во всём многообразии её многоуровневых текстовых проявлений (в структуре, семантике

и прагматике текста)» (выделено мною. – И.З.) [1]. Таким образом, элементы авторского идиостиля, являющиеся репрезентантами адресанта в эстетически осложнённом коммуникативном процессе, также приобретают дополнительно ряд характеристик, которые при осмыслении их в русле иных подходов оказываются менее явными либо вообще не принимаются во внимание.

Материал и методы. Материалом для наблюдений в данном случае послужили лирические произведения одной из популярных современных поэтесс – **Ларисы Миллер**, заслужившей к настоящему времени и преимущественно позитивную оценку критиков, и безусловную популярность у читателей.

Основным методом, с помощью которого проводилось исследование, является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками коммуникативного и коммуникативно-стилистического методов.

Результаты и их обсуждение. Современные исследователи, исходя из традиционного сопоставления лирики с эпосом и драмой, единодушно относят лирику к «самому субъективному» (Л.Я. Гинзбург) из трёх родов литературы, отмечая в качестве одной из основных её особенностей обращённость *не к внешним событиям, а к внутреннему миру* человека. При этом, несмотря на постоянное (уже в течение нескольких тысячелетий) внимание исследователей к словесно-художественному лирическому творчеству, одной из самых сложных и далеко не решённых на сегодня проблем современной филологической науки в сфере изучения художественной речи остаётся проблема исследования средств и способов воплощения в лирическом произведении *автора-поэта* и/или созданного автором «действующего» лица (*лирического субъекта, лирического героя* и т. д.), и прежде всего – лингвостилистических характеристик означенных феноменов.

Различия между «взаимоотношениями» автора и героя в лирическом произведении и автора и героев (персонажей, действующих лиц) в произведениях эпических и драматургических были замечены исследователями довольно давно, хотя нередко истолковывались весьма различно, иногда с диаметрально противоположных позиций. Одно из свидетельств этому – весьма значительный диапазон терминов, предлагаемых для обозначения выведенного в лирическом произведении субъекта, среди которых: термин *лирическое “я”* (впервые использованный И. Анненским и используемый М. Зусман в работе о своеобразии лирики, вышедшей ещё в 1910 году); введённый в статье «Блок» Ю. Н. Тыняновым термин *лирический герой* (1921 год) и ряд других, в том числе и значительно более современных номинаций.

В настоящей публикации для обозначения «действующего» в лирическом произведении лица мы будем использовать предложенный рядом исследователей термин *лирический субъект*, который определяется С.Н. Бройтманом как «носитель речи, а также основной (объемлющей) точки зрения на мир и оценки в лирическом художественном произведении» [2,]. Материалом же для рассмотрения этой категории в конкретных произведениях, как уже было указано, послужили лирические произведения современной поэтессы Ларисы Миллер.

Большинство лирических произведений Л. Миллер принадлежит, по нашим наблюдениям, к так называемой *автопсихологической* лирике. Основным отличием автопсихологической лирики от иных разновидностей этого литературного рода является то, что в таких поэтических произведениях мы наблюдаем художественно запечатлённый акт прямого самовыражения поэта. Именно эта разновидность лирики, в максимальной степени передающую адресату (читателю – слушателю) непосредственно процесс самораскрытия автора, открытость, и даже обнажённость, его внутреннего мира, наиболее важные моменты его душевной жизни, считается в настоящее время доминирующей частью лирической поэзии.

Такого рода концептуальная установка чаще всего предполагает самовыражение автора-поэта путём отбора из имеющегося языкового материала именно тех элементов, которые максимально адекватно и подробно передают его самовыражённость, создают иллюзию непосредственного общения с воспринимающей стороной. В подобных случаях большинство исследователей определяют лирического субъекта стихотворения как *лирическое “я”* либо *лирический герой*. Считается, что термин *лирическое “я”* впервые введён в научный оборот в работе о лирике М. Зусман в 1910 году (работа: M. Susman. Das Wesen der modernen Lyrik), однако ещё раньше был употреблён Иннокентием Анненским в «Книге отражений». Авторство же термина *лирический герой* принадлежит Ю. Н. Тынянову, впервые употребившему его в статье «Блок» (1921 год).

Современные исследователи лирики отмечают, что *лирическое “я”* сопровождается достаточно определёнными лингвистическими приметам – это прежде всего *грамматически выраженное* в лирическом произведении *лицо*, которому принадлежит речь, т. е. лицо, обозначаемое личными местоимениями первого лица – «я» либо «мы». «Но при этом оно «не является объектом для себя <...>. На первом плане не он сам, а какое-то событие, обстоятельство, ситуация, явление» [3].

Безусловно, отмеченный признак следует считать конструктивным параметром для воплощения *лирического “я”* в стихотворении, однако

лишь констатация его присутствия в лирическом тексте видится очевидно недостаточной и нуждается, на наш взгляд, в более детальном осмыслении: учёт наличия в тексте других личных и иных разрядов местоимений; связанных с местоимениями первого лица глагольных форм и анализ своеобразия их связанности; включённость личных местоимений в синтаксические структуры текста и функционирующие в нём тропы и/или стилистические фигуры и т.д.

В творчестве Л. Миллер лирические тексты, в которых присутствуют личные местоимения первого лица, весьма частотны, однако при этом, на наш взгляд, они отличаются друг от друга, иногда – весьма существенно.

Приведём ряд стихотворений поэтессы, в которых присутствует грамматически выраженное с помощью местоимений «я» и «мы» лицо (при цитировании сохранена авторская орфография и пунктуация; в цитируемых текстах выделено мною. – И.З.):

*Прошу останься, не покинь,
Останься, призрачная синь,
Сияй над роццей, надо мной,
Над всей поверхностью земной.
Ведь ты – грядущего залог
Сюжета нового пролог,
Таишь ты новую зарю...
А впрочем, что я говорю?
Ты не покинешь. Это я
Уйду в крошечные края.*
октябрь 2003;

*А где она – твоя звезда?
Ты видишь где она? О да.
Она всё время на виду,
Хоть я туда не попаду.
Она мне светит по ночам.
Благодаря её лучам
Мне не грозит сплошной пропад:
Она всё время где-то над –
Над головой моей седой,
Над всякой хворью и бедой.*
сентябрь 2003;

*Ах жизнь, щедры твои подарки!
Танцуем вальс в осеннем парке,
Танцуем вальс воздушным па,
И не кончается тропя.
Куда ведёт она – Бог знает,
И скоро ль музыка растает,
Когда-нибудь и мы замрём,
Но нынче кружимся вдвоём.
Да не наскучит нам круженьё
И это лёгкое скольженьё
По тверди, по коре земной...
Танцуй со мной, танцуй со мной...*
сентябрь 2003 [4]

Во всех приведённых стихотворениях присутствуют личные местоимения первого лица (*я, мы*) – явные показатели самовыраженности поэта, степень которой при этом в конкретных текстах различна, поскольку зависит как от частотности употребления этих местоимений, так и от характера взаимодействия их с другими элементами лирического контекста. Так, в первом стихотворении местоимение *я* употребляется трижды (дважды – в именительном падеже и один раз в косвенном – творительном), при этом выраженность лица в лирическом тексте дополняется употреблением *личных* глаголов речи (в формах первого лица единственного числа настоящего и будущего времени): *прошу, говорю, уйду*, – придающих создаваемому образу большую очерченность и конкретизацию. Не меньшую роль в придании объёмности образу лирического субъекта играют, на наш взгляд, ещё некоторые лингвистические элементы, также содержащиеся в себе сему *лица*, однако обычно не учитываемые при установлении своеобразия выраженности автора-поэта в лирическом произведении. Это глагольные формы повелительного наклонения: *останься* (дважды), *не покинь, сияй*, – явно обращённые к ещё одному лирическому субъекту (определим его как «внутренний» адресат лирической структуры) – *призрачной сини*, который далее обозначенному также личным местоимением, но второго лица единственного числа (*ты*), употреблённым трижды.

Думается, что *все* перечисленные элементы лирической структуры участвуют в самовыраженности лирического субъекта и соответственно – через его посредство – автора-поэта, передавая таким образом особенности не только внутреннего мира личности, но и коммуникативного контекста, в котором эти свойства проявляются.

Подобное описанному «оформление» проявлений лирического субъекта (точнее – лирического «я») наблюдаем и во втором из приведённых стихотворений Л. Миллер, в котором, однако, особо подчеркнута *диалогичность* изображаемого, изначально задаваемая обращёнными к «внутреннему» адресату двумя вопросами: *А где она – твоя звезда? Ты видишь где она?*, – в связи с чем лингвистическая представленность этого феномена оказывается по объёму практически такой же, как и представленность собственно лирического субъекта. Присутствие в стихотворении лирического субъекта отражено в таких лингвистических элементах: местоимение *я* (в форме именительного и дательного – *мне* – падежей), глагол в форме первого лица будущего времени (*попаду*) и притяжательное местоимение *моей* (*над головой моей седой*). «Собеседник» лирического субъекта лингвистически представлен местоимением второго лица *ты*, глаголом второго лица единственного

числа настоящего времени (*видишь*) и притяжательным местоимением *твой*.

Анализируя третье стихотворение, прежде всего следует обратить внимание на особую слитность лирического субъекта и «внутреннего» адресата, изначально задаваемую употреблением глагольных форм первого лица *множественного* числа (*танцуем* – дважды) и «подкрепляемую» далее употреблением двух глаголов в форме также первого лица *множественного* числа настоящего и будущего времени (*замрём, кружимся*) и личного местоимения *мы* в формах именительного и дательного падежей (*мы замрём; не наскучит нам*), а также дважды употреблённой формой творительного падежа местоимения *я* (*со мной*) и формами глагола повелительного наклонения, явно обращёнными именно к «внутреннему» адресату (*танцуй со мной, танцуй со мной*).

Особую группу в творчестве Л. Миллер образуют лирические стихотворения, где лирический субъект обозначается местоимением первого лица, однако лишь в форме *косвенного* падежа, чаще всего *дательного*, т.е. в грамматической форме, которая в русском языке связывается с бессубъектностью и употребляется чаще всего в безличных предложениях, где указание для лица, осуществляющее действие, отсутствует. Такую языковую организацию наблюдаем в приводимых далее стихотворениях Л. Миллер (выделено мною. – И.З.):

Дни идут, дорога вьётся...
Почему-то не идётся,
Не идётся мне по ней,
Почему-то не живётся
Средь сверкающих огней.
Почему-то не живётся,
Не идётся нынче мне...
Но и это всё зовётся
Просто жизнью на земле.
октябрь 2003;

Мне сегодня не до сна,
Потому что жизнь грустна.
С каждым днём она грустнее,
Подскажи, что делать с нею,
Как её растормошить,
Ноты горестной лишить,
Как лишить щемящей ноты...
Но всё время слышу: «Кто ты?
И зачем тебе дана
Высь, которая без дна?»
сентябрь 2003 [5].

При функционировании в лирическом тексте местоимения первого лица лишь в форме дательного падежа – дважды употреблённое *мне* в первом из стихотворений – способствует сосредоточенности читательского внимания на состоянии

лирического субъекта, а не на его личности, что в значительной степени «подкрепляется» грамматически – введением местоимения в безличные синтаксические конструкции (*Почему-то не живётся, / Не идётся нынче мне...*).

Во втором из приведённых стихотворений лингвистическая выраженность личности лирического субъекта сводится к употреблению личного местоимения первого лица в косвенном (дательном) падеже – *мне* – и глагола настоящего времени в форме первого лица единственного – *слышу*; однако упоминание о «внутреннем» адресате (хотя и значительно менее конкретном, нежели в цитируемых ранее текстах) присутствует и здесь – на этого субъекта указывает глагол повелительного наклонения *подскажи*.

В творчестве Ларисы Миллер присутствуют и лирические произведения, где основной акцент перенесён на **субъекта-адресата**, что грамматически выражается употреблением личного местоимения второго лица единственного числа (*ты*) и связанными с ним другими частями речи (прежде всего – глаголами в аналогичной грамматической форме), причём в подобных случаях этот субъект-адресат, на наш взгляд, является как минимум *двуплановым*, совмеща в себе и традиционного для лирики адресата (предполагаемого читателя-слушателя), и адресата, квалифицируемого нами как «внутренний». Подобную организацию лирического текста наблюдаем, в частности, в приводимом ниже стихотворении (выделено мною. – И.З.):

*Ничего, что темно. Это временно, право.
Ты увидишь закат, если глянешь направо,
Там последние всполохи, искры и вспышки.
Благодарствуй, судьба, за такие излишки,
За такие щедроты, красоты, намёки
И за свет уходящий, непрочный, далёкий,
И за то, что, всех нас оставляя во мраке,
Ты, любя, подаёшь мимолётные знаки.*
декабрь 2003 [6].

Употреблённое в лирическом тексте местоимение второго лица единственного числа *ты* совмещает в себе обращённость как к конкретному лицу, так лицу *обобщённому*, объединяя в себе таким образом семантику единичности и всеобщности, которая концентрируется в таком характерном для лирики свойстве как «для себя – и одновременно для всех» (Т.И. Сильман). Очевидно, что в этом случае семантический план лирической структуры в определённой мере отличается от рассмотренных ранее произведений, где местоимение *ты* также употребляется, в том числе и неоднократно.

Особо следует, с нашей точки зрения, рассматривать и характер представленности лири-

ческого субъекта в лирических произведениях, где личные местоимения отсутствуют в принципе, однако присутствие лирического субъекта как лица сомнения не вызывает, поскольку в лирической структуре употребляются (обычно неоднократно) глаголы в форме повелительного наклонения в единственном числе – ср., к примеру приводимое далее стихотворение (выделено мною. – И.З.):

*Держись за облако, держись
За ускользающую высь,
За лист, что тихо ворожит
И на ветру слегка дрожит,
За ливня шумную струю,
За всё, что есть в твоём краю,
Где птичий яростен галдёж...
Держись. Иначе пропадёшь.*
сентябрь 2003 [7].

Функционирующие в лирическом тексте глагольные формы – типичный для русского языка способ выражения главного члена для синтаксических конструкций (односоставных переложений) *определённо-личного* и/или *обобщённо-личного* характера. В подобного рода лирических произведениях их грамматическое значение ещё более актуализируется, будучи «поддержанным» обобщающими свойствами лирического жанра (*всеобщность* запечатлённого в лирической структуре переживания, которое *одновременно* воспринимается и как индивидуальный, и как свойственный любой человеческой личности эмоционально-психологический акт).

Аналогичным образом (хотя и с привлечением различных языковых средств) лингвостилистически оформлен лирический субъект и во многих других поэтических произведениях Л. Миллер (выделено мною. – И.З.):

Наступили холода,

*Пруд застыл под коркой льда,
На деревьях нету кроны,
А по льду идут вороны.
И куда они идут?
Слева пруд и справа пруд
Белый-белый, льдистый-льдистый...
Жизнь опять страницей чистой
Претворилась. **На! Пиши!**
С лёгким сердцем. От души.*
ноябрь 2003;

Где же млеко? Где же мёд?
Всюду темень, хлад и лёд,
Мрак и хлад больного века...
Где ты, Божия опека?
Годы прочь унесены...
Если будем спасены,

*То лишь тем, что оборвётся
Всё, что в душах вечно бьётся,
Мечется и рвётся вдаль,
Причитая: «Горько. Жаль».*
октябрь 2003 [8].

Первое из приведённых стихотворений начинается пейзажного зарисовкой (первые четыре строки, больше трети словесного пространства стихотворения), где лирический субъект отсутствует – он косвенно проявляется в пятой строке – в риторическом вопросе (*И куда они идут?*), а затем – в двух односоставных предложениях императивного характера (*На! Пиши!*), в одном из которых главный член выражен особой частью речи, относимой либо к глаголам, либо к словам категории состояния (на), в другом – глаголом в форме единственного числа повелительного наклонения (пиши). Повышению степни императивности, безусловно, способствует и то, что данные предложения являются *восклицательными* по типу высказывания.

Во втором из приведённых стихотворений лирический субъект вначале косвенно представлен *системой* трёх риторических вопросов (*Где же млеко? Где же мёд? ... Где ты, Божия опека?*) и затем – более выражено – составным именным сказуемым определённо-личного (=обобщённо-личного) предложения (придаточная часть со значением условности в сложноподчинённой конструкции), состоящим из глагола-связки, выраженного формой первого лица множественного числа, и именной части, выраженной кратким причастием множественного числа: *Если будем спасены ...*

Таким образом, коммуникативно-стилистический подход – в сочетании с уже имеющимися, более традиционными – видится весьма плодотворным способом постижения своеобразия современного лирического текста, в особенности

с учётом превалирования в творчестве поэтов-лириков настоящего периода лирики именно автопсихологического характера.

В частности, он позволяет выявить и более детально (а в ряде случаев, несомненно, и более глубоко) описать различные ипостаси лирического субъекта с опорой на избранные автором в каждом конкретном произведении средства и способы лингвостилистического «оформления» данного феномена, систематизация которых, как представляется, в дальнейшем позволит создать типологию (или же ряд типологий) лирических текстов, в основу которой будут положены означенные особенности.

Литература

1. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста / Н.С. Болотнова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. – М.: Флинта ; Наука, 2003. – С. 159.
2. Бройтман, С.Н. Лирический субъект / С.Н. Бройтман // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 112–113.
3. Корман, Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора: В помощь студенту-заочнику, специализирующемуся по литературе / Б.О. Корман. – Ижевск, 1982. – С. 13.
4. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
5. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
6. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
7. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.
8. Миллер, Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата доступа: 22.10.2018.

Поступила в редакцию 17.12. 2018 г.

Лінгвістычныя прыметы афарыстычных адзінак

Іваноў Я.Я.

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова

У артыкуле разглядаюцца ўласцівасці афарызма, якія характарызуюць яго як прадукт маўленча-мысленчай дзейнасці і з'яўляюцца яго ўласна лінгвістычнымі прыметамі.

Мэта даследавання — вызначыць, дыферэнцыяваць і апісаць лінгвістычна рэlevantныя прыметы афарыстычных адзінак.

Матэрыял і метады. *У даследаванні выкарыстаны камбінаваныя дэдуктыўны і індуктыўны метады, сінтэз і аналіз лінгвістычных фактаў (на матэрыяле рознаструктурных моў і форм іх існавання). Матэрыял даследавання складаюць афарыстычныя адзінкі беларускай, рускай, польскай і англійскай моў, атрыманыя ў выніку мэтавай выбаркі з літаратурных тэкстаў, жывой гутарковай мовы, лексікаграфічных крыніц (усяго больш за 12000 адзінак) і адлюстраваныя ў падрыхтаваных аўтарам і апублікаваных слоўніках і слоўнікавых матэрыялах.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Да прымет афарызма, што з'яўляюцца лінгвістычна рэlevantнымі (дыферэнцыююць яго ў якасці спецыфічнага прадукту маўленча-мысленчай дзейнасці), адносяцца звышслоўнасць, аднафразавасць, абагульненасць зместу, намінацыйнасць значэння, дыскурсіўная самастойнасць, ужывальнасць як асобнага тэксту, узнаўляльнасць, устойлівасць і ідыяматычнасць. Прыметы афарыстычных адзінак размяжоўваюцца на аблігаторныя (ўласцівыя ўсім афарызмам) і факультатыўныя (што ўласцівы афарызмам толькі пэўных разнавіднасцей), катэгарыяльныя (што ўласцівы толькі афарызмам) і некатэгарыяльныя (што ўласцівы не толькі афарыстычным, але і іншым звышслоўным адзінкам). Некаторыя прыметы афарызма (звышслоўнасць, узнаўляльнасць, устойлівасць, ідыяматычнасць) супадаюць з прыметамі фразеалагічных адзінак, аднак набываюць у афарыстычных адзінках адметнае выяўленне.*

Заключэнне. *Афарызмы ва ўласна лінгвістычным разуменні — гэта аднафразавыя, намінацыйныя, самастойныя, пераважна звышслоўныя, узнаўляльныя, устойлівыя адзінкі, якім могуць быць ўласцівы ідыяматычнасць і ўжыванне як асобнага тэксту, і якія адрозніваюцца ад усіх іншых звышслоўных адзінак адной катэгарыяльнай прыметай — абагульненасцю зместу (універсальнай абагульненасцю пазамоўнай рэчаіснасці), што характарызуе афарызмы як лінгвістычныя адзінкі, дэтэрмінуе іх дыскурсіўную самастойнасць і намінацыйнасць, маніфестуе асобную катэгарыяльную якасць іх плану зместу — афарыстычнасць.*

Ключавыя словы: *афарызм, уласна лінгвістычная прымета, звышслоўнасць, аднафразавасць, абагульненасць зместу, намінацыйнасць, дыскурсіўная самастойнасць, ужывальнасць як асобнага тэксту, узнаўляльнасць, устойлівасць, ідыяматычнасць.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 78–84)

Linguistic Properties of Aphoristic Units

Ivanov E.E.

Mogilev State A.A. Kuleshov University

The article discusses the properties of an aphoristic unit, which characterize it as a product of verbal and cognitive activity and are its own linguistic features.

The purpose of the study is to identify, differentiate and describe the linguistically relevant properties of aphoristic units.

Material and methods. *The combination of deductive and inductive methods, the synthesis and analysis of linguistic facts (based on languages with different structures and forms of their existence) are used in the study. The research material consists of the aphoristic units of the Belarusian, Russian, Polish and English languages, obtained from the target sample from literary texts, spoken language, lexicographical sources (more than 12,000 units) and reflected in the author's dictionaries.*

Findings and their discussion. *The properties of an aphoristic unit that are linguistically relevant (they differentiate it as a specific product of verbal and cognitive activity) include larger than the word, one phrase structure, generalization of the content, nominative character of meaning, discursive independence, separate text usage, reproducibility, stability and idiomaticity. The properties of aphoristic units are distinguished as obligatory (typical for all aphorism) and optional (typical for aphorisms of only certain species), categorical (typical for aphorisms only) and non-categorical (typical for not only aphorisms, but also other larger than the word). Some properties of the aphorism (larger than the word, reproducibility, stability, idiomaticity) coincide with properties of phraseological units, however, they acquire some special expression in aphoristic units.*

Conclusion. As the linguistic notion, the aphoristic unit is one phrase structure, nominative, independent, larger than the word, reproducible, stable units that may have idiomatic character and the separate text usage, they differ from all other larger than the word units by one categorical feature — generalization of the content. The enumerated properties characterize the aphoristic unit as the linguistic units, determines its discursive independence and nominative character. It also represents a separate categorical quality of their content — aphoristic character.

Key words: aphoristic unit, proper linguistic property, larger than the word, one phrase structure, generalization of the content, nominative character of meaning discursive independence, separate text usage, reproducibility, stability, idiomaticity.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 27. — P. 78–84)

У сучасным мовазнаўстве афарызмы шырока вывучаюцца як аб'ект лінгвістыкі тэксту, стылістыкі, фразеалогіі, парэміялогіі, лінгвакраіназнаўства і г.д., пачалі стварацца і комплексныя лінгвістычныя апісанні афарызма як фразавыя тэксты на матэрыяле рускай мовы [1], украінскай мовы [2], а таксама як маўленчай і моўнай адзінкі на матэрыяле беларускай мовы [3], рускай, польскай, англійскай і іншых моў [4–6]. Разам з тым агульнапрынятага вызначэння афарызма ў мовазнаўстве пакуль не сфарміравалася. Пры вызначэнні афарызма як лінгвістычнай адзінкі шырока выкарыстоўваюцца паняцці “лаканічны”, “арыгінальны”, “глыбокі”, “дасканалы”, “яскаравы”, “трапны” і да т.п., якія не з'яўляюцца лінгвістычна рэlevantнымі [3, с. 28]. Вызначэнне афарызма як мовазнаўчага аб'екта і фарміраванне ўласна лінгвістычнага паняцця афарызма немагчыма без акрэслення тых прымет, якія характарызуюць яго як прадукт маўленча-мысленчай дзейнасці, г.зн. з'яўляюцца па сваёй прыродзе ўласна лінгвістычнымі.

Мэта даследавання — вызначыць, дыферэнцыяваць і апісаць лінгвістычна рэlevantныя прыметы афарыстычных адзінак.

Матэрыялы і метады. Фактычны матэрыял даследавання складаюць афарыстычныя адзінкі беларускай, рускай, польскай і англійскай моў, атрыманыя ў выніку мэтавай выбаркі з літаратурных тэкстаў, жывой гутарковай мовы, лексікаграфічных крыніц (усяго больш за 12000 адзінак) і адлюстраваныя ў падрыхтаваных аўтарам і апублікаваных слоўніках [7–9], слоўнікавых матэрыялах [10; 11].

Метадалагічнай асновай вызначэння і апісання лінгвістычна рэlevantных прымет афарыстычных адзінак з'яўляецца разуменне афарызма, па-першае, як асобнай катэгорыі лінгвістычных адзінак, па другое, як складанага аб'екта, што на падставе ўласцівых яму розных прымет можа ўтвараць больш аднаго мноства з іншымі блізкімі яму па сваіх структурных і функцыянальных уласцівасцях аб'ектамі (прыказкамі, крылатымі выразамі, літаратурнымі выслоўямі, спантанымі выказваннямі ў гутарковай мове, тэкстамі масавай камунікацыі і інш.). Пры вызначэнні і апісанні прымет афарызма як асобнай катэгорыі лінгвістычных

адзінак выкарыстаны камбінаваныя дэдуктыўны і індуктыўны метады, сінтэз і аналіз лінгвістычных фактаў (на матэрыяле розных моў і форм іх існавання) [3, с. 7].

Вынікі і іх абмеркаванне. Наяўнасць аўтара (аўтарства), што ўласціва многім афарыстычным адзінкам (у першую чаргу афарызмам як мастацкім і публіцыстычным творам), нельга кваліфікаваць як значную для ўласна лінгвістычнага апісання афарыстычных адзінак прымету, паколькі яна, па-першае, нерэlevantная ў адносінах да зместу і формы афарызмаў (сувязь паміж імі і веданнем аўтара пэўнага афарызма з'яўляецца асацыяцыйнай і абумоўлена экстралінгвістычнымі фактарамі), а па-другое, мае яскрава функцыянальную прыроду (узнаўленне асацыяцыйнай сувязі паміж афарызмам і яго аўтарам не з'яўляецца рэгулярным у свядомасці носьбітаў мовы, залежыць ад характару ўжывання ў маўленні кожнай афарыстычнай адзінкі, якая можа адначасова ў адных выпадках узнаўляцца як аўтарская, а ў іншых як пазбаўленая аўтарства).

Лінгвістычна рэlevantнымі прыметамі афарызма, якія характарызуюць яго як прадукт маўленча-мысленчай дзейнасці, з'яўляюцца, на наш погляд, звышслоўнасць, аднафразавасць, абагульненасць зместу, намінацыйнасць значэння, дыскурсіўную самастойнасць, ужывальнасць як асобнага тэксту, узнаўляльнасць, устойлівасць і ідыяматычнасць. Амаль усе яны набываюць адметнасць у дачыненні да афарыстычных адзінак і патрабуюць спецыяльнага тлумачэння.

Так, звышслоўнасць з'яўляецца адной з самых відавочных прымет афарызма, які складаецца і ўтвараецца са слоў і таму натуральна ўспрымаецца як адзінка, большая па памерах, чым слова. Аднак звышслоўнасць як адна з уласцівасцей афарыстычных адзінак прызначана рэпрэзентаваць не толькі (і не столькі) колькасць лексічных кампанентаў у складзе афарызма, а найперш яго большыя (больш вялікія па аб'ёму), чым у слова, лінейныя і зместавыя параметры. Будучы сказам, афарызм можа складацца і з аднаго слова (у тым ліку ў яго аналітычных і адмоўных формах), напр.: *Вучыцеся!* (як парада моладзі); руск. *Бди!* (*К. Прутков*); *Козырай!* (*К. Прутков*); *Терпение!* (у значэнні ‘Будзь цярдлівым’);

Наладзіцца; Обойдется; Образуется (побытавыя меркаванні); польск. *Nie zabijaj; Nie kradnij* (біблейскія заповедзі); *Nie zalamuj się* (побытавае меркаванне); англ. *Watch. Pray. Work* (надпіс на гадзінніку ‘Будзь пільны. Малісь. Працуй’) і да т.п. Аднаслоўнымі могуць быць і скарочаныя формы ўстойлівых афарыстычных адзінак, напр.: *Бывае...* (*Усё ў жыцці бывае*); *Перамелеца...* (*Перамелеца – мука будзе*); руск. *Не откладывай!* (*Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*); польск. *Pracuj!* (*Pracuj, nieboże, a bóg ci dopomoże*); англ. *Deeds!* (*Deeds, not words*) і да т.п. Аднаслоўныя па колькасці лексічных кампанентаў афарызмы з’яўляюцца звышслоўнымі паводле свайго граматычнага і семантычнага аб’ёму.

Аднафразавасць як уласцівасць афарыстычных адзінак абмяжоўвае іх максімальны лінейны аб’ём і ў гэтым сэнсе проціпастаўлена звышслоўнасці афарызма, якая рэпрэзентуе яго мінімальныя структурныя параметры. Фразавы характар плану выяўлення афарыстычных адзінак абумоўлены іх сэнсавай закончанасцю і ўласцівай ім сінтаксічнай структурай сказа. Абмежаванне граматычнага афармлення афарызма адным сказам тлумачыцца тым, што ўсе ўстойлівыя ў маўленні афарыстычныя адзінкі (і парэмічныя, і крылатыя), а таксама пераважная колькасць свабодных афарыстычных адзінак маюць сінтаксічную форму аднаго простага або складанага сказа. Трэба заўважыць, што літаратурна-мастацкія і публіцыстычныя афарызмы нярэдка наўмысна ўжываюцца ў сегментаванай форме – у выглядзе двух ці больш сказаў, што складаюць зместава непарыўнае паведамленне, сэнсавая еднасць якога (узаемазалежнасць сегментаваных частак) маркіравана рознымі фармальнымі сродкамі (парнымі злучнікамі ці злучальнымі словамі, прыслоўнымі сувязямі, лексічнымі паўторамі, элінісам і інш.), напр.: *Першыя дзеці ёсць адзнака маладосці жанчыны. Апошняя дзіця ёсць адзнака сталасці перад старасцю.* (К. Чорны); польск. *Otyli żyją krócej. Ale jedzą dłużej.* (S.J. Lec); *Zło jak ciemność. Trwa wiecznie. A dobro to rozblysk, to nie-trwale zwycięstwo nad ciemnością.* (T. Konwicki) і да т.п. Аднафразавасць сегментаваных афарызмаў пацвярджаецца магчымасцю іх аднаўлення ў нейтральных умовах у форме аднаго сказа без страты першапачатковага сэнсу як паведамлення цалкам, такі і яго асобных (адпаведных сегментаваным) частак. Таксама даволі часта афарызмы ўжываюцца ў маўленні ў зместава непарыўным спалучэнні з неафарыстычнымі фразамі і ўтвараюць разам з імі або адметныя жанравыя разнавіднасці малых тэкставых форм (апафегмы, хрыі, велярызмы, фрашкі і г.д.), або стандартна структураваныя ў межах розных стыляў і жанраў тэксты, дзе афарызм займае

пазіцыю загалова ці асноўнага кампанента іх унутранай структуры (байкі, прытчы, анекдоты, эпіграмы і г.д.). У гэтым выпадку паўстае праблема размежавання афарызма і іншых малых тэкставых форм.

Абагульненасць зместу як прымета афарызмаў проціпастаўляе іх усім іншым звышслоўным адзінкам, у якіх рэчаіснасць адлюстроўваецца канкрэтна і/або адзінкава. Абагульненасць зместу афарыстычных адзінак мае не функцыянальны, а субстанцыянальны характар (не выяўляецца ў кантэксце іх ужывання, а існуе незалежна ад яго), таму да афарызмаў трэба адносіць толькі тыя звышслоўныя адзінкі, што маюць семантычна-сінтаксічную структуру т.зв. “абстрактнага сказа” (руск. *абстрактное предложение*, англ. *universal analytical proposition*, ням. *abstracter Satz*) – такога “сказа, які змяшчае ўсеагульныя ці пазачасавыя сцвярджэнні” [12, с. 30], напр.: *Смерць нікога не абходзіць; Хваробы лечаць і атрутамі* (М. Багдановіч); руск. *Краткость – сестра таланта* (А.П. Чехов); *Ум хорошо, а счастье лучше*; польск. *Człowiek nie jest stworzony na lzy i uśmiechy, ale dla dobra bliźnich swoich* (A. Mickiewicz); *Każdy początek jest trudny*; англ. *Art is long, life is short; Time is money* (B. Franklin) і да т.п. Абагульненасць у афарызма мае не факталагічны (рэгіструючы) характар як у іншых абагульненых выказваннях, а ўніверсальны (усеагульны) характар, прызначана не для адлюстравання агульных мностваў сувязей паміж агульнымі мноствамі аб’ектаў (*Усім гэтым X заўсёды ўласцівы ўсе гэтыя Y* або *Усе гэтыя X заўсёды робяць усе гэтыя дзеянні Y* і да т. п.), а для намінацыі пазачасавых і нелакалізаваных сувязей паміж адразу цэлымі класамі неадзінкавых аб’ектаў (*Усім X класа X заўсёды ўласцівы ўсе Y класа Y* або *Усе X класа X заўсёды робяць усе дзеянні Y класа Y* і да т. п.). Пры ўніверсальным (усеагульным) абагульненні рэчаіснасці ў выказванні паведамляецца пра аб’екты, іх уласцівасці ці сувязі паміж імі ў выглядзе іх не як мноства, а як класа. У такім выпадку паведамляецца толькі пра неадзінкавыя аб’екты, колькасць якіх з’яўляецца неабмежаванай і ў нейтральнай пазіцыі выказвання (па-за кантэкстам) не можа быць дакладна вядомай ні пры якіх абставінах (кагнітыўна нерэлевантная для носбітаў мовы), нават калі іх аб’ём дыферэнцыяваны. Фармальным паказчыкам аднясення пэўнага абагульненага па зместу выказвання да катэгорыі афарыстычных адзінак з’яўляецца, па-першае, магчымасць яго ўжывання ў маўленні ў дачыненні да цэлых класаў тых аб’ектаў, аб якіх у ім паведамляецца, а па-другое, немагчымасць яго ўжывання ў дачыненні толькі да пэўнага мноства аб’ектаў або да пэўнага канкрэтнага (адзінкавага) аб’екта (без

супярэчнасці здароваму сэнсу або жыццёваму вопыту носьбітаў мовы). Напр.: *Дзеткі падраслі – хатку растраслі* (не можа ўжывацца ў дачыненні да ўсяго класа *дзеткі*, а толькі да *дзетак* пэўных, вядомых суразмоўцам бацькоў, чыю *хатку растраслі*; гэты нельга блытаць з прыказкай *Дзеткі падрастуць – хатку растрасуць*, якая мае абагульнена-ўніверсальны змест ‘Вялікія дзеці вымагаюць ад бацькоў вялікіх выдаткаў’); руск. *Педагоги обязаны быть терпеливыми* (не можа ўжывацца ў дачыненні толькі да пэўнай групы педагогаў без дыскурсіўных канкрэтызатараў – *нашей школы* і г.д.); *Птичку жалко!* (не можа ўжывацца ў дачыненні да ўсяго класа *птички*, якіх *жалко*, што адлюстравана ў аўтарскім кантэксте, дзе кінагерой шкадуе па канкрэтнай *птичке* з застольнага тоста, якая вырашыла паляцець на Сонца і спаліла сабе крылы); польск. *Głupia rozmowa niewarta słowa* (не можа ўжывацца ў дачыненні толькі да дадзенай *rozmowy* без канкрэтнага ўказання на яе – *Ta, Twoja* і г.д.); англ. *Art is long* (нельга выкарыстаць у маўленні толькі ў дачыненні да жыцця пэўнай асобы без дыскурсіўных канкрэтызатараў – *He, She, Their* і г.д.).

Намінацыйнасць афарызмаў абумоўлена тым, што яны прызначаны не перадаваць нейкую актуальную інфармацыю ў яе адносінах да рэчаіснасці, а адлюстроўваць усеагульныя і пазачасавыя сцвярджэнні, у якіх паведамляецца пра ўніверсальныя сувязі паміж цэлымі класамі аб’ектаў, – г.зн. адлюстроўваць заканамернасці сувязей паміж не адзінкавымі аб’ектамі, аб’яднанымі ў цэлыя класы. Заканамернасці такога кшталту можна вызначыць як універсальныя. Яны як факты рэчаіснасці спараджаюцца і існуюць толькі ў свядомасці чалавека ў выніку пазнавальнай і кагнітыўнай дзейнасці шляхам назірання за аб’ектыўна існуючымі (або наўмысна створанымі) істотнымі, неабходнымі і рэгулярнымі сувязямі паміж аб’ектамі. Колькасць універсальных заканамернасцей абмежаваная іх наяўнасцю як фрагментаў калектыўнай ці індывідуальнай карціны свету (або рэальнага, або выдуманнага). Афарызмы спараджаюцца і ўжываюцца як маўленчыя і моўныя адзінкі для вычленення і адлюстравання ўніверсальных заканамернасцей. У гэтым сэнсе кожны афарызм суадносіцца ў свядомасці носьбітаў мовы з той універсальнай заканамернасцю, якую ён адлюстроўвае ў маўленні. Такія суадносіны з’яўляюцца ізаморфнымі суадносінам у свядомасці носьбітаў мовы слоў і тых фрагментаў свету, якія словы абазначаюць у маўленні (і тыя, і другія суадносіны маюць намінацыйны характар). Менавіта таму афарызмы ў нейтральнай пазіцыі (па-за кантэкстам) з’яўляюцца адзінкамі намінацыі, а не камунікацыі, а ў маўленні ўжываюцца адначасова як у камунікацыўнай, так і ў намінацыйнай функцыі. Намінацыйная

прырода афарызмаў фармальна выяўляецца ў магчымасці іх стварэння і ўжывання як цалкам аўтаномных тэкстаў (па-за камунікацыўнымі актам), а таксама іх выкарыстання ў маўленні як дыскурсіўна незалежных адзінак (у такой сэнсава і структурна аўтаномнай пазіцыі, калі выдаленне афарызма з кантэксту ніяк не змяняе ні сэнсу, ні пабудовы паведамлення). Напр.: *Дзядзька Іван адхінуўся і задумаўся. Потым загаварыў: – Вялікі ты стаў, Алёша. Прывыклі мы да цябе... Бацьку ўспамінаеш? – Успамінаю, – ціха адказаў Алёшка. – Правільна. Бацькоў не выбіраюць. Бацька ёсць бацька. На ўсё жыццё... (А. Варановіч); руск. А тебе, мой друг, не следовало не в свое дело вмешиваться. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Девчонка провинилась, и я ее наказала. Она моя, и я что хочу, то с ней и делаю. (М.Е. Салтыков-Щедрин).*

Дыскурсіўная самастойнасць афарызмаў абумоўлена іх змestaвай аўтаномнасцю (не патрабуюць для свайго разумення маўленчага кантэксту), функцыянальнай незамацаванасцю (могуць ужывацца структурна і сэнсава незалежна ад іншых фраз у маўленні) і дыскурсіўнай адасобленасцю (могуць ужывацца без сэнсавых і структурных відазмяненняў, у нейтральнай пазіцыі). Усе названыя фактары дыскурсіўнай самастойнасці афарызмаў знаходзяцца ў адносінах паслядоўнай дэтэрмінацыі: змestaвая аўтаномнасць абумоўлівае функцыянальную незамацаванасць, з якой вынікае дыскурсіўная адасобленасць афарызмаў. У сваю чаргу, дыскурсіўная адасобленасць спрыяе функцыянальнай незамацаванасці, а таксама адасабленню зместу афарызма ад кантэксту, магчымасці вылучэння афарызма з маўлення як змestaва аўтаномнай адзінкі. Трэба адзначыць, што ў некаторых выпадках афарызмы ўжываюцца ў маўленні ў адметным сэнсе – немагчымым для адэкватнага разумення або ўвогуле незразумелым па-за кантэкстам. Наяўнасць кантэкстуальна абумоўленага сэнсу перашкаджае вылучэнню афарызма з аўтарскага тэксту без пэўных сэнсавых змяненняў, аднак не пазбаўляе афарызм змestaвай аўтаномнасці (ні ў аўтарскім тэксте, ні адасоблена ад яго). Напр.: *І стала ясна з той размовы, Якія цяжкія умовы – Няхай іх людзі лепш не знаюць – Прадаць зямельку прымушаюць. [Фядос Хадыка:] – Пакрыўдзіў бог мяне сынамі, Ядзяць іх мухі з капарамі! Няма сыноў – няма падмогі, А сам я стаў слабы на ногі, Бракуе сілы мне, браточкі! Няма, мінуліся гадочкі, Калі зямлю вярнуў Хадыка Не горш вала таго ці быка. (Я. Колас).* Вылучаны з аўтарскага тэксту афарызм *Няма сыноў – няма падмогі* можа разумецца не толькі ў сэнсе адсутнасці ў бацькоў сярод іх дзяцей сыноў, але і ў сэнсе адсутнасці пражывання сыноў разам ці побач з бацькамі.

Ужывальнасць як асобнага тэксту (тэкставасць) варта кваліфікаваць найперш як здольнасць афарызма стварацца і існаваць у выглядзе тэксту. З гэтай здольнасці афарызма вынікаюць яшчэ дзве яго ўласцівасці, па-першае, ужывацца як тэкст у тэксце ў форме структурна і сэнсава аўтаномнай рэплікі (або цытаты), а па-другое, вылучацца з тэксту ў форме асобнага тэксту. Тэкставасць як прымета афарызмаў маніфестуе іх уласцівасць ужывацца ў нейтральнай пазіцыі, якую можна размежаваць на абсалютна нейтральную (незалежную ад маўлення цалкам) і на адносна нейтральную (зместава і структурна незалежную ў маўленні). У адпаведнасці з гэтым тэкставасць як прымета афарызма мае дзве ступені праяўлення – абсалютную і адносную. Стварэнне і існаванне ў выглядзе асобнага тэксту (абсалютнае праяўленне прыметы тэкставасці) з’яўляюцца найбольш раннімі вядомымі формамі функцыянавання афарызма ў пісьмовым маўленні. Так, адзін з першых прававых помнікаў “Кодэкс Хамураці” ў Старажытным Вавілоне (збор законаў, высечаны каля 1750 да н. э. на каменным слупе) складаўся з 282 кароткіх абагульненых выслоўяў. Найвышэйшы росквіт афарызм як асобны тэкст набыў у еўрапейскай публіцыстычнай і мастацкай літаратуры XVII–XIX ст. Вылучацца з маўлення ў форме асобнага тэксту (адноснае праяўленне прыметы тэкставасці) можа любы афарызм – і той, што спараджаецца, і той, што рэгулярна ўзнаўляецца ў маўленні; і дыскурсіўна адасоблены, і структурна і сэнсава мадыфікаваны ў кантэксце; і зместава аўтаномны, і з кантэкстуальна абумоўленым сэнсам. Дзякуючы гэтаму складаюцца зборнікі літаратурных афарызмаў: прыказак, дзе і маўленчыя, і моўныя адзінкі штучна зафіксаваны ў выглядзе асобных тэкстаў. Першым вядомым зборнікам афарызмаў з’яўляецца “*Menandri sententiae*” – кампіляцыя вершаваных выслоўяў, выбраных Менандраў (каля 343 – каля 291 да н. э.) з твораў старажытнагрэчаскіх драматургаў V–IV стст. да н.э. (зборнік карыстаўся вялікай папулярнасцю ў антычным свеце і сярэднявечнай Еўропе, быў перакладзены і на стараславянскую мову). Пры вылучэнні з маўлення ў выглядзе асобнага тэксту ўстойлівых ці сэнсава кантэкстуальна абумоўленых афарызмаў іх сэнс можа істотна адрознівацца ад пачатковага. Гэта не супярэчыць як самой магчымасці, так і рэпрэзентатыўнасці такога вылучэння, паколькі змяненні сэнсу заўважны, але не ўплываюць на прамы змест вылучаных з кантэксту афарызмаў, які застаецца нязменным. Напр.: руск. *Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь.* (Ф.И. Тютчев). Вылучаны з кантэксту афарызм *Мысль изреченная есть ложь* захоўвае свой агульны змест, але супярэчыць здароваму

сэнсу, што нейтралізуецца ў тэксце-крыніцы, дзе паведамляецца пра немагчымасць выказаць словамі багаты свет пачуццяў і думак асобы.

Узнаўляльнасць як прымета афарызма абумоўлена яго функцыянальнай прыродай паўтарацца ў маўленні з рознай ступенню рэгулярнасці ад разовага да масавага ўжывання. Кожны афарызм ствараецца для таго, каб пасля быць паўтораным або ў той жа ці блізкай маўленчай сітуацыі ў аналагічнай ці іншай функцыі, або як тэкставая крыніца ведаў аб рэчаіснасці, светапогляду свайго аўтара (калі ёсць), духоўнай культуры таго моўнага асяроддзя, у якім ён быў створаны ці ўжываецца. Менавіта гэта ўласцівасць афарызма (стварацца, каб паўтарацца) маніфестуе яго камунікатыўную функцыю, якая актуалізуецца разам з яго намінацыйнай функцыяй (азначаць такія фрагменты рэчаіснасці, як заканамернасці сувязей паміж не адзінкавымі аб’ектамі, аб’яднанымі ў цэлыя класы).

Устойлівасць афарызма мэтазгодна кваліфікаваць як захаванне (пры ўзнаўленні ў маўленні з адным і тым жа зместам) у нязменным выглядзе яго лексічнай арганізацыі і сінтаксічнай структуры. Устойлівасць афарызмаў з’яўляецца непасрэдным вынікам не столькі іх узнаўляльнасці (у тым ліку і ў дачыненні да крылатых і прыказкавых адзінак), колькі ўнікальнасці выбару і камбінацыі лексічных кампанентаў афарызма ў адлюстраванні адпаведнай заканамернасці рэчаіснасці. Так, адна і тая ж заканамернасць рэчаіснасці ў кожным новым выпадку свайго вербальнага выражэння ў форме афарызма адлюстроўваецца кожны раз іншым чынам (найперш праз іншую лексічную арганізацыю фразы). Лексічныя кампаненты і спосабы іх камбінацыі могуць паўтарацца ў розных афарызмах, што адлюстроўваюць адну і тую ж заканамернасць рэчаіснасці, аднак ніколі цалкам не супадаюць (вельмі мала шанцаў на тое, каб адна заканамернасць рэчаіснасці спантанна спараджалася ў маўленні ўсякі раз у цалкам аднолькавай лексічна-граматычнай форме). Напр.: *Век жыць – не мех сшыць; Век звекаваць – не пальцам паківаць; Век звекаваць – усяго павідаць (пазнаць); Век перажыць – не поле перайціць; Век пражыць – не кашулю пашыць; Век (Год) пражыць – не лукошка сшыць; Век пражыць – не мора пераплыць; Жыццё пражываць – не канфетку з’есці; Жыццё пражыць – не песеньку спець; Жытку пражыць – не поле перайсці і г.д.* (прыказкі, што адлюстроўваюць заканамернасць ‘Жыццё пражыць не атрымліваецца лёгка’). Або: англ. *Don't cut off your nose to spite your face; Don't cut the bough you are standing on; Don't make a rod for your own back* і г.д. (прыказкі, у якіх адлюстравана заканамернасць ‘Не рабі / Не трэба рабіць нічога такога, што можа пашкодзіць табе самому’) і да т.п.

Ідыяматычнасць у дачыненні да афарызмаў можна разумець у самым агульным выглядзе як катэгарыяльную ўласцівасць звышслоўных адзінак, што дэтэрмінуецца трыма фактарамі і складаецца (паводле А.М. Баранова і Д.А. Дабравольскага) з трох адпаведных субкатэгорый: пераінтэрпрэтацыі, непразрыстасці, ускладнення спосабу ўказання на дэнатат. Усе названыя фактары ідыяматычнасці, на наш погляд, засноўваюцца на асіметрыі плану выяўлення і плану зместу моўнага знака, толькі ўтвараючы яе рознымі спосабамі, таму ідыяматычнай з'яўляецца любая звышслоўная адзінка, змест якой не вынікае (для носьбітаў мовы) з сумы значэнняў яе лексічных кампанентаў. Ідыяматычнымі могуць быць афарыстычныя адзінкі як паводле свайго агульнага зместу, так і паводле зместу сваіх асобных структурных частак; як тыя, што ўзнаўляюцца (рэгулярна або разова), так і тыя, што ствараюцца ў маўленні; як з прычыны ўзуальнага, так і аказіянальнага зруху іх значэння (агульнага і пэўнай структурнай часткі) адносна формы яго выражэння.

Усе прыметы афарыстычных адзінак можна размежаваць на аблігаторныя (што ўласцівы ўсім афарызмам) і факультатыўныя (што ўласцівы афарызмам толькі пэўных разнавіднасцей [5, с. 82]), катэгарыяльныя (што ўласцівы толькі афарызмам) і некатэгарыяльныя (што ўласцівы не толькі афарыстычным, але і іншым звышслоўным адзінкам). Аблігаторнымі прыметамі афарыстычных адзінак з'яўляюцца аднафразавасць, абагульненасць, намінацыйнасць, дыскурсіўная самастойнасць. Факультатыўнымі прыметамі афарыстычных адзінак з'яўляюцца звышслоўнасць, ідыяматычнасць, ужывальнасць як асобнага тэксту. Узнаўляльнасць у адносінах да афарыстычных адзінак мэтазгодна разглядаць дваяка – як іх рэальную і як патэнцыяльную ўласцівасць, паколькі рэальна ўзнаўляюцца ў маўленні (як масава, так і разова) не ўсе афарызмы, што спараджаюцца ў маўленні. Большасць аказіянальных афарыстычных адзінак не паўтараецца ў маўленні, аднак кожная з іх можа быць у любы момант паўторана і пачаць узнаўляцца дзякуючы актуалізацыі іх зместу ў індывідуальнай або ў масавай свядомасці носьбітаў мовы. Устойлівасць таксама трэба разглядаць адначасова як рэальную і як патэнцыяльную прымету афарызмаў, паколькі, з аднаго боку, для яе рэалізацыі яны павінны рэгулярна ўзнаўляцца ў маўленні ўжо ў гатовым выглядзе, а з другога боку, кожны афарызм ствараецца ва ўжо гатовай для ўзнаўлення форме. Рэальныя ўзнаўляльнасць і ўстойлівасць – гэта прыметы ўзуальных афарыстычных адзінак (прыказкавых, крылатых і інш.). У функцыянальнай якасці

(як рэальныя ўласцівасці) ўзнаўляльнасць і ўстойлівасць з'яўляюцца факультатыўнымі прыметамі, а ў сваёй субстанцыяльнай якасці (як патэнцыяльныя ўласцівасці) яны з'яўляюцца аблігаторнымі прыметамі, што сведчыць на карысць уласна моўнай прыроды афарызма.

Толькі адна аблігаторная прымета характарызуе афарыстычныя адзінкі як асобную лінгвістычную катэгорыю (процінастаўляе афарызмы іншым звышслоўным адзінкам). Гэтай прыметай з'яўляецца адметная (універсальная) абагульненасць зместу. Яе мэтазгодна кваліфікаваць як катэгарыяльную для афарыстычных адзінак, паколькі яна з'яўляецца для іх адметнай і прызначана маніфеставаць тую спецыфічную якасць плану зместу, што адрознівае афарызмы ад іншых моўных і маўленчых звышслоўных адзінак. Такую якасць можна кваліфікаваць як “афарыстычнасць”. Толькі тыя адзінкі, якім уласціва якасць афарыстычнасці, могуць тэрміналагічна кадыфікавацца з дапамогай атрыбута афарыстычны (паняцце і тэрмін *афарыстычны*, у сваю чаргу, мэтазгодна выкарыстоўваць у адносінах да плану зместу афарызмаў або тэкстаў, дзе ўжываюцца афарызмы). Афарыстычным з лінгвістычнага пункту погляду можа быць толькі адметны (універсальны) абагульнены змест. Усе іншыя трактоўкі паняцця “афарыстычны” (накшталт “лаканічны”, “сціслы”, “выразны” і да т. п.) не з'яўляюцца лінгвістычнымі, іх немагчыма несупярэчліва абгрунтаваць у тэрмінах лінгвістыкі. Астатнія аблігаторныя прыметы афарызмаў не з'яўляюцца катэгарыяльнымі, паколькі характэрны таксама для шырокага кола адзінак, якія не кваліфікуюцца як афарыстычныя з прычыны адсутнасці ў іх вызначанай якасці – адметнай (універсальнай) абагульненасці зместу.

Заклучэнне. У выніку даследавання ўстаноўлена, што фарміраванне ўласна лінгвістычнага паняцця афарызма павінна грунтавацца толькі на тых прыметах, якія характарызуюць яго моўныя ўласцівасці як прадукту маўленча-мысленчай дзейнасці. Лінгвістычна рэлевантнымі прыметамі афарызма з'яўляюцца звышслоўнасць, аднафразавасць, абагульненасць зместу, намінацыйнасць значэння, дыскурсіўная самастойнасць, ужывальнасць як асобнага тэксту, узнаўляльнасць, устойлівасць і ідыяматычнасць. Усе гэтыя прыметы адметныя ў дачыненні да афарыстычных адзінак, праяўляюць у іх свае спецыфічныя якасці.

Лінгвістычныя прыметы афарызма размяжоўваюцца на аблігаторныя (аднафразавасць, абагульненасць, намінацыйнасць, дыскурсіўная самастойнасць) і факультатыўныя (звышслоўнасць,

ідыяматычнасць, ужывальнасць як асобнага тэксту). Прыметы ўзнаўляльнасці і ўстойлівасці маюць амбівалентны характар. У функцыянальнай якасці (як рэальныя ўласцівасці) узнаўляльнасць і ўстойлівасць з'яўляюцца факультатыўнымі прыметамі, а ў сваёй субстанцыянальнай якасці (як патэнцыяльныя ўласцівасці) яны з'яўляюцца аблігаторнымі, што сведчыць на карысць уласна моўнай прыроды афарызма.

Усе прыметы афарыстычных адзінак дыферэнцыююцца на катэгарыяльныя (што ўласцівы толькі афарызмам як катэгорыі лінгвістычных адзінак) і некатэгарыяльныя (што ўласцівы не толькі афарыстычным, але і іншым звышслоўным адзінкам). Катэгарыяльнай прыметай афарыстычных адзінак з'яўляецца толькі адна – абагульненасць зместу, якая ў дачыненні да афарызма мае адметны (універсальны) характар.

На падставе акрэсленых прымет афарызма можна вызначыць паняцце афарыстычных адзінак як лінгвістычнай катэгорыі. Афарыстычныя адзінкі (афарызмы) ва ўласна лінгвістычным разуменні – гэта аднафразавыя, намінацыйныя, самастойныя, пераважна звышслоўныя, узнаўляльныя, устойлівыя адзінкі, якім могуць быць уласцівы ідыяматычнасць і ўжыванне як асобнага тэксту, і якія адрозніваюцца ад усіх іншых звышслоўных адзінак адной катэгарыяльнай прыметай – адметнай абагульненасцю зместу (універсальнай абагульненасцю пазамоўнай рэчаіснасці), што з'яўляецца спецыфічнай уласцівасцю афарызмаў, дэтэрмінуе іх дыскурсіўную самастойнасць і намінацыйнасць, маніфестуе іх асобную катэгарыяльную якасць плану зместу – афарыстычнасць.

Літаратура

1. Королькова, А. В. Русская афористика : монография / А. В. Королькова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 344 с.
2. Шарманова, Н. М. Українська афористика: структурно-семантичний та функціональний аспекти : дис ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Н. М. Шарманова. – Кривий Ріг, 2005. – 217 с.
3. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – Іваноў, Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2003. – 194 с.
4. Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
5. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма : учеб.-метод. пособие / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.
6. Словарь афоризмов и цитат из польской литературы XVI–XX веков = Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku : для изучающих польский язык как иностранный / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2005. – 104 с.
7. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.
8. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
9. Іваноў, Я. Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора: паэма Якуба Коласа “Новая зямля”: лексікаграфічны аспект : дапаможнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 84 с.
10. Иванов, Е. Е. Английские пословицы: из литературы и в литературе: этимология, функционирование, варианты = English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability : учеб.-метод. материалы / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.
11. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966.

Паступіў у рэдакцыю 17.12.2018 г.

УДК 81'28:821.161.1:908

Лингвоимагологический анализ видения А.С. Пушкиным иноземных народов и стран

Иванова Л.П.
НПУ имени М.П. Драгоманова

Личность и творчество А.С. Пушкина на протяжении многих лет привлекают внимание ученых. С позиций лингвоимагологии интересна проблема: как, не побывав за пределами России, великому поэту удалось создать глубокие и блестящие по форме характеристики других народов и стран. В статье описывается видение А.С. Пушкиным греков, цыган, Англии и англичан, французского народа и его языка, итальянского языка, Швейцарии, мавров, США и американских индейцев. Анализируется использование поэтом различных языковых средств, прежде всего варваризмов. Эрудиция, образованность, умение анализировать разнообразные факты, наконец, природная гениальность позволили А.С. Пушкину предстать перед благодарными читателями блестящим художником слова, ученым, публицистом, а главное – добрым сердечным человеком, умеющим сочувствовать и сопереживать даже очень далеким народам.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, лингвоимагология, оценка, варваризм, лакуна, Англия, Франция, США.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 85–91)

Lingvoimagological analysis of A.S. Pushkin's vision of foreign peoples and countries

Ivanova L.P.
NPU named after M.P. Dragomanov

For many years the personality and creative power of A.S. Pushkin has attracted the attention of scientists. In terms of linguoimagology many a researcher has tried to understand how, without leaving Russia, the great poet managed to create characteristics of other peoples and countries which are so deep and brilliant in form. The article attempts to show how A.S. Pushkin visualized Greeks, Gypsies, England and the English, the French and their language, the Italian language, Switzerland, the Moors, the United States and the American Indians. The article also analyses the poet's use of various language means, especially barbarisms. His erudition, education, ability to analyze various facts, and his genius, make A.S. Pushkin in the eyes of a grateful reader a brilliant word artist, scientist, publicist, and most importantly, a kind-hearted person, able to sympathize and empathize with all people, even with those who lived in distant countries.

Key words: A.S. Pushkin, linguoimagology, evaluation, barbarism, lacuna, England, France, the USA.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 85–91)

Личность, творчество, мысли и суждения великого А.С. Пушкина на протяжении многих лет привлекают внимание представителей разных стран. Разрабатывая проблемы лингвоимагологии, мы также многократно обращались к его художественным текстам литературоведческим трудам, описывая Англию и англичан [1], пути развития французской литературы [2], представленность европейской литературы и культуры на когнитивном уровне языковой личности автора «Евгения Онегина» [3].

Однако в процессе размышлений нас не покидала мысль о том, что А.С. Пушкин по политическим причинам никогда пределы России не покидал, лишь однажды с русскими войсками он

дошел до турецкого Эрзрума и с ними же вернулся, оставив блестящие по глубине и форме суждения о Кавказе и его жителях [4; 5]. Возникает вопрос: почему оценки и видение других стран и народов так точны, что даже в наши дни не утрачивают актуальности? Что сказалось – природная прозорливость «светлого гения», информированность, базирующаяся на блестящей эрудиции?

Некоторым образом освещает последнее положение – составленный Б.Л. Модзелевским каталог и подробное описание пушкинской библиотеки.

«В двадцати двух разделах каталога значилось 3560 томов – 1522 названия, из которых 529 на русском языке и 993 на четырнадцати иностранных языках.

Из общего количества названий 663 охватывает изящную словесность...

Большое место занимают: историческая литература – 3777 названий; география – 42; путешествия – 58; современные описания государств – 17... [6; 16].

Итак, проблема обсуждения в данной статье: что обусловило точную и справедливую оценку А.С. Пушкиным других народов и стран, в которых он никогда не бывал. Думается, и сам поэт задумывался над этим вопросом: «Россия по своему положению, географическому, политическому есть судилище, приказ Европы... Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, – удивительны» [7, с. 237].

А.С. Пушкин подчеркивает своеобразие и неповторимость каждого народа. Интересен перечень факторов, обеспечивающих его оригинальность, среди которых на первом месте климат: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [7, с. 268].

Все перечисленные факторы, создающие народу «особенную физиономию», проявляются в такой категории, как народность, воплощающаяся прежде всего в писателях: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком» [7, с. 267]. Подчеркнем, что для А.С. Пушкина народность – совсем не то же самое, что активно изучается и толкуется нашими современными литературоведами. Для поэта народность – это, скорее, национальное мировоззрение, что подтверждается в продолжении приводимой цитаты: «Ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Все это носит, однако ж, печать народности» [7, с. 267].

Специалисты по межкультурной коммуникации подчеркивают, что всякий человек видит и оценивает другой народ сквозь призму своей культуры и обычаев. Так, А.С. Пушкин пишет о русских крестьянах: «Нет человека, который бы не имел своего *собственного* [выд. автором] жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* [выд. автором] избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по нескольку раз в день» [7, с. 395–396].

Однако есть универсальные черты, которые должны быть присущи любому народу и каждому

его представителю: прежде всего, уважение к своей истории, это даже межа, разделяющая, по мнению А.С. Пушкина, образованность и «дикость»: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости, кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства» [7, с. 367].

Поэт ценит внимание французов и англичан к своей истории, пренебрежение корнями отдельными соотечественниками вызывает гневное возмущение автора: «Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим [Насколько современная и актуальная для нас мысль! – Л.И.]. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т.е. историей отечества» [7, с. 337].

Опираясь на пассаж относительно калмыков, можно было бы обвинить автора в проявлениях ксенофобии, но русским, судя по последней цитате, достается от А.С. Пушкина не меньше.

В продолжение темы о корнях поэт пишет о греках. Известно, что во время пребывания А.С. Пушкина в Одессе горожане были воодушевлены поддержкой греков в их справедливой войне за свободу. Такое настроение было характерно для многих благородных образованных людей, одним из которых был так любимый А.С. Пушкиным великий английский поэт Д.Г. Байрон, погибший за свободу Греции в Мисалонгах.

О греках русский поэт писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило, – говорит Карамзин, – ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения» [7, с. 20].

Обратим внимание на блестящую форму оценки греков. Оба предложения начинаются (сильная позиция) с ключевого положения: «гордиться славою своих предков» и «греки в самом своем унижении». Создаются контекстуальные антонимы: «слава предков» – «малодушие», «унижение» – «освобождение». Подчеркнем, что уважение к истории своего народа автор постоянно связывает с образованностью. На данный факт, думается, следует обратить внимание и нашим современникам.

Если сведения о греках были А.С. Пушкиным почерпнуты прежде всего из художественной и научной литературы, а также средств массовой информации, то цыган он наблюдал во время

ссылки в Кишинев: «Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют...» Быт, нравы, характеры этого народа настолько увлекли русского поэта, что он создает бессмертную поэму «Цыгане», в примечаниях к которой объективно и нелюбопытно характеризует указанный этнос: «... цыгане принадлежат к отверженной касте индейцев, называемых париа [выд. автором]. Язык и то, что можно назвать их верою, даже черты лица и образ жизни – верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг – они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют воровством, пеньем и плясками» [7, с. 259–260].

Первое предложение микротекста как будто выписка из научной статьи или справочника. Второе предложение в равной степени принадлежит научному и публицистическому стилю, третье – эмоциональная публицистика. Точная экспрессивная характеристика «дикая вольность» (вспомним противопоставление концептов «свобода» и «воля» у Ю.Д. Апресяна), причем эта вольность «обеспечена бедностью» – установлены причинно-следственные отношения. А.С. Пушкин не одобряет «праздной жизни» бродяг-цыган, о чем свидетельствуют приведенные определения. Подчеркнем, что в русском менталитете праздность всегда осуждается. То же касается бродяг. В словаре В.И. Даля читаем: «Бродяга ... бѣглый шатунъ, скиталець, кто произвольно, безъ права и писменного вида, покинуть мѣсто» осѣдлости, жительствова, службы, скитаясь по чужбинѣ» [8; с. 129]. Думается, в данном случае в сознании А.С. Пушкина прежде всего активизируется внутренняя форма слова бродить, к которому восходит бродяга: «Бродить... ходить по разным направлѣнїямъ, отыскивая что или безъ цѣли; шататься, слоняться...» [8, с. 128]. В последней части микротекста конкретизируется содержание «праздной жизни» отдельно для мужчин и для женщин.

Чтобы продемонстрировать повсеместность пребывания цыган, поэт указывает Россию и Англию, то есть в его сознании это два полюса, думается, отнюдь не географические.

Англия на протяжении многих лет привлекала внимание А.С. Пушкина: он обращается к ней в поэзии, в частности в «Евгении Онегине», и в критических заметках, на которых остановимся в данной статье.

А.С. Пушкин – литературный критик делает совершенно неожиданное для многих наших современников наблюдение: «Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное про-

исшествие подает повод к сатирической картине; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои, – отвечал он смеясь. – Я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» [7, с. 61–62].

Об английском юморе много написано, подчеркнем, и мы на это неоднократно указывали в статьях, что он далеко не всегда соответствует нашей ментальности.

С другой стороны, А.С. Пушкин с глубоким сочувствием описывает положение рабочих, попавших под жернова английского капитализма: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч 5 или 6 народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию» [7, с. 395].

Автор в начале микротекста указывает на источник информации («прочтите») – газета или журнал, но не собственное наблюдение. Недовольствие русского поэта передается за счет самых разнообразных языковых средств: фразеологизм «волосы встанут дыбом», две подряд восклицательные конструкции с эмоциональными эпитетами (отвратительные, непонятные, страшные, холодное) к соответствующим номинациям (истязания, мучения, варварство, бедность). Воплощением беспросветного подневольного труда в сознании А.С. Пушкина является постройка пирамид в Египте, параллель с которой автор и проводит.

Однако возникает противопоставление: «Совсем нет»: это «нет» раскрывается в отрицательных выражениях («не злоупотребления», «не преступления»). Обычность, привычность и даже соответствие нормам английской жизни того времени проявляется, во-первых, в номинациях английского традиционного товара – сукна, иголки (вспомним «торгует Лондон щепетильный»), во-вторых, в типичных английских фамилиях владельцев фабрик – Смит и Джаксон.

Вводное слово «кажется», начинающее последнее предложение микротекста, указывает

на неоднозначность оценки положения английских рабочих: с одной стороны, «нет в мире несчастнее» их, а с другой изобретение – машины, «избавляющей вдруг от каторжной работы» (отрицательная оценка очевидна), но «лишающая последнего средства к пропитанию».

Таким образом, А.С. Пушкин предстает как страстный публицист и добрый сострадательный человек.

Восхищение А.С. Пушкина вызывают английские аристократы, причем предмет восторга – демократичность в указанных поэтом проявлениях для нас по меньшей мере странен: «Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухонных пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость» [7, с. 308].

Крайняя степень эмоциональности проявляется в первой же части синтаксической конструкции, начинающейся «что за» и завершающейся восклицательным знаком. «Аристократическая гордость» на фоне грязи явно содержит ироническую коннотацию. Высоко оценивает А.С. Пушкин постоянную готовность английского лорда («высший дворянский наследственный титул или титул высших должностных лиц, а также лицо, носящее этот титул» [9, с. 445]) к поединку – стреляться или боксовать (у А.С. Пушкина несовременная форма «боксовать»), лишь бы вызов был джентельменски учтив [«... англ. gentleman – благородный + man – человек»]1. В Великобритании: вполне корректный человек, строго соблюдающий правила и нормы поведения, принятые в обществе» [9, с. 249]. Обратим внимание на форму написания – латиница, значит, во времена А.С. Пушкина освоение только начиналось: и слово, и понятие были в русском быту XIX в. варваризмами. Второй противник лорда после уличного шалуна – извозчик, автор снова подчеркивает социальное неравенство боксеров. Завершает микротекст классическое оценочное предложение: «Это настоящая храбрость». Таким образом, восхищение автора бесспорно: от аристократической гордости к настоящей храбрости.

Обратимся к Франции. А.С. Пушкин подчеркнул разные стороны французского народа: «Некто справедливо заметил, что простодушие (naivete, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа» [7, с. 15]. «Всем известно, что французский народ самый антипоэтический» [7, с. 375], «... сего остроумного и положительно-го народа» [7, с. 375]. Таким образом, оценка скорее положительная, хотя в современном русском

языке «наивный» и «простодушный» несколько разошлись в значениях. Если мы обратимся к работам по этнопсихологии, тот указанные оценки найдут подтверждение.

Французский язык поэтом олицетворяется, у него четко прослеживается человеческий характер: «... язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным» [7, с. 232–233].

Три параллельные синтаксические конструкции создают в сознании читателя четкий образ французского языка, берегущего свою целостность и традиции.

Но русский поэт готов и поиронизировать относительно французской грамматики, обратившись к современной для нас проблеме гендерного равенства: «Во Франции, в земле, прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно провозгласила мужской род благороднейшим» [7, с. 17]. Обратим внимание на олицетворение грамматики. Это чрезвычайно редкое явление, оно встречается в методической литературе для детей уже в наши дни.

Итальянский язык А.С. Пушкин наделяет восторженными эпитетами; «... роскошным языком, исполненным блеска и contetti [блестящих оборотов мысли]» [13, с. 30]. Опять отметим варваризм, но уже итальянский. Данные факты свидетельствуют о том, что А.С. Пушкин читал в подлиннике и английскую, и французскую, и итальянскую литературу, заполняя варваризмами существующие в XIX веке лакуны. Время показало правильность и актуальность нововведений поэта: большинство указанных слов вошли в современный русский язык, подвергнувшись графическому, фонетическому, семантическому и грамматическому освоению.

Интересны краткие по выражению, но глубокие, по содержанию характеристики отдельных стран. Так, о Швейцарии А.С. Пушкин писал: «Покровительство маленькой мещанской республики не слишком его [Вольтера – Л.И.] ободряло» [7, с. 144].

Если с «маленькой республикой» все понятно, то характеристика «мещанская» вызывает вопросы. Так, у В.И. Даля читаем: «Мѣщанинъ.. горожанинъ низшаго разряда, состоящій въ подушномъ окладѣ и подлежащій солдатству; къ числу мѣщанъ принадлежать также ремесленники, незаписанные въ купечество... мѣщанскій, имть свойствн., къ нимѣ относщ. Мѣщанство ср. состоянье мѣщанина; сословье мѣщанъ» [10, с. 373].

Значение, придаваемое А.С. Пушкиным указанному определению, явно не соответствует современному поэту значению. Обратимся поэтому к этимологическим словарям XX века. Г.П. Цыганенко пишет: «Мещанин – лицо мещан-

ского сословия», «обыватель». Заимствовано из польск. языка. В русских памятниках отмечается с XIV в. Польск. *mieszczanin* значит «горожанин» и «буржуа». Это слово образовано с помощью суфф. *-anin* для обозначения лиц по месту жительства от сущ.* *miestce* «место». Польск. *mieszczanin* является калькой нем. *Bürger* – по этимологии «житель города». Со II пол. XIX в., когда с развитием капитализма в России буржуазия из мещанства выделилась в особый класс общества, слово мещанин стало обозначать городских жителей низшего сословия, откуда дальнейшее – «обыватель, человек с узким идейным и общественным кругозором, мелкособственническими интересами» [11, с. 264].

Судя по контексту, в сознании А.С. Пушкина формировалось значение слова «мещанский», утвердившееся только во II половине XIX века.

Вместе с А.С. Пушкиным выйдем за пределы Европы и обратимся к Востоку. Подчеркнем, что русский поэт имел сложившееся впечатление о жизни этой части света («Восток ленивый почивает»), был знаком с персидской литературой, даже пытался что-то из нее переводить: «Иных уж нет, а те далече, – Как Сади некогда сказал». Меня до глубины души тронуло, когда иранские филологи-русисты на могиле Саади цитировали эту строку А.С. Пушкина.

Мавры не персы, они жили и на территории современной Испании, однако мусульманство определило их культуру и мировоззрение, что дает нам основание отнести их к Востоку.

Итак, А.С. Пушкин подчеркивает: «Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы. Мавры внушили ей иступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие Востока» [7, с. 265]. В данном высказывании автор выступает, с одной стороны, как знаток восточной литературы, что свойственно ученому-литературоведу, но особенности мавританской литературы облечены в такую яркую художественную форму, что поэтическая гениальность автора очевидна.

Особенный интерес вызывают наблюдения и выводы А.С. Пушкина о США – стране, далекой и сейчас, а в его времена – абсолютно экзотической.

В основу размышлений положена книга, изданная в Америке конечно же на английском языке: «В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», проводшего 30 лет в пустынях Северной Америки, между дикими его обитателями» [7, с. 166]. Обратим внимание в этой только лишь констатирующей фразе на характеристику «дикие», к которой мы еще вернемся.

Внимательно вчитываясь в текст «Записок», А.С. Пушкин четко и однозначно характеризует их автора: «Джон Теннер ... иногда выдает себя

за человека, не доступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие. Теннер верит снам и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы, и через несколько времени в самом деле удается ему застрелить дикую козу или поймать осетра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или ободряет его» [7, с. 181].

Известно, что человек прежде всего обращает внимание на то, что не присуще ему, «чужое». Такое внимание автора к суевериям Д. Теннера характеризует поэта как человека, полностью их лишенного, однако современники приводят факт с перебежавшим А.С. Пушкину дорогу зайцем, после чего поэт вернулся восвояси. Приведенная цитата ставит указанный факт под сомнение, однако утверждать что-либо однозначно не представляется возможным.

Обратим внимание на неустоявшуюся форму написания этнической номинации коренных жителей Северной Америки: индейцы (как в данном тексте) – индейцы. Известно, что утвердилась последняя, поскольку по нормам русского словообразования индейцы связаны с Индией.

Последнее приводимое нами высказывание о Д. Теннере: «... Есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим *yankee*». И авторское примечание: «Прозвище, данное американцам; смысл его нам не неизвестен» [7, с. 191].

Снова А.С. Пушкин использует варваризм, который, освоившись графически и фонетически (не грамматически!), вошел в современный русский язык.

С опорой на «Заметки» Д. Теннера поэт нелюбезно характеризует «диких американцев». Опять появляется эпитет «дикие», на который мы обращали внимание ранее. Думается, это собственное видение А.С. Пушкина, потому что прожить с ними 30 лет, перенять даже их предрассудки, а потом так характеризовать, невозможно: «Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость – главные пороки диких американцев. Убийство между ими не почитается преступлением, но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть» [7, с. 177]. «Храбрость почитается между индейцами главной человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство произошло в пьянстве или ненарочно, родственники торжественно прощают душегубца» [7, с. 177].

Характеристика четкая и однозначная, что подтверждается даже синтаксически: перечисление в виде однородных членов предложения (в препозиции «легкомысленность») негативных черт и их обобщение-обобщающее слово «поро-

ки». Во всех следующих предложениях в инициальной позиции опять стоит главное для автора понятие – «убийство», «храбрость», то же касается слова «трус», начинающего вторую часть бессоюзного сложного предложения. В период покорения местных племен обсуждалась проблема: есть ли у индейцев душа. А.С. Пушкин явно о ней знал и высказывался однозначно, хотя слово и выпадает из общего стилистического ряда, – душегубец, внутренняя форма абсолютно прозрачна: «тот, кто погубил душу».

О США А.С. Пушкин судит, конечно же, не столько с опорой на «Записки» Д.Теннера, сколько по информации в газетах и журналах, обобщая и осмысливая ее. Взгляд великого русского поэта удивительно современен, прошедшее почти 200 лет подтвердили его правоту.

Итак, «... Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимыми эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» [7, с. 165].

Микротекст четко распадается на несколько микротем. Первая – абсолютно современная положительная характеристика США – «гордая», «безопасная», «цветущая», в большой мере это обусловлено географическим положением. Все войны, сотрясавшие Европу и мир, обошли Америку стороной, не разрушив ни один дом, ни одно предприятие.

Следующая микротема открывается противительным союзом «но», завершается глаголом-

сказуемым в сильной финальной позиции – поколебалось.

Последняя микротема – гневная характеристика американского варианта демократии того времени: «отвратительный цинизм», «нестерпимое тиранство». Главный порок автор видит в «неумолимом эгоизме» и «страсти к довольству» (comfort – отметим еще один варваризм А.С. Пушкина, прочно вошедший в русский язык и нашу жизнь). Сложная синтаксическая конструкция оформлена при помощи бессоюзной связи, отдельные части разделяются точкой с запятой, создается впечатление взволнованной речи, в которой аргументы добавляются и нанизываются. Классический период завершается двоеточием и общим итогом: «...такова картина Американских Штатов...».

Пороки американского общества распространились и на коренное население: «Отношение Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негнудованием; так или иначе, через меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский» [7, с. 165–166].

А.С. Пушкин осуждает формы цивилизационного процесса, объединенные в тексте попарно: «меч и огонь» (традиционная формула завоевательской войны, хотя мечей в ту пору давно уже не было), «ром и ябеда». О роли алкоголя в войне с индейцами писали много, слово «ябеда» во времена А.С. Пушкина имело следующее значение: «клевета, напраслина, извѣтъ, наговоръ; // приказная придирка» [12, с. 671]. Следовательно, суды и закон были не на стороне индейцев.

Русский поэт всей душой болеет за индейцев, он опасается за их судьбу (остатки... скоро совершенно истребятся). Завершает микротекст «флаг американский» четкая метонимия и сильная позиция определения.

Итак, цивилизация многое отняла, а дала, как утверждает автор, следующее: «Американские индейцы [здесь уже индейцы – Л.И.] все вообще звероловы. Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных земель, подарила им порох

и свинец: тем и ограничилось ее благотворное влияние» [13, с. 172].

Итак, была облегчена охота: «искусный стрелок почитается между ними за величайшего человека» [13, с. 172]. Обратимся к внутренней форме «благотворительный» – «делать благо». В случае с американскими индейцами делать благо при помощи цивилизации не получилось.

Подводя итоги, подчеркнем, что, оказываясь, точно характеризуя народ и страну, совсем не обязательно там побывать. Эрудиция, образованность, умение анализировать разнородные факты, наконец природная гениальность позволили А.С. Пушкину предстать перед благодарными читателями (тексты великого русского поэта – неисчерпаемый клад для лингвоиманологии) блестящим художником слова, ученым, публицистом, а главное – добрым сердечным человеком, умеющим сочувствовать и сопереживать даже очень далеким народам.

Литература

1. Иванова Л.П. Представленность английской культуры в русской литературе XIX в. // Вісник Житомирського університету ім. І. Франка. – Вип. 17, 2004., – С. 63–65.
2. Иванова Л.П. Французская литература и литераторы в восприятии русских писателей XIX в. // Науковий часопис. Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. Сер. 9. Сучасні тенденції розвитку мов: збірник наукових праць. – Київ, Видавництво НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2017, Вип. 15. – С. 75–88.
3. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа в стихах «Евгений Онегин»): учеб. пособие к спецкурсу. – 2-е изд. доп. – К.: Освіта України, 2006. – 140 с.
4. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий. – Л.: Издательский Дом Дмитрия Бурадо, 2004. – С. 10–24.
5. Иванова Л.П. Народы юга России глазами А.С. Пушкина – путешественника. Крымский публицистический научный сборник. Вып. 5 (14): Литература и русская глубина. – Симферополь: Крымский архив, 2005. – С. 22–30.
6. Гессен А.И. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. – М.: Наука, 1965. – 509 с.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. VI. Критика и публицистика. – Государственное изд-во художественной литературы. – М., 1962. – 586 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. 1981. – т. 1. А-З. – 699 с.
9. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. Эксмо: 2007. – 941 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. 1981. – т. 2. И-О. – 779 с.
11. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К. «Радянська школа»: 1970. – 599 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. 1980. – Т. 2. Р–В. – 683 с.
13. Иванова Л.П. Культурное освоение Кавказа в русском языковом сознании XIX–XX веков // Русский язык за рубежом, 2004. № 1 – С. 81–88.
14. Иванова Л.П. Франция и французы в восприятии русских писателей // Система и структура схинослов'янських мов: зб. наук. праць. Київ: Видавництво НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2005, Вип. 9. – С. 190–197.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 372.8/81.161.1

Методические рекомендации по написанию сочинения-отзыва с учетом лингвокультурологического комментария

Игнатович Т.В.
Белорусский государственный университет

Современные подходы к изучению языка и речи (системно-функциональный, коммуникативно-деятельностный, лингвокультурологический) ориентированы функционирования языковых единиц в речи. Одним из эффективных способов реализации функциональной направленности в обучении является систематическая и целенаправленная организация наблюдения за использованием изучаемых грамматических явлений в художественной речи и написанию отзыва.

В данной статье представлены последовательные шаги анализа прежде всего лексической стороны поэтического текста, приемы работы (языковые, речевые и литературоведческие) над написанием отзыва в процессе изучения русского языка (в урочное и внеурочное время).

Один из источников информации для интерпретации художественного текста исследования лингвокультурологов, например: «Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста», «Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд» В.А. Масловой и др. Современному школьнику при интерпретации художественного текста не хватает не просто словарной информации о реалиях, которые он воспринимает, он нуждается в грамотном лингвокультурологическом комментарии, связывающем слово и смысл, который оно несёт.

Ключевые слова: методические рекомендации, сочинение-отзыв, интерпретация, лингвокультурологический комментарий.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 92–99)

Methodological Recommendations on Writing an Essay-Review Taking Into Account Linguoculturological Comment

Ignatovitch T.V.
Belarusian State University

Modern approaches to the study of language and speech (system-functional, communicative, activity, linguocultural) oriented functioning of language units in speech. One of the effective ways of implementing a functional orientation in learning is the systematic and purposeful organization of monitoring the use of the studied grammatical phenomena in artistic speech and writing a review.

This article presents the sequential analysis steps, first of all, of the lexical side of a poetic text, work methods (language, speech, and literary criticism) on writing a review in the process of learning Russian (in time for study and after school hours).

One of the sources of information for the interpretation of the artistic text of the study of linguistic culturologists, for example: "Linguistic analysis of the expressiveness of the artistic text", "Russian poetry of the twentieth century. Linguocultural view" V.A. Maslova and others. When interpreting a literary text, a modern schoolchild lacks not only vocabulary information about the realities that he perceives; he needs a competent linguistic and culturological commentary linking the word and the meaning that it carries.

Key words: methodical recommendations, essay-review, interpretation, linguoculturological commentary.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 92–99)

Современные подходы к изучению языка и речи, заложенные в стандарте, концепции и программе по русскому языку (системно-функциональный, коммуникативно-деятельностный, лингвокультурологический), отражают ориентацию на изучение языка в его живом функционировании, что связано с потребностями речевой практики.

Одним из эффективных способов реализации функциональной направленности в обучении, усиления внимания к эстетической функции языка является систематическая и целенаправленная организация наблюдения за использованием изучаемых грамматических явлений в художественной речи и оформление впечатлений от воспринятого в связный текст (устный и письменный), то есть создание отзыва.

Для того чтобы добиться формирования умений создавать отзыв, необходимо использовать не только то учебное время, которое предоставляет в распоряжение учителя программа. Элементы анализа художественного, в том числе поэтического, текста и интерпретации тех или иных фактов в нём присутствуют на многих уроках (учащиеся под руководством учителя определяют тему, основную мысль текста, подтемы, ключевые предложения, словосочетания, слова, а также языковые средства создания образа или его компонентов и др.), однако не всегда есть возможность вербального оформления впечатления от восприятия художественного текста в собственный связный текст (устный или письменный).

В учебнике и методических рекомендациях к теме «Жанры речи: доклад» для 10 класса предлагают материалы для работы над анализом текста стихотворения. В разделе «Слово как основная единица языка» есть возможность работать над изобразительно-выразительными возможностями фонетических, лексических, словообразовательных и морфологических средств языка, в том числе тропов [1]. В 11 классе в разделе «Функционально-стилистические возможности синтаксиса» предполагается изучение стилистических резервов разных типов синтаксических единиц, в том числе фигур [2]. Однако собственно работа над анализом художественного текста, изучение функциональных возможностей единиц языка не располагает большим резервом времени, достаточным для формирования навыков анализа чужого текста и создания на основе этих наблюдений собственного текста – текста отзыва.

Как видим, возможностей для реализации поставленных задач немного на уроке, поэтому основная работа над отзывом осуществляется в рамках факультативного курса «На уроке и после урока (готовимся к языковой олимпиаде)», предназначенного для 10 и 11 классов (70 часов на 2 года) (программа составлена нами – Т.И. [[http://](http://adu.by/images/2016/08/10_11kl_gimn_i_licei_k_olimp.doc)

adu.by/images/2016/08/10_11kl_gimn_i_licei_k_olimp.doc]). Факультативный курс предполагает подготовку к трем конкурсам Олимпиады по русскому языку и литературе в Республике Беларусь. Один из конкурсов – отзыв о поэтическом тексте.

Таким образом, очевидна актуальность представления методических рекомендаций, регламентирующих комплексный анализ художественного текста и введение в активный словарь учащихся речевых клише и конструкций, предназначенных для оформления читательских впечатлений.

В данной статье представлены последовательные шаги анализа прежде всего лексической стороны поэтического текста, приемы работы (языковые, речевые и литературоведческие) над написанием отзыва в процессе изучения русского языка (в урочное и внеурочное время).

Материалы и методы. Обучение анализу художественного текста может основываться на многочисленных подходах (см., например, классификации М.Л. Гаспарова, который выделяет в художественном тексте идейно-образный уровень (тема, идея, пафос, система образов и мотивов, хронотоп); стилистический (морфологические, лексические и синтаксические особенности языка стихотворения, тропы и фигуры); звуковой (особенности ритма, рифмы, строфики и фонетической организации текста) [3].

Так как вопросы идейно-образного содержания художественного текста рассматриваются на уроках литературы, в рамках уроков русского языка и факультатива пристальное внимание уделяется двум другим. По наблюдениям членов жюри и признанию самих учеников, наибольшие затруднения при написании отзыва связаны с анализом функциональных возможностей языковых средств в художественном тексте. Анализ функциональных возможностей языковых единиц в тексте и освоению речевых формулировок, при помощи которых можно оформить свои наблюдения в связный текст, посвящается наибольшее количество времени.

Отзыв как жанр на уроках русского языка изучается в девятом классе. В параграфах учебника, посвященных этой теме (§ 25–26), приводится определение отзыва, его задачи, композиционная схема отзыва, даются краткие рекомендации по содержанию и языковым особенностям данного типа текста. В учебнике также содержится памятка «Как работать над отзывом» (упр. 234). В учебной программе по русскому языку на изучение данной темы, а также на изучение жанра реферата отводится в сумме 4 часа. Таким образом, по желанию учителя количество учебных часов, посвященных изучению отзыва, может варьироваться от 3 до 1 часа [1]. Кроме этого, в учебниках для 10 и 11 класса мы находим информацию, посвященную изобразительно-вырази-

тельными возможностями разных уровней языка: фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса. Анализ поэтического текста – одна из основных форм работы на уроках литературы, посвященных изучению лирики.

Большое внимание отзыву уделяется на факультативе, посвященном подготовке к олимпиаде по русскому языку и литературе («Ну уроке и после урока (готовимся к языковой олимпиаде: программа факультативных занятий для учащихся 10–11 классов филологического направления гимназий и лицеев»). Программа рассчитана на 70 часов в десятом и одиннадцатом классах. Ею предусмотрено по 10 часов для обучения написанию отзыва в каждом классе. Однако методического материала, представленного в учебниках по русскому языку, умений, приобретаемых учениками на уроках языка и литературы, не всегда бывает достаточно для того, чтобы грамотно написать отзыв о стихотворении. Учащиеся чрезмерно увлекаются описанием чувств лирических героев или идей, увиденных в стихотворении, в ущерб непосредственному анализу текста; часто не выдерживают стилевое единообразие создаваемого текста; допускают многочисленные речевые и грамматические ошибки, свидетельствующие об отсутствии у них постоянной практики написания отзывов; не умеют вводить в текст отзыва цитаты; а самое главное – не знают, как интерпретировать результаты анализа содержания, формы и функции рассматриваемого языкового явления. Для работы необходимо предоставить не только дополнительный материал, на котором ученик самостоятельно или под руководством учителя смог бы осуществлять освоение анализа текста, создания собственного текста, в котором бы излагались впечатления и обоснованная интерпретация, но и совершенствовались умения написания отзыва и в целом развивалась устная и письменная речь ученика.

Есть достаточное количество пособий, доступных для использования во внеурочной подготовке, в которых представлены разные подходы к анализу, продемонстрированы приемы анализа, приведены примеры целостного разбора: «Олимпиады по русскому языку: Пособие для учителя» Ф.М. Литвинко, Е.Е. Долбик, О.А. Обловой и др. (методическая разработка анализа текста «Роза Иерихона» И.А. Бунина написана нами – Т.И.) [4]; авторские сборники отзывов, такие как «Художественный текст и его анализ» Л.А. Новикова [5], «Лингвистический анализ художественного текста» Н.М. Шанского [6], «Анализ лирики в старших классах» И.Е. Каплан [7].

В книге Л.А. Новикова даются образцы лингвистического анализа поэтических и прозаических текстов русской и советской литературы. Каждый текст снабжен справочным материалом

(книга рассчитана на работу со студентами-иностранцами). Главный акцент сделан на целостном анализе художественного произведения в единстве его различных и взаимосвязанных уровней: идейного содержания, жанрово-композиционной структуры и языка. Непосредственный анализ текстов предваряется небольшой вступительной частью, где автор рассказывает о принципах и приемах лингвистического анализа художественного текста, а также о методике работы с художественным текстом.

Пособие И.Е. Каплан рассчитано на учителя-словесника, но может быть использовано старшеклассниками и абитуриентами, как сказано в аннотации. В нём приведены примеры отзывов о стихотворениях А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, В. Маяковского, С. Есенина и др. Автор книги ориентируется в первую очередь на произведения, изучаемые в школьной программе. Впрочем, отзывы, представленные в этой книге, не всегда являются полными и всесторонними, в них недостаточно глубоко проанализированы стилистический и фонический уровни, что тоже может быть методически полезно с точки зрения рассмотрения недостатков и неполноты разбора.

Основной целью книги Н.М. Шанского «Лингвистический анализ художественного текста» стал развернутый лингвистический комментарий к «темным», непонятным местам в русской классике. В ней есть ряд очень полных и содержательных отзывов о разных жанрах произведений русской классической литературы [6].

Интересным представляется методическое пособие «Учимся писать отзыв о литературном произведении», выпущенное коллективом авторов филологического факультета БГУ (автор статьи о написании отзыва – О.И. Царёва [8]). В нем раскрывается жанровая специфика отзыва, определяются его цели и задачи, характеризуются принципы и виды анализа художественного текста. В пособии представлены схема анализа лирического и эпического произведения, алгоритм написания сочинения-отзыва, общие рекомендации по работе с художественным текстом. Хрестоматия пособия содержит статьи и фрагменты работ известных литературоведов. В практикуме представлены задания для отработки навыков написания отзыва. Издание включает в себя отзывы участников областных и республиканских олимпиад по русскому языку и литературе и комментарии к ним, тексты для написания отзывов, словарь литературоведческих терминов и список литературы, посвященной анализу художественного произведения.

При подготовке статьи мы опирались на информацию, изложенную в работах, посвященных комплексному анализу художественных произведений, работах, посвященных творчеству кон-

кретных писателей либо реализации конкретных изобразительно-выразительных приемов в лирике: «Техника стиха» Г.А. Шенгели, «Теория литературы. Поэтика» Б.В. Томашевского, «Стилистика русского языка» И.Б. Голуб, «О поэтах и поэзии» и «Структура художественного текста» Ю.М. Лотмана, «Книга о русской рифме» Д. Самойлова, статьи М.Л. Гаспарова, Л.В. Зубовой, В.П. Григорьева и др.

Проанализировав предлагаемые подходы к комплексному (целостному) анализу текста (работы Л. В. Щербы, М. М. Бахтина, В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, Н.Г. Шанского, Ю.М. Лотмана, Л.А. Новикова и др., подробно рассмотренные О.И. Царевой [8]), можно сделать вывод о методически целесообразном подходе, изложенном М.Л. Гаспаровым, чья поуровневая классификация предполагает рассмотрение идейно-образной, стилистической и фонической сторон текста, в которых «располагаются все особенности его содержания и формы» (идеи и эмоции на идейно-образном уровне; лексика и синтаксис на стилистическом; метрика, ритмика, рифма, строфика, явления звукописи на фоническом [3, с. 14]). Анализ по уровням – это скорее мыслительный процесс, который происходит в голове учащегося, когда он воспринимает и интерпретирует текст, то есть до того, как он начинает собственно писать отзыв. Композицию отзыва можно выстроить в той же последовательности – один уровень за другим, однако это не всегда бывает удобно. А можно использовать другие композиционные планы, заранее очерченные и изменяющиеся в процессе текстовой работы. В такого рода набросках необходимо перечислить все языковые особенности, найденные в стихотворении, и основные мысли по поводу его идейно-образного содержания.

Еще одним источником, к которому, к сожалению, учителя не обращаются из-за незнания его методического потенциала, могли бы стать исследования лингвокультурологов как общетеоретического плана («Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста», «Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд» В.А. Масловой и др. [9]), так и конкретные разборы известных текстов, осуществленные под непривычным углом зрения («От текста к смыслу и от смысла к тексту (текстовая деятельность учащихся)» Е.В. Любичевой и Н.Г. Ольховик [10], «Лингвостилистический анализ художественного текста» М.И. Гореликовой и Д.М. Магомедовой и др.) [11].

Результаты и их обсуждение. Как ни парадоксально, но наибольшую сложность для учащихся представляет понимание и интерпретация значения слова в поэтическом контексте. «Слово в стихе – это слово из естественного языка, еди-

ница лексики, которую можно найти в словаре. И тем не менее оно оказывается не равно самому себе. И именно сходство, совпадение его со «словарным словом» данного языка делает ощутимым различие между этими – то расходящимися, то сближающимися, но отделенными и сопоставленными – единицами: общеязыковым словом и словом в стихе» [12, с. 279]. Поэтому так важно научиться видеть слово в поэтическом тексте, которое гораздо «крупнее» этого же слова в общеязыковом тексте.

Для анализа лексики стихотворения надо уметь составлять его словарь. По словам Ю.М. Лотмана, составив словарь того или иного стихотворения, «мы получаем – пусть грубые и приблизительные – контуры того, что составляет мир, с точки зрения этого поэта» [12, с. 347].

Приведем в качестве примера использования технологии составления словаря текста методику анализа рассказа И.А. Бунина «Роза Иерихона» [4, с. 92–94]. Автор издал его в 1924 году. Особенностью произведения стало то, что его основу составляет восточный фольклор.

И.А. Бунин писал рассказ по воспоминаниям и впечатлениям, которые остались от его путешествия на Восток. Тогда писатель только женился, а свой медовый месяц провел с женой, путешествуя по таким странам, как Палестина, Сирия и Египет. Это произвело на него очень сильное впечатление и навсегда осталось в его памяти как нечто яркое и прекрасное.

Предметом описания стала *селагинелла чешуелистная* – уникальное растение, которое имеет способность «воскресать» и снова возвращается к жизни спустя десятки лет, находясь в абсолютно высушенном состоянии! Это растение было названо по предложению самого преподобного Саввы. Он жил в Огненной долине, которая представляла собой мертвые скальные равнины. Роза стала для него знаком воскресения, ведь только это растение встречалось на сухих и пустых землях. Кроме этого, Иерихонская роза считалась удивительным растением, потому что его можно было сорвать и очень многие годы хранить сухим вдали от тех земель, где оно было сорвано. А после долгого хранения, стоило только положить его в воду, оно сразу начинало зеленеть и покрываться мелкими цветочками с тонким ароматом. И тогда каждый человек осознавал, что нет в мире смерти, что даже самый безжизненный организм способен возрождаться заново, словно воскресать из мертвого. Это путешествие навсегда осталось в памяти писателя. Узнавая все больше нового, держа за руку любимую женщину, Бунин понимал и открывал все больше истин, которые были способны руководить им в жизни.

Все, о чем писал Бунин, актуально и сегодня. Человек, который долгое время находится в де-

прессии, способен вылечиться благодаря одному поступку, который принесет ему счастье. Человек, который не желает жить из-за одиночества, может обрести огромную радость с появлением друга в своей жизни. Человек, который переживает сложные жизненные обстоятельства, может изменить свою жизнь, просто отбросив одну проблему в сторону.

Анализ рассказа проводится совместными усилиями учителя и учеников по предложенной системе вопросов:

1. На какие две тематические части можно разделить текст произведения?
2. Что означал символ Розы Иерихона для древних евреев?
3. Что он означает для автора?
4. Какими художественными средствами соединяются эти два плана интерпретации символа? Для ответа на этот вопрос проанализируйте а) средства создания антитезы / противоположные эпитеты и метафоры / в первой и во второй частях текста; б) эпитеты и метафоры в первой части и аллегорические образы во второй. Какие элементы художественного текста создают экзотизм произведения, а какие – христианскую всеохватность?
5. Какие различные уровни (планы, интерпретации, расшифровки) символа Розы Иерихона вы можете предложить?
6. Какой троп является сквозным для всего текста, что он помогает передать от автора к читателю?
7. Сформулируйте основную мысль произведения.
8. Проанализируйте средства связности текста: а) лексические (синонимические повторы, однокоренные повторы, местоименные замены, слова одной тематической группы); б) синтаксические (синтаксический параллелизм).

Отвечая на вопросы, мы вместе с учениками заполняем таблицу 1.

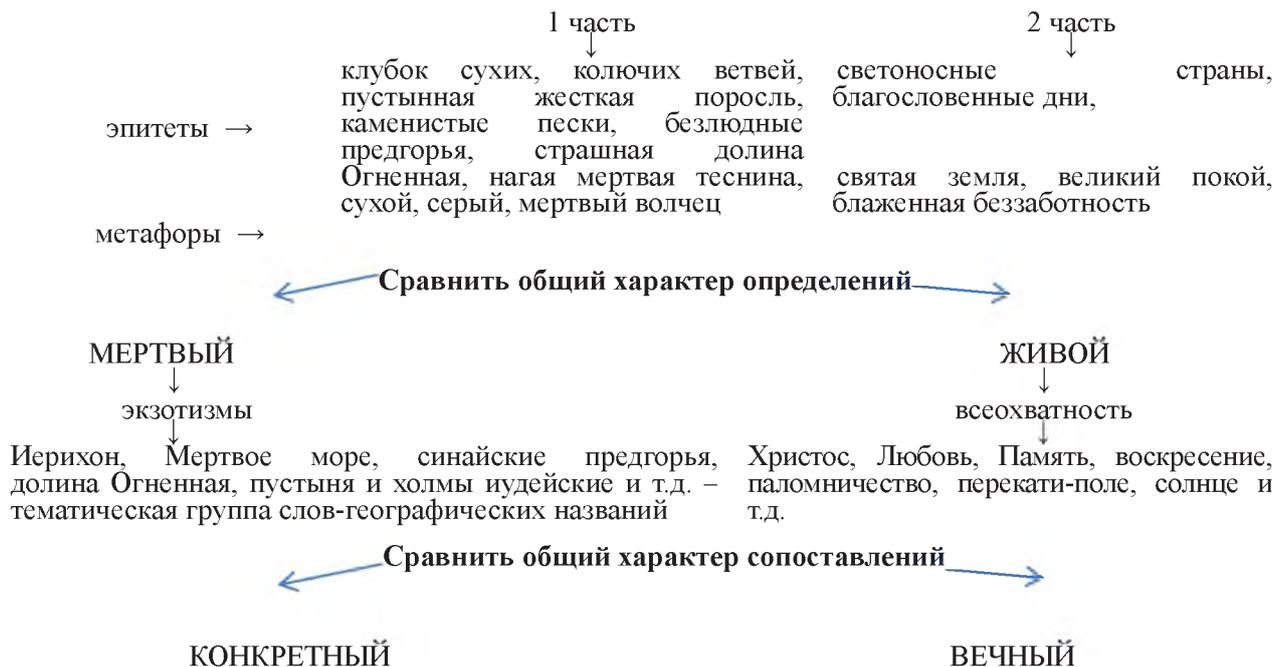
Результаты лингвистического анализа с учетом лингвокультурологического комментария рассказа И. А. Бунина «Роза Иерихона» могут быть представлены следующим образом:

Рассказ условно можно разделить на две тематические части, первая – три абзаца, вторая – два. Первая часть – легенда о преподобном Савве, давшем поэтическое название невзрачному растению – план прошлого. Вторая – размышления автора о благодатном прошлом. Основная мысль первой части – дикий волчек назван Розой Иерихона из-за чудесных свойств: способности возрождаться после долгих дней небытия. Основная мысль второй части – человек находит силы к духовному возрождению в своем прошлом и прошлом всего человечества (Роза моего Иерихона). Из них вытекает основная мысль всего рассказа – человек бессмертен, пока жива его душа, Любовь, Память.

Первый и последний абзацы оформляют текст-размышление, выполняя в структуре текста функцию вступления и заключения. Повторяющееся сочетание *Роза Иерихона* в первом обозначает понятие, которое еще необходимо объяснить, а в последнем – понятие, содержание которого стало ближе, яснее, но не раскрыто окончательно.

Для древних евреев Роза Иерихона стала символом вечности, постоянного возрождения жизни (можно сравнить с культом Диониса, Деметры в Древней Греции, Иштар в Вавилоне). Для автора это символ благодатного прошлого, отрадных воспоминаний о живой воде души, любви,

Таблица 1 – Лингвокультурологический анализ рассказа «Роза Иерихона»

памяти. Эти два плана интерпретации символа соединяются с помощью противопоставленных аллегорических образов, эпитетов и метафор в первой и второй частях, с помощью элементов художественного текста, создающих экзотизм произведения и христианскую всеохватность. Роза Иерихона воспринимается как символ возрождения жизни, памяти, возвращения, судьбы еврейского народа в диаспоре, возрождения души и возвращения из внутренних скитаний и т.д. Важно отметить, что ряд остается открытым, неисчерпанным, и это отличает символ от однозначно трактуемой аллегии.

Сквозным, организующим для всего текста стал символ Розы Иерихона, созданный путем поэтапной трансформации «эпитет – метафора – аллегория – символ». Как видим, этот символ можно трактовать довольно широко, далеко не исчерпывая содержания текста. Эту открытость подчеркивает риторическое восклицание, завершающее размышление автора; восклицание акцентирует устремленность к будущему, отталкиваясь от прошлого и настоящего, создает общий эмоциональный подъем.

За символическим наполнением текста видится философский смысл художественного произведения. Здесь же отмечаются индивидуальные особенности стиля – метафоричность, утонченная образность, экспрессивность.

Из приведенного примера видно, что при анализе словаря стихотворения следует обращать внимание на следующие аспекты: 1) морфологический состав словаря; 2) отношения синонимии и антонимии (в т.ч. контекстуальной), возникающие между словами; 3) наличие лексических и грамматических повторов; 4) лексико-семантические группы, в которые можно объединить слова; 5) стилистическую окраску слов; 6) наличие неологизмов и архаизмов; 7) наличие слов, имеющих ограниченную сферу употребления.

При изложении результатов наблюдений за содержанием, композицией и языковыми особенностями художественного текста и написании отзыва можно использовать определенные речевые клише и формулировки, помогающие изложить индивидуальный взгляд в виде связного текста. При описании корпуса речевых формулировок, которыми можно воспользоваться при написании отзыва, мы опирались на книгу Н.М. Шанского «Лингвистический анализ художественного текста» [6].

О композиции стихотворения можно сказать так: *Стихотворение распадается на N частей: первая является... вторая выступает... Структура стихотворения стройная и ясная. Оно состоит из N частей. В первой части (ее образует первое четверостишие) говорится о... Во второй (она состоит из второго четверостишия) раскрывается, почему... Третья часть – последние*

6 строк, излагающих нравственную (гражданскую) позицию поэта, его взгляды на... Стоит задуматься над последней строкой: «...».

Об идейном содержании стихотворения могут рассказать фразы: *В предельно сжатой и точной формулировке провозглашаются взгляды поэта на... Перед нами слова, в которых (в этих слова) поэт декларирует свою позицию... Эти языковые особенности позволяют поэту дать зрительно очень яркую и выразительную картину, помогают в лепке образа, создании картины действительности. Поэтическая миниатюра предстает перед нами как кредо (декларация) идей поэта о... Стихотворение подкупает... «...» – вот центральные вопросы, которые ставит перед нами поэт, с которыми обращается поэт к читателю. Приведенный анализ позволяет нам полнее и глубже воспринять идейное содержание стихотворения.*

Работа над лексикой должна сопутствовать анализу образной системы стихотворения, его идейного содержания и пафоса. При анализе пафоса стихотворения, его идейного содержания, тематики уместно будет сделать такую ремарку: *Поэт использует архаизмы для создания высокого слога, торжественно-патетического характера ораторской речи: «...» (Созданию высокого слога, торжественной, приподнятой интонации служат использованные в тексте устаревшие слова: «...»). В других случаях лексические особенности можно проанализировать одновременно с анализом конкретного образа: Интересно (любопытно, неслучайно), что, создавая данный образ, поэт прибегает к архаизмам, придавая своему описанию возвышенный, патетический характер: «...». Описывая данный образ, поэт использует архаизмы («...»), придавая своей речи возвышенное звучание.*

При использовании в речи разговорных слов, просторечных выражений, жаргонизмов, иногда – канцеляризмов и профессионализмов анализ лексики можно построить следующим образом: *Тон, в котором написано стихотворение, намеренно прозаизирован автором: здесь мы найдем такие просторечные выражения, как: «...». Поэт часто обращается к низшему стилистическому пласту лексики: «...». Благодаря использованию этих слов и выражений поэту удастся достичь непринужденно-разговорного, сниженного оттенка речи, придать речи экспрессивность, удастся стать голосом «безъязыкой улицы» (В.В. Маяковский), симитировать речь своих персонажей (допустим, о Твардовском).*

О присутствии в тексте неологизмов можно сказать в следующих формулировках: *В стихотворении мы находим ряд авторских неологизмов. Их появление продиктовано поиском таких слов, которые наиболее полно и адекватно отобразили*

бы те эмоции и мысли, которые хочет передать автор и для выражения которых традиционные средства недостаточно точны и лаконичны. Так, гиперболизации (приданию повышенной экспрессивности, яркости, новизны) образа служит неологизм «...». Он образован по модели «...». Казалось бы, что мешало поэту воспользоваться оборотом «...»? Однако неологизм «...» – совсем не то же самое, что оборот «...». Он вносит в образ оттенки такого-то значения.

О синонимах, антонимах, антитезе и градации можно написать в таких формулировках: Этот образ разворачивается при помощи ряда синонимов, выстроенных по принципу градации: «...». Противопоставление образов выражено антитезой, столкновением антонимов «...» и «...». Два образа последовательно противопоставляются друг другу на протяжении всего стихотворения. Для этого поэт использует ряд антонимов: «...».

В случае, когда стихотворение написано нейтральной и книжной лексикой, можно обозначить особенность этого стихотворения следующим образом: Стихотворение подкупает простотой слов. Простые и бесхитростные слова употребляются здесь в большинстве случаев в самом обычном, прямом, номинативном значении. В стихотворении нет ни одного разговорного и тем более просторечного слова, оно целиком построено из нейтральной и книжной лексики, что соответствует возвышенной тематике стихотворения.

Анализ тропов и фигур в отзыве лучше всего совмещать с анализом его идейно-образного содержания. Для этого можно использовать следующие формулировки: Использование метафор «...», эпитетов «...» и т.д. позволяет поэту дать зрительно очень яркую и выразительную картину, помогает в лепке образа, создании яркой картины действительности. Эпитеты «...» поэт использует для создания народного колорита. Описывая данный образ, поэт прибегает к эпитетам и сравнениям: «...». В художественной речи поэта нашла яркое отражение народная речь. Неслучайно мы находим здесь эпитеты «...». Удивительной выразительностью этот образ обязан эпитетам. Поэт намеренно использует гиперболу при описании этого образа: «...». Для усиления художественной экспрессии поэт применяет... Очень выразительным является прием...

При отсутствии тропов мы используем такие выражения: Стихотворение подкупает простотой слов. Простые и бесхитростные слова употребляются здесь в большинстве случаев в самом обычном, прямом, номинативном значении.

Элементы орнаментальной инструментовки можно обнаружить в любом стихотворении: даже если абсолютно нечего сказать о фонетическом уровне стихотворения, всегда можно найти несколько звуковых повторов, чтобы привести их

в качестве примеров благозвучия: В заключение стоит обратить внимание (мне хотелось бы обратить ваше внимание на.../мне хотелось бы сказать (написать) о...; на фонетическую сторону данного стихотворения (на то, как звучит это стихотворение / на звучание этот стихотворения / на то, с каким (удивительным, замечательным и т.д.) искусством (мастерством) поэт сочетает (располагает, использует) звуки в этом стихотворении / на мастерство (искусство), с которым поэт сочетает и т.д. / на то, какое большое внимание поэт уделяет звуковой организации своего стихотворения. Прислушайтесь (давайте вместе прислушаемся к тому), как это стихотворение звучит: (здесь можно (но не обязательно) привести небольшой отрывок).

О ритмической организации стихотворения говорить чаще всего следует в начале или конце отзыва, в ряду общих характеристик текста: Напоследок поговорим о звучании стихотворения. Оно написано четырехстопным ямбом с пиррихиями и спондеями; богатая орнаментальная инструментовка придает ему необыкновенную музыкальность. Стихотворение написано трехстопным амфибрахием. Трехсложный размер, придающий звучанию стиха некоторую замедленность и плавность, как нельзя лучше подходит для передачи темы произведения – тоске по родине. Четырехстопный ямб, насыщенный спондеями, избран поэтом для этого стихотворения неслучайно. Двусложный размер лучше, чем трехсложный, подходит для передачи энергичных, отрывистых фраз. Энергия, динамика стиха передается и при помощи ритма (ритмом) – трехстопного ямба.

Перебой ритма – пиррихии и спондеи – упоминаются в двух случаях. Если они не несут смысловой нагрузки, то об их наличии лучше всего сказать одновременно с определением размера (анapest, утяжеленный спондеями / ямб, облегченный пиррихиями). Если же такой перебой как-то акцентирует, выделяет важное в смысловом отношении слово или добавляет новые краски к образу, то и говорить о нем следует там же, где вы анализируете этот образ: В строках «И светла // Адмиралтейская игла» мы на одном дыхании произносим четыре безударных слога подряд, как бы иллюстрируя голосом тонкость и легкость очерка адмиралтейского шпиля.

Приступая к описанию рифм в стихотворении, можно отметить: С темой стихотворения соотносятся и рифмующиеся слова (раскрыть тему стихотворения помогает выбор рифмующихся слов; тема стихотворения получает свое развитие в рифмующихся словах), которые, согласно закону края, должны лучше закрепляться в сознании читателя: «...». Противоречие между двумя образами (противопоставление двух обра-

зов) получает своё развитие и в рифмовке. Так, поэт рифмует «...». Поэт рифмует слова, обозначающие далекие, казалось бы, понятия («...»), тем самым сближая их значение. Это помогает углубить содержание данного мотива или образа. Поэт прибегает к богатой, точной рифме, демонстрируя нам удивительное мастерство (Точная, богатая рифма придает этому стихотворению особенную музыкальность, звучность; выдает кропотливую работу поэта над звучанием стихотворения): «...». (в конце отзыва, подводя итог эстетическим достоинствам стихотворения).

Задача обучения лингвистическому анализу художественного текста – помочь учащимся увидеть в родном языке самое главное – его удивительные богатства и красоту, то, чем может гордиться каждый, для реализации которой активно привлекаются различные подходы к лингвистическому анализу художественных текстов. Они оказывают определенное влияние на школьную практику изучения русского языка.

Данные методические рекомендации были апробированы в рамках в рамках факультативного курса «На уроке и после урока (готовимся к языковой олимпиаде)», предназначенного для 10 и 11 классов, в 2011–2018 гг., результаты их использования отражены в дипломном исследовании В.К. Горбачёвой «Обучение филологическому анализу поэтического текста на уроках русского языка», успешно защищённом в 2012 году на филологическом факультете Белорусского государственного университета.

Заключение. Как видим, современному школьнику при интерпретации художественного текста не хватает не просто словарной информации о реалиях, которые он воспринимает, он нуждается в грамотном лингвокультурологическом комментарии, связывающем слово, наименование и ситуацию, в которой оно появилось, смысл, который оно несёт.

Таким образом, при всем многообразии учебных пособий по данной проблеме, мы видим, что

учителя по-прежнему нуждаются в детальных методических разработках по обучению написанию отзыва. Особенно актуальным в этом направлении будет создание комплекса упражнений для развития умений и навыков анализа текста, развития письменной речи учащихся.

Литература

1. Русский язык. Учебник для 10 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Л.А. Мурина [и др.]. – 2-е изд., испр. и дополн. – Мн.: НМУ «Национальный институт образования», 2015. – 287 с.
2. Русский язык. Учебник для 11 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Л.А. Мурина [и др.]. – 2-е изд., испр. и дополн. – Мн.: НМУ «Национальный институт образования», 2017. – 278 с.
3. Гаспаров М. Л. Избранные труды / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Просвещение, 1997. – 238 с.
4. Олимпиады по русскому языку: пособие для учителя / Ф.М. Литвинко [и др.]; под ред. П.П. Шубы. – Минск: ИП «Экоперспектива», 2000. – 316 с.
5. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: Рус. яз., 1988. – 304 с.
6. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста / Н.М. Шанский. – Л.: Просвещение, 1990. – 414 с.
7. Каплан И.Е. Анализ лирики в старших классах: 10–11 класс / И.Е. Каплан. – М.: Издательство «Экзамен», 2006. – 256 с.
8. Учимся писать отзыв о литературном произведении / сост. О.И. Царева [и др.]. – Минск: Бел. ассоц. «Конкурс», 2008. – 352 с.
9. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учебное пособие. – Мн.: Выш. шк., 1997. – 156 с.
10. Любичева Е. В., Ольховик Н. Г. От текста к смыслу и от смысла к тексту (текстовая деятельность учащихся). – СПб.: САГА, Азбука-классика, 2005. – 368 с.
11. Гореликова, М.И., Магомедова, Д.М. Лингвистический анализ художественного текста / М. И. Гореликова, Д. М. Магомедова. – 1989. – 152 с.
12. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – М.: АСТ, 2003. – 608 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

Проблема понимания англоязычного медиатекста: КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Казимилова О.В.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Необходимым условием организации семантического пространства текста является актуализация его смысла в сознании воспринимающего текст реципиента. В настоящее время существует ряд работ, посвященных определению границ познания текста и обеспечивающих адекватность его понимания. Тем не менее, нераскрытой остается проблема определения факторов, которые влияют на неверное истолкование информации, заложенной в тексте.

Целью настоящего исследования является выявление лингвокогнитивных механизмов непонимания текста, обусловленных коммуникативной компетенцией и опытом адресата.

Материал и методы. *Материалом исследования являются англоязычные медиатексты жанра «комментарий», отобранные из цифровых авторитетных журналов за 2017–2018 гг. (“Time”, “U.S. News and World Report”, “Newsweek” и др.). В работе использовались контекстуальный анализ, метод семантизации, логико-семантический анализ и интерпретационный метод.*

Результаты и их обсуждение. *Языковыми причинами, представляющими трудность при осмыслении смыслового содержания медиатекста, являются сленгизмы, аббревиатуры, экзотизмы, специальная терминология, окказионализмы, сложность суперструктуры. К нелингвистическим параметрам относятся аллюзии, прецедентные имена собственные, социокультурные расхождения.*

Заключение. *Основными механизмами в ограничении эффективности осмысления медиатекста служат лингвистические факторы, а также факторы внеязыковой действительности.*

Ключевые слова: *медиатекст, адресат, когнитивный подход, прагматический аспект, восприятие, понимание/непонимание текста, лингвистические и экстралингвистические факторы.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 100–104)

The Problem of Understanding English-Language Media Texts: Cognitive and Pragmatic Aspects

Kazimirova O.V.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The necessary condition for the organization of the semantic space of a text is the actualization of its meaning in the mind of the text recipient. At present there is a great deal of research targeting the frontiers of text knowledge and ensuring the adequacy of its understanding. However, the problem of determining the factors affecting the misinterpretation of the information contained in the text remains undisclosed.

The aim of this research is to reveal lingvocognitive mechanisms of misunderstanding texts, due to the addressee's communicative competence and experience.

Material and methods. *The research materials are English-language media texts of a ‘commentary’ genre, selected from digital authoritative magazines for the period of 2017–2018. (“Time”, “U.S. News and World Report”, “Newsweek” etc.). The methods of the research include: contextual analysis, semantization method, logical and semantic analysis, interpretation method.*

Findings and their discussion. *It is established that linguistic reasons, representing the difficulty in perceiving the content of the media text are as follows: slang words, abbreviations, exoticisms, special terminology, occasional words and the complexity of the superstructure. Non-linguistic parameters comprise allusions, proper case names, sociocultural differences.*

Conclusion. *The major mechanisms in limiting the effectiveness of media text interpretation are linguistic factors, as well as the factors of extra-linguistic reality.*

Key words: *media text, addressee, cognitive approach, pragmatic aspect, perception, understanding/misunderstanding of the text, linguistic and extralinguistic factors.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 100–104)

Комплексный подход к изучению текста, который основывается на принципах, выработанных в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологического анализа, коммуникативно-прагматического направления лингвистики текста приводит к актуальному пониманию текста как сложного структурно-семантического единства высшего порядка, обладающего формально-семантическими, когнитивными и лингвопрагматическими свойствами.

В русле антропоцентрической парадигмы к исследованию текста на первое место выходят его когнитивные и прагматические аспекты, которые наилучшим образом репрезентируют позицию языковой личности как в передаче знания другим представителям различных культурных общностей, так и в постижении окружающей действительности. С одной стороны, когнитивная лингвистика, ориентированная на соотнесение языковых форм с их ментальными репрезентациями, позволяет по-новому взглянуть на процесс его организации и восприятия [1, с. 34–37]. С другой стороны, учет фактора *адресата*, практикуемый с позиций прагматического подхода, привносит элемент объективности в описание семантической организации текста [2, с. 20]. Как справедливо отмечает профессор В.А. Маслова, текст усугубляется социальными, прагматическими и другими факторами языковой личности воспринимающего, что обуславливает возможность рассмотрения текста не просто в качестве лингвистического, но и социально-психологического явления [3, с. 15].

Осознание действия указанных факторов усиливает интерес к интерпретации текста во всех его измерениях, о чем свидетельствуют разнообразные публикации отечественных и зарубежных исследователей [4; 5; 6; 7; 8]. Л.Г. Ким, в частности, говорит об интерпретационной вариативности текста, которая анализируется в направлении от текста – к речевой деятельности [9, с. 6].

В зависимости от того, каким образом реципиент интерпретирует текст, такую информацию он и извлечет из него. Поэтому при осмыслении содержательной стороны текста существенную роль играет читатель со своей мировоззренческой позицией на предлагаемую проблематику. При этом зачастую складывается ситуация, когда текст может быть уяснен несколько иначе, чем задумано субъектом речи, или не понят совсем. В этой связи многие исследователи анализируют, где и каким образом определяются границы постижения текста [10; 11]. Вместе тем, многие, в том числе и практические вопросы не получили окончательной лингвистической интерпретации. В частности, до сих пор ученые пытаются объяснить, какие факторы оказывают влияние на неверное понимание реципиентом информации, заложенной в тексте.

Цель статьи заключается в выявлении лингвокогнитивных механизмов непонимания текста, обусловленных коммуникативной компетенцией и опытом адресата.

Материал и методы. Материалом исследования послужили англоязычные медиатексты жанра «комментарий», отобранные из цифровых авторитетных журналов “Time”, “U.S. News and World Report”, “Newsweek”, “The Spectator”, “Reader’s Digest” за 2017–2018 гг. Общий объем материала составил 30 комментариев. В избранных нами журналах комментарии, как правило, публикуются в разделах *Columns*, *Opinion* и *Commentary*, представляющих собой обзор постоянного комментатора. Основным критерием отбора текстов для исследования послужил логико-семантический (наличие аналитической части, включающей авторское мнение и оценку, субъективная подача материала, установление диалога с адресатом).

Достоверность результатов работы основывается на применении следующих методов: контекстуального анализа и метода семантизации, а также логико-семантического анализа и интерпретационного метода.

Результаты и их обсуждение. Понимание, в особенности *инокультурного* текста, представляет собой многогранную и сложную процедуру, которую можно охарактеризовать как когнитивный процесс обработки информации, активным субъектом которого наряду с адресантом выступает и адресат. Читатель, постигнув коммуникативную установку автора, стремится извлечь максимум информации из текста, которая обогащает его личностную когнитивную базу.

Конструктивные и содержательные связи, в которых сознательно/бессознательно не улавливается семантика, порождают факторы непонимания, анализ которых способствует более глубокому осмыслению различных закономерностей функционирования языковой системы в целом. Непонимания текста приводит нас к феномену коммуникативной неудачи, которую вслед за О.П. Ермаковой и Е.А. Земской можно трактовать как случай полного или частичного непонимания высказывания реципиентом, обусловленного фактором вербализации сообщения [12]. И.А. Щирова и Е.А. Гончарова в свою очередь отмечают, что канал сообщения и источник информации зачастую бывают безупречными, что приводит к коммуникативным девиациям. Среди причин искажения сообщения исследователи выделяют следующие: у самого человека мысль находится в стадии оформления; высказывание безосновательно и не может быть адекватно воспринято адресатом; неверное членение на абзацы, отсутствие логической последовательности между разнообразными частями сообщения;

недостатки канала передачи информации в речи и др. [13, с. 73]. Более широкую позицию в этом вопросе занимает Н.А. Шехтман, согласно которому коммуникативные неудачи определяются субъективными (неоднозначность текста, его ненормативная организация) либо объективными признаками (специфика отношения адресата к тексту, его прагматические пресуппозиции и лингвистическая компетенция) [14]. На основании вышеизложенного можно заключить, что факторы непонимания, главным образом, входят в рамки как лингвокогнитивного, так и лингвопрагматического направления.

Анализ практического материала показывает, что в англоязычном медийном комментарии присутствуют сложности лингвистического и экстралингвистического характера, возникающие при осмыслении содержания текста, которые повышают его напряженность и препятствуют пониманию информации реципиентом.

Установлено, что значимым фактором лингвистического характера служит незнание адресатом значений лексических единиц, которые адресант считает общеизвестными. В частности, у читателя могут возникнуть сложности при восприятии материала, который содержит:

– аббревиатуры без пояснения автора (85% от общего количества проанализированных комментариев): *Shortly after this, the President halted all US funding to UNRWA and ordered closure of the PLO office in Washington DC* (Newsweek, 2018). В данном случае, несмотря на ряд известных аббревиатур, значение которых не вызывает сомнений (*the US* – ‘Соединённые Штаты’, *DC* – ‘федеральный округ Колумбия’), у реципиента, вероятно, возникнут сложности при расшифровке таких аббревиатур как *UNRWA* (‘Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ’) и *PLO* (‘Организация освобождения Палестины’). В результате, недостаточное владение специальными знаниями в предметной области медиатекста может привести к существенному искажению смысла сообщения;

– обилие специальной терминологии (70%): *Experts assure me that we shall shortly all be hearing about collateralised loan obligations. They are to corporate lending what mortgage backed obligations were to mortgages. MBOs achieved unwelcome fame in 2008, when housing credit crunched. This time, it is corporate credit* (The Spectator, 2018). Так, приведенное высказывание насыщено специальными терминами, входящими в терминологическое поле экономики: *collateralised loan obligations* в значении ‘обеспеченные долговые обязательства’, *corporate lending* ‘корпоративное кредитование’, *backed obligations mortgages* ‘обязательства по обеспечению закладными’, *mortgage* ‘закладная’, *housing credit* ‘жилищное

кредитование’, *corporate credit* ‘корпоративное кредитование’, *to crunch* ‘испытывать финансовый кризис’. В данном случае если информацию читает неподготовленный реципиент, не владеющий терминологией, знаниями в области мировой экономической ситуации и субъектов мировой экономики, его незнание (даже одного обозначения) может породить значительное непонимание смысла всего сообщения;

– сленгизмы (65%): *To peddle products that are non FDA approved and so unmedically sound that they are literally SWORN off by despairing healthcare professionals, is truly the saddest state of affairs* (Newsweek, 2018). *Virtually all of the elements missing from the millennial experience used to be provided by family and church; now nearly all of them are filled with one sort of government program or another* (Newsweek, 2018). В приведенных примерах значение сленгизма *to swear off* ‘закаяться, заречься’ (‘to promise to abstain from something’) и сленгового слова *the millennial* ‘молодежь, поколение «нект»’ (‘persons reaching young adulthood in the early 21st century’) могут быть известны не каждому адресату, хотя контекстное окружение содействует частичному пониманию. Иными словами, речь идет об индивидуальном непонимании, при котором читатель владеет определенным лингвистическими знаниями, которых все же недостаточно для уяснения основного содержания высказывания;

– экзотизмы (40%), выступающие в качестве заимствованных иностранных слов, входящих в систему языка-реципиента, и не имеющие лексико-стилистической парадигмы: *He's done small voices in several Muppet shows and movies, and even voiced Kermit's evil doppelgänger in 2014's Muppets Most Wanted* (Reader's Digest, 2017). *I still felt there was something I could do to help resolve the impasse* (Reader's Digest, 2018). В указанных примерах вкрапления на иностранных языках *doppelgänger* (нем.) в значении ‘призрачный двойник’ и *impasse* (фр.) в значении ‘тупик, безвыходное положение’ вместо общепринятых в английском языке *an illusory twin* и *deadlock* эксплицируют оппозицию «свой – «чужой» и тем самым содействуют сужению круга читателей;

– окказионализмы (30%): *I am often extremely dismissive of people immersed in their smartphones. I tut at the mole-ish pedestrians, who step out into the traffic, faces uplift and shocked when a car goes by* (The Spectator, 2018). В комментарии, посвященном проблеме зависимости от смартфонов, имеющиеся окказиональные слова *mole-ish*, *uplift* делают неясным смысл высказывания. Об их значении можно догадаться из микротекста (*mole-ish* реализует узкое значение ‘рассеянный, невидящий’, *uplift* – ‘покрасневший, горящий’). Тем не менее, понимание содержания носит частичный

характер при направленности внимания читателя на детали сообщения.

Не менее значимым фактором лингвистического характера является уровень сложности суперструктуры медиатекста (в 80% случаев). Установлено, что для комментария характерна достаточно свободная структура, которая включает такие содержательные компоненты как *объект комментирования, интерпретация объекта комментирования*, а также ряд дополнительных компонентов – *авторский взгляд, оценка, прогноз*, отличающихся экспрессивно-оценочной подачей информации, что нередко затрудняет понимание.

Так, например, комментарий под названием *The Lost Art of Debate* посвящен тому, что в настоящее время утрачена манера ведения публичной дискуссии в корректной форме, на высоком профессиональном уровне, не прибегая к красноречивому монологу и личным оскорблениям: *We've lost our ability to hold civic discussions without resorting to extreme rhetoric and personal attacks* (U.S. News and World Report, 2018). Текст насыщен авторскими ремарками, в рамках которых поднят еще один существенный вопрос касательно роли политики и политических дебатов в современном обществе: *Politics has become a place where there is no tolerance for common ground, no points for compromise and no acknowledgment of the goodness in a political opponent* (U.S. News and World Report, 2018). В завершении представлен авторский прогноз, который может вызвать некоторые затруднения в понимании медиатекста: *This discussion could happen on virtually every controversial issue we are encountering today: tax cuts, border security, immigration, trade, the list goes on and on. But as long as we are stuck on our own opinions and refuse to entertain any other information, the debates will stand still and so will our country* (U.S. News and World Report, 2018).

К предопределяющим факторам экстралингвистического характера, оказывающим влияние на степень осмысления англоязычного медиатекста, относятся:

– аллюзии (65% от общего количества текстов): *People are so bamboozled into thinking that Northern Ireland is a 'special case' that they do not see the preposterous arrogance of the backstop proposal* (The Spectator, 2018). Для того чтобы адресат смог декодировать политическую аллюзию (*Northern Ireland is a 'special case'*) и понять почему люди находятся в состоянии замешательства, ему необходимо иметь определенные знания об имеющемся особом экономическом статусе Северной Ирландии после «брексита», который дает возможность провинции свободно торговать как с Евросоюзом, так и с Великобританией после выхода последней из ЕС. Приведем еще один пример, в котором неверное определение

говорящим объема тезаурусных знаний адресата становится причиной непонимания смысла всего сообщения: *And once that was happening, he says, Canada "wanted to be at the table" to make sure it wasn't "being sidelined or blindsided" as Mexico gained advantages in the U.S. market, to which Canada already had privileged access* (Time, 2018). Так, для расшифровки необходимого подтекста *to be at the table* («быть за столом переговоров») читатель должен обладать информацией о том, что в недавнем времени лидеры США, Мексики и Канады подписали проект о создании нового североамериканского торгового блока, которое пришло на смену Североамериканскому соглашению о свободной торговле;

– прецедентные имена собственные, которые являются социально-говорящими именами (50%): *Cocktails, at \$12, can be pricey, but the grown-up magic of gazing out on the town Uncle Walt built is free (as are the regular jazz performances)* (Reader's Digest, 2017). Так, имя собственное *Uncle Walt* (Уолтер Элайас Дисней – американский художник-мультипликатор, кинорежиссёр, актёр, сценарист и продюсер) является носителем информации фактуально-денотативного характера. Адресант сознательно, посредством контраста выделяет имя известного кинорежиссера для того, чтобы повысить интерес адресата к парку развлечений в городе. Отмечено, что понимание имплицитного смысла, который создается прецедентным именем, требует от реципиента комбинации лингвистического и нелингвистического знания. В качестве иллюстрации рассмотрим еще один фрагмент из комментария: *Since Trump overwhelmingly carried the district two years ago, Brindisi could've easily ended up like Heitkamp or McCaskill* (U.S. News and World Report, 2018). В данном случае для того, чтобы декодировать информацию, реципиенту необходимо знать, в каких штатах лидировал Д. Трамп по популярности среди республиканцев, иметь четкое представление о сенаторах-демократах Хейди Хейткамп и Клэр МакКаскилл (занимающих нижние позиции рейтинга по популярности), а также об Энтони Бриндизи;

– социокультурные причины непонимания информации (40%), которые предопределены различиями личностных когнитивных сфер адресанта и адресата, их целостными и систематизированными представлениями. В следующем примере неперенным условием для уяснения фрагмента текста служит владение читателем культурным кодом региона, а также страны в целом: *Seven candles are lit during the seven days of Kwanzaa, representing the seven key principles of the holiday* (Reader's Digest, 2017). Здесь речь идет об особых празднованиях, подчеркивающих связь афроамериканцев с культурными традициями Африки. В частности, каждый день в течение праздника на

семисвечнике зажигается свеча в честь одного из фундаментальных принципов в культуре афроамериканцев: единства, самоопределения, совместной работы, ответственности и др. В итоге, вероятное искажение смысла может быть обусловлено тем, что реципиент не имеет сведений о существовании подобных празднеств. Поэтому необходимо быть готовым к различного рода осложнениям коммуникации, вызванным неполным уяснением нюансов и особенностей той культуры, о которой идет речь в речевом сообщении.

Заключение. Таким образом, принципы постижения и истолкования текста базируются на комплексных психологических механизмах и происходят на различных уровнях познания при согласованной работе внешних и внутренних факторов. При этом информация, заложенная в тексте, доносится до адресата в различных формах, обусловленных степенью его лингвистической и экстралингвистической компетенции – фоновыми знаниями, ценностными ориентациями, социально-психологическими установками. Если по каким-либо причинам происходит сбой, то текст может быть уяснен реципиентом в искаженном виде, либо не понят вообще.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что с одной стороны, основными параметрами в ограничении эффективности осмысления информации в медийном тексте являются лингвистические факторы: незнание семантики некоторых лексических единиц и сложная структурная организация медиатекста. С другой стороны, следует учитывать факторы внеязыковой действительности, обусловленные несовпадением картин мира автора и читателя, которые включают причины социокультурного характера, аллюзии и прецедентные имена собственные, нередко передающие имплицитный смысл.

Литература

1. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–37.
2. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М.: Акад. проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
3. Маслова, В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В.А. Маслова; под ред. У.М. Бахтикиревой. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 201 с.
4. Маслова, В.А. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие для академического бакалавриата / В.А. Маслова; под ред. У.М. Бахтикиревой. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 147 с.
5. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В.А. Кухаренко – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
6. Долинин, К.А. Интерпретация текста: Французский язык: учеб. пособие / К.А. Долинин. – 4-е изд. – М.: КомКнига, 2010. – 304 с.
7. Kintsch, W. Aspects of text comprehension / W. Kintsch, J.R. Le // Language and Comprehension. – Amsterdam : North-Holland, 1982. – P. 301–302.
8. Graesser, C. Constructing Inferences and Relations during Text Comprehension / C. Graesser, P. Wiemer-Hastings, K. Wiemer-Hastings // Text representation: linguistic and psycholinguistic aspects. – Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2001. – P. 21–26.
9. Ким, Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра биол. наук: 10.02.19 / Л.Г. Ким; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2010. – 50 с.
10. Щирова, И.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания: монография / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – Санкт-Петербург: Кн. дом, 2006. – 171 с.
11. Маслова, В.А. Понимание как средство выживания человечества: учение Л.С. Выготского и психолингвистический подход / В.А. Маслова // Психологический Vademecum: Витебщина Л.С. Выготского: сб. науч. ст. / под ред. С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи; [редкол.: С.Л. Богомаз [и др.]]; Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 39–44.
12. Ермакова, О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 30–63.
13. Щирова, И.А., Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.
14. Шехтман, Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст / Н.А. Шехтман. – М.: Высшая школа, 2009. – 160 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.112.2'373.612.2

Маркированность в асимметричных бинарных оппозициях адъективной лексики немецкого языка

Кириллова Ф.М.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Существует большое количество исследований бинарных оппозиций в рамках теорий и гипотез, выдвигаемых различными лингвистическими школами и направлениями. При этом вопрос о причинах возникновения асимметрии бинарных оппозиций в адъективной лексике германских языков остается открытым и представляет интерес для дальнейшего изучения.

Цель статьи – рассмотреть вопросы асимметрии бинарных оппозиций в адъективной лексике с точки зрения их семантической и дистрибутивной маркированности.

Материал и методы. *Материалом исследования являются бинарные оппозиции прилагательных немецкого языка, обозначающих меру проявления признаков пространства-времени, представленных в корпусе текстов издания «Der Tagesspiegel» в текстовой базе DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache). Для решения поставленной задачи используются методы сплошной выборки материала из произведений корпуса текстов «Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache», компонентный анализ, структурно-семантический анализ выражений, статистический анализ данных.*

Результаты и их обсуждение. *В статье определяются основные причины появления асимметрии в бинарных оппозициях прилагательных современного немецкого языка и их объяснение с точки зрения различных лингвистических школ и направлений. Рассмотрены вопросы маркированности и асимметрии знака в рамках существующих теорий когнитивной лингвистики и психолингвистики. Выполнено исследование семантической и дистрибутивной маркированности прилагательных, обозначающих меру проявления признаков пространства-времени.*

Заключение. *В данном исследовании рассмотрено явление асимметрии бинарных оппозиций в адъективной лексике с точки зрения их семантической и дистрибутивной маркированности. Анализ показывает, что частотность употребления немаркированных членов бинарных оппозиций groß/klein, hoch/tief, alt/jung, stark/schwach, schwer/leicht, dick/dünn значительно выше, чем немаркированных, за исключением пар neu/alt и eng/breit, что объясняется использованием маркированного члена in absentia по отношению к немаркированному.*

Ключевые слова: *асимметрия, оппозиция, маркированность, прилагательное, немецкий язык.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 105–110)

Markedness of Asymmetric Binary Oppositions in the Adjective Lexis of the German Language

Kirillova F.M.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

There are numerous studies of binary oppositions within the frameworks of theories and hypotheses proposed by different linguistic schools. At the same time the issue of the causes of the emergence of asymmetry of binary oppositions in the adjective lexis of Germanic languages is still open and is of interest for further research.

The purpose of the article is to consider issues of binary opposition asymmetry in adjective lexis from the point of view of their semantic and distribution markedness.

Material and methods. *The research material is binary oppositions of German adjectives which have the meaning of the measure of the manifestation of space and time features which are presented in the text body of “Der Tagesspiegel” in DWDS text base. Methods of complete selection of the material from works from the text body “Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache”, the component analysis, the structural and semantic analysis of word combinations, and the statistic data analysis were used.*

Findings and their discussion. *The main causes of the emergence of asymmetry in binary adjective oppositions of the contemporary German language and their interpretation from the point of view different linguistic schools are identified in the article. Issues of markedness and asymmetry of the sign within the frameworks of the existing theories of cognitive linguistics*

and psycholinguistics are considered. A study of the semantic and distribution markedness of adjectives with the meaning of the measure of the manifestation of space and time features is conducted.

Conclusion. The phenomenon of binary opposition asymmetry in adjective lexis from the point of view of their semantic and distribution markedness is considered in the article. Analysis shows that the frequency of use of the unmarked members of the binary oppositions of *groß/klein*, *hoch/tief*, *alt/jung*, *stark/schwach*, *schwer/leicht*, *dick/dünn* is much higher than that of the unmarked ones with the exception of *nap neu/alt* and *eng/breit* which is explained by the use of the marked member of inabsentia compared to the unmarked one.

Key words: asymmetry, opposition, markedness, adjective, the German language.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 105–110)

Проявления асимметрии знака наблюдаются в различных языковых явлениях, в том числе в бинарных оппозициях адъективной лексики. Статья посвящена анализу как самого явления асимметрии, так и причин его возникновения. Существует большое количество исследований данного явления в рамках теорий и гипотез, выдвигаемых различными лингвистическими школами и направлениями. При этом вопрос о причинах возникновения асимметрии бинарных оппозиций в адъективной лексике германских языков остается открытым и представляет интерес для дальнейшего изучения. В адъективной лексике асимметрия наиболее ярко проявляется в семантической и дистрибутивной маркированности одного из членов бинарной оппозиции. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотрения некоторых гипотез причин возникновения асимметрии, в частности, психолингвистической и функциональной. Одним из принципов теории структурализма является утверждение о бинарной структуре когнитивных и лингвистических процессов. Диалектика дискретности выражения в языке и непрерывности содержания окружающего мира, приводящая к градуальности мыслительных процессов, является важной движущей силой эволюции языка.

Цель статьи – рассмотреть вопросы асимметрии бинарных оппозиций в адъективной лексике с точки зрения их семантической и дистрибутивной маркированности.

Материал и методы. Материалом исследования являются бинарные оппозиции прилагательных немецкого языка, обозначающих меру проявления признаков пространства-времени, представленных в корпусе текстов издания «Der Tagesspiegel» в текстовой базе DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache). Для решения поставленной задачи используются методы сплошной выборки материала из произведений корпуса текстов «Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache», компонентный анализ, структурно-семантический анализ выражений, статистический анализ данных.

Результаты и их обсуждение. Теория оппозиции утверждает, что бинарные оппозиции ле-

жат в основе когнитивных и лингвистических процессов. Данная идея является одним из принципов теории структурализма и принадлежит Ф. де Соссюру, который использовал для описания данного явления термин *différence*. Несколько позже Пражская лингвистическая школа (Р.О. Якобсон, Н. С. Трубецкой) разработала теорию оппозиции, которая использовалась главным образом для объяснения фонологических явлений в натуральных языках. Следует отметить, что в современном понимании когнитивной лингвистики любая четкая, строго очерченная категория имеет свое дополнение, свою противоположность. Для мысленной идентификации категории необходимо разграничить, идентифицировать языковые элементы, определяя принадлежность или непринадлежность их к данной категории. Первым глубоким психологическим анализом обоснованности теории оппозиции с точки зрения строения когнитивной системы познания была работа гештальтпсихолога Ч.К. Огдена, который развил идеи, выраженные им ранее совместно с И.А. Ричардсом. По Огдену, в языке существует некоторый сравнительно небольшой набор концептуальных оппозиций, таких, как *да/нет*, *правый/левый*, которые являются универсальными и строго бинарными. Данный набор объясняется принципом целостности восприятия, мышления и личности. Наряду с дискретным пониманием «дизайна языка» возникает также теория непрерывности Болингера, которая длительное время противопоставлялась сложившейся теории структурализма. Градуальность или непрерывность как формы, так и значения отдельно взятой категории, является неотъемлемым свойством мышления, которое, однако, чаще всего не находит отражения в языке, который по своей природе является дискретным [1].

Начиная с 1980-х, теория оппозиции охватила все аспекты изучения теории выражения мысли, от речевой деятельности до письма и изобразительного искусства [2]. Распространение теории знаков Ч.С. Пирса (1931–1958), основоположника семиотики, привело к устранению искажений теории структурализма. Теория Пирса дополнила структурализм моделями семиозиса [3].

Тартуско-московская семиотическая школа (1960–1980), являясь одним из направлений европейского структурализма, изучала языковые проблемы с точки зрения бинарных оппозиций, а также в рамках сциентистского направления выдвинула гипотезу существования в натуральных языках «языкового кода». В ряду причин, вызвавших в 1950-х гг. расцвет структурализма и его течений, следует отметить развитие информационных технологий, математической лингвистики, кибернетики. Таким образом, понятие бинарных оппозиций является одной из ключевых гипотез структурной лингвистики.

Со временем структурализм уступает место генеративной лингвистике и постструктурализму в семиотике. Пражская лингвистическая школа формализовала понятие оппозиции в терминах теории отличительных особенностей, что привело к возникновению комплексной типологии оппозиций на основе теории множеств. Применение теории отличительных особенностей к фонологическим оппозициям было прямолинейной и беспроблемной процедурой. Однако проблемы возникали, когда тот же способ анализа переносился на концептуальные оппозиции. Например, такие пары как *jung-alt*, *hoch-niedrig*, легко могут быть различимы в терминах *das Alter*, *die Höhe*, называемыми некоторыми структуралистами семами (Coseriu, Pottier) [4]. В некоторых оппозициях определение триггера является затруднительным, например, если речь идет о субъективных ощущениях: *wach-müde*, *würzig-fad*. В данном случае сложно определить меру и норму явления, с помощью которых можно было бы отнести наблюдаемое явление к одной из категорий, а также выявить маркированный/немаркированный члены оппозиционной пары. Дальнейшее переосмысление теории оппозиции получила в связи с зарождением когнитивной лингвистики [5].

Следует отметить, что в отличие от фонологической и грамматической систем языка, которые являются ограниченными и в основном формализованными, концептуальные системы неограниченны, поэтому сложно выделить в них конечный набор отличительных особенностей. Вывод, сделанный при изучении антонимов, говорит о том, что «антонимия имеет концептуальную основу, при которой значения определяются контекстом, в котором они используются» [6]. Помимо бинарных оппозиций также выявлены тернарные и кватернарные. К тернарным оппозициям могут быть отнесены прилагательные в различной степени сравнения, например, *nah-näher-nächst*.

Явление асимметрии в бинарных оппозициях объясняется нарушением существовавшего равновесия под воздействием внешних факторов. Так, к асимметрии знака могут приводить такие мыслительные процессы, как восприятие, концептуализация и категоризация [7].

Для объяснения явления асимметрии в бинарных оппозициях широкое распространение получила теория маркированности. Теория маркированности предполагает, что наряду с более употребительными, натуральными лексическими элементами существуют такие, которые выделяются своей нерегулярностью и меньшей употребительностью по сравнению с общепотребительной формой. В отношении оппозиции «немаркированный-маркированный» первый является доминирующим по отношению ко второму. Доминант обладает свойством «минимальности усилия», что подразумевает краткость, лаконичность, простоту, общность использования. Другими словами, немаркированность – это обозначение характеристики «регулярной» лингвистической единицы по отношению к одной или нескольким ее «нерегулярным» формам. Концепция маркированности впервые была предложена учениками Пражской школы Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном для объяснения некоторых фонологических явлений. Впоследствии эта концепция благодаря постоянным исследованиям расширялась и углублялась, получив распространение в фонетике, семантике и психолингвистике. Термин маркированности весьма популярен в лингвистике и пригоден для описания различных языковых явлений; используется в таких направлениях и теориях, как европейский структурализм, генеративная фонология, лингвистическая типология, теория порождающих грамматик и формальных языков, теория имплицатур, теория оптимальности и других [8]. В результате данный термин имеет многозначное значение, и может, в частности, применяться при определении и объяснении грамматических, фонологических и семантических оппозиций.

Существует три основных вида маркированности: формальная, дистрибутивная и семантическая. Наличие формальной маркированности предполагает наличие или отсутствие некоторых формальных признаков или маркеров. Так, с точки зрения лексической единицы как единицы словаря, формальная маркированность отражается в ее деривации и флексии. Деривация является одним из основных способов словообразования в европейских языках, когда слово образуется добавлением приставок и суффиксов к основному слову. В этом случае приставки и суффиксы играют роль формальных маркеров. Флексия является другим способом отражения маркированности. Ее примером может служить изменение формы слова путем изменения его числа, рода или падежа. Однако не все адъективные оппозиции имеют формальную маркированность. Например, *alt/jung*, *groß/klein*, *stark/schwach* не проявляют формального сходства, однако имеют полностью противоположное значение.

Дистрибутивная маркированность отражает частоту словоупотребления во фразах и выска-

званиях. Считается, что маркированные члены оппозиции появились в языках позже немаркированных, нашли употребление в меньшем количестве языков одной семьи, соответственно, они сложнее в лексическом, грамматическом и синтаксическом плане, а также требуют больших усилий от носителя языка при словоупотреблении [9]. Однако эти предположения не являются доказанными, и выдвигают ряд вопросов для дальнейшего изучения.

Семантическая маркированность означает, что использование одного из членов антонимичной пары является более специфичным, чем другого. Применительно к антонимичной паре *alt/jung* обнаруживается семантическая асимметрия, при которой прилагательное *alt* является немаркированным, более общим по смыслу, беспризнаковым членом оппозиции, обладая нейтральным семантическим значением, обозначающим, в частности, любой возраст как живых, так и неживых предметов. В то же время прилагательное *jung* может служить только для описания небольшого возраста живого предмета, не достигшего зрелого состояния. Для описания же возраста неживого предмета используется прилагательное *neu*. Таким образом, *jung* является маркированным компонентом антонимичной пары, который можно охарактеризовать меньшей частотой использования и относительной фонетической сложностью. Имплицитное содержание высказывания *Wie alt bist du?* заключается в том, что по смыслу подразумевается краткий ответ с указанием количества лет, например, *Ich bin 10* или даже *10*. Относительно редко используется полная форма ответа *Ich bin 10 Jahre alt*. Возможны и фразы, более логичные с точки зрения русскоговорящего *Ihr Alter?* (заголовок статьи). Прямой вопрос о возрасте *Was ist Ihr Alter?* редко используется в немецком языке, однако его употребление обосновано в специфичных ситуациях, например, когда у ребенка уточняется его возраст, на приеме у врача, в анкетах, бюрократической лексике и т.д. Стоит отметить тот факт, что распространенный, общепотребительный и прямой вопрос *Wie alt bist du?* может быть расценен в ряде случаев как невежливое вмешательство в личную область, в то время как более специфичные формы не несут подобного негативного оттенка. Фраза *Wie jung bist du?* может использоваться в определенных ситуациях, обычно применительно к молодому человеку, когда требуется уточнить его возраст; имеет определенную эмоциональную окраску и иногда может быть расценена как сарказм, в частности, если вопрос задается пожилому человеку.

Другой пример, *Wie weit ist der Bahnhof?*. Здесь *weit* не означает, что станция далеко, возможно, станция в одной минуте ходьбы. Однако фраза «*wie weit*» используется, чтобы спросить, насколько станция близко или далеко. Аналогич-

но, *Wie spät ist es?*, *Wie lang ist die Nacht?* и т.д.

Из этих примеров мы можем заметить, что *weit*, *spät*, *lang* не состоят в прямой оппозиции с *nah*, *früh*, *kurz*, а их значения генерализованы и нейтрализованы к понятиям *die Distanz*, *die Tageszeit*, *die Länge* соответственно. Маркированность таких оппозиций заключается в том, что если слова *weit*, *spät*, *lang* заменить словами *nah*, *früh*, *kurz*, значение выражений станет совершенно другим. Можно заметить, что немаркированные члены имеют нейтральное значение и могут широко использоваться в различных фразах, в то время как маркированные ограничены по смыслу и не могут использоваться в некоторых обстоятельствах.

Существуют и другие примеры нейтрализации немаркированного члена.

Weich ist stärker als hart, Wasser stärker als Fels, Liebe stärker als Gewalt - Hermann Hesse.

Рассмотрим два варианта логики данных высказываний:

(1) *A ist stärker als B.*

(2) *A ist schwächer als B.*

В этом примере, *stark* – это немаркированное прилагательное и имеет значение ‘иметь большую физическую силу’ или генерализованное значение ‘степень физической силы’. В (1), *stark* нейтрально и не означает ‘А и В оба сильны’. Может быть, ‘они оба слабы’, но А немного сильнее, чем В. Однако, (2) предполагает ‘А и В оба определено слабы’. Другой пример:

(1) *Wie hoch ist das Haus?*

(2) *Wie niedrig ist das Haus?*

(1) имеет нейтральное или генерализованное значение ‘какова высота здания?’ и является немаркированным. В то же время (2) подразумевает, что здание низкое. Почему немаркированные прилагательные гораздо чаще используются в вышеописанных контекстах, в то время как маркированные в определенных контекстах использоваться не могут?

При рассмотрении некоторых, наиболее употребительных, прилагательных времени (*alt/jung*, *spät/früh*, *lang/kurz*), пространства (*groß/klein*, *hoch/tief*, *breit/eng*), меры других физических величин (*stark/schwach*, *schwer/leicht*, *heiß/kalt*) наибольший диссонанс у русскоговорящих, а также носителей других языков, вызывает употребление в речи маркированного члена антонимичной пары *alt/jung*: *Wie alt bist du?*. Употребление фразы «Как он стар?» или «Насколько он стар?» в русском языке возможно только, если известно, что человек имеет весьма преклонный возраст, и требуется его уточнить. Не придет в голову задавать подобный вопрос по отношению к человеку молодого или среднего возраста.

Для обоснования причин использования немаркированных слов в вышеприведенных словосочетаниях рассмотрим две гипотезы, каждая из

которых со своей точки зрения объясняет описанный лингвистический феномен: психолингвистическая и функциональная.

Психолингвистика предлагает использовать принцип Полианны [10]. Эта гипотеза применительно к языковым явлениям утверждает, что устойчивые словосочетания всегда носят положительный оттенок. Попытка определить градацию шкалы *alt/jung* приводит к двум ее вариантам. В первом варианте градуируемости *jung* – это начало шкалы, нулевая отметка. Объект только родился и существует достаточно непродолжительное время, поэтому он *jung*. С течением времени он может становиться только старше. Во втором варианте существует некоторая норма, которая является началом отсчета шкалы (ср. «человек среднего возраста»); тот, кто моложе – *jung*, старше – *alt*). Тогда существуют два направления – положительное и отрицательное. Независимо от выбора шкалы градуируемости *alt* является положительным направлением. С точки зрения изменения возраста со временем нельзя измерить *die Jugend*, можно измерить только *das Alter*. С точки зрения научного подхода измеряется та величина, которая возрастает (*das Alter*), а не та, которая идет на убыль (*die Jugend*). Можно привести аналогию со стаканом, наполняющимся водой. Никому не придет в голову измерять объем воздуха в стакане, который убывает по мере его наполнения, а, наоборот, измеряется объем воды. Исследователями отмечается тот факт, что *jung* находится близко к началу отсчета шкалы, поэтому при уменьшении *jung* происходит его полное исчезновение, в то время как *alt* имеет неограниченную протяженность, занимая всю оставшуюся часть шкалы, ось которой стремится к бесконечности. Несмотря на подобное толкование, психологически фраза «Как ты стар?» применительно к субъекту несет для русскоговорящего негативный оттенок, и если с научной точки зрения все в порядке, ведь измеряется «положительное» направление величины возраста, то с психологической как раз все наоборот. Контрпримеры можно привести и из других языков, так, в японском языке немаркированным членом в оппозиции *широкий/узкий* является *узкий*. Ряд практических экспериментов в области психолингвистики и нейролингвистики подтверждают существование корреляции между когнитивной моделью того или иного языка и асимметрией в бинарных оппозициях.

С точки зрения функциональной лингвистики возникновение асимметрии бинарных оппозиций объясняется формированием в языке полевых структур [11]. Прилагательные, обозначающие категорию *das Alter*, имеют структуру, в центре которой находится ядро (*alt*), а на диффузной периферии располагаются остальные прилагательные возраста. Эта периферия в свою очередь

пересекается с периферией ближайшей категории. Возникновение семантической асимметрии в антонимичных парах объясняется тем, что слова *alt, betagt, groß, erwachsen, steinalt, uralt, jung, taufersch, jugendlich, kindlich, blutjung* представляют собой гипонимическое поле, в котором доминантой является понятие *das Alter*. Все слова внутри поля служат для обозначения одного и того же общего феномена – положения объекта во времени, однако по какой-то причине одно из них – *alt* – имеет особый статус. *Alt* является гиперонимом, выступая родовым понятием по отношению к остальным словам – гипонимам. Однако такое предположение не всегда проходит проверку основным правилом гиперонимии: *A* является разновидностью *B*. Нельзя сказать, что «молодой» – это разновидность «старого». Полевая теория достаточно хорошо объясняет таксономию родовых семейств конкретных имен существительных, служащих для описания конкретных понятий. Хуже дело обстоит с абстрактными существительными, глаголами и другими частями речи. Особенностью адъективной лексики является то, что она наряду с сигнификативными и денотативными признаками содержит ярко выраженный прагматический аспект, который находит отражение в эмоциональных (эмотивных, оценочных, экспрессивных) компонентах содержания. Прагматический аспект выражает отношение объекта к субъекту, включая эмоционально-экспрессивную оценку и коннотации индивидуально-психологического и культурно-исторического планов. Прилагательные зачастую обладают более высокой степенью абстракции, чем другие части речи. Известно, что германские языки являются более рациональными, поэтому структура предложений строится исходя больше из их логического наполнения, чем экспрессивного смысла. В связи с этим и употребляются фразы подобной конструкции, ведь с точки зрения логики они выглядят безукоризненно. В русском же языке кроме логического содержания зачастую за счет подбора как самих слов, так и их порядка в предложениях общий смысл может кардинально измениться. Также очевидно, что в антонимичной паре *alt/jung* произошло смещение прямого смысла слова *alt* (старый) к ядру *das Alter*, в некотором роде слияние с ядром. В связи этим можно расценивать вопрос *Wie alt bist du?* как «Какого ты возраста?».

С целью объективного анализа маркированности асимметричных бинарных оппозиций в адъективной лексике был проведен дистрибутивный анализ некоторых антонимичных пар прилагательных, обозначающих меру проявления признака. Исследовался корпус текстов издания «Der Tagesspiegel» в текстовой базе DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache). Результат дистрибутивного анализа отображен на рисун-

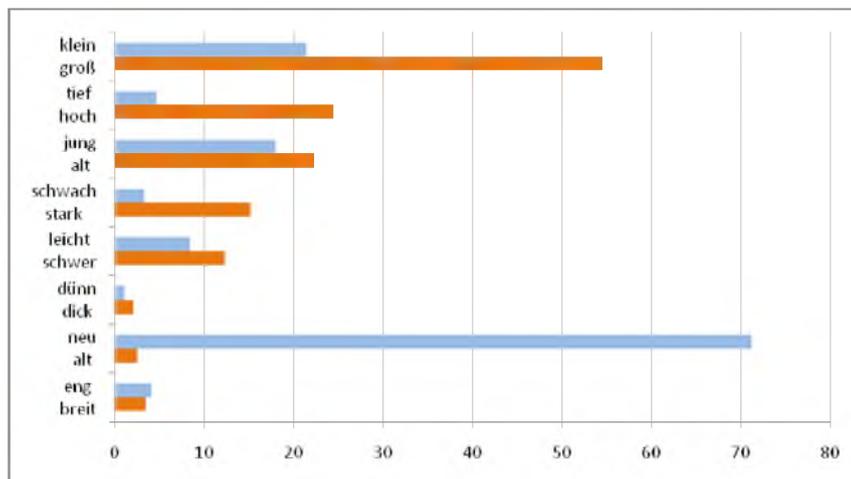

Рисунок – Дистрибутивный анализ антонимичных пар некоторых прилагательных

ке. Частота употребления каждого прилагательного представлена в виде относительной величины, где за единицу принята частота употребления *dünn*, наименее распространенного из данной выборки.

Как видно из проведенного анализа, предположение о дистрибутивной маркированности положительных членов бинарных оппозиций подтверждается в большинстве случаев. Исключением из общего правила являются бинарные оппозиции *neu/alt* и *eng/breit*. И если в случае *eng/breit* просматривается относительная симметрия бинарной оппозиции, в частности, благодаря редкому употреблению устойчивых словосочетаний с положительным членом, то для пары *neu/alt* очевидно, что маркированным является отрицательный член оппозиции. Объяснение данного явления возможно в рамках когнитивной лингвистики. Прилагательное *neu* в большинстве случаев используется не для выражения оппозиции в отношении к прилагательному *alt*, а *inabsentia* по отношению к нему. Так в большинстве высказываний *neu* выполняет функцию констатации того, что некий факт недавно или только что произошел; некое явление только что возникло. При этом явного противопоставления к *alt* не возникает, так как невозможно заменить в выражении слово его антонимом без потери смысла.

Заключение. В данном исследовании рассмотрено явление асимметрии бинарных оппозиций в адъективной лексике с точки зрения их семантической и дистрибутивной маркированности. Проведен дистрибутивный анализ некоторых бинарных прилагательных, обозначающих меру проявления признаков пространства-времени. Для выборки использовался корпус текстов издания «Der Tagesspiegel» в текстовой базе DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache). Анализ показывает, что частотность употребления немаркированных членов бинарных оппози-

ций *groß/klein*, *hoch/tief*, *alt/jung*, *stark/schwach*, *schwer/leicht*, *dick/dünn* значительно выше, чем немаркированных, за исключением пар *neu/alt* и *eng/breit*, что объясняется использованием маркированного члена *inabsentia* по отношению к немаркированному.

Литература

1. Aarts, B. Conceptions of gradience in the history of linguistics / B. Aarts // *Language Sciences*. 26, 2004. – P. 343-389.
2. Elšik, V. Markedness and Language Change: The Romani Sample / V. Elšik, Y. Matras // *Empirical Approaches to Language Typology* 32. – Berlin, 2006. – 475 p.
3. Andersen, H. Markedness theory: The first 150 years / H. Andersen // In: Tomic, Olga Miseska (ed.), *Markedness in Synchrony and Diachrony*. – Berlin: Moutonde Gruyter, 1989. – P. 11–16.
4. Pottier, B. *Linguistique générale: théorie et description* / B. Pottier. – Paris: Klincksieck, 1974. – 340 p.
5. Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Д. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
6. Paradis, C. Good and bad opposites: Using textual and experimental techniques to measure antonym canonicity / C. Paradis, C. Willners, S. Jones // *The Mental Lexicon* 4, 2009. – P. 380–429.
7. Lebedko, M. G. Asymmetry of conceptual perception in Russian and American cultures / M. G. Lebedko // *Procedia - Social and Behavioral Sciences* 236, 2016. – P. 82–88.
8. Haspelmath, M. Against Markedness (And What to Replace It With) / M. Haspelmath // *Journal of Linguistics*, Vol. 42, No. 1, 2006. – P. 25-70.
9. Hume, E. Markedness and the Language User / E. Hume // *Phonological Studies*, vol. 11, 2008. – P. 83–98.
10. Armstrong, N. The Pollyanna Principle in English and French Lexis: Some Results and Issues of Methodology / N. Armstrong, C. Hogg // *Journal of Linguistics*, Vol. 42, No. 1, 2006. – P. 25-70.
11. Бондарко, А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 2005. – 480 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.163.1

Концепт творения и его реализация в церковно-славянских текстах

Кожина А.А.

Белорусский государственный университет

Статья представляет историю формирования концепта «творить» в исторической перспективе (на материале старославянских и церковно-славянских текстов). Особое внимание уделяется способам реализации данного концепта, который занимает особое место среди ментальных конструкций, связанных с представлением идеи божественного провидения в языковом образе мира средневекового человека, при помощи внутренней формы слова. Рассматриваемый концепт базировался, прежде всего, на представлении о разделении. Другие же его связи позволяют добавить в сеть концептуальных связей также значения воплощения, материальной реализации людей и предметов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, история языка, старославянский язык, церковно-славянский язык.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 111–114)

Concept of Creation and its Realization in Church Slavonic Texts

Kozhinowa A.A.

Belarusian State University

The article attempts to show the history of formation of the concept of creation from the historical perspective (based on the material of Old Slavonic and Church Slavonic texts). The article focuses on the ways of realization of this concept. This concept holds a special place in the language picture of the world of medieval people and the mental constructions in their consciousness arising from their vision of divine providence and formed with the help of the inner shape of words. The concept was primarily based on the idea of separation. Its other associations included such concepts as incarnation, material realization of people and objects.

Key words: cognitive linguistics, concept, history of language, the Old Slavonic language, the Church Slavonic language.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 111–114)

Концепт мыслится ядерным понятием парадигмы когнитивной лингвистики, где под ним в наиболее общем смысле понимается «инвариант различных явлений, преломленных в языке» [6, с. 63]. В этом контексте он определяется как явление, отличное от значения и от понятия. С одной стороны, концепты могут определяться как ключевые термины культуры [3, с. 3]. В этом случае – в представлении группы «Логический анализ языка» – концепты являются посредниками, помогающими осмыслить взаимоотношения человека с природой и окружающими его людьми. Они организуют обыденное сознание и вбирают в себя языковое значение как основное, но не единственное свое содержание.

С другой стороны, при рассмотрении концепта как отдельного явления ему может также отводиться

особое место в структуре человеческого сознания и когнитивной деятельности. При этом происходит дифференциация терминов «концепт» и «понятие»: в том числе концепт отграничивается и от наивно-го, обыденного понятия: «Основы понятия – логическая, рациональная и в том случае, если оно научное, и в том случае, если оно наивное... Основы концепта – сублогическая. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество коннотативных элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости» [12, с. 21].

Кроме того, по мнению В.А. Масловой, структура концепта включает помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им: ассоциации, эмоции, оценки,

национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [7, с. 36]. Такое представление концепта кладет в его основу культурно-обусловленное представление человека о мире.

Материал и методы. Одним из оснований концепта является внутренняя форма слова. Еще А.А. Потебня определял ее как основу формирования понятия [9]. Эта идея находит отклик и в современных исследованиях. Так, например, В.В. Колесов полагает, что «концептуальное значение исходно может быть связано с этимологией слова (= результат предыдущих движений смысла, дошедший до нас)» [5, с. 34]. Далее движение смысла идет через психологическое представление, логическое понятие, культурный символ к высшей точке – «чистой ментальности концепта».

Соответственно, представление о концепте можно составить, анализируя внутреннюю форму слова, а также возможности ее реализации в текстах, ср. мнение А.А. Потебни о том, что народ в своем творчестве руководствовался не поиском новых восприятий, а стремлением возродить забытую этимологию, воплощая ее в текстах. Так, постоянный эпитет *берег крутой* возможен благодаря наличию у слова *берег* внутренней формы 'гора' [9, с. 199]. В данной статье опыт построения подобного концепта будет проводиться на материале церковно-славянских текстов, поэтому выбирается концепт, для реализации которого в подобных текстах имеется наибольшее количество возможностей – концепт творения.

Результаты и их обсуждение. Внутренняя форма лексемы *творити*, которая в церковно-славянских текстах создает основу концепта творения, восходит к и. -е. **tuer-*: *tur-* со значением 'хватать, окаймлять, обносить забором'. Она имела все возможности реализоваться в церковно-славянских текстах, оказавшись достаточно устойчивой, – по крайней мере след от нее сохранялся до недавнего времени в современных славянских языках при обозначении процесса изготовления из дерева и мастера, который осуществляет этот процесс: н.-луж. *twarcowas* 'плотничать', *twarc* 'плотник', *twaris* 'строить, сооружать' при *tworis* 'творить', пол. диал. *tworca* 'плотник'. Эта этимология находит в церковно-славянских текстах свое выражение, прежде всего, в именовании различного рода ворот, запоров и т.д. в оградах-оплотах. Здесь следует сказать, что «слово *оплот* в старославянском языке обозначало 'плетень, забор, ограду, стену'. С тем же значением оно было воспринято и древнерусским языком» [4, с. 410]: *человѣкъ нѣкто домовитъ бѣаше, иже насади виноградъ, и остави его оплотомъ, и ископа точило, и остави входъ, и створи врата* (Кир. Тур. 1, с. 341). Обратим также внимание на то, что врата в оплоте-заборе, которые могут быть *затворены* или *незатворены*, именно творятся,

ср. рус. *отворить, затворить, притвор, затвор*, а также в русских диалектах *творило* 'вход, лаз с крышкой; отверстие в ловушке на рыбу' (СРГСУ, 80), также пол. диал. *tworzytko* 'широкая бочечка на масло, плотно прикрытая крышкой'. Кроме того, слово *затвор* в церковно-славянских текстах обозначало специальные ворота в мельничной плотине, ср. *великии гдѣрь... указаль на нижнюю зеленую мельницу к плотинному дѣлу да къ вѣшницамъ и къ затворамъ взать и съ конюшенного приказу с лековыхъ конюшен сто возов свѣжсего навозу* (СлРЯ XI-XVII вв. 5, с. 315). *Затвором* могла называться и ограда вдоль крутого берега озера или реки: *к озеру Глушице, что в Муромскомъ уѣзде, по обѣ стороны съ приверхи и с ыстоки затворами дано к берегамъ земли... пл десяти сажен* (там же).

Идея постройки, заложенная в этимологии рассматриваемых лексем, находит свое выражение в представлении человеческого тела как города – *градъ убо есть, братье, съставление чловѣчьскаго телесе* (Кир. Тур. 1, с. 348); *нашего бо телесе ставленъ Иерусалимъ речеться* (Кир. Тур. 2, с. 411). Эта идея принадлежит не самому Кириллу Туровскому, из произведений которого были извлечены приведенные цитаты. Уже в Священном писании встречается представление города-девы (Иерусалим) и города-блудницы (Вавилон) [10]. Вообще же сопоставление творения и обработки дерева находит весьма интересное выражение в апокрифических Евангелиях: «Апостол Филипп сказал, что Иосиф, плотник, посадил сад, ибо нуждался в деревьях для своего ремесла. Это он создал крест из деревьев, и семя его было подвешено к тому, что он посадил. Его семя было Иисус, а посаженное – крест» [2, с. 287]. Идея об Иисусе как плоде дерева-креста в несколько смягченном виде находит выражение в проповедях Супрасльского сборника, например: *ста дрѣво крѣстноуе / на немъже пропльма* (здесь переводчик под влиянием темы смешал глагол *пропльма* 'пронзить' и *пропльма са* 'распростереться, обвиться', см. замечание С. Северьянова) *истинънии виноградъ глаголаи • азъ ксѣмъ виноградъ • и бысть диаволу лоза смъртьнаа • и намъ лоза животъна* (Супр., с. 353).

Здесь очевидна связь с рождением. Еще более очевидной она становится в выражении глаголом *сътворити*: *И по двою лѣтѣхъ умре Синеусъ и братъ его князь изборскыи Трувоуль, оба умроша не сътворше съмени* (Псковская летопись, XV в.) (СлРЯ XI-XVII вв. 26, с. 236). Эта же идея творения-рождения экстраполируется на создание Господа всего мира и человека в нем: *ты еси црѣвсѣмъ единъ и сътвори въ всему миру* (Александрия, XV в.) (СлРЯ XI-XVII вв. 5, с. 236). Следует также отметить, что однокоренным словом – *затворами дѣвства* или *дѣвическими* – в церков-

но-славянском языке именовалась девственная плева, и Создатель рождался, не повредив ее: *затвори дъвицьскыхъ не вргдвѣ въ рождѣствѣ си* (Канон на св. Пасху, XII в.) (СлРЯ XI-XVII вв. 5, с. 316). И наоборот – сочетание *затворити ложе, утробу* означало ‘сделать бесплодной’: *Рахили же бѣгъ затвори утробу, не раждаше дѣти* (Палея, XVI в.) (там же).

Возвращаясь к самой внутренней форме лексемы творити, можно сказать, что она указывает на ограничение и разделение, и именно эти идеи реализуются и в тексте – ср. закрытие ворот, обнесение оплотом-забором, затворение родовых путей. Свое продолжение они находят в представлении о внешнем покрове человеческого тела – коже, шкуре. Так, слово *шкура* происходит от и.-е. корня **skr-* ‘отделяю’ (Черн., с. 416), ср. также авест. *car man-* ‘кожа, шкура’, др.-прус. *kérmens* ‘тело’, ср.-ирл. *scem* ‘поверхность, кожа’, соотносимые со ст.-сл. *крьма* ‘руль’ (как ‘*отрезанный брус’), *кромъ* ‘кроме, вне’ и т.д. [8, с. 21].

Это представление о внешнем покрове, создающем черту разделения внутреннего и внешнего мира, реализует в текстах лексема *плоть* и ее дериваты, тесно связанные с идеей творения, а именно воссозданием Богом себя в человеческом образе – *снъ божишъ яко члвкъ въплътиса* (Патерик Синайский, XI – XII вв.) (СлРЯ XI-XVII вв. 3, с. 25). О том, что *плоть* – это внешняя оболочка, пустая внутри, свидетельствуют многочисленные сравнения ее с одеждой, встречающиеся, например, в молитвах Кирилла Туровского, – *раздравъ первую боготканную ми одежду и осквернивъ плоти моея ризу* (Кир. Тур. 3, с. 238) и *милостивъ бо еси чловѣколюбець плоти нашеа общникъ, въ ню же одѣваясь, чловѣкъ обожил* (Кир. Тур. 3, с. 345). Кроме того, Господь, сходя с небес, вселяется в пустую *плоть* – *сниде бо и вселиса въ плоть чловѣчю* (Кир. Тур. 1, с. 341). В самой внутренней форме лексемы *плоть* отсутствует указание на разделение (**plъtъ* ‘наплыв, наплывшее, натек’ [Трубачев 1994, 9]), однако дальнейшее значение деривата *плотный* ‘крепкий, прочный’ роднит ее с лексемой *твердый*, происходящей от того же и.-е. корня **tuer-* *tur-*, что и *творити*.

С творением, равно как и с концептуальным отношением разделения и разрушения, связана и лексема *образъ* – *нъ и такъ творил члкъ подражаетъ творьца акы образъ прьвообразное* (Изб. Св. 1073, с. 131 об.). Первоначальное представление, легшее в основу ее значения, можно определить как представление о чем-то обрезанном, т.е. отделенном от остальной части, о том, что возникает в результате круговой обработки. Но в то же время это своего рода форма, которая накладывается при творении: как при создании человека – *образъ Бога* (*ѣже на все образъ намъ бываа, и бѣаше отходъ в пустыню и молитву дѣла*

(Пандекты Антиоха) (СлРЯ XI-XVII вв. 12, с. 134-135)), так и при воплощении Господа – образ человека для позднейшего человеческого спасения (*и сообразенъ бывъ телеси смирения нашего, да ны сообразны слава своа створиши* (Кир. Тур. 3, с. 333)). Такое понимание образа корреспондирует со значением ц.-слав. *творъ* ‘форма’, ср. рус. *творог* как аналогия франц. *fromage* ‘сыр’ при лат. *forma*.

Но образ – это не просто форма, а форма, придающая вид иному предмету, ср. *образъ и подобие*. Кстати, ‘вид’ и ‘форма’ – значения греческих лексем *εἶδος* и *μορφή*, переводимых как *образъ* в славянских текстах [4, с. 752]. В пользу функционального сходства лексем *образъ* и *видъ* говорит также сопоставление блр. *абразиць* и рус. *обидеть* (*об-видеть*) с одинаковым значением. Здесь мы снова приходим к представлению о некоторой внешней оболочке, о видимости.

Можно ли предположить, что в конечном итоге творение – это также стремление к созданию видимого продукта, «обналичиванию» невидимого? Определенные основания для этого есть. Во-первых, обращает на себя внимание значение блр. *твар*, польск. *twarz* ‘лицо’ (ср. также блр. диал. *образека* (ТС, с. 233) с тем же значением и рус. *образина*). Очень интересная параллель получается при рассмотрении рус. диал. *ружа* ‘внешность’. Существует предположение, что эта лексема связана с праслав. **rugja* ‘стянувшаяся, тугая, т.е. крепкая твердая (земля); *твердь* [1, с. 71]. Далее, находятся очень интересные соответствия в значении рус. диал. *образовать* и *отворить* – оба они обозначают ‘обмануть’, с этим сравнимо *обвидеться* ‘обознаться’, т.е. также ‘обмануться’ (СРНГ 22, с. 9, 192; СРНГ 24, с. 148). В свою очередь, *образоваться*, *отворять*, *оказываться* имеют значение ‘начать / начинать’, притом, что основное значение *оказываться* – это ‘иметь тот или иной вид’ (СРНГ 22, с. 108, 193, 1989, 148).

В церковно-славянских текстах наиболее отчетливо представление о том, что сотворенные божественные чудеса, в том числе и само чудо творения, необходимо сделать явными, очевидными для всех, выражено в слове «В Новую неделю». Воскресая, Христос является апостолам – *въскре ѿ мртвыхъ и явиса оучѣнкмъ своимъ* (Нестор, Сказание о Борисе и Глебе) (Срезн. с. 1634). По сути дела, деятельность Христа на земле заключалась и в том, чтобы очевидными поступками доказать существование невидимого Бога и его труды по сотворению мира и человека – *вижь, како показатъ своего божества исконнаго дѣла образъ, тако бо и въ начало твари възъмъ персть отъ земля и створи чловѣка* (Кир. Тур. 2, с. 336). Идея о необходимости связи видимости и творения подтверждается также

и тем, что творимое Иисусом именуется *чудо* – *видгъвьше же архиереи и кънижници чоудеса, иаже створи Иїсъ* (Остр., Мф. 21: 15), ср. композиты *чудотворнии* и *чудотворьць*. Лексема же *чудо* ведет свое происхождение от глагола *чути*, родственного др.-инд. *kavis* ‘мудрец, ясновидец’, англ.-сакс. *hāwian*, др.-в.-н. *scoiwdōn* – все со значением ‘смотреть’ (ЭССЯ 4, с. 135). Видимо, в данном случае следует говорить о бессознательном воплощении в тексте внутренней формы, созданной тысячелетней работой человеческого сознания, обнаруживающего сходство между предметами, явлениями и процессами.

Заключение. В заключение можно сказать, что при анализе слов, обладающих внутренними формами, связанными между собой и реализующимися в тексте, создается нечто наподобие когнитивной области, которая объединяет функционально схожие языковые единицы. Такая когнитивная область выгодно отличается от других возможных группировок лексем в пространстве текста, поскольку она создается не на основании словарных дефиниций, которые несут на себе отпечаток сознания автора словаря, но на связях и отношениях, которые могут, как представляется, отражать коллективный разум носителей языка того времени, когда создавался исследуемый текст.

Источники и сокращения

Изб. Св. 1073 – Изборник Святослава. Факсимильное издание. Кн. 1 / ред. Л.П. Жуковская. – М.: Книга, 1983. – 360 с.

Кир. Тур. 1 – Кирилл Туровский. Творения / Публ. И.П. Еремина // Тр. отд. древнерус. лит. – 1956. – Т. 12. – С. 340–354.

Кир. Тур. 2 – Кирилл Туровский. Творения / Публ. И.П.Еремина // Тр. отд. древнерус. лит. – 1957. – Т. 13. – С. 409–411.

Кир. Тур. 3 – Kirill von Turov. Gebete. Slavische Propylaen. – 1965. – Bd. 6. – С.235–351.

Остр. – Остромирово Евангелие, факсимильное воспроизведение памятника, хранящегося в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград: Аврора, Москва: Издательский отдел Московского Патриархата, 1988. – 589 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров среднего Урала. Т. 6 / гл. ред. П.А. Вовчок. – Свердловск: Изд. Уральск. ун-та, 1987. – 160 с.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. : в 30 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2015. – 30 вып.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1912. – Т. 3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – Л.: Наука, 1965 – (Изд. продолжается).

Супр. – Супраслски или Ретков сборник: в 2 т / ред. Й. Заимов, М. Капальдо – София, 1982–1983. – Т. 1–2.

Черн. – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов. Т. 2. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – 560 с.

ТС – Тураўскі слоўнік. Т. 3 / ред. А.А. Крывіцкі. – Мн.: Навука і тэхніка, 1984. – 331 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд : в 40 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1974–2016. – 40 вып.

Литература

1. Аникин А.Е. К семантическому анализу некоторых славянских слов / А.Е. Аникин // Этимология 1982 / ред. О.Н. Трубачев. – М.: Наука, 1985. – С. 65–82.
2. Апокрифы древних христиан / ред. А.Ф. Окулов. – М.: Мысль, 1989. – 336 с.
3. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Культурные концепты / ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. – С.3–6.
4. Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. М.: Толк, 1994. – 1138 с.
5. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В.В. Колесов // Вестн. С.-Петербург. ун-та. – Сер. 2. – 1992. – Вып. 3. – № 16. – С. 30–40.
6. Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В.А. Лукин // Вопр. языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63–86.
7. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
8. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. [Ст.] 7 / И.П. Петлева // Этимология 1976 / ред. О.Н. Трубачев. – М.: Наука, 1978. – с.42–51.
9. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 9–221.
10. Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // Исследования по структуре текста / ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1987. – С. 121–132
11. Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода / О.Н. Трубачев // Этимология 1991–1993 / ред. О.Н. Трубачев. – М.: Наука, 1994. – С.3–23.
12. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1996. – № 6. – С. 20–41.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'367

Нелинейная грамматика русского высказывания: парцелляция

Красина Е.А.

Российский университет дружбы народов

В статье рассматриваются парцеллированные высказывания как один из объектов нелинейной грамматики. Такие высказывания состоят из базы — самодостаточного высказывания, способного функционировать автономно, и сегментированного парцеллята — компонента, связанного со словом или словосочетанием базы. По структуре парцелляты изоморфны словоформе, словосочетанию и даже предложению, как правило, придаточному. По семантике они сближаются с полупредикативными пояснительными оборотами, а с точки зрения коммуникативной ориентации — это самостоятельная рема, составная часть ступенчатой ремы парцеллированного высказывания.

Цель статьи — уточнить природу парцеллированных высказываний и сегментированного компонента парцеллята как элементов микротекста и текста, исходя из асимметрии их языковых и тестовых характеристик и тема-рематического членения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили художественные тексты современных российских авторов Е. Водолазкина, В. Сорокина и А. Грина. Основной метод — актуальное членение высказывания с применением методики латентных вопросов, что не только подтверждает рематический статус парцеллята, но и характеризует его функционально-семантические особенности в составе парцеллированного высказывания как микротекста и других микротекстов.

Результаты и их обсуждение. Структурный изоморфизм парцеллята по отношению к словоформе, словосочетанию и предложению, его изосемичность полупредикативным пояснительным оборотам объективируют его рематический коммуникативный статус в составе микротекста — парцеллированного высказывания и шире — текста-описания. Нелинейность парцеллированного высказывания обусловлена не исключительно наличием сегментированного компонента, но и коммуникативным статусом парцеллята, полностью рематического компонента и составной части многоступенчатой ремы.

Заключение. Языковой статус парцеллятов базируется на изоморфизме в отношении к основным синтаксическим единицам — словосочетанию и предложению и объективируется на коммуникативно-синтаксическом уровне анализа. Асимметрия парцеллированных высказываний и их компонентов — парцеллятов в полной мере обнаруживается при их включении в более широкий контекст — в микротексты или тексты большего объема, в которых они функционируют наряду с высказываниями других типов, поддерживая общую текстовую функционально-семантическую и коммуникативную ориентацию.

Ключевые слова: парцелляция, парцеллят, тема-рематическое членение, гипертема, многоступенчатая рема, изоморфизм, изосемичность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 115–119)

Non-Linear Grammar of the Russian Utterance: Parceling

Krasina E.A.

RUDN University

The article under review treats parceling utterances as one of the research objects of the non-linear grammar theory. Such utterances consist of the base — an independent self-sufficient utterance which could function autonomously, and a segmented or parceled component connected with a word or word collocation of the base. Structurally, parceled components are isomorphic to a word form, word collocation and even a sentence — as a rule, a subordinated sentence. As to semantics, parceled components are rather similar to semi-predicative expositive phrases, and in terms of communication, they represent a rheme, an integral part of the graded rheme of a parceling utterance.

The article aims to specify the nature of parceling utterances and their segmented components as the elements of micro-text and text proceeding from the asymmetry of their linguistic and textual features and theme-rheme division.

Material and methods. The article is based on the material of the literary texts of modern Russian writes — E. Vodolazkin, V. Sorokin and A. Grin helped find samples to analyze. The main method of research was the actual division of sentences based on the strategy of latent questions, which both proves the rhematic communicative status of parceled components and its functional-and-semantic peculiarities within the parceling utterance itself forming a micro-text.

Findings and their discussion. Structural isomorphism of parceled components as to a word form, word collocation and a sentence, its semantic similarity to the semi-predicative expositive phrases prove its rhematic communicative status both within micro-text of a parcelling utterance and a descriptive text as well. Non-linearity of parcelling utterances is created by not only implied segmented components but also by their rhematic communicative status within the graded rheme.

Conclusion. Linguistic status of parceled component is based on the isomorphism in relation to main syntactical units – word collocation and sentence, and is adapted at the communicative syntactical level of analysis. The asymmetry of both – parcelling utterances as a whole and their segmented components, i.e. parceled components, is realized and revealed within broader contexts which are micro-texts and texts of greater length: they function there together with other types of utterances to maintain the general functional-and-semantic and communicative background of micro-texts and texts.

Key words: parcelling utterance, parceled component, theme-rheme division, hyper-theme, graded rheme, isomorphism, semantic similarity.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 115–119)

В Лингвистическом энциклопедическом словаре парцелляция (от франц. *parcelle* – частица) определяется как «способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами (...)». Далее отмечается, что при разнообразии структурных характеристик парцелированных высказываний потенциально сохраняется их единый статус: быть особой формой представления предложения в тексте во всех известных языках, что обуславливает универсальный характер парцелляции как в речи, так и в тексте [1: 369]. Очевидно, что парцелированное высказывание состоит из двух частей: базы, которая может автономно функционировать как самостоятельное высказывание, и сегментированного фрагмента, или парцеллята.

В Грамматике современного русского литературного языка (1970 г) парцелляция рассматривается в разделе «Синтаксис» с точки зрения интонационного и позиционного расчленения словосочетания, в результате чего происходит «вычленение словоформы или словосочетания, при котором этот отчлененный и вынесенный в конец элемент приобретает интонационный контур и информационную нагрузку самостоятельного высказывания» [2: 622–633]. Приведем примеры: (контекст: Ключ действовал). *Вначале он как-то вхолостую повернулся, не справился с заржавевшим механизмом замка, но уже на втором обороте раздался знакомый щелчок, и дверь открылась. Со скрипом* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов); *Несмотря на такое несходство, мальчик понимает, что это его собственное отражение. Только много лет спустя. И в иных обстоятельствах* (Е. Водолазкин. Лавр).

В Русской грамматике [3] явление парцелляции не рассматривается как таковое, но с точки зрения функционально-семантических и структурных признаков включается в раздел «Поясняющие обороты» [3: 186–190], хотя здесь не обсуждается сегментация отдельных словоформ или их сочетаний, ср., соответственно, пояснение-

обособление и парцелляция: *Тихо будет плыть этот корабль, без криков и выстрелов* (А. Грин. Алые паруса) – **Тихо будет плыть этот корабль. Без криков и выстрелов*. При этом парцеллят оказывается коммуникативно актуализированным сегментом высказывания и одновременно отдельной фразой, квазивысказыванием.

Итак, и в академических источниках, и в специальных лингвистических исследованиях неоднозначность функционально-семантической и коммуникативной характеристики парцеллятов обращает на себя внимание и требует отдельного изучения.

Материал и методы. В приведенных выше примерах парцеллят – вычлененный в конце высказывания компонент является частью словосочетания или словосочетанием, например: **отворилась со скрипом*; **понимает много лет спустя*; **понимает в иных обстоятельствах*; он сохраняет синтаксические связи уровня словосочетания и обусловленные ими синтаксические отношения с предвещающей его базой высказывания.

Парцелляты могут быть расположены не контактно, а дистантно по отношению главному компоненту словосочетания, особенно в случае согласования, например: *Время от времени Ларионов поднимал голову и смотрел на своих одноклассников, съевшихся во мраке декабрьского плаца. Маленьких, непроснувшихся, заметаемых ледяными крошками* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов). При восстановлении линейного порядка слов высказывание примет вид: **Время от времени Ларионов поднимал голову и смотрел на своих маленьких, непроснувшихся, заметаемых ледяными крошками одноклассников, съевшихся во мраке декабрьского плаца*. Очевидно, что в обоих высказываниях *одноклассники* становятся своеобразным опорным словом, привлекающим как атрибутивные распространители словосочетания, так и парцелляты. Аналогично: *Повалил снег. Мокрый и даже холодный* (Е. Водолазкин. Лавр). Сравните: **Повалил мокрый и даже холодный снег*.

Парцеллированными сегментами высказывания могут быть не только словоформы и их сочетания, но и придаточные предложения, например: (контекст: Вставали рано, в шесть утра. По трубе. Летом, в белые ночи это было еще ничего, а зимой невыносимо). *Летом будущий генерал вставал за полчаса до подъема только для того, чтобы встретить трубу в полном сознании. Чтобы не дать ей трубить в самых сладких своих утренних сна* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов). Здесь в составе базы – сложноподчиненного предложения уже есть придаточное цели с союзом **чтобы**, который повторяется в парцелляте. Своеобразный повтор antecedента обнаруживается и в парцеллятах-придаточных предложениях другого типа, например, атрибутивных присловных и временных, сравните:

Генералу казалось странным, что к таким последствиям могло привести одно короткое слово. Которого он даже не слышал. Которое они сами себе произнесли. – Antecedent «(короткое) слово» (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов).

В каждом из них есть, Лавре, что-то более важное: устремленность к тому, кто гладит издали. К тому, кто способен охватить все камешки разом. – Antecedent «к тому, кто» (Е. Водолазкин. Лавр).

(контекст: Солнечное тепло они хранят всю ночь. На них можно лежать, не боясь простудиться). *Амеросий понял это, когда укладывался на теплые политы спать. Когда больше почевать было негде. Когда еще был Арсением* (Е. Водолазкин. Лавр). – Antecedent союзное слово/союз «когда».

При парцелляции придаточных предложений, тем более гомогенных, возникает ряд вопросов: с какой целью она осуществляется – исключительно ради экспрессии, решения функционально-стилистической авторской задачи описания персонажа или актуализации некоторой ситуации, и, наконец, зачем разрушается линейность и высказывание сегментируется, иными словами, какова природа нелинейности высказывания, шире – микротекста.

Если общая характеристика так наз. линейной грамматики в первую очередь связана со структурной и функционально-семантической организацией высказывания, то нелинейная грамматика обусловлена его коммуникативной ориентацией [4: 39], а коммуникативная ориентация и актуализация раскрывается в процедуре актуального членения, в тема-рематическом членении высказывания. При этом, по Ю.В. Ванникову, общим свойством парцеллированных высказываний и особенно парцеллятов становится рематизация, позволяющая рассматривать их как одно из средств смыслового содержания сообщения-высказывания, как средства создания функциональной перспективы высказывания [1: 369].

Нелинейность функциональной организации парцеллированного высказывания обнаруживает последовательность, поэтапность членения его смыслового содержания. Это связано с многоступенчатостью как структурного, так и коммуникативного континуума [5]. Необходимость поэтапного актуального членения высказывания обусловлена его бинарным членением на тему и ремю, что позволяет непротиворечиво охарактеризовать функциональную перспективу высказывания, его синтагматический потенциал, т.е. возможное членение на синтагмы. Подчеркнем, что парцелляты как сегментированные фрагменты парцеллированных высказываний, подобно присоединяемым пояснительным обособленным оборотам, в предложениях реализуют коммуникативную функцию в тесной связи с контекстом и ситуацией; обычно они зависят от компонента базы – словосочетания или предложения, в то время как их структурные и коммуникативные свойства не автономны и не самодостаточны, например: (контекст: Теперь в пламени не было никакого волнения). *Такою должна стать и душа, подумал Амеросий. Бесстрастной, безмятежной* (Е. Водолазкин. Лавр). Тема-рематическое членение базы парцеллированного высказывания *Такою должна стать и душа* таково: рема₁ (*такою*) – тема₁ (*должна стать и душа*) при инверсивном порядке слов относительно объективного порядке слов в трансформированном высказывании **Душа должна стать такою* (...) и коммуникативном задании в форме латентного вопроса *Какою должна стать душа?* Тогда парцеллят *Бесстрастной, безмятежной* получает статус самостоятельной ремы₂ при сохранении одной и той же темы₁, но ремы уже другой ступени в силу сегментации. Сравните непарцеллированное высказывание с тем же самыми компонентами: *Бесстрастной, безмятежной – такою должна стать и душа*. Выдвинутый на первую позицию инверсивный парцеллят стал также ремой наряду с поясняющей его ремой *такою*, а в целом рема высказывания стала сложной и линейно организованной: парцеллят рема₂ + рема₁ исходного парцеллированного высказывания. Обращает на себя внимание положение компонента *такою*: если в исходном парцеллированном высказывании это своего рода прецедентное опорное слово для парцеллята, то в трансформированной конструкции, когда парцеллят выдвинут в начало высказывания, *такою* меняет свой функционально-семантический статус и становится пояснением относительно бывшего, а теперь прецедентного парцеллята. Точно также трансформированное высказывание в направлении от инверсии к объективному порядку слов меняет и характер ремы: она становится сложной, а не многоступенчатой в силу

устранения сегментации и «восстановления» линейности высказывания.

Аналогичная процедура применима и к парцеллированным высказываниям с парцеллятами словосочетаниями или предложениями в структурном аспекте, сравните:

Парцелляты-словосочетания: *Прижавшись лицом к примятым стеблям, генерал представлял себя на этом поле мёртвым. С распростёртыми руками, с присыпанной землёй головой* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов). Парцеллированные словосочетания – это две ремы₂, которые образуют сложную рему, а в отношении к базе парцеллированного высказывания они расположены на другом ярусе, и поэтому ступенчатые. При таком тема-рематическом членении и выявлении коммуникативного задания статус парцеллята формулируется посредством латентного вопроса: *как именно он представлял себя мёртвым (далее – весь состав высказывания)? каким именно мёртвым он себя представлял (...)?* При трансформировании в единое высказывание парцелляты с *распростёртыми руками, с присыпанной землёй головой* получают статус пояснения и становятся включенным в односложную рему₁ – *мёртвым*, которая также становится сложной.

Парцелляты-предложения: (контекст: *Возле причала они вновь вышли наверх. Это был остаток прежней набережной. Той, которую знал Чехов: с двухэтажными кирпичными домами, витыми перилами балкончиков и пальмами в огромных кадках* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов). Процедура актуального, тема-рематического членения данного парцеллированного высказывания с парцеллятом – атрибутивным присловным придаточным предложением, соотнесенным с опорным словом «набережная» и антецедентом «той», представляет парцеллят как рему₂ относительно базы парцеллированного высказывания, но рему сложную, поскольку в парцеллят включены пояснения, характеризующие набережную: *с двухэтажными кирпичными домами, витыми перилами балкончиков и пальмами в огромных кадках*. В целом, вновь используя методику латентных вопросов, тема-рематическое членение высказывания задается как ответ на латентный вопрос: *какой именно была прежняя набережная?* Реконструируя рему, получаем такое её выражение: **Прежняя набережная* (тема) – это та, которую знал Чехов: *с двухэтажными кирпичными домами, витыми перилами балкончиков и пальмами в огромных кадках* (сложная рема).

Единственная тема, которая содержится во всех проанализированных парцеллированных высказываниях приобретает статус гипертемы [6: 135], что более типично для текста, и поэтому парцеллированные высказывания можно ана-

лизировать как микротексты. Включение высказываний с парцеллятами в более объемные микротексты наряду с другими типами высказываний позволяет говорить о полиструктурности, поскольку коммуникативная перспектива такого микротекста становится функционально-семантически неоднородной [там же]. Обратимся к примеру микротекста-описания:

Серое пасмурное небо. Редкие снежные хлопья. Они падают из этих серых туч. Падают, падают. Пахнет сырой зимой. Оттепель? Или ранняя зима. Слабый ветер доносит запах дыма. Нет. Так пахнет баня, которую топят по-черному. Приятный запах. Запах горящей бересты. Он шевелит головой. Раздается глухой всплеск. Возле затылка. Он опускает глаза. Возле лица – жидкость. Не вода. Она густая и пахнет знакомо. Знакомый, знакомый запах. Но слишком густой (В. Сорокин. Метель).

Парцеллированные высказывания сосуществуют с номинативными высказываниями с нулевой темой, например: *Серое пасмурное небо. Приятный запах. Нет.* С функционально-семантической точки зрения – это высказывания бытийного типа. В микротексте есть и другие высказывания бытийного типа с нулевой темой, а именно: *Пахнет сырой зимой. Раздается глухой всплеск.* Это коммуникативно нерасчлененные высказывания, которые задают нулевую лексически не выраженную гипертему микротекста. Коммуникативно расчлененные высказывания, например: *Они* (тема) // *падают из этих серых туч* (весь остаток – рема). *Слабый ветер* (тема) // *доносит запах дыма.* *Он* (тема) // *опускает глаза* (весь остаток – рема). *Она* (тема) // *густая и пахнет знакомо* (весь остаток – рема). предполагают бинарное тема-рематическое членение, а неполные допускают восстановление до полных высказываний, например: *Оттепель?* – **Что это – оттепель?* – они также членятся, и тогда в них тема может быть восстановлена. Не зависимо от своей структуры, парцелляты, выделенные нами в микротексте, представляют собой ремы относительно базы парцеллированного высказывания и соотносимы с темами, которые присущи базе. В данном тексте сложно выделить гипертему в силу его структурной и функционально-семантической неоднородности, но доминирующая рема – это характеристика либо фрагмента действительности в бытийных высказываниях с лексически не выраженной нулевой темой, либо характеристика субъекта в коммуникативно расчлененных высказываниях.

Результаты и их обсуждение. По мнению исследователей, уже на уровне структурного представления парцеллированные конструкции обнаруживают асимметрию языковых и текстовых единиц [7; 8; 9;10].

Парцеллированные высказывания на всех уровнях анализа – структурном, функционально-семантическом и коммуникативном обнаруживают явления, изоморфные словосочетанию, предложению и тексту, точнее микротексту. Триединый подход позволяет выявить специфику соотношения базы и працеллята и описать парцеллированное высказывание как сегментированную структуру-микротекст. Коммуникативный аспект анализа объективирует изоморфизм и изосемичность працеллята в отношении к полупредикативным пояснительным конструкциям, объективирует их самостоятельный рематический статус при относительной коммуникативной обусловленности працеллятов со стороны базы. В микротексте-описании парцеллированные высказывания сохраняют свой языковой статус и выступают в единстве с коммуникативно нерасчлененными и расчлененными высказываниями бытийного типа благодаря доминирующему значению нулевой лексически не выраженной гипертемы и характеризующему рематическому значению.

Заключение. Триединый подход к описанию и определению статуса парцеллированных высказываний позволяет утверждать, что они представляют собой сегментированные структуры, подобные тексту (микротексту) в силу тесной зависимости працеллята от базы – автономного и самодостаточного высказывания. Их языковой статус базируется на изоморфизме в отношении к основным синтаксическим единицам – словосочетанию и предложению и объективируется на коммуникативно-синтаксическом уровне анализа. Асимметрия парцеллированных высказываний и працеллятов, в частности, в полной мере обнаруживается при их включении в более широкий контекст, т.е. в микротексты или тексты большего объема, в которых они функционируют наряду с другими разнообразными типами высказываний, поддерживая общую функционально-семантическую основу микротекста и текста. Изосемичность працеллятов, как и полупредикативных пояснительных конструкций подкрепляется их рематическим статусом, несмотря на различия в типе ремы – ступенчатой для працеллята и сложной для пояснительной конструкции. Пер-

спективы изучения працеллятов, на наш взгляд, лежат в области грамматической омонимии, в частности, в случаях совпадения формы номинативного предложения бытийного типа и словоформы, представляющей працеллята.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с. (ЛЭС).
2. Грамматика русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с. (Грамматика-70).
3. Русская грамматика. Т.П. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 709 с. (Грамматика-80).
4. Николаева Т.М. О функциональных категориях линейной грамматики // Синтаксис текста / Сб. статей. Москва: изд-во «Наука», АН СССР, Институт русского языка, 1979. С. 37 – 41.
5. Крылова О.А. Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории (сочинение, подчинение, обособление и присоединение) // Филологические науки, 1970, № 5. С. 8 – 91.
6. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 176 с.
7. Ванников Ю.В. Явление працелляции в современном французском языке. М.: автореф. дис. ... канд филол. наук, УДН им. П. Лумумбы, 1965. 24 с.
8. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: URSS, 2016. 296 с.
9. Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
10. Гурьева Н.Н. Працелляция как объект исследования в современной лингвистической литературе. URL: 05N_Gurieva_r.pdf, сайт www.yusu.am (дата обращения 25.11.2018).

Источники языкового материала

1. Водолазкин Е.Г. Авиатор: роман. М.: Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. 416 [6] с.
2. Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. 440 [8] с.
3. Водолазкин Е.Г. Соловьев и Ларионов. Роман // Водолазкин Е.Г. Совсем другое время. М.: Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 5 – 374.
4. Грин А.С. Алые паруса. М.: Изд-во ЭКСМО, 2018. 128 с.
5. Сорокин В.Г. Метель: повесть. М.: Изд-во АСТ : Corpus, 2018. 224 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 808.1:81'27

Художественный текст как особая социолингвистическая данность

Кудреватых И.П.
БГПУ имени М. Танка

Развитие межкультурных коммуникаций в условиях глобализации способствует стремительному росту информационной активности общества, поэтому теория коммуникации в аспекте антропоцентрической парадигмы приобретает все большую актуальность. Художественный текст как единица коммуникации становится значимым не только как компонент непосредственного общения, но и как необходимый элемент художественного сотворчества автора и читателя, который под воздействием использованных писателем языковых средств приобретает способность регулировать эмоциональное состояние читателя.

Ключевые слова: художественный текст концептуализация, функционально-семантические категории художественного текста, стилистика, тропы.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 120–124)

Artistic Text as a Special Social-Linguistic Reality

Kudrevatykh I.P.
Belarusian State Teachers' Training University

The development of intercultural communications in the context of globalization contributes to the rapid growth of the information activity of society, therefore the theory of communication in the aspect of the anthropocentric paradigm is becoming increasingly important.

The artistic text as a unit of communication becomes significant not only as a component of direct communication, but also as a necessary element of the artistic co-creation of the author and the reader, which, under the influence of the language means used by the writer, acquires the ability to regulate the emotional state of the reader.

Key words: artistic text, conceptualization, functional-semantic categories of artistic text, stylistics, trope.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 120–124)

Эффективность речевого общения является сегодня главной проблемой лингвистических исследований. В этой связи коммуникативная стилистика художественного произведения, вбирая в себя достижения лингвистики текста, стилистики, текстологии, а также литературоведения и др. наук, носит интегрированный характер, т. к. рассматривает функциональные возможности языка художественного текста в комплексе его структуры, семантики и прагматики как явление социальное. При изучении языка именно художественный текст выступает одним из критериев отбора языковых единиц, вербализующих представления определенной лингвокультурной общности. Поэтому культурологический и социальный аспекты, предполагающие совокупность знаний и навыков, обеспечивающих применение языка в целях общения, свидетельствуют о коммуникативном

совершенстве речи. Социальную значимость коммуникативной лингвистики хорошо определяет Г.В. Колшанский: «Лингвистика, изучающая речевую коммуникацию в обществе, становится не только наукой, имеющей свой внутренний смысл <...>, но и наукой, решающей задачи, связанные с повседневной деятельностью человека во всех сферах жизни, то есть практические задачи, нацеленные на обеспечение взаимопонимания между людьми. В этом плане коммуникативная лингвистика является одной из важнейших социальных дисциплин, которая содействует жизни общества» [7, с. 174].

Язык отражает явления окружающей действительности в соответствии с языковым сознанием автора, определяя особенности функционирования лексико-грамматических форм в различных условиях общения. Художественный текст характеризуется особой грамматикой, особыми прави-

лами словоупотребления и синтаксиса, особой семантикой, в результате чего складывается один из «возможных миров», представленный как особая социальная данность. Интерпретация художественного текста связана с синтаксическим значением грамматических форм и конструкций, с их бесконечной вариативностью и изменчивостью, что способствует организации смысловой «ткани» произведения. Именно грамматические формы и сочетательные возможности слов демонстрируют в некоторых случаях большую выразительность и эмоциональность художественного восприятия, нежели лексические средства, т.к. ситуативная прикрепленность влияет на вариативное многообразие грамматических характеристик языковых единиц. «Художественный текст, – отмечает Ю.М. Лотман, – сложно построенный смысл. – Все его элементы суть элементы смысловые» [9, с. 19], поэтому любые отклонения от существующих норм языка в художественном произведении следует рассматривать как средство актуализации смысла, носящее не случайный, а закономерный характер.

Моделирование смысловой структуры текста связано с ассоциативным потенциалом читателя, предполагающим умение интерпретировать как вербальную, так и подтекстовую информацию, устанавливая частотные авторские приемы текстовой организации, или «регулятивность текстовых микроструктур» (термин Е.В. Сидорова), выполняющих роль своеобразных смысловых «скрепов», например, синтаксический параллелизм у М. Танка, языковые аномалии у А. Платонова, контрастность ассоциативно-семантических рядов у И. Шкляревского, однородный ряд дизъюнктивных понятий у Т. Толстой и др. В процессе текстовой деятельности автор, используя особые приемы грамматической и стилистической организации текста, отступающие от языковых норм, помогает читателю ассоциативно развертывать текст, наполняя его дополнительными смысловыми приращениями. Именно в индивидуальных авторских отклонениях заложены истоки новых стилистических возможностей языковых единиц, способных при определенных условиях стать смыслоорганизующими. Еще Л. В. Щерба писал, что «авторов, вовсе не отступающих от нормы, конечно, не существует – они были бы невыносимо скучны. Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от неё» [15, с. 10]. Ю.М. Лотман отмечал: «Все новые и новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты. Чем больше подобных истолкований, тем глубже специфически художественное значение текста и тем дольше его жизнь» [9, с. 90].

При анализе художественных произведений важным является установление функциональной зависимости разноуровневых языковых единиц, участвующих в формировании смысловой структуры текста. В этом плане функциональная грамматика, расширяя границы традиционной грамматической теории, становится по своей природе структурно-интегрирующей [11]. «То, что «забывается» в слове-понятии, – писал А.А. Потебня, – поглощается новым значением, становится стилистическим средством в художественном сравнении-параллелизме. Это качественно меняет внутреннее содержание образа художественного» [10, с. 14]. В художественном тексте любые языковые единицы становятся семантически осложненными, поэтому категория имплицитности, связанная, прежде всего, с синтаксическим уровнем членения текста, при его интерпретации представляет определенные трудности, поскольку является чисто ассоциативной. Авторские коды, которые реализуются по метафорическим либо метонимическим моделям, заставляют читателя «включать» свою культурную память, свой ассоциативный потенциал как дешифратор авторского замысла.

Ярким примером социализации грамматики может служить проза А. Платонова, «о которой с одинаковым успехом можно сказать, что она заводит русский язык в смысловую тупик или – что точнее – обнаруживает тупиковую философию в самом языке» [3], например: («Котлован») *Дванов не пожалел родину и оставил ее. Смирное поле потянулось безлюдной жатвой, с нижней земли пахло грустью ветхих трав, и оттуда начиналось безвыходное небо, делавшее весь мир порожним местом; Петр Федорович ловил мух на солнечном припеке и лущил их в руках со счастьем удовлетворения своей жизни, не думая от забвения о чужом всаднике; Мама, а отчего ты умираешь – оттого что буржуйка или от смерти?* Такой способ концептуализации мира, выраженный в форме языковой аномалии, – результат эстетического, «художественного» использования так называемой грамматики «абсурда», которая несет в себе большой заряд эстетической выразительности. Поэтому функциональная значимость языковых аномалий подтверждает значительный потенциал языковой системы в плане реализации ее системных закономерностей, с одной стороны, а с другой – ее творческих возможностей.

Смысл художественного текста связан с эмоционально-эстетическими представлениями, формирующими отношение автора к миру. Но как сформировать у читателя, не владеющего пресуппозицией эмотивных речевых актов, эмоциональное восприятие, которое определяется личностно-социальным опытом автора и еще в большей степени читателя? По утверждению

С.В. Коростова, «эмоция представляет собой способ понимания мира, а репрезентация эмоционального состояния в художественном тексте имеет своей целью изменить отношение к миру» [8, с. 103]. Актуализация эмотивно-оценочных смысловых доминант текста, связанная с уровнем коннотативного приращения смысла (например, желательность/нежелательность того или иного события, согласие/несогласие как эмоциональная реакция на событие/поступки героев) – это составляющее эмоционального сознания читателя. Кроме того, «значение изолированного слова, – указывает А.В. Вдовиченко, – феномен полностью синтаксический. Его наличие предопределяется употреблением данного слова в описании представляемой коммуникативной ситуации. Значение отдельного слова оказывается интегрированным в конкретную коммуникативную структуру (с точки зрения языкового субъекта – в конкретную прагматическую синтагму). Иными словами, лексического значения, которое было бы свойственно изолированному, изъятому из коммуникативной ситуации слову, не существует вовсе. И поскольку главный институциональный признак слова – лексическое значение – оказывается неизбежно синтаксическим в смысле дискурсивного (прагматического) понимания синтаксиса, не является самостоятельным и слово как таковое» [5, с. 113].

Наиболее продуктивный способ расширения языковых ресурсов, способ обогащения речи представляет метафора. «Человек не столько открывает сходство, – отмечает Н.Д. Арутюнова, – сколько создает его», «особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое» [1, с. 9], на что указывает и В.И. Шаховский: «Человек переживает то, что отражает» [13, с.7]. В художественной речи метафора употребляется сознательно, получая особое задание – воздействовать на читателя. Разумеется, сила подобного воздействия находится в зависимости от того, насколько органичны и убедительны живущие в том или ином тексте данные тропы. Здесь многое зависит от вкуса автора, от степени владения родным языком, от теоретических убеждений пишущего, от эпохи, в которую создается произведение. Сравнивая обычную речь с поэтической, читатель обращает внимание на ассоциативную природу коннотативных значений языковых средств, несущих образность. С этой точки зрения, метафорическая модель выразительности любого текста как основа его интерпретации позволяет сделать восприятие более наглядным, более ярким и глубоким. Поэтому формирование ассоциативно-эмоционального поля читателя – важный результат понимания художественного произведения.

Система языка – это не только его грамматическое устройство, но и его функции. «Системные

языковые связи разноуровневых единиц художественного текста отражают общий механизм корреляции функционально-семантических полей эмотивности, оценочности, интенсивности, определяемый представлениями о реальной действительности...» [8, с. 111]. В языке художественной литературы эстетическая функция завоевала себе важные и прочные позиции. Поэтому метафора и сравнение как художественные ресурсы языка, выступая в определенной системе, эстетически воздействуют на читателя, создавая возможность многомерных интерпретаций художественного текста. Однако, как указывает Р. О. Якобсон, с художественной ролью словесных тропов могут с успехом соперничать морфологические и синтаксические категории [16], синтаксические значения которых формируют семантику текста. В.А. Звегинцев назвал семантику «конституирующим стержнем языка», а Ю.Д. Апресян обозначил как семантический современный период развития лингвистики, точнее период коммуникативной лингвистики, т. к. в языке нет некоммуникативных единиц, что отмечает и В.И. Шаховский: «...любое языковое средство обладает коммуникативной предназначенностью либо реально (коммуникативная реальность), либо потенциально (коммуникативная готовность)» [14, с. 6]. Эта способность языковых единиц наглядно подтверждается социально обусловленной, целесообразной речевой формой, каковой является художественное произведение. Продемонстрируем данное положение на примере рассказа В. Токаревой «Между небом и землей».

Стилистическая конвергенция, предполагающая взаимодействие смысловой и экспрессивной «избыточности» авторских приемов смыслопорождения, выступает одним из основных условий текстовых ассоциаций. Метафорическое олицетворение, сравнение, парцелляция, контаминация в одном предложении прямого и переносного значений, полистилизм как маркер целесообразной разговорности и мн. др. не «перегружают» семантику рассказа, а, наоборот, выполняют определенные когнитивно-прагматические функции, и прежде всего – способствуют выражению экспрессии, создавая ощущение легкой иронии, трогательности, т. е. являются стилистически мотивированными, например: *Брак оказался непрочным. Как только схлынула страсть, обмелела река, обнажилось дно, а на дне всякие банки-склянки, мура собачья; Это болела их любовь, откашливаясь несоответствиями, и наконец умерла; ... красота – явление временное и преходящее. Она обязательно уйдет лет через двадцать и помашет ручкой; красота миновала, как станция; ... все плохое уже позади. В прошлом; Но выражение лица и вся его сущность остались прежними, и эта сущность откровенно выгля-*

дывала из окошек больших зеленовато-бежевых глаз и т. д. Избыточность стилистических приемов у В. Токаревой функционально целесообразна и эстетически значима, т. к. напрямую связана с художественной идеей рассказа, которую можно выразить с помощью поговорки: что имеем – не храним, потерявши – плачем. Этот же смысл заложен и в названии рассказа, выступающим сильной позицией текста и совмещающим прямое и переносное значение: героиня летит в самолете – между небом и землей, такую же позицию она занимает и в жизни – неопределенную – как выражение безысходности (развелась с мужем, встречается с женатым мужчиной, а что потом?).

Категория актуальности – одна из важнейших категорий художественного текста, в котором актуализироваться могут любые языковые структуры на любом уровне языковой иерархии. Актуализация стилистических приемов в произведениях В. Токаревой, перерастающих в метафоры глубинного уровня смыслопорождения, устанавливает «функционально-семантические зависимости, структурирующие авторскую модель мира. Реорганизуя семантическое пространство и снимая в нем границы между реальным и возможным, метафоры создают основу постижения глубинной структуры реальности особым «новым» способом», – указывает Н.А. Фатеева [12, с. 19]. Стилистические средства, приобретая актуальные значения, способствуют трансформации художественного времени: происходит разрушение временного ряда, последовательности событий с целью открыть читателю внутренний мир персонажа на основе реконструкции его временного опыта. Переплетая временные значения в рамках одного контекста, Токарева создает впечатление многозначности и смысловой глубины. Причем значение грамматической формы глагола в зависимости от ситуации характеризуется и различным семантико-стилистическим потенциалом. В результате синтаксические значения глагольных форм, приобретая художественные характеристики, теряют общезыковое значение, например: *Ей казалось, что фактор красоты должен давать в жизни дополнительные преимущества... А муж говорил, что красота – явление временное и преходящее. Она обязательно уйдет лет через двадцать и помашет ручкой. А его способность к устойчивому чувству, именуемому «верность», – навсегда. Это не девальвируется временем. Так что он – муж на вырост.* Прошедшее в значении настоящего длительного как выражение вневременности в сочетании с будущим / настоящим постоянным заставляет читателя выстраивать ряды ассоциаций, связанных с концептом *жизнь: первое замужество, разошлись, все впереди, красота миновала, забвение, все впереди.* Обращает на себя внимание рамочное построение рассказа:

начало рассказа – *Жизнь представляется примерно долгой, кажется, что всего еще будет навалом и все впереди; конец рассказа – тогда, в начале жизни, ничего не стоило порвать неокрепшие корни, выкрутить и выкинуть. Казалось, что все еще будет и все впереди.* Разные временные формы, отсылающие к разным временным периодам жизни героини, актуализируют два смысловых признака: ожидание новых впечатлений, новой любви – более высокой, чем предыдущая, но все в прошлом. Такая стилистическая конвергенция эксплицирует характерные признаки художественной реальности.

Особым структурным элементом в рассказе В. Токаревой является авторский комментарий, выступающий своего рода аргументом определенной гипотезы, например: *в восемнадцать лет невозможно думать о потом; Голос – инструмент души, а душа – не стареет; Музыка и любовь должны быть вне слов. Во всяком случае – вне вопросов; Забвение – это еще одна, дополнительная смерть; Люди и обязательства соотносятся друг с другом, как Земля и деревья... Обязательства существуют не только между живыми и мертвыми, но между живыми и живыми. Надо быть хорошо уверенным, что, вырвав дерево, ты посадишь на его место новое, оно приживется и вырастет. А то ведь одно вырвешь, другое не посадишь – и будешь стоять над развороченной воронкой и смотреть на дело рук своих.* Художественная актуализация авторского комментария приобретает «глубинный идейно-эстетический смысл на основе соответствующих образно-эмоциональных и интеллектуальных ассоциаций у читателя» [4, с. 173]. Глагол становится экспрессивной метафорической доминантой, получающей в контексте самостоятельную характеристику. Оппозиция настоящего постоянного / будущего результата вызывает у читателя определенные ассоциации: будущее – это результат настоящего, которое человек делает сам. Художественное время В. Токаревой полностью подчиняет себе грамматическое, нелокализованное во времени. В результате наблюдается сдвиг временного значения: настоящее постоянное как выражение вневременности и внепространственности становится языковой особенностью рассказа.

Таким образом, лексико-грамматические средства в текстовых условиях приобретают различные синтаксические значения и устанавливают ассоциативную множественность смыслов, не снимая тем самым семантической неопределенности слова. Эту особенность многозначного слова и, можно добавить, грамматической формы, подчеркивал И.Р. Гальперин, указывая, что она позволяет лучше представить себе многогранность возможной информации, содержащейся в слове [6]. Более того, многозначность, или семантиче-

ская неопределенность лексико-грамматической структуры «не является помехой для интерпретации – наоборот, как существование разных голосов в полифонии такой прием в стилистике осмысливается как эффективное средство для выражения сложных чувств, отношений субъекта к действительности» [2, с. 36].

Любой текст обладает набором универсальных функционально-семантических и стилистических категорий, которые эксплицируют структуру языка. Это категории времени, пространства, персонажа, образа автора, образа читателя и др. Связь внутрилингвистического и экстралингвистического в художественной речи, особенности взаимодействия лексико-семантического и грамматического уровней в организации речевой структуры определяют функционально-стилистические значения данных категорий. Кроме того, они являются и основным стилеобразующим фактором, поскольку, эксплицируясь определенным набором языковых средств, способствуют ассоциативным контаминациям, которые и порождают определенные стилистические эффекты. Выявление данных категорий в художественном тексте дает возможность, с одной стороны, установить особенности взаимодействия лексико-грамматического и стилистического уровней его организации, направленных на формирование читательских ассоциаций как условия декодирования смысла, а с другой – определить особенности авторского мировосприятия.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–33.
2. Бендетович, Г.Б. Семантическая неопределенность слова как прагматическое явление / Г.Б. Бендетович // Стил. – 2007. – № 6. – Београд. – С. 35–48.
3. Бродский, И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова / И. Бродский. – http://lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt.
4. Васильева, А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1983. – 255 с.
5. Вдовиченко, А.В. Интертекстуальность и дискурсивно-лингвистический подход к тексту. Иудейские и христианские тексты III века до н. э. – II века до н. э. / А.В. Вдовиченко // Языкознание: взгляд в будущее / год общ. ред. проф. Г.И. Берестнева. – Калининград: Калининград. гос. ун-т, 2002. – С. 106–115.
6. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. – Москва, 1974. – 175 с.
7. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
8. Коростова, С.В. К вопросу об эмотивности художественного текста / С.В. Коростова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. – Ставрополь, 2013. – С. 102–111.
9. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
10. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М.: Высшая школа, 1980. – 344 с.
11. Теория функциональной грамматики. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
12. Фатеева, Н.А. Поэт и проза. Книга о Пастернаке // Н.А. Фатеева. – М., 2003. – 400 с.
13. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие / В.И. Шаховский. – Волгоград, 1983. – 94 с.
14. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 192 с.
15. Щерба, Л.В. Спорные вопросы русской грамматики / Л.В. Щерба // Русский язык в школе. – М., 1939. – № 1. – С. 10–21.
16. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / Общ. Ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 462–482.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'373.21.81'374

Региональный компонент языковой картины мира в зеркале словаря микротопонимов

Максимчук Н.А.

Смоленский государственный университет

В статье обсуждаются особенности ассоциативно-культурного фона топонимов и микротопонимов. Микротопонимы рассматриваются как единицы территориально ограниченного лингвогеографического и историко-культурного ландшафта – маркеры региональной картины мира, значимые единицы регионального компонента языковой личности.

Цель работы состоит в описании форм и способов выявления ассоциативно-культурного фона (АКФ) микротопонимов, его представления в лингвокраеведческом словаре и анализа места микротопонимов в региональном фрагменте ономастической картины мира.

Материал и методы. Материалом исследования являются топонимы и микротопонимы одного из юго-западных районов Смоленщины, особенности истории и культуры которого, складывавшиеся под влиянием многовекового пограничного положения шумячских земель, сформировали понятие Шумячское Порубежье. В ходе работы использовался метод полевых исследований, лексикографический метод, метод лингвокультурологического анализа.

Результаты и их обсуждение. Исследование регионального фрагмента картины мира в зеркале лингвокраеведческого словаря (микро)топонимов, построенного с использованием принципов антропоориентированной лексикографии, приводит к следующим выводам. Выделение в словарной статье зоны предметных сведений, зоны собственно языковых сведений и зоны лингвокраеведческих сведений помогает увидеть, какой вклад в формирование лингвокультурной ценности описываемых имён вносит каждая из трёх составляющих структуры онима. Совокупная информация о входящих в построенный таким образом Словарь (микро)топонимах в более или менее явном виде отражает региональный фрагмент картины мира и опосредованно даёт представление о некоторых характеристиках языковой личности жителя описываемой территории. Анализ значения региональных фрагментов ономастической картины мира в рамках национальной картины мира, характера взаимодействия и взаимовлияния картины мира и региональной языковой личности представляется актуальной задачей дальнейшего исследования.

Заключение. Описание и лексикографическое представление регионального ономастического материала не только вносит вклад в исследование картины мира народа-носителя языка, выявляет и фиксирует формы и способы сосуществования языкового и внеязыкового в структуре онима, но и позволяет приблизить результаты ономастических исследований к широкому читателю, тем самым способствуя, с одной стороны, сохранению статуса описываемых ономастических единиц как знаков культуры, а с другой – реализации культурно-просветительского потенциала ономастики как науки

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокраеведение, имя собственное, (микро)топонимы, лингвокультурная ценность, ассоциативно-культурный фон, региональный компонент языковой картины мира, лингвокраеведческий словарь.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 125–130)

The Regional Component of the Linguistic Worldimage in the Light of the Microtype Dictionary

Maksimchuk N.A.

Smolensk State University

The article discusses the features of associative-cultural background of place names and microtoponyms. Microtoponyms are considered as units of geographically limited linguistic-geographical and historical-cultural landscape-markers of the regional picture of the world, significant units of the regional component of the linguistic personality.

The aim of the work is to describe the forms and methods of revealing the associative-cultural background (AKF) of microtoponyms, its representation in the linguo-regional dictionary and the analysis of the place of microtoponyms in the regional fragment of the onomastic picture of the world.

Material and methods. The research centers on toponyms and microtoponyms of one of the South-Western districts of the Smolensk region, especially the history and culture which, developing under the influence of a centuries-old border position shumyachsky lands, formed the concept Shumakskie the Borderline. During the work the method of field research, lexicographical method, method of linguoculturological analysis were used.

Results and discussion. The study of the regional fragment of the picture of the world in the mirror of the linguo-regional dictionary of (micro)toponyms, built using the principles of anthropo-oriented lexicography, leads to the following conclusions. The selection in the entry zone of the subject of the information areas the actual language and information zone linguo-regional information helps to see the contribution in formation of linguo-cultural values of the described names makes each of the three components of the structure proper name. The aggregate information about the toponyms included in the Dictionary of (micro)toponyms in this way more or less explicitly reflects the regional fragment of the world picture and indirectly gives an idea of some characteristics of the linguistic personality of the resident of the described territory. Analysis of the significance of the regional onomastic fragments of the world picture in the context of the national picture of the world, the nature of the interaction and mutual influence of picture of the world and regional linguistic identity seems relevant.

Conclusion. Description and lexicographical representation of the regional onomastic material not only contributes to the study of the world picture of the native language people, reveals and fixes the forms and ways of coexistence of linguistic and non-linguistic in the structure of onym, but also allows to bring the results of onomastic research to the General reader, thereby contributing, on the one hand, to the preservation of the status of the described onomastic units as signs of culture, and on the other – the realization of the cultural and educational potential of onomastics as a science.

Key words: linguocultural studies, proper name, microtoponyms, linguocultural value, associative- cultural background, regional component of the language picture of the world, linguocultural dictionary.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 125–130)

В изучении взаимоотношений и взаимодействия языка и культуры как центральной проблемы лингвокультурологии (В.Н. Топоров, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.С. Степанов, Н.И. Толстой, А. Вежицкая, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова, С.Г. Воркачёв, В.В. Воробьёв и др.) в последнее время наблюдается заметный перенос внимания исследователей с общетеоретических вопросов в сферу углубления и детализации при описании специфики конкретных разрядов и групп культуроёмких языковых единиц.

Одним из надёжных и ярких средств, которым язык доверяет хранение сведений о культуре и истории народа, является имя собственное, сопровождающее человека во всех сферах жизни. Одни из таких имён общеизвестны и письменно зафиксированы в книгах и исторических документах, административно-территориальных и географических справочниках, картах, энциклопедиях и словарях. Они закрепляются в названиях окружающих человека объектов общественного, промышленного, транспортного, спортивного, военного, культурного, религиозного и другого назначения, широко используются средствами массовой информации, входят в качестве опорных единиц в состав нормативно-научных текстов, отражающих содержание общего образования, и т.д. Другие они являются принадлежностью относительно узких языковых коллективов, могут быть распространены в отдельной социальной или профессиональной сфере, на ограниченной территории – региона, области, района, села, деревни, где существуют преимущественно в устной форме, что делает их зависимыми, помимо прочего, от временных и социальных

факторов. При имеющихся различиях объединяет эти имена то, что и первые, и вторые являются единицами национального языка, следовательно, участвуют в формировании национальной языковой картины мира (её ономастического компонента). Из этого вытекает, что проблема исследования языковой картины мира предполагает обращение не только к её центральной, ядерной, части, но и к периферии, важной составляющей которой являются региональные фрагменты разного территориального охвата, в том числе – ономастические (см. работы Е.Л. Березович, Л.И. Дмитриевой, Л.А. Климовой, Г.Ф. Ковалёва, И.А. Королёвой, В.А. Масловой, А.М. Мезенко, А.К. Матвеева, Р.Ю. Намитоковой, Е.С. Отина, С.А. Попова, В.И. Супруна, Е.Н. Поляковой, Ю.И. Чайкиной, А.С. Щербак и др. Одним из первых лингвокультурологических словарей, посвящённых региональному ономастическому материалу, можно считать работу В.А. Масловой и С.В. Николаенко «Культурное пространство Витебщины» [6]).

Цель работы состоит в описании форм и способов выявления ассоциативно-культурного фона микротопонимов, его представления в лингвокраеведческом словаре и анализа места микротопонимов в региональном фрагменте ономастической картины мира.

Материал и методы. Материалом исследования послужили топонимы и микротопонимы одного из юго-западных районов Смоленщины, особенности истории и культуры которого, складывавшиеся под влиянием многовекового пограничного положения шумячских земель, сформировали понятие Шумячское Порубежье. Собранный с широким привлечением местных жителей топонимический материал представлен в лингвокраеведческом ключе: языковые сведе-

ния дополняются характеристикой называемого объекта, лингвокраеведческим комментарием и текстовыми иллюстрациями. Комментарии и иллюстрации, как правило, отражают те сведения, с которыми у жителей края устойчиво связывается данное название (фрагменты ассоциативно-культурного фона заголовочного слова). Сочетание метода полевых исследований, лексикографического метода, метода лингвокультурологического анализа позволяет в обобщённом виде представить ономастический фрагмент картины мира жителей обозначенного региона.

Результаты и их обсуждение. Усиление традиционной значимости изучения топонимов любого вида для лингвистики, географии, истории, этнографии связано с реализацией антропоцентрической направленности в описании языка, которой характеризуется лингвистика переходной эпохи. Микротопонимы, ставшие в последние десятилетия объектом развёрнутых топонимических исследований как теоретического, так и прикладного характера, проявляют качества информационно ёмких единиц в рамках когнитивно ориентированных дисциплин: этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвокраеведения и др. Микротопонимы могут рассматриваться как своего рода маркеры, фиксирующие значимые элементы региональной картины мира, складывающейся в сознании жителя определённых территорий (языковой личности) под влиянием окружающей языковой, ландшафтной, историко-культурной, социальной среды.

Языковая личность, для которой микротопонимы являются языковой реальностью, обозначается терминами *региональная языковая личность*, *региональная топонимическая личность* [2, 10, 11 и др.] или более точным, хотя и более громоздким, термином *региональный компонент языковой (топонимической) личности* [1 и др.]. Под региональной топонимической личностью в лингвокультурологическом аспекте, по определению Е.В. Макаровой, «следует понимать прототип носителя языка и культуры региона, динамическую совокупность упорядоченных когнитивной, коммуникативной, семиотической, ценностной систем, стабильно репрезентируемую в топонимическом контексте, закреплённую в топонимической картине мира и реконструируемую на основе лингвистически выраженных ценностных приоритетов» [4, с. 6].

Важное значение при исследовании языковой личности имеет описание фоновой составляющей, закреплённой, прежде всего, за коннотативными именами собственными – *коннотативными*. Е.С. Отин, введший данный термин в широкое на-

учное употребление, определяет коннотоним как «собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и другие онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» (9, с. 279). Однако, как указывает И.В. Крюкова, «в отечественной ономастике и лингвокультурологии детально исследованы свойства и функции только национальных, входящих в «русское культурное пространство», и частично интернациональных прецедентных и коннотативных имён. *Региональная* (курсив наш – Н.М.), групповая, социумная, индивидуальная ... коннотативность и прецедентность имён собственных нуждается в выявлении и детальном анализе» (3, с. 61). Значимость описания коннотативного содержания регионального топонимического материала сегодня усиливается на фоне ускорения процесса исчезновения среды бытования микротопонимов – деревни.

Способ выявления и возможного лексикографического описания коннотативности (ассоциативно-культурного фона) региональных имён собственных (топонимов и микротопонимов) представим на примере конкретной территории, с использованием антропоориентированного подхода [8 и др.]. Указанный подход реализуется в двух направлениях: в плане сбора фактического материала методом полевых исследований с привлечением большого числа информантов и в собственно лексикографической интерпретации выявленной информации.

Словарь включает около 2700 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. В качестве заголовочных единиц выступают топонимы и микротопонимы [5].

В Словарь включены словарные статьи двух типов: базовые и отсылочные [7]. В структуре базовой статьи выделяются: *зона предметных сведений*, *зона собственно языковых сведений* и *зона лингвокраеведческих сведений*. Такая структура словарной статьи означает, что лингвокраеведческие сведения о заголовочной единице представлены компактно и выделены лексикографическими средствами. Однако информационный потенциал онима как единицы данного регионального фрагмента картины мира этим не исчерпывается. Две других зоны словарной статьи вносят свой необходимый вклад в характеристику (микро)топонима как носителя лингвокультурной ценности.

Так, *зона языковых сведений* содержит:

а) грамматическую характеристику названия: (Петровичи) *Род.* Петрович и Петровичей, *только мн.*

б) словообразовательное гнездо с указанием прилагательного, образованного от топонима, и

существительного, обозначающего жителей населённого пункта (с вариантами):

|| *прил.* петровичск|ий; *жит.* петровичан|е, петровичан;

|| *прил.* большебудянск|ий / будянск|ий; *жит.* большебудянц|ы, ц|ев / будянц|ы, -ц|ев / будян|е, будян.

После названий жителей с пометой *неофиц.* могут приводиться неофициальные названия (если они имеются). Происхождение и значение неофициального названия обычно не приводится, поскольку оно раскрывается в зоне предметных или лингвокраеведческих сведений:

|| *прил.* балахо́новск|ий; *жит.* балахо́новц|ы, -ц|ев; *неофиц.* поселяне.

|| *прил.* галеевск|ий; *жит.* галеевц|ы, -ц|ев; *неофиц.* комары;

в) сведения о происхождении названия, его этимологии. Ссылки на источник сведений об этимологии названия даётся в круглых скобках в соответствии со Списком источников и сокращений. Многие топонимы и микротопонимы имеют диалектные основы, поэтому важным источником сведений об их этимологии является Словарь смоленских говоров (ССГ). В то же время проведённая работа подтвердила и существование заметных различий в толкованиях немалого количества слов на общесмоленском и шумячском материале. В таких случаях приводятся оба толкования с пометой *Ср.* (сравни), например:

(Логí). *Этим.* Лог – луг (ССГ).

(Загорóдка). *Этим.* Загородка – огороженное место. *Ср.* Загорода – изгородь (ССГ).

Если указание на источник толкования отсутствует, это значит, что оно сформулировано на основе наблюдений над языковым материалом:

(Крутилёвка). *Этим.* Название по ремеслу жителей посёлка, которые изготовляли (крутили) верёвки.

Народные варианты толкования значения и происхождения отдельных топонимов сопровождаются указанием их народного характера и/или приведением фамилии информанта, сообщившего данную версию.

Для заимствованных наименований указывается язык-источник:

Капли́ца – место в деревне Загустино, в сторону Закриничья, где стояла часовня. *Этим.* Капли́ца (*польск.*) – часовня.

Зона языковых сведений отражает и местные фонетические особенности:

Авлáсов ху́тор. *Этим.* Назван по имени (фамилии) владельца Влас(ов) – в местном произношении Авлас(ов).

Таким образом, формальная характеристика топонимического материала даёт разностороннюю характеристику диалекта описываемой территории.

В зоне предметных сведений даётся номенклатурное наименование объекта, обозначенного топонимом (*посёлок, хутор, деревня, лес, поле, ручей, луг, овраг, холм, болото* и т.д.), указывается место его расположения, приводятся общие сведения о называемом объекте. Иными словами, здесь объект получает характеристику на основе видимых признаков и имеющейся предметной информации.

Зона лингвокраеведческих сведений (зона ассоциативно-культурного фона – АКФ) содержит сведения об объекте, скрытые от непосредственного наблюдения, а также текстовые иллюстрации. В этой зоне наиболее активно используется материал, полученный в полевых условиях с привлечением большого количества информантов, фамилии которых могут указываться в словарной статье после конкретных текстовых иллюстраций. Объём данной зоны словарных статей может быть различным, в некоторых статьях она может отсутствовать. Это говорит, с одной стороны, о роли и месте называемого объекта в структуре ассоциативно-культурного фона жителей района, а с другой – об утрате знаний, формирующих АКФ онима.

Рассмотрим фрагмент картины мира жителей Шумячского Порубежья, реконструируемый на материалах Словаря. В качестве примера выбрана тематическая группа *Воина*.

В ТГ *Воина* входят наименования трёх типов.

Первые указывают на отнесённость к данной ТГ значением производящего апеллятива.

Оборóнка – место, где во время Бабуличского боя проходила линия обороны Красной Армии: *Илевка – Дубровка – Сергеевка – Холмы – Остёр*;

Окóпы – остатки противотанковых рвов на поле по обе стороны большака Мстиславль – Рославль к западу от деревни *Балахоновка*;

Бра́тская моги́ла – захоронение расстрелянных фашистами евреев на южной окраине *Петрович*, между рекой *Немкой* и кладбищем и т.д.

Наименования второго типа также в основном произошли от нарицательных слов, однако «военное» значение для них не является единственным и для его актуализации вне рамок данного регионального фрагмента картины мира необходим лингвокраеведческий комментарий:

Лагеря́ – лес в километре к северо-востоку от деревни *Тихиль*. · В этом лесу в начале Великой

Отечественной войны располагались части Красной Армии:

Аэродром – место бывшего лётного поля между деревнями *Понятовка* и *Шумовка*. · Аэродром был построен в 1938 году. До этого на этом месте находился авиационный склад. В воздушных боях под *Шумячами* летом 1941 года много самолётов было сбито. Многие лётчики похоронены в братской могиле в Шумячах;

Гётто – улица *Цыганская* в *Шумячах*. Сейчас – улица *Коммунальная*. · Во время оккупации фашисты устроили здесь еврейское гетто. Отсюда людей увезли на расстрел.

К этой группе можно отнести и такие из наименований, которые указывают на военную тему косвенно:

Звезда – место на реке *Смородинка* у деревни *Смородинка-Журковка*, ниже по течению *Бабых купелей*. «Здесь смородинские мальчики приладили у берега доску и прыгали с неё солдатиком в реку. В оккупацию напротив купальни на речной луговине мальчишки сапёрной лопатой и старым лемехом вырезали в круге большую звезду и страшно этому радовались: вот будет лететь наш самолёт, и лётчик увидит нашу звезду. Кругом немцы, а на берегу речки звезда» (Н.В. Журкович).

Берлин – купальня на *Немке* в деревне *Днесино* в сторону *Закриничья*, недалеко от кладбища. «Берег крутой. Место глубокое – более двух метров. Купаться здесь было опасно. Но мальчики всё равно купались, только не в одиночку» (Н.И. Молдаванов). · Символическое название, дано в первые послевоенные годы.

Третий тип наименований характеризуется тем, что в семантике производящих апеллятивов «военная» сема не присутствует. Они включаются в состав рассматриваемой группы на основе содержания АКФ, который в таких случаях носит, как правило, развёрнутый характер, поскольку содержит рассказ о человеке, событии, ситуации и т.д.:

Козьи горы – лес направо от дороги *Студенец – Шумячи*, напротив *Сазонова леса*. · Во время оккупации в Козьих горах фашисты и полицаи расстреливали партизан и жителей района. Здесь был расстрелян бывший председатель Петровического волисполкома Николай Дмитриевич Горбацкий.

Каменногорская дача – большой лес у деревни *Галеевка*, к югу от посёлка *Бор*. · На Каменногорской даче в Великую Отечественную войну в доме колхозницы Крячиной Адарки жили три девушки-парашютистки, заброшенные в тыл. Одна девушка из этой группы жила в деревне *Пнёво-2*. Двух девушек звали Вера и Маруся, имена ещё двух неизвестны. У девушек была рация. Днём

они уходили в лес. Полицейские выследили их, и девушек забрали. Забрали и Адарку и военнопленного Стародворцева Ивана. Всех расстреляли. Похоронены они возле бывшей дороги метрах в семистах к северу от посёлка. Адарка была похоронена в одной могиле с Верой. Зуфтенкову Александру, соседку Адарки, избили так, что ходить она больше не смогла. Умерла, пролежав недвижимо пятнадцать лет (И.И. Ватагин).

Построенный таким образом Словарь в рамках своих возможностей отражает ономастический фрагмент картины мира Шумячского Порубежья глазами её носителей и тем самым даёт представление о некоторых характеристиках языковой личности жителя описываемой территории. Анализ результатов проведённой работы позволяет сделать выводы о взаимоотношениях региональной картины мира и языковой личности её носителей и наблюдаемых в этих отношениях изменениях, которые происходят поэтапно.

Вначале языковая единица (в данном случае – микротопоним) утрачивает свой АКФ. Это происходит в связи с утратой знаний об истории объекта, связанных с ним событиях, людях и т.д. Количество словарных статей в Словаре, в которых отсутствует зона лингвокраеведческих сведений, с достаточной степенью точности говорит об этом процессе. При этом компоненты лингвокультурной ценности онима, заключённые в языковой и предметной его характеристиках, сохраняются.

На следующем этапе утрачивается само имя собственное, заменяясь номенклатурным наименованием. Это происходит, как правило, в связи со сменой поколений: старшее поколение – основной хранитель памяти – по разным причинам (объективным и субъективным) не может передать своё знание дальше. Свою роль на этом этапе играет и внутренняя миграция.

Третий этап – исчезновение самого номинатора, для которого именуемые (микро)топонимами объекты выделяются из ряда однородных. Это происходит в результате превращения традиционной среды обитания номинатора-диалектоносителя (и не только) – деревни – в чисто природный ландшафт. В этом смысле происходящее сегодня можно рассматривать как процесс, обратный тому, что происходило во время освоения и заселения этих территорий нашими предками.

Такое упрощение региональной картины мира не может не отразиться в зеркале региональной языковой личности. Появление и стремительное расширение современной *terra incognita* в лингвокультурологическом отношении означает утрату огромного пласта народной культуры, народной

памяти, столетиями связующей поколения, отвечающей на вопрос *Кто мы?* Сопровождающие этот процесс социальные, экономические, демографические и другие проблемы отнюдь не регионального масштаба – вопрос отдельных исследований. Полностью оценить последствия происходящего предстоит будущему.

Заключение. Выявление и описание ономастического массива, характеризующего данную территорию, с одной стороны, позволяет получить комплексное представление о конкретном региональном фрагменте ономастической картины мира; с другой стороны, зафиксировать и, следовательно, сохранить те особенности жизни, истории и культуры края, которые в значительной степени аккумулированы именно в местных именах и названиях (прежде всего – микротопонимах), исчезающих вместе со стремительным исчезновением деревень и их жителей.

Литература

1. Власкова, М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.В. Власкова. – Киров, 2012. – 23 с.
2. Ганова, С.В. Концептуализация ойконимов в сознании региональной языковой личности: автореф. ... дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.В. Ганова. – Кемерово. – 2013.
3. Крюкова, И.В. Коннотоним и прецедентный оним: соотношение понятий / И.В. Крюкова // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 58–62.
4. Макарова, Е.В. Топонимическая языковая личность (на материале топонимии Алтая): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Макарова. – Барнаул, 2004. – 20 с.
5. Максимчук, Н.А. Шумячское Порубежье в именах и названиях: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю / Н.А. Максимчук. – Смоленск: Маджента, 2012. – 280 с.
6. Маслова, В.А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины / В.А. Маслова, С.В. Николаенко. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. – 164 с.
7. Морковкин, В.В. О базовом лексикографическом знании / В.В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: сборник статей / Под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трупиной. М.: Русский язык, 1986. С. 102–117.
8. Морковкин В.В., Кочнева, Е.М. Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии // EURALEX's Proceedings I – II / Eds.: H. Tommola, K. Varantova, T. Salmi-Tolonen, J. Schoor. Tampere, 1992. – P. 81–87.
9. Отин Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. – Донецк: Донеччина, 1997. – 470 с.
10. Прокофьева, Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Прокофьева. – Барнаул. – 2012. – 21 с.
11. Просвиркина, И.И. Региональное языковое сознание как основа модели региональной языковой личности / И.И. Просвиркина // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. 11. – 2005. – С. 106–107.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'373.21:58:[39:008](=161.3)

Наименования растений в топонимиконе белорусов как составляющая традиционных знаний

Мезенко А.М.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Известно, что уже на самых ранних стадиях развития человечества растения были не только источником питания людей, объектом и предметом хозяйственной деятельности, они служили человеку средством избавления от различных болезней; именно с их помощью люди лечили многие заболевания.

Целительные свойства растений использовались и используются всеми народами мира. За многие годы своего существования людьми найдены и изучены целебные свойства сотен лекарственных растений, способных помочь при том или ином заболевании.

Цель исследования – выявление роли и особенностей функционирования в топонимиконе белорусов наименований растений как составляющей традиционных знаний.

Материал и методы. *Исследование проводилось на основе материалов «Краткого топонимического словаря Белоруссии» В.А. Жучкевича (Минск, 1974). Используются описательный метод (приемы наблюдения, интерпретации, обобщения, классификации), сравнительно-сопоставительный, метод количественной обработки.*

Результаты и их обсуждение. *По предназначению растения, название которого легло в основу наименования географического объекта, все топонимы, мотивированные наименованиями растений, подразделяются на три группы: 1) топонимы, образованные от наименований растений, предназначенных для использования в качестве лекарства; 2) топонимы, образованные от наименований растений, предназначенных для использования в качестве лекарства и в качестве еды; 3) топонимы, образованные от наименований растений, предназначенных для использования в качестве лекарства и для хозяйственных нужд.*

Исследование названий географических объектов, содержащих в своей основе фитонаименования, имеет большое значение для изучения общеупотребительных и территориально закреплённых наименований растений, поскольку именно такие названия часто оказываются этимологически затемнёнными, известными только в составе онимов. Топонимы в этом смысле дают возможность воссоздать физико-географические особенности изучаемой территории, изучить и по возможности использовать культурно-исторический опыт создавшего их народа.

Заключение. *Современный топонимикон белорусов включает заметное количество единиц, образованных от наименований растений и сохраняющих в своих основах информацию не только о самих формах и видах растительности, но и о былых и настоящих возможностях ее использования для лечения, пропитания и хозяйственных нужд, иными словами, для сохранения генетических ресурсов. В топонимию Беларуси оказались вовлечёнными исключительно наименования растений, пригодные для лечения болезней, и именно они выступают одной из составляющих традиционных знаний.*

Ключевые слова: *лекарственные растения, топонимикон, гидронимы, ойконимы, онимы, традиционные знания, фитонаименования.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 131–139)

The Names of Plants in the Toponymicon of Belarusians as a Component of Traditional Knowledge

Mezenko A.M.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

It is known that even in the earliest stages of human development plants were not only a source of human nutrition, an object and a subject of economic activity, they also served humans as means of getting rid of various diseases; it was with their help that people treated many diseases.

Healing properties of plants have been used by all the peoples of the world. For many years of their existence people have discovered and studied the healing properties of hundreds of medicinal plants capable of helping with one or another disease.

The purpose of the research is to identify the role and performance features of the names of plants in the toponymicon of Belarusians as a component of traditional knowledge.

Material and methods. The study was carried out based on materials of the "Brief Toponymic Dictionary of Belarus" by V.A. Zhuchkevich (Minsk, 1974). The methods used were descriptive (observation, interpretation, generalization, classification), contrastive-comparative, and quantitative processing.

Results and their discussion. According to the purpose of the plant, the name of which formed the basis for the name of the geographical object, all toponyms motivated by plant names are divided into three groups: 1) toponyms formed from plant names intended for use as medicine; 2) toponyms formed from plant names intended for use as medicine and as food; 3) toponyms formed from plant names intended for use as medicine and for household needs.

Study of the names of geographical objects containing phyto-names as their basis is of great importance for the study of commonly used and territorially fixed plant names, since such names are often etymologically darkened, known only in the composition of onomes. In this respect toponyms make it possible to recreate physiographical features of the studied territory, to study and, if possible, to use cultural and historical experience of the people who created them.

Conclusion. The modern toponymicon of the Belarusians includes a significant number of units formed from plant names and preserving in their bases information not only about the forms and types of vegetation themselves, but also about the past and present possibilities of its use for treatment, food and economic needs, in other words – for preservation of genetic resources. Only plant names suitable for treatment of diseases appear to have been involved in the toponymy of Belarus, and such names particularly are one of the components of traditional knowledge.

Key words: medicinal plants, toponymicon, hydronyms, oikonims, traditional knowledge, phyto-names.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 131–139)

К помощи лекарственных растений, наделенных самой природой их полезными свойствами и доказавших свою эффективность за время своего существования, кроме народной, нередко прибегает и научная медицина. Современной наукой не только изучается и тщательно проверяется опыт народной медицины, но и пополняется арсенал лечебных средств.

Лекарственными (от лат. *Plantae medicinalis*) в наше время называют обширную группу растений, части которых являются сырьём для получения средств, используемых в народной, медицинской или ветеринарной практике с лечебными или профилактическими целями.

Как свидетельствуют материалы медицинской энциклопедии, растительные лекарственные средства составляют свыше 30% всех лекарственных препаратов, обращающихся на мировом рынке [7].

По данным Международного союза охраны природы (IUCN), к началу 2010 года было описано около 320 тысяч видов растений, из которых лишь одна пятнадцатая часть (21 тысяча видов) используется в медицине [7].

В далекие от нас времена народы, проживавшие на территории современной Беларуси, давая названия освоенным ими географическим объектам, в первую очередь связывали их с особенностями физико-географической среды, в частности с признаками природных явлений, особенностям животного и растительного мира, их хозяйственными функциями, приспособлениями, условиями использования.

Особое место в топонимиконе белорусов (Под топонимиконом вслед за Н.В. Подольской понимаем: 1) словарь или список топонимов, 2) репертуар географических названий [9, с. 132])

принадлежит названиям, мотивированным наименованиями наиболее значимых для человека и коллектива растений. По мнению ономастологов, «актуализация их в языкотворческом акте является не случайной, определенным образом мотивированной, обусловленной социально-психологическими особенностями восприятия мира человеком, уровнем его знаний, нравственной и идеологической ориентацией, характером потребностей и проч. Поэтому во внутренней форме этих производных имен сохранились следы “культурной практики”, корни того коллективно-бессознательного, которое лежит в основе архетипа языка любой культуры» [3, с. 15].

Интерес с точки зрения раскрытия определенных аспектов традиционного знания представляют ойконимы и гидронимы, соотносимые с наименованиями деревьев, кустарников, трав, цветов. Несмотря на то, что названия городов, сел и рек претерпевают в процессе своего развития различные изменения, они тем не менее «несут в себе особые, специфические стереотипные идеи, смыслы и представления...» [11, с. 93-94].

Слово *растительность* в Большой Советской Энциклопедии имеет следующую дефиницию: «совокупность растительных сообществ, или фитоценозов, покрывающих земной шар или отдельные его части» (см.: Т. 36, с. 87). Природный растительный покров территории Беларуси составляет 67% и представлен лесной, луговой, болотной, водной типами растительности и посевами культурных растений. Больше всего лесов на Полоцкой, Полесской и Приднепровской низменностях. В долинах рек стелются заливные луга с сочным травостоем. Верховых болот, питающихся атмосферными осадками, больше на севере республики. На них лесная и моховая ра-

стительность. Растительность низинных болот, питающихся грунтовыми водами и находящихся в основном на Полесской низменности, травяная и кустарниковая. Некоторые растения живут в прибрежной части водоемов, другие – плавают на поверхности воды.

Важно, что в топонимиконе Беларуси нашли отражение названия практически всех перечисленных типов растительности.

Цель исследования состоит в выявлении роли и особенностей функционирования в топонимиконе белорусов наименований растений как составляющей традиционных знаний.

Материал и методы. Исследование проводилось на основе материалов «Краткого топонимического словаря Белоруссии» В.А. Жучкевича (Минск, 1974) и личной картотеки автора. Используются описательный метод (приемы наблюдения, интерпретации, обобщения, классификации), сравнительно-сопоставительный, метод количественной обработки.

Результаты и их обсуждение. Положив в основу классификации экстралингвистический признак – предназначение растения, название которого легло в основу наименования географического объекта, – все топонимы, мотивированные наименованиями растений, можно подразделить на три группы:

1) топонимы, образованные от наименований растений, предназначенных для использования **в качестве лекарства**;

2) топонимы, образованные от наименований растений, предназначенных для использования **в качестве лекарства и в качестве еды**;

3) топонимы, образованные от наименований растений, предназначенных для использования **в качестве лекарства и для хозяйственных нужд**.

По частоте использования в белорусском топонимиконе на первое место выходит вторая группа. Как правило, названием географического объекта становилось наименование лечебного растения, которое могло использоваться не только *в терапевтических, но и в профилактических целях*. Из всех топонимов данной группы, пожалуй, только название села Бельничского района *Пороховка* (бел. *Парахоўка*), соотносимое с апеллятивом *порховка* (гриб дождевик) [5], может быть условно (поскольку грибы – царство живой природы, объединяющее эукариотические организмы, сочетающие в себе некоторые признаки как растений, так и животных) классифицировано как образованное от названия растения, используемого преимущественно в терапевтических целях: с помощью этого гриба можно избавиться от заболеваний почек, гепатита, дисбактериоза. Лечебные свойства дождевика используются в лечении туберкулеза и опухолей [4].

Преобладающее же большинство топонимов анализируемой группы мотивировано наименованиями растений, части которых, кроме пищевых, могут быть использованы и в терапевтических, и в профилактических целях.

Чаще других географическими названиями становились наименования наиболее типичных сельскохозяйственных культур прошлого: *Бобо'вичи* (*Бабо'вічы*), с. Гомельского р-на, *Бобо'вка* (*Бабо'ўка*) – с. Жлобинского р-на, *Бобо'вня* (*Бабо'ўня*) – сс. Копыльского и др. р-нов (*боб* используется в качестве продукта питания; в народной медицине – как противовоспалительное, мочегонное и вяжущее средство); *Бу'шмици* (*Бу'шмічы*) – с. Каменецкого р-на (название образовано от фамилии Бушмиц. Основа сопоставима с термином *бушма* – брюква, которая обладает бактерицидными и противовоспалительными свойствами и сырье которой добавляют в лекарства от рака легких и прямой кишки); *Горо'ховищи* (*Гаро'хавішчы*) – с. Октябрьского р-на, *Горо'ховка* (*Гаро'хаўка*) – с. Бобруйского р-на. *Горо'хово* (*Гаро'хава*) – с. Калинковичского р-на (названия, производные от основы *горох*. В топонимии связаны с фамилиями. Горох всегда был самым популярным из бобовых растений, не требующим сложной кулинарной обработки. Кроме того, давно известны целебные свойства гороха: снижает риск развития онкологических заболеваний, стимулирует процессы регенерации в тканях и органах др.); *Жи'тин* (*Жы'цін*), вар. *Жи'тино* – сс. Жабинковского, Осиповичского и др. р-нов; *Жи'тлин* – с. Ивацевичского р-на; *Жи'тковичи* – г., райцентр Гомельской обл. Названия образованы от основы *ж и т о* – рожь. В топонимии от фамилий. Рожь – это злаковая зерновая культура, которая является уникальным продуктом для правильного диетического питания и в то же время является источником витаминов и минералов, необходимых человеку; лечит, предотвращая камни в желчном пузыре, используется при бессоннице, для лечения радикулита и т.п.

Наименование этой сельскохозяйственной культуры лежит в основе также таких топонимов, как *Аржа'ница* (*Аржа'ніца*, вар. *Аржані'ца*) р., пр. Березовки, сист. Западной Двины; *Роже'вщина* (*Ражэ'ўшчына*) – с. Верхнедвинского р-на; *Ро'жище* (*Ро'жышча*) – с. Осиповичского р-на; *Рожно'е* (*Ро'жнае*) – с. Дрогичинского р-на; *Ро'жно* (*Ро'жна*) – с. Лепельского р-на.

Названия *Ре'пки* (*Рэ'пкі*) – с. Рогаческого р-на; *Ре'пище* (*Рэ'пішча*) – сс. Дятловского, Кличевского, Речицкого и др. р-нов; *Ре'пля* (*Рэ'пля*) – с. Волковысского р-на; *Ре'пники* (*Рэ'пнікі*) – с. Лидского р-на запечатлели еще одну из наиболее типичных сельскохозяйственных культур прошлого – репу, которую на Руси называли вторым хлебом. В наши дни она уже

почти исчезла из обихода, но применяется и в кулинарии, и в народной медицине. Блюда из овоща полезны при сахарном диабете, атеросклерозе, подагре, полиартрите, ожирении, поскольку в состав корнеплода входят вещества, необходимые для поддержания нормальной жизнедеятельности человеческого организма.

Названия **Ма'ковище** (Ма'кавішча) – сс. Каменецкого и Узденского р-нов; **Ма'ковни** (Ма'каўні) – с. Могилевского р-на; **Ма'ковье** (Ма'каўе) – сс. Борисовского, Глубокского, Гомельского р-нов и др., обозначающие места бывших посевов мака, имеют в своих основах корень *мак*, наименование культуры, которая в прошлом занимала гораздо большее место, чем сейчас. Широкое распространение имели маковки, маковое молоко с овсяным киселем, маковая начинка. Мак – не только красивое декоративное растение, но и эффективное лекарственное средство, зрелые семена которого обладают многими полезными свойствами, в частности способствуют сопротивляемости организма раковым клеткам различной этиологии, обладают сильным снотворным эффектом и др.

От имени зерновой культуры *ячменя*, о лечебных и полезных свойствах зерен которого известно очень давно (установлено, что отвары на ячменной основе обеспечивают смягчающее, спазмолитическое, противовоспалительное и общеукрепляющее действие), образованы названия **Я'чево** (Я'чава) – с. Слуцкого р-на; **Я'ченка** (Я'чанка) – с. узденского р-на; **Я'чное** (Я'чнае) – сс. Калинковичского, Логойского и др. р-нов; **Ячме'нишки** (Ячме'нішкі) – с. Браславского р-на.

В качестве основ оставили свои следы в топонимии и наименования травянистых растений, в том числе и сорных, части которых применяются для лечения и для еды. Например, имя реки, притока Сожа системы Днепра лежит в основе названий села **Ло'бжа** (Ло'бжа) Климовичского р-на и села Чериковского р-на, также реки, притока Сожа системы Днепра **Ло'бча**. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев считают названия балтийскими; В.А. Жучкевич видит все основания наблюдать в них трансформацию от славянского *лебеда*, древнерусского л о б о д а (растение) [5, с. 205]. Пользуясь особой популярностью в вегетарианской кухне (овощные супы, щи, пюре, котлеты, хлеб надолго сохраняют чувство сытости за счет богатого содержания белка в растениях), лебеда используется при болезнях печени; в лечении заболеваний легких; при патологии мочевыделительных органов; при ушибах (уменьшает отечность, боль и воспаление); при воспалении суставов; для нормализации работы сердца и профилактики инфаркта миокарда.

По мнению В.А. Жучкевича, не исключена возможность связи с основой *лебеда* (расте-

ние) названий сел **Лебеди'нец** (Лебядзі'нец) Шарковщинского р-на; **Лебе'дники** (Лябе'днікі) Бельничского р-на; притока Немана **Лебёдка** (Лябёдка) [5, с. 197].

В основе названий реки, притока Березины Днепровской, Днепра, Ведрича, сел **Крапи'венка** (Крапі'венка), **Крапи'вна** (Крапі'ўна), **Крапи'вники** (Крапі'ўнікі) Шарковщинского р-на; **Крапи'вница** (Крапі'ўніца) – Свислочского р-на; **Крапи'вно (е)** (Крапі'ўна (е)) – Оршанского р-на – название растения крапивы, которое используется в пищу и способно в целом оказывать укрепляющее свойство на иммунитет человека – противостоять вирусам и бактериям, внешним неблагоприятным факторам, кислородной недостаточности. Витамин К наделяет траву способностью останавливать кровотечения, улучшать свертываемость крови, интенсивнее заживлять раны.

Топонимы **Укро'пово** (Укро'пава) (село Молодечненского р-на), **Укропя'нка** (Украпя'нка) (село Сморгонского р-на) содержат в своем составе одну и ту же основу *укроп*, называющую растение-приправу и в то же время используется в традиционной и нетрадиционной медицине; служит антиоксидантом; обладает обеззараживающими свойствами; способствует устранению зуда; снимает усталость глаз; успокаивает нервную систему.

Производящей для ряда белорусских топонимов стала основа наименования растения *папоротник*: см. **Па'поротки** (Па'параткі) – с. Краснопольского р-на; **Па'поротная** (Па'паратная) – с. Костюковичского р-на; **Па'поротно** (Па'паратна) – с. Витебского р-на; **Па'поротное** (Па'паратнае) – с. Жлобинского р-на. Во многих разновидностях этого растения содержится белок, который по своему составу и свойствам близок к показателям этого вещества в зерновых культурах. Поэтому он легко усваивается человеческим организмом. Известно, что растение входит в рацион жителей Дальнего Востока, Кореи и Японии. По данным медиков, употребление его в пищу способствует правильному формированию скелета, нормализует обмен веществ, приводит в норму нервную систему, повышает работоспособность человека, выводит из организма радионуклиды, улучшает работу эндокринной системы.

В основе более десятка топонимов – **Хме'левка** (Хме'леўка) – сс. Минского, Толочинского и др. р-нов; **Хме'лино** (Хме'ліна) – с. Рогачевского р-на; **Хме'лище** (Хме'лішча) – с. Малопрітского р-на; **Хмельни'к** (Хмяльні'к) – сс. Бешенковичского и Городокского р-нов; **Хмельница** (Хмяльні'ца) – с. Слонимского р-на; **Хмельно'е** (Хмяльно'е, вар. Хмяляве'ц) – с. Жлобинского р-на; **Хме'лево** (Хме'лева) – с. Жабинковского р-на; **Хме'лёвщина** (Хмяле'ўшчына) – с. Докшицкого р-на; **Хмельни'цкое** (Хмяльні'цкае) – сс. Браславского и Шумилинского р-нов – название растения *хмель*.

И это неслучайно: используя для приготовления различных блюд, напитков и выпечки, *хмель* давно применяют в народной медицине, и основное его свойство – это успокаивающее и болеутоляющее. Его рекомендуют использовать при гастрите, заболеваниях мочевого пузыря и почек, переутомлениях и неврозах. Из цветков хмеля готовят отвар, который применяют при раке желудка, легких и отеках. Настой из хмеля помогает при лечении простуды, водянки, малярии и ухудшении зрения. Вероятно, поэтому наименование этого растения стало основой для многочисленных топонимов.

Топонимы нередко хранят в качестве своих основ наименования плодов определенных деревьев. Так, например, гидронимы *Орехи* (*Арэхі*), *Ореховое* (*Арэхавое*), *Ореховно* (*Арэхавуна*) в Городокском районе, а также ойконимы Борисовского и Мядельского районов *Лецины* (*Ляшчыны*), *Лецинск* (*Ляшчынск*) в своих основах содержат бывшие апеллятивы *орех*, *лещина*, обозначающие богатые белком и другими полезными питательными веществами плоды этих кустарников, широко применяемые в народной медицине для лечения атеросклероза, варикоза, малярии, простотита, гипертонии, заболеваний почек, рахита, а также для профилактики и повышения иммунитета, укрепления мышц. К их числу следует отнести названия реки и притоков Прони, Беседы системы Сожа, сел Горецкого, Жлобинского, Славгородского и других районов *Ректа* (*Рэкта*), также с. *Рекотка* (*Рэкатка*), реки и притока Днепра *Рекотун* (*Ракатун*), с. *Рекста* (*Рэкта*) Лидского, Зельвенского и других районов, в которых В.Н. Топоров и О.Н. Трубаев предполагали основы, близкие к латышскому *riekstis* – орех [10].

Несмотря на то, что для лечения и профилактики заболеваний с древности применяют не только желуди, но и кору, листья, ветки дуба, среди названий географических объектов закрепилось прежде всего наименование плода дуба – жёлудя, см.: **Желудо'к** (*Жалудо'к*) – г.п. Щучинского р-на (в некоторых документах Жолудок). И это объяснимо: у желудя уникальные кулинарные свойства, в качестве продукта питания и лечебного средства он был известен еще 5000 лет назад.

Из плодов садовых деревьев в белорусском топонимике не нашли отражение лишь три. Так, название села Крупского р-на **Игру'шка** (*Игру'шка*) содержит в своей основе наименование древесной породы и включает в состав начальное и протетическое. Плоды груши – продукт питания, который, благодаря входящим в его состав эфирным маслам, укрепляет иммунитет, борется с инфекциями и воспалениями и даже способствует выходу из депрессии. Название села Мозырского р-на **Мирабе'ли** (*Мирабе'лі*) соотносится с наименованием желтоплодного сорта мелкой сли-

вы, растения, плоды которого, кроме прекрасных вкусовых качеств, обладают и великолепными лечебными свойствами, заключающимися в высоком содержании в его составе необходимых витаминов, макро- и микроэлементов. Названия же реки, озера, городского поселка Шумилинского р-на **О'боль** (*О'баль*), села Городокского р-на; сел **Оболя'нка**, **Обо'льцы**, **Оболя'ны** Браславского р-на являются производными от литовской основы *obelis* – яблоня, плоды которой – это кладезь витаминов группы В, витаминов Е и С.

Менее представлены топонимы данной группы, образованные от наименований ягод. К ним относятся названия **Гарбузы'** (*Гарбузы'*) – с. Дзержинского р-на (являясь ягодой, применяемой в пищу, арбуз используется для очистки печени и оказывает вспомогательное действие в борьбе с разными заболеваниями); **Черни'ца** (*Чарні'ца*), вар. **Черни'цы** – реки, притоки Плиссы, Цны, Березины Днепроvской и др., также села Докшицкого, Лепельского и других районов; **Черни'чное** (*Чарні'чнае*) – с. Копыльского р-на, в основе которых название ягоды *ч е р н и к и* (по-белорусски *чарніцы*), обладающей противогрибковыми свойствами, полезной при гиповитаминозе, а также насыщающей организм полезными питательными фитонутриентами, необходимыми для повышения иммунитета.

В.А. Жучкевич не исключает возможности связи топонимов **Брусы'** (*Брусы'*) – села Мядельского р-на; **Бруся'та** (*Бруся'та*) – реки, притока Березины системы Днепра, с устаревшим названием ягоды *брусы* (брусники) [5, с. 38], помогающей предотвращать ряд недугов.

Еще реже названиями географических объектов становились наименования грибов. Например, в основе топонимов **Оба'бье** (*Аба'б'е*) – озера и села Браславского р-на – название гриба подберезовика *обабок*, у которого отмечают антиоксидантную активность, а также положительное воздействие на слизистые оболочки и кожу. Поскольку в подберезовике немало фосфорной кислоты, его считают ценным продуктом для опорно-двигательной системы.

Не менее многочисленны топонимы, образованные от наименований растений, используемых исключительно в лечебных целях.

Заметной особенностью единиц данной группы является их мотивация наименованиями травы. Как свидетельствует проведенный анализ, топонимами становились прежде всего наименования трав, препараты из которых характеризуются следующими свойствами: *противовоспалительными, антисептическими и ранозаживляющими*

Так, названия реки, являющейся притоком Бобра **Осо'ка** (*Асо'ка*), также села в Пуховичском р-не повторяют наименование растения осоки,

которое с незапамятных времен используется в качестве противовоспалительного, смягчающего, откашливающего, налаживающего обмен веществ, а также общеукрепляющего средства. И сейчас это растение пользуется популярностью в народной медицине.

В основе названия сел **Ру'та** (Ру'та) Кареличского и **Руть** (Руть) Чашникского р-нов – наименование многолетнего травянистого растения руты, являющегося противовоспалительным средством, отвары и настои из которого оказывают антибактериальное воздействие на организм, используется как общеукрепляющее и тонизирующее средство.

Топоним **Трипу'тня** (Трипу'тня) Круглянского р-на является производным от имени растения *трипутник*, которое обладает яркими ранозаживляющими свойствами.

Названия сел **Хво'шно** (Хво'шна) Городокского, Хвощёво (Хвашчо'ва) Глубокского и Лепельского р-нов, Хвощёвка (Хвашчо'ўка) Хойникского районов имеют в своем составе основу *хвош*, наименование растения, препараты из которого характеризуются большим спектром положительных действий: противомикробным, кровоостанавливающим, противоглистным, мочегонным, спазмолитическим, вяжущим, отхаркивающим, антисептическим, общеукрепляющим, ранозаживляющим.

По мнению В.А. Жучкевича, как производное от наименования лекарственного растения сокирки можно рассматривать и названия сел Ивьевского и Островецкого районов **Кирве'ли** (Кирве'лі) / варианты Ки'рвели, Керве'ли, Карве'ли, восходящие к основебалтийского происхождения *kirveliai* [5, с. 158];

болеутоляющими и успокаивающими

Топонимы **Конопе'лька** (Канапе'лька) – с. Лельчицкого р-на; **Конопе'льчицы** (Канапе'льчыцы) – с. Толочинского р-на; **Конопля'ца** (Канаплі'ца) – с. Рогачевского р-на; **Конопля'нўіна** (Канапля'ншчына) – сс. Браславского и Глубокского р-нов содержат в своей основе наименование сельскохозяйственной культуры конопля – растения, наделенного достаточно мощным болеутоляющим действием и используемого для лечения огромного количества различных заболеваний.

В основе топонима **Кукли'** (Куклі') Вороновского р-на; **Ку'кличи** (Ку'клічы) Свислочского и Чечерского р-нов; **Кукля'ны** (Кукля'ны) Поставского р-на; **Ку'колевка** (Ку'калеўка) Червенского р-на – название растения куколя, используемого в народной медицине в качестве снотворного и ранозаживляющего средства *при онкологических заболеваниях*

Например, как свидетельствуют исторические источники [1, с. 2], топоним Вихра' (Віхра',

варианты Ве'хра (Вяхра'), служащий для названия реки, являющейся притоком Сожа, система Днепра), в XV в. имел форму Вехра [1, с. 2], что дало основание В.А. Жучкевичу, в отличие от В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева, сопоставлять название не с основой *вихрь, вихра* [10, с. 217], а с более ранней формой Вехра; с учетом этого название становится сопоставимым с именем зонтичного растения *вех* или *вехар* (цикута), образующего заросли вдоль русел рек и применяемым издавна в народной медицине для лечения онкологических болезней;

при нарушениях обмена веществ и борьбе с аллергией

Названия сел **Во'лчин** (Во'ўчын) Каменецкого р-на; **Волчки'** (Ваўчкі') Вилейского, Глубокского и др. р-нов; **Во'лчковичи** (Во'ўчкавічы) Минского р-на имеют одну и ту же основу – *волк*, но происхождение их различно: от фамилий (Волчки, Волчкович), которые могли соотноситься с прозвищами, образованными непосредственно от названия животного, но чаще от зарослей череды (по-белорусски *ваўчки*). Трава череда обладает противовоспалительным, противоаллергическим действием, является кровоочистительным средством благодаря наличию большого количества биологически активных веществ, поэтому широко применяется при кожных заболеваниях, различных формах диатеза, сопровождающихся сыпью аллергического характера, особенно у детей, фурункулезе, ею лечат нейродермиты, экземы, псориаз, себорею головы.

Приведенная классификация крайне условна, поскольку препараты, приготовленные из большинства трав, имеют очень широкий спектр действия.

Это замечание относится и к наименованиям кустарников, ставших основами топонимов. Препараты из них могут использоваться как *противовоспалительное, дезинфицирующее, противовирусное средство*

Так, в основах названий сел **Круши'нка** (Крушы'нка) Бобруйского, **Кру'шино** (Кру'шына) Столинского, **Круши'новка** (Крушы'наўка) Рогачевского, **Кру'шники** (Кру'шнікі) Мозырского и Солигорского р-нов – наименование растения крушины, ягоды и кора которой используются как в традиционной, так и в народной медицине. Всем известно ее антибактериальное действие, экспериментально доказано наличие противовирусного эффекта.

С термином *олешня*, обозначающим ольховую поросль, связано происхождение топонимов **Оле'шники** (Але'шнікі) Логойского и **Оле'шня** (Але'шня) Рогачевского р-нов. Препараты из ольхи обладают противовоспалительным, вяжущим и дезинфицирующим свойствами, которые издавна используют в народной медицине. Ле-

тучие фитонциды коры и листьев ольхи, как известно, губительно действуют на некоторые виды простейших:

при заболеваниях дыхательной системы

От устаревшего названия осинового порося – *осьё* – образованы топонимы **Осьё** (Ассё) Лепельского и Чашникского р-нов; **О'сники** (Во'сьнікі) – Гродненского р-на. Благодаря целебным свойствам почек, коры, листьев, осина стала отличным помощником в терапии множества заболеваний, в том числе воспаления легких, туберкулеза, язв, геморроя, зубной боли, ожогов, проблем желудочно-кишечного тракта, депрессии, болезней кожи.

В основе топонимов Логойского, Глусского, Смолевичского и других районов **Кольо'га** (Калю'га), по мнению В.А. Жучкевича, – название-термин со смысловым значением «котловина, пониженное переувлажненное место, реке колея». «В прошлом, пишет автор в “Кратком топонимическом словаре Белоруссии”, примерно то же смысловое значение имели слова *к а л у г а*, *к о л у ж а*. Слова изредка встречаются и в современном языке (в Центральном Полесье и Днепровско-Березинском междуречье). От термина *к о л ю г а* или *к а л у г а* происходит и название растения *к а л у ж н и ц ы*; *к а л у ж а* – также один из видов ивы, идущей на производство корзин» [5, с. 169]. Растение широко используется в медицине, поскольку помогает при заболеваниях дыхательной системы (астме, коклюше, лихорадке, бронхите), имеет болеутоляющие, мочегонные, противовоспалительные и противосудорожные, сильные антибактериальные свойства.

Основы топонимов **Раки'тинка** (Раки'цінка) Мстиславского, **Раки'тница** (Раки'тніца) Жабинковского, **Раки'тно** (Раки'тна) Лунинецкого, **Раки'товщина** (Раки'таўшчына) Докшицкого, **Раки'ты** (Раки'ты) Поставского р-нов так или иначе (непосредственно или через антропонимию) связаны с наименованием растений *раkitник* и *раkitа*, широко применяемым в народной медицине как действенное средство от сильного кашля, их рекомендуют употреблять при бронхиальной астме. Поскольку биологически активные вещества, входящие в состав раkitника, способны стимулировать сердечную мышцу, отвары и настои растения пьют и в качестве кардиотонического средства;

при болях сердца

Растение *калины* оставило свой след в топонимии края: **Кали'новая** (Кали'навая) – сс. Мёрского р-на (до 1964 г. – Блошники) и Могилевского (до 1964 г. Требухи) р-нов, **Кали'новка** (Кали'наўка) – сс. Житковичского, Дубровенского, Гомельского и других р-нов. Ягоды *калины* красной и обыкновенной полезны для сердца;

для лечения раковых заболеваний

Например, в основе топонима **Ильмо'вики** (Ильмо'вікі) Мёрского р-на – наименование растения *ильм*, *ильмовик* – заросли ильма. Известно, что рецепты из коры ильма для лечения **раковых заболеваний, кровотечений, пролежней** присутствуют в народной медицине разных народов, в том числе и белорусов.

Названия реки и озера в Витебском районе **Серокоро'тня** (Серакаро'тня) образованы от диалектного имени древесной породы серокорь (вид тополя – *Populus nigra*), то же, что и осокорь. Почки чёрного тополя очень богаты биологически активными веществами, обладающими бактерицидными, противовоспалительными, антиаллергическими, мочегонными, болеутоляющими и антисептическими свойствами.

В народной медицине настойку и экстракт почек рекомендуют принимать внутрь при злокачественных опухолях, туберкулёзе, ревматизме, подагре, цинге, ишиасе, перемежающейся лихорадке, заболеваниях мочевого пузыря.

В топонимии Беларуси непосредственно или через антропонимию нашли отражение и мальвоцветные.

Так, в Логойском районе зарегистрирован топоним **Калачи'** (Калачы'), который через фамилию [2, с. 171] связан с именем растения *калач* (*Alchemilla L.*). В народной медицине настой цветков или листьев этого растения назначают при простудных заболеваниях, поносах, воспалительных процессах в желудке, кишечнике и в дыхательных путях.

Кроме указанных, в топонимии Беларуси нашли отражение также растения, предназначенные для использования **в качестве лекарства и для хозяйственных нужд.**

Наименования растений, ставших основами топонимов, обладают целым рядом хозяйственно ценных биологических свойств, что обуславливает их широкое применение в строительстве, промышленности, сельском хозяйстве в качестве: а) материала – строительного, теплоизоляционного, упаковочного, дизайнерского, кулинарного и т.д.; б) топлива; в) удобрения; г) корма для скота.

По частоте использования в топонимии первую позицию занимают единицы группы а). Топонимы в своих основах сохраняют богатую информацию о тех растениях, которые не только помогают избавиться от определенных недугов, но пригодны

в строительстве

Так, основах гидронимов и ойконимов **Сосни'ца** (Сасні'ца) – реки, притока Березины Днепровской и Западной Двины; **Сосно'вка** (Сасно'ўка) – р., приток Остера, сист. Сожа; **Со'сны** (Со'сны) – сс. Любанского и Минского р-нов; **Чёрная Сосна'** (Чорная Сасна') – с. Мстиславского р-на; **Соснеги'** (Саснягі') –

с. Лепельского р-на; **Со'сница** (Со'сница) – с. Полоцкого р-на; **Сосно'вица** (Сасно'вица) – с. Краснопольского р-на; **Сосно'вщина** (Сасно'ўшчына) – вар. Со'сенка, с. Вилейского р-на; **Сосно'вка** (Сасно'ўка) – сс. Витебского, Глубокского и др. р-нов; **Сосня'ны** (Сасня'ны) – с. Бешенковичского р-на. – название дерева *сосна*; топонимы **Хво'йна** (Хво'йна) – с. Петриковского р-на; **Хво'йно** (Хво'йна) – с. Могилевского р-на; **Хво'ево** (Хво'ева) – с. Несвижского р-на; **Хвое'нск** (Хвае'ск) – с. Житковичского р-на; **Хво'йники** (Хво'йнікі) – с. Червенского р-на; **Хво'йница** (Хво'йніца) – с. Кировского р-на; **Хво'йное** (Хво'йнае) – с. Хойникского р-на; **Хо'йники** (Хо'йнікі) – г., райцентр Гомельской обл.; **Хо'йно** (Хо'йна) – с. Пинского р-на образованы от белорусского названия сосны – *хвоя*, *хвойник*; топонимы **Я'сень** (Я'сень) – сс. Осиповичского, Пружанского и др. Р-нов; **Я'сени** (Я'сені) – с. Брагинского р-на; **Я'сенка** (Я'сенка) – с. Краснопольского р-на; **Ясене'ц** (Ясяне'ц) – р., пр. Словечны, сист. Припяти, также сс. Барановичского, Ганцевичского и др. р-нов; **Я'сеновка** (Я'сенаўка) – с. Каменецкого р-на. содержат в основе название древесной породы – *ясень*; предположительно к балтийской основе наименования этого же дерева *ohsis*, *ūosis* – 'ясень' относит В.А. Жучкевич и топонимы **Уса'** (Уса') – вариант Усса' – р., пр. Березины и Немана, также сс. Дзержинского и Узденского р-нов [5, с. 385]. Все обозначаемые данными основами дерева находят самое широкое применение в строительстве; кроме того, вещества, содержащиеся в сосне и ясене, наделяют их массой целебных свойств. Препараты из этих растений способствуют лечению многих болезней;

в промышленности и народных промыслах

Так, в основах гидронима **Стру'сто** (Стру'ста) – оз. в Браславском р-не, – образованного отлитовской основы *strūstas* – 'тростник'; **Едли'н** (Ядли'н) – с. Пуховичского р-на; **Едлино'** (Ядлино') – с. Березинского р-на; **Едло'вичи** (Ядло'вічы) – с. Браславского р-на, образованного от белорусского названия растения можжевельника – *едла*, *ядловец*, хранятся наименования растений, используемых при изготовлении картона, бумаги, карандашей.

В основах ойконимов **Черетя'нка** (Чараця'нка) – сс. Гомельского и Житковичского р-нов, образованных от белорусской основы *ч а р о т* (камыш – *Scirpus*L.); **Шелохо'во** (Шалахо'ва) – оз. в Лёзненском р-не, производное от слова *шелохы* – 'камыш', – наименования растений, используемые для плетения различных изделий, в том числе хозяйственных сумок, корзин, циновок, ковриков, а также для декоративной отделки плетёных изделий из лозы.

Основу топонимов Горецкого, Сенненского и других р-нов **Ря'сна** (Ра'сна) В.А. Жучкевич со-

относит с белорусским названием растения *росянки* – *рясна* (*Drosera*L.), которое используется в кулинарии [5, с. 331]:

для теплоизоляции и упаковки

Например, в качестве теплоизоляционного, упаковочного материала используются стебли озерного камыша, основа белорусскоязычного наименования которого – *чарот* – зафиксирована в топониме **Чаро'т** (Чаро'т) Буда-Кошелевского р-на;

для оформления альпинариев и других дизайнерских проектов

Наименование дерева осокоря (*Populus nigra*L.), характеризующегося широким применением в озеленении населенных пунктов, лесном хозяйстве, защитном лесоразведении, рекультивации нарушенных ландшафтов, а также в медицинских целях, усматривает В.А. Жучкевич в основе топонима **Ясоко'рь** (Ясако'р) Буда-Кошелевского р-на [5, с. 420]. При этом проблематичным представляется соотнесение названным ученым топонимов **Крупа'** (Крупа'), **Кру'пец** (Кру'пец), **Круп'ца**, **Кру'пкис** основой названия растения *крупка* (*Dryaba*L.), используемого как почвопокровное, а также для оформления альпинариев.

Не только наименования растений, используемых в качестве строительного, промышленного материалов, но также наименования растений, применяемых для корма животных, могли быть положены в основу топонимов: так, топонимы **То'поль** (То'паль) – с. Березинского р-на; **Топол'ішки** (Тапал'ішкі, вар. Тапо'лішкі) – с. Щучинского р-на – в основе имеют название дерева *тополь*, побеги с листьями которого служат веточным кормом для скота. В основе топонимов **Костри'ца** (Ко'стрыца, вар. Кастры'ца), вар. Ко'стрицы – сс. Борисовского, Лепельского и др. р-нов; **Ко'стричи** (Ко'стрычы) – с. Кировского р-на; **Ко'стричка** (Ко'стрычка) – р., пр. Ольсы, сист. Березины Днепроvской – название травянистого растения *кострица* (*Festuca*), довольно часто встречающегося в лесах и на лугах, большая часть видов которого относится к кормовым растениям. Кострица луговая и кострица тростниковая используются также для устройства газонов.

Топонимы **Смилги'** (Смілгі') – с. Островецкого р-на; **Смилги'ни** (Смілгі'ні) – с. Вороновского р-на, – имеющие отантропонимное происхождение, образовались путем трансонимизации фамилии, являющейся производным от балтийской основы *smilga* – 'мятлик' (*Poa*L.), растения, являющегося сенокосным или пастбищным кормовым. Считается лучшей травой для свиней и птиц.

Информацию о возможности использования определенного растения в качестве топлива сохраняют такие названия географических объектов, как **Усо'мля** (У'самля) –

оз. и с. Полоцкого р-на; Уса'я (Уса'я) – оз. и с. Ушачского р-на. По данным белорусских топонимистов, названия даны по имени растения *усяя*, *усоми* – ‘русалкины волосы’ (*HydrillaRich.*) [5, с. 386], которое с успехом используется для удобрения полей и огородов, а также для корма некоторых домашних животных, в частности свиней; **Химы'** (Хі'мы) – сс. Бобруйского, Рогачевского и Оршанского р-нов; Химно'е (Хі'мнае) – с. Осиповичского р-на; Химе'ц (Хіме'ц) – с. Толочинского р-на. Названия также балтийского происхождения от основы *kiminas* – мох. Мхи после отмирания дают залежи торфа, который используется как топливо или удобрение.

Топонимы, отразившие наименования растений или их частей, достаточно часто *используемые для удобрения* грунта, также имеются в топонимиконе белорусов. К ним можно причислить гидронимы **Боти'вля** (Баты'ўля) – р., пр. Словечны, сист. Припяти и **Бо'тча** (Бо'тча) – р., пр. Свислочи, сист. Березины Днепровской, соотносимые с основой *ботва* – зеленая часть растения.

Заключение. Таким образом, исследование названий географических объектов, содержащих в своей основе фитонаименования, имеет большое значение для изучения общеупотребительных и территориально закреплённых наименований растений, поскольку именно такие названия часто оказываются этимологически затемненными, известными только в составе онимов. Топонимы в этом смысле дают возможность воссоздать физико-географические особенности изучаемой территории, изучить и по возможности использовать культурно-исторический опыт создавшего их народа.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала свидетельствует, что современный топонимикон белорусов включает заметное количество единиц, образованных от наименований растений и сохраняющих в своих основах информацию не только о самих формах и видах растительности, но и о былых и настоящих возможностях ее использования для лечения, пропитания и хозяйственных нужд, иными словами, для сохранения генетических ресурсов.

Нельзя не обратить внимания на то, что в топонимии Беларуси оказались вовлеченными исключительно наименования растений, пригодные

для лечения болезней, и именно они выступают одной из составляющих традиционных знаний.

Изучение топонимикона белорусов свидетельствует о том, что в названиях географических объектов исследуемой территории отразились наиболее значимые для человека и коллектива растения, лечебный и хозяйственный опыт населения, культура белорусского народа и его соседей.

Литература

1. Белорусский архив древних грамот. – СПб, 1824.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія / М.В. Бірыла. – Мінск, 1969. – 508 с.
3. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
4. Гриб порховка // Режим доступа: <http://xcook.info/product/grib-porhovka.html>. – Дата доступа: 18.07.2018.
5. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд. БГУ, 1974. – 448 с.
6. Лекарственные растения // Режим доступа : <http://www.medical-enc.ru>. – Дата доступа 16.07.2018.
7. Лекарственные растения // Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 15.07.2018.
8. Осока: применение в народной медицине // Режим доступа : <http://agronomwiki.ru/osoka-primenenie-v-narodnoj-medicine.html>. – Дата доступа 25.07.2018.
9. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
10. Топоров, В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. – М., 1962. – 271 с.
11. Щербак, А.С. Особенности картографирования ономастической лексики (на материале Тамбовской области) / А.С. Щербак // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / ин-т лингв.исслед. – СПб., 2006. – С. 92-100.

Принятые сокращения

- г. – город;
г.п. – городской посёлок;
др. – другие, другое;
ж.-д.ст. – железнодорожная станция;
оз. – озеро;
пр. – приток;
р. – река;
р-н, р-на, р-нов – район, района, районов;
с. – сельское поселение, в том числе деревня, село, хутор.
сс. – то же, множественное число;
сист. – система (реки).

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.161.1'37

«Той России нету, как и той меня»

Муратова Е.Ю.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье дается краткая характеристика Серебряного века русской поэзии. Главное внимание уделено духовным исканиям русской творческой интеллигенции в эмиграции 20-30-х годов XX века. Показывается, что мрачная тональность окрасила в начале двадцатых творения самых разных художников - в поэзии и прозе, в театре и изобразительном искусстве. Подробно анализируется стихотворение В. Набокова «Поэты», написанное автором сразу после смерти В. Ходасевича. Описывается история его создания. Стихотворение представляет собой философские рассуждения поэта о жизни и смерти, об одиночестве творца, о вечной проблеме противопоставления поэта и всех, об оторванности целого поколения от своей родины. Анализируются аллюзии со стихотворением Н. Гумилева «Городок», В. Ходасевича «Зарница» и «Путем зерна».

Ключевые слова: поэт, родина, жизнь, смерть, молчание.

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 140–143)

“There is no Russia Like That, Neither Me”

Muratova E.Y.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The article gives a brief description of the Silver Age of Russian poetry. The main focus is placed on the spiritual quest of the Russian creative intelligentsia in the emigration of the 20s-30s of the 20th century. It is shown that in the early twenties gloomy tonality permeated the works of various artists - in poetry and prose, in the theater and visual arts. V. Nabokov's poem “Poets” written by the author shortly after the death of V. Khodasevich is analyzed in detail. The history of its creation is given. The poem is a philosophical reasoning of the poet about life and death, about the loneliness of the creator, about the eternal problem of the poet's opposition to all, about the isolation of the whole generation from their homeland. Allusions with N. Gumilyov's poem “The Town”, V. Khodasevich's “Zarnitsa” and “The Way of Grain” are analyzed.

Key words: poet, motherland, life, death, silence.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 27. — P. 140–143)

У каждого поколения существует свое время, неповторимое, уникальное, не похожее ни на какое другое, со своими героями, идеями, открытиями, со своими судьбоносными ориентирами, со своими путями и распутьями. Таков Серебряный век русской литературы, и в первую очередь – Серебряный век русской поэзии. «Серебряный век вряд ли может быть обозначен чьим-либо одним именем: выражения типа «горьковский период» или «блоковская плеяда» здесь решительно невозможны. Особенность века состояла в том, что его ореол создавали самые разные писатели, нередко полярно различные по своим творческим принципам, по направленности таланта, жесточайшим образом друг с другом полемизировавшие. Но всех их объединяло одно, главное: осознание своей эпохи как совершенно особой, выходящей за пределы того, что было прежде, в девятнадцатом

веке в первую очередь, и одновременно с этим – деятельное, действительное отношение к этой эпохе и ее проблемам» [1].

Материалы и методы. Русская поэзия Серебряного века, стихотворение В. Набокова «Поэты». Использовался описательный метод и метод филологического анализа поэтического текста.

Результаты и их обсуждение. Серебряный век – это А. Блок, В. Маяковский, А. Ахматова, В. Брюсов, О. Мандельштам, С. Есенин и т.д. Но это и наша русская эмиграция, оторванная после 1917 г. от своей родины: З. Гиппиус, Д. Мережковский, Вл. Ходасевич, В. Набоков, М. Цветаева, А. Ремизов и др.

Те, кто остались (А. Ахматова, В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пастернак, И. Бабель, А. Платонов, О. Мандельштам, Е. Замятин, М. Булгаков и многие другие) и те, кто вернулись, как например, Марина Цветаева, возвратившаяся в Советский

Союз в 1939 году и покончившая жизнь самоубийством 31 августа 1941 года, пережили страшное время – бытовое и бытийное – в своей жизни, «когда вместе с любимыми остатками духовной независимости советских людей докорчевывались последние люди, прикасавшиеся к «серебряному веку». Это их загоняли в камеры струями из брандспойтов, их избивали, доводили до умопомешательства и петли, кидали в телячьи вагоны и везли в Магадан, Караганду, в город Свободный...» [2].

А что такое русский Серебряный век в Берлине, а позже в Париже? Проблемой эмиграции, отторженности от родины, тоски по ней «пропитана» русская литература нескольких послереволюционных десятилетий. Владислав Ходасевич писал:

Вам – под ярмо ль подставить выю
Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке.
Или горькие слова Игоря Северянина:
От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Другими, не нами, без нас...

««Родина не есть условность территории, – писала М. Цветаева, – а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью» [3].

В модусе Серебряного века, в модусе духовных страданий и исканий русской творческой интеллигенции, в модусе их любви к России, «которой нет», мы хотим рассмотреть стихотворение Владимира Набокова «Поэты».

Стихотворение написано Владимиром Набоковым в 1939 году. Это был нелёгкий для поэта год. Весной он потерял мать, а летом пережил смерть Владислава Ходасевича, которого считал одним из лучших поэтов современности. Стихотворение было опубликовано в русском парижском журнале «Современные записки» под псевдонимом Василий Шишков и произвело среди русского общества в Париже неизгладимое впечатление. Лишь позже из рассказа самого же В. Набокова «Василий Шишков» стало известно, кто автор стихотворения «Поэты».

*Из комнаты в сени свеча переходит
и гаснет... плывёт отпечаток в глазах,
пока очертаний своих не находит
беззвездная ночь в тёмно-синих ветвях.*

Пора, мы уходим: ещё молодые,
со списком ещё не приснившихся снов,
с последним, чуть зримым сияньем России
на фосфорных рифмах последних стихов.

А мы ведь, поди, вдохновение знали,
нам жить бы, казалось, и книгам расти,
но музы безродные нас доконали, –
и ныне пора нам из мира уйти.

И не потому, что боимся обидеть
своею свободою добрых людей...
Нам просто пора, да и лучше не видеть
всего, что сокрыто от прочих очей:

не видеть всей муки и прелести мира,
окна в отдаленье, поймавшего луч,
лунатиков смиренных в солдатских мундирах,
высокого неба, внимательных туч;

красы, укоризны; детей малолетних,
играющих в прятки вокруг и внутри
уборной, кружащейся в сумерках летних;
красы, укоризны вечерней зари;

всего, что томит, обвивается, ранит:
рыдания рекламы на том берегу,
текучих её изумрудов в тумане, –
всего, что сказать я уже не могу.

Сейчас переходим с порога мирского
в ту область... как хочешь её назови:
пустыня ли, смерть, отрешенье от слова, –
а может быть проще: молчанье любви...

Молчанье далёкой дороги тележной,
где в пене цветов колея не видна,
молчанье отчизны (любви безнадежной),
молчанье зарницы, молчанье зерна.

Художественное время и пространство от конкретного «здесь» и «сейчас» (*комната, сени, ночь*) разрастаются до «всеобъемлющего всегда», связанного с образом беззвездной ночи, скрывающей под своим покровом грядущее. В данном типе хронотопа в первой строфе большое значение имеет ночное время всего изображаемого, призванное не только воссоздать реальность происходящего, но и символически отразить упадок и пустоту в сознании и чувствах, как бы подготовить читателя к дальнейшим рассуждениям поэта.

Во второй строфе мы обнаруживаем один из любимых мотивов поэзии В. Набокова – мотив сна. Сон, по Набокову, преобразование действительности в поэтический порыв, именно во сне рождается замысел. В данном контексте – *сны не приснившиеся* – как олицетворение всего не сделанного, не прожитого, не сотворенного. В этом состоит трагедия творца – уходить с целым списком не приснившихся снов, с жаждой жизни, творчества, будущих книг. Очень значима для понимания замысла поэта фраза *с последним, чуть зримым сияньем России на фосфорных*

рифмах последних стихов. Отчетливо виден свет, исходящий из сиянья России и из фосфорных, т.е. светящихся рифм. Фосфорные рифмы – это символ русской поэзии, которую творцы сохранили в эмиграции вопреки наступившей на родине тьме. Но сиянье России чуть зримо, духовная связь с Родиной слабеет, угасает, как пламя свечи; этот огонь остается лишь в воспоминаниях героев, которые были изгнаны, лишены дома и теперь не способны найти его в другой стране. Через все это «просвечивает» основная идея: мы больше не нужны, мы лишние, нам надо уйти, эта мысль усиливается повтором лексем *пора, еще, последний*.

У их Родины сейчас другие герои, и истинные поэты вынуждены из этого мира уходить, потому что *музы безродные их доконали*. Выражение *музы безродные* можно истолковывать по-разному, а, возможно, сам поэт вкладывает в него многозначный смысл. Возможно, *музы безродные* – это неталантливые, но мощные силы на родине, не давшие свободно мыслить и творить, а возможно, *музы* самих поэтов превратились в *безродных*, утрачивающих духовную связь с родиной, с Россией, и как итог, *музы безродные* – символ трагизма судьбы творческой личности, волею рока оказавшейся на чужбине. И возвращаться им некуда. Как писала Марина Цветаева, отвечая на вопросы журнала «Своими путями», в Россию художник «поедет молчать, в лучшем случае – умалчивать, в (морально) наилучшем – говорить в стенах «Чека». – Но пишут же в России! – Да, с урезами цензуры, под угрозой литературного доноса, и приходится только удивляться героической жизнеспособности, так называемых, советских писателей, пишущих, как трава растет из-под тюремных плит, – невзирая и вопреки» (4/2, с.207).

Следующие 4 строфы, по сути, отвечают на вопрос: почему поэты должны уйти? И это не только вопрос эмиграции и чужбины, это вопрос философии жизни. Выражение *добрые люди*, которых можно обидеть свободой других, как будто мысленно взяты автором в кавычки: свобода, позволяющая говорить правду, мыслить и мечтать, свобода, столь неудобная «добрым людям». Но и эти мысли вытесняются фразой *нам просто пора*, в которой выражается глубинная мысль: поэт и все, поэты-пророки и простые люди. В. Брюсов писал: «...искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями, ... то, что...мы называем откровением...Искусство только там, где дерзновенно за грань, где прорывание за пределы познаваемого в жажде зачерпнуть хоть каплю *Стихии чуждой, запредельной*» [5], ему вторит А. Белый: «... искусство должно учить видеть Вечное...» [6].

Важные детали, которые ничего не значат для простых людей, но для «зрячих» поэтов являются глубинными смысловыми образами, складываются в две тематические цепочки: исконную природ-

ную (*луч – высокое небо – внимательные тучи – сумерки летние – вечерняя заря*) и цивилизованную (*окно, поймавшее луч – лунатики смиренные в солдатских мундирах – дети малолетние, / играющие в прятки вокруг и внутри / уборной – рыданья рекламы на том берегу*). Эти два плана рожают картину, которая на первый взгляд кажется живописной и светлой, но чем больше вглядываешься и погружаешься в нее, тем страшнее становится: аллюзия на стихотворение расстрелянного «добрыми людьми» Н.С. Гумилева «Городок» (*... где солдатики, / Под пронзительный вой трубы / Маршируют, совсем лунатики*), не вяжущееся с радостной детской игрой место (*вокруг и внутри уборной*) и удушливые *рыданья рекламы*. Именно за этим диссонансом угадывается настроение эпохи катастроф, необратимых перемен.

Ирма Кудрова, исследуя творчество М. Цветаевой, так описывает двадцатые годы на Западе: «В начале двадцатых годов, когда тональность поэзии Цветаевой так резко переменилась, еще не существовало термина «экзистенциализм». Но именно его черты мы узнаем в мироощущении и творчестве поэта. Цветаева воплотила в поэзии ситуацию человека, постоянно ощущающего себя как бы на самой кромке бытия, перед лицом «последних вопросов», в тревоге, сомнении и вопрошании... И та же мрачная тональность окрасила в начале двадцатых творения самых разных художников -- в поэзии и прозе, в театре и изобразительном искусстве. В поэмах Т. Элиота современный мир предстал некоей застывшей конструкцией, напрочь лишенной животворных соков бытия; безысходность питала полотно Пикассо и экспрессионистов, пьесы Бертольда Брехта, стихи и эссе Унамуно. Творчество Цветаевой включилось, таким образом, в общую трагедийную тональность западного искусства» [7]. Это можно сказать не только о М. Цветаевой, но и обо всем русском эмигрантском обществе писателей, поэтов, художников.

О философском противопоставлении *поэт-все* писали многие. Например, А. Ахматова: *Ведь где-то есть простая жизнь и свет, / Прозрачный, теплый и веселый... / А мы живем торжественно и трудно / И чтим обряды наших горьких встреч...*

Если в основной части стихотворения давался ответ на вопрос, почему уходят поэты, в частности поэты-эмигранты, то в заключении приводится констатация факта: лирические герои, ставшие лишними и чужими, покидают наш, бранный, мир, уходят в мир лучший. Лучший ли? Грусть и горечь звучит в подчеркнутом умолчании и в полном безразличии *как хочешь ее назови*. Лучший мир оказывается чем-то совсем иным: *пустыня, смерть, отрешение от слова*. Именно для поэта, а не для простого смертного *отреше-*

ние от слова и смерть являются равнозначными понятиями, поскольку лирические герои все так же лишены родины, лишены языка – возможности творить, а значит, лишены и жизни. Причем В. Набоков использует лексему *отрешение*, а не *отречение*, потому что (в данном случае – от слова) отрекаешься сам, чего настоящий поэт никогда не сделает добровольно. А *отрешение*, цитируя М. Цветаеву, – «...не отречение (старой женщины от любви, Наполеона от царства!), в котором всегда горечь, которое всегда скрепя сердце, в котором всегда разрыв, разрез души, не отречение, которое я всегда чувствую живой раной, а: отрешение, без свищущего ч, с нежным замшевым ш, – шелест монашеской сандалии о плиты, – отрешение листвы от дерева, дерева от листвы, естественное, законное распадение того, что уже не вместе...: шелестение истлевших риз» [8]. Только в данном случае отрешение – это не естественное, законное распадение того, что уже не вместе, а насильственное распадение, отрешение поэта от слова, языка, родины, России.

Мотив *отрешения от слова* усиливается рефреном *молчанье*, который проходит сквозь завершающую строфу. Последняя строка стихотворения отсылает к произведениям В. Ходасевича «Зарница» и «Путем зерна»: *...И душа моя идет путем зерна: / Сойдя во мрак, умрет – и оживет она. / ... / ...мудрость нам единая дана: / Всему живущему идти путем зерна*, – в роковой 1917 год говорил не терявший веры В. Ходасевич.

Ведь в то тяжелое, переломное время, пожалуй, лишь эта надежда и была тем светом, зарницей, зерном – как символом всегда возрождающейся жизни. А сегодня в 1939 году и зерно молчит...

Заключение. Таким образом, стихотворение Владимира Набокова «Поэты», написанное в год смерти его друга – поэта Владислава Ходасевича, представляет собой философские рассуждения о жизни Поэта и выражает глубинные, не лежащие на поверхности смыслы: поэт и все, одиночество творца, трагедия «национального сиротства» на чужбине в эпоху катастроф и жизненных переломов.

Литература

1. Серебряный век. Мемуары. (Сборник) / сост. Т. Дубинская-Джалилова. – М.: Известия, 1990. – С 5.
2. Там же. – С. 7.
3. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Т. 4(2). – М.: Эллис Лак, 1994 – 1995. – С. 206.
4. Там же. – С. 207.
5. Брюсов В. Собр. Соч.: в 7 т. – М., 1975. – Т.6. – С. 92.
6. Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика / сост. А.Г. Соколов. – М., 1988 – С. 71.
7. Кудрова И.М. Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность. – СПб.: Вита Нова, 2003. – С. 86.
8. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994 – 1995. – С. 260.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК [81'233+81'37]-053.2

Результаты исследования специфики восприятия семантики абстрактной лексики на раннем этапе развития языковой личности

Оксенчук А.Е.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье излагаются результаты экспериментального исследования специфики восприятия семантики абстрактной лексики на раннем этапе развития языковой личности (в дошкольном и младшем школьном периоде). Семантический анализ абстрактных имён осуществляется экспериментальным методом с учётом способа осмысления отвлечённости на ранних этапах речевого онтогенеза. Результаты эксперимента позволяют начать системное описание семантики абстрактных имён с учётом объективной образно-чувственной конкретики. Полученные данные опровергают (по крайней мере, для младшей возрастной группы носителей языка) общепринятое мнение, что абстрактное имя в дискурсе обрастает образами, которые становятся мерой абстрактных сущностей и обуславливают возможность как внутрисистемного, так и межсистемного сопоставления абстрактных имен. Автором утверждается, что иррациональная сущность абстрактного имени продолжает находиться для младших носителей языка в области иррационального, не стремясь к поиску опоры в материальном мире.

Ключевые слова: концепт, понятие, абстрактная лексика, абстракция, значение, способ восприятия.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 144–149)

Results of Exploring the Specificity of Non-Figurative Vocabulary Perception at an Early Stage of Linguistic Identity Development

Oksenchuk A.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

The article presents the results of experimental research. The aim of the study was to explore the specific character of non-figurative vocabulary perception at an early stage of linguistic identity development (pre-school and junior school periods). Semantic interpretation of abstract nouns is carried out with the help of an experimental method, taking into account the way of interpreting abstractiveness at early stages of language acquisition. The research results make it possible to start a system description of abstract names semantics giving due consideration to objective figurative sensual specifics. The obtained data refute (at least for the junior group of native speakers) the conventional view that in the discourse an abstract name accretes with images which become the measure of abstract entities and create the possibility to make both intrasystemic and intersystemic correlation of abstract names. The author states that for junior native speakers the irrational essence of an abstract name remains in the field of the irrational, without aiming at searching supports in the tangible world.

Key words: concept, notion, non-figurative vocabulary, abstraction, meaning, way of perception.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 144–149)

Информационный взрыв, развитие науки и техники способствовали проникновению в нашу речь многих терминов и понятий, пополнивших класс абстрактных существительных. В последнее время с развитием когнитологии и когнитивной лингвистики появилось большое количество работ, посвященных анализу абстрактного имени с когнитивных позиций.

Абстрактные концепты, «концепты с нечеткими границами» труднее поддаются описанию, чем концепты конкретных понятий, и остаются мало изученными в психолингвистике. Как писала в своей «Когнитивной лингвистике» В.А. Маслова, юбиляр этого года и один из авторитетнейших авторов теории концепта, определяя позицию современного исследователя по отношению

к анализу экспериментальных данных, «...роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению» [1, с. 52]. Исследование устойчивых речевых образцов, которые являются маркерами некоей части языкового коллектива, объединенной общими социальными, возрастными, половыми признаками позволяет выявлять потенциал языковой личности, специфику развития её языкового сознания.

Проблема абстрактности / конкретности лексики входят в круг основных проблем современного языкознания. Логико-философская трактовка абстрактного как понятийного, мысленного в противоположность конкретному как чувственному, наглядному является общепринятой в лингвистике. Особенности концептов абстрактных понятий, их сущность, по мнению Л.О. Чернейко, заключается в их субъективности: инвариантное содержание таких концептов меньше вариативной части, зависимой от личного опыта и редко совпадающей в сознании разных людей [2].

В психолингвистике отмечается, что выделяемые в лингвистике разряды конкретных и абстрактных имен («не работают» в индивидуальном сознании, принципы организации «внутреннего лексикона» которого не совпадают с принципами организации лексико-семантической системы языка. Абстрактные значения являются наиболее трудным предметом для семантического анализа, поскольку часто не образуют четких парадигм, в силу чего не поддаются и компонентному анализу. Экспериментальное исследование их семантики представляется наиболее надежным путем их семантического описания.

Цель нашей статьи – изложить результаты экспериментального исследования семантики абстрактных имён, полученные в ходе психолингвистического эксперимента в группе младших носителей языка.

Материал и методы. Предпосылкой осознаваемости абстрактного имени является наличие его **акустического образа** в индивидуальном сознании. В толковых словарях фиксируются самые общие признаки абстрактных имен, без учета субъективной образно-чувственной конкретики. Концепты абстрактных понятий «надличностны», носители языка овладевают абстрактными номинациями бессознательно, в силу своей принадлежности к определенному языковому коллективу.

При отборе стимульного языкового материала мы учитывали специфику абстрактной лексики, которая связана с тем, что при усвоении лексики этой группы важно создание акустического образа, который может варьироваться в зависимости

от индивидуального восприятия. Поэтому при описании семантики абстрактной лексики важнейшим параметром является **способ** восприятия отвлечённости (через ситуацию, через образ, через метафору, через действие, через признак, через предмет, через схему и т.д.).

Всего в эксперименте приняло участие 329 испытуемых. В ходе работы использовался метод «прямого толкования слова» А.П. Василевич – Р.М. Фрумкиной. Эксперимент включал два этапа.

I этап: экспериментальное выявление специфики восприятия слов с абстрактным значением детьми в возрасте от 4 до 6 лет (когнитивно-языковой период речевого онтогенеза). В исследовании приняло участие 129 реципиентов в возрасте 4–6 лет (база исследования: ГУО «ЦРР № 2 г. Витебска», ГУО «Ясли-сад № 65 г. Витебска»).

Методика: испытуемым предлагался вербальный материал, состоящий из 9 слов (*красота, доброта, полнота, длина, размер, величина, вход, шитье, езда*). Для объяснения были предложены 3 лексико-семантические группы слов: группа слов «эстетической оценки» (*красота, доброта*), «физической оценки» (*полнота, длина, размер, величина*), «действие» (*вход, шитье, езда*). Перед началом давалась словесная **инструкция:** «Послушай внимательно, подумай и скажи, что это». По окончании были проанализированы результаты.

Обработка результатов 1 этапа эксперимента. В группе слов «эстетической оценки» (*красота, доброта*) преобладает толкование смысла слов через признак: *красивый человек, чудесный, прекрасный, красивая одежда, модная, яркая, красивая кукла, красивый, красивая природа, милый, хороший, когда красивый, красивые платья, ты красивый; все добрые, хорошие, когда добрый, добрая подружка, веселый, добрый, заботливый, ласковый, добренький, человек добрый*. Из 258 ответов 122 – толкование через признак (49%); 72 (29%) – через ситуацию, 51 – через признак действия (20%), 5 случаев без ответа – (2%), 1 ответ – действие (менее 1%).

В группе слов «физической оценки» (*полнота, длина, размер, величина*) так же основным способом является признак: *полный, толстый, всё полное, полное сердце, полная, высокий, кто-то большой, длинный, длинный такой зал, когда человек длинный, это значит ты какого-то размера (5-го, 6-го, 7-го, 10-го), когда что-то длинное, когда длинный ростом, большой, маленький, когда он высокий*. Из 516 ответов – 212 признаков, 127 – нет ответа, 82 – ситуации, 53 – действия, 42 – определения через признак действия.

Семантическую группу «действия» (*вход, шитье, езда*) испытуемые определяют через «дей-

ствие»: *входить, входит человек, разрешают входить, входил куда-то, открываешь дверь и входил, когда заходишь; шить, когда шьешь, шить одежду, когда шьют одежду, шить кофту, штаны, когда ты что-нибудь шьешь, например, дырка и ты шьешь таким же цветом, например, колготки, что-то шить; ездить на машине, кто-то ездит, ездить на автобусе, ездят на машине или на лошади, ехать, путешествовать.*

Таким образом, на первом этапе эксперимента мы выявили, что дети дошкольного возраста воспринимают абстрактные понятия в основном через признак (29%), действие (28%) и ситуацию (20%), 9% – признак действия, в 14% случаев – нет реакции. Выбор способа толкования зависит от того, к какой семантической группе относится понятие. Эксперимент показал, что при толковании значения слова дети ориентируются на **схожие по звучанию слова** и на **словообразовательные маркеры** слова (см. подробнее [3]).

Целью II этапа было выявление специфики восприятия слов с абстрактным значением детьми школьного возраста 7–10 лет (начало текстового периода речевого онтогенеза). На втором этапе эксперимента для уточнения условий, определяющих специфику восприятия абстрактных понятий, мы выбрали группу испытуемых из другой культурно-социальной среды – младших школьников из Российской Федерации.

База исследования: ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска», МБОУ «СШ № 27 им. Э.А. Хиля г. Смоленска». Исследование проводилось во 2 и 3 классах. В исследовании приняло участие 200 учеников в возрасте 7–10 лет.

Цель эксперимента на втором этапе – определить специфику восприятия абстрактной лексики различных семантических групп реципиентами младшей школьной возрастной группы. Испытуемым предлагался вербальный материал, состоящий из 15 слов (*любовь, зависть, толерантность, искренность, миловидность, краснота, теснота, прохлада, ускорение, объем, уборка, потеря, приготовление, сопоставление, открытие*). Для объяснения были предложены 3 лексико-семантических группы слов: группа «нравственно-эстетической оценки» (*любовь, зависть, толерантность, искренность, миловидность*), «физической оценки» (*краснота, теснота, прохлада, ускорение, объем*), «действие» (*уборка, потеря, приготовление, сопоставление, открытие*).

Обработка результатов II этапа. В группе слов «нравственно-эстетической оценки» (*любовь, зависть, толерантность, искренность, миловидность*) преобладает способ восприятия

отвлечённости **через абстрактную, а не опытную личную ситуацию**: *когда люди друг другу помогают, чувства к человеку, когда хочется, чтобы это было у тебя, когда у одного человека есть это и тебе тоже хочется, это терпеливые отношения к другому человеку, терпимость к другому человеку, когда мы говорим искренне, правду, честность к другому человеку, когда человек с тобой очень добрый;*

В группе слов «физической оценки» также преобладают ситуации: *когда ты опозорился, это когда тебе что-то нравится, когда человек занимает все место, человека толкают и сильно прижимают, это значит человек сильно замерз; когда ты опозорился, Семантическую группу «действия» (уборка, потеря, приготовление, сопоставление, открытие) реципиенты определяют через ситуацию действия: когда ты убираешься, когда в доме убирают, что-то убирать дома; когда у тебя что-то потерялось, когда ты что-то потерял, потерявшиеся вещи; когда ты очень вкусно готовишь еду, когда ты готовишь, когда человек что-то готовит; открыть что-то, когда открывают торговое здание.*

После обработки результатов можно отметить, что реципиенты дают определения понятиям через признаки, ситуации, действия, признак действия, а также используют слова категории состояния.

Если сопоставить данные о способе толкования абстрактности, то можно отметить, что испытуемые этого возраста при толковании групп слов нравственно-эстетической оценки и физической оценки предпочтения отдавали **ситуациям**, а группу слов тематической группы «функции» определяли через **действия**. Следует отметить высокий процент отсутствия ответов (34%) и у белорусских школьников и у российских. Можно заключить, что культурно-социальные факторы не оказывают существенного влияния на способ восприятия отвлечённости.

Эксперимент показал, что при толковании значения слова абстрактной семантики реципиенты ориентируются преимущественно на свой коммуникативный опыт и восприятие отвлечённости осуществляют преимущественно через известные **им типичные**, а не личные ситуации. Количество конкретно чувственных реакции невелико. Акустический образ абстрактного имени, таким образом, в сознании младшей группы носителей языка не сопровождается конкретным вещным образом. Способ осмысления определяется чаще всего по словообразовательному маркеру (через признак, через действие, через ситуацию и др.). Индивидуального восприятия не наблюдается.

Результаты и их обсуждение. События, произошедшие за последние 30 лет в нашем обществе, значительно повлияли на процесс увеличения абстрактных слов в речи современных людей.

По данным И.М. Омельницкой, в речи детей из класса в класс не просто увеличивается количество конкретных и абстрактных существительных, но и происходит определенное перераспределение их в процентном соотношении: снижается процент конкретных существительных (с 91% до 85,5%) и почти в два раза увеличивается процент абстрактных существительных. В детской речи самым большим количеством вербальных абстрактных реализаций представлены тематические группы «Природные состояния и явления», «Время и пространство», «Психофизиологические свойства человека», «Чувства и эмоции человека», «Виды спорта и игры» и «Физическое состояние человека». В результате ею было выделено 11 тематических групп. А наиболее частыми в речи являются такие слова, как: *магия, волшебство, превращение, энергия, символика, стрелялки, ужастики, ад, бездна* и другие (см. подробнее [4]).

По данным нашего исследования, в речи детей дошкольного возраста (4–6 лет) абстрактная лексика встречается в лексико-семантических группах: «Игрушки» (*красота, миловидность, прелесть, привлекательность, роскошь, очарование, стройность, изящество, полнота, современность, стиль, мягкость, гладкость, шелковистость, лохматость, миниатюрность* и др.); «Двор» (*освещение, наблюдение, отдых, игра, рост, движение, прогулка, ходьба, бег, улица в значении «пойти на улицу»*); «Транспорт» (*езда, вождение, перевозка, скорость, плавание, кораблекрушение, полет, передвижение, падение, остановка, стоянка, расстояние*); «Праздник» (*длина, упругость, демонстрация, показ, аппетит, вкус, аромат, воздух, сладость, польза, угощение, готовка, приглашение, просмотр, выступление* и другие слова).

Таким образом, расположение тематических групп позволяет судить о степени актуальности и значимости понятий, обозначенных абстрактными существительными, в языковой картине мира современного ребёнка. Эти экспериментальные данные опровергают общепринятое в педагогике мнение о том, что раннее развитие языковой личности опосредуется исключительно конкретной лексикой.

Не существует единой классификации абстрактной лексики. Критерии отбора абстрактных существительных во многом обуславливают и основания для их классификации. Наиболее

часто словообразование абстрактных слов происходит с помощью суффиксов: -ость (-ность), -мость (-емость), -ни-е (-н-ье), -ени-е, -аци-я (-яци-я), -фикаци-я, -к-а, -и-е (-ье), -ств-о (-еств-о), -изм, -ур-а, -аж, -изм, -итет, -з, -зис, -оз, -ез, -азис. Существующая философская литература не дает лингвистических определений абстрактного имени, а лингвистическая – философских. Очевидно, что объективный анализ возможен только при объединении накопленных знаний, позволяющих с когнитивных позиций взглянуть и на языковое сознание, и на ментальный лексикон, и на специфику человеческого разума.

В разные годы предлагали рассматривать абстрактную лексику с тех или иных сторон Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, Н.Д. Арутюнова, Т. Гивон, З.Н. Вердиева, Н.А. Матузная, Т.А. Золотарева, Л.П. Федоренко и другие авторы. Резюмируя их подходы важно отметить, что реальная действительность (материальная и идеальная) формируется в результате деятельности креативного мышления, осуществляемой в вербальной форме. С точки зрения восприятия предметов и переживания смысла, все типы реалий могут быть представлены как шкала, на которой они располагаются в зависимости от характера психической активности человека в освоении наглядного и умопостигаемого миров. Внутри трех полей (видимый физический мир, невидимый физический ощущаемый мир и невидимый метафизический умопостигаемый мир) разбиение реалий идет по степени их конкретности, производной от сенсорной и/или интеллектуальной активности психики человека. Максимальная степень конкретности присуща реалиям, информация о которых передается пятью органами чувств. Минимальная степень конкретности характерна для тех реалий, которые невозможно представить наглядно и которые можно лишь помыслить.

Чувственной формой конкретных имен (сущностей) является не только их материальный звуковой комплекс, но и стоящий за ним наглядный образ, обусловленный общностью внешней формы предметов одного класса. Чувственной формой абстрактных имен (и их сущностей) является звуковой комплекс. Содержание абстрактного имени понимаемо. Эта семантическая особенность абстрактного имени обуславливает способ его существования как в системе языка, так и в дискурсе.

Абстрактное имя имеет синтаксическую форму выражения своей семантической особенностью, обладая валентностью на интерпретацию, то есть на раскрытие личностного видения абстрактной сущности. Абстрактное имя диалогично, поскольку нет и не может быть единого

для всех понимания фрагментов мира. Предпосылкой осознаваемости абстрактного имени является наличие акустического образа в индивидуальном сознании. Способы индивидуальной осознаваемости абстрактной сущности при этом могут быть разными: интуитивный – геометрический – метафорический – дискурсивный. Важно, чтобы в индивидуальном сознании личностные смыслы, связывающиеся с акустическим образом абстрактного имени, были представлены. Наш интерес вызывают в первую очередь способы осознаваемости абстрактного.

Результаты проведённого нами эксперимента показывают, что на ранних этапах развития языкового сознания этих способов два – **интуитивный** и **дискурсивный**.

Так, значение слов «нравственной оценки», предложенных для толкования, описывалось в большинстве случаев (и в группе дошкольников, и в группе младших школьников) в процессе моделирования ситуации (дискурсивно): *любовь* – «когда люди друг другу помогают, чувства к человеку»; *зависть* – «когда хочется, чтобы это было у тебя, когда у одного человека есть это и тебе тоже хочется»; *толерантность* – это «терпеливые отношения к другому человеку, терпимость к другому человеку»; *искренность* – «когда мы говорим искренне, правду, честность к другому человеку, когда человек с тобой очень добрый». Однако видно, что сами ситуации толкования инвариантны и мало соотносимы с каким-то наглядным образом, лично мало окрашены.

В группе слов «действия» используется та же модель ответа: *уборка* – «когда ты убираешься, когда в доме убирают, что-то убирать дома»; *потеря* – «когда у тебя что-то потеря-

лось, когда ты что-то потерял, потерявшиеся вещи»; *приготовление* – «когда ты очень вкусно готовишь еду, когда ты готовишь, когда человек что-то готовит»; *открытие* – «открыть что-то, когда открывают торговое здание». Только последний вариант толкования можно расценить как «обрастание образом». Большая часть вариантов ответов (53% из полученных ответов) представляют собой толкование через условную, а не личную опытную ситуацию.

На рисунке в количественном соотношении к общему числу ответов (1500 реакций) показаны способы восприятия отвлечённости реципиентами младшей школьной возрастной группы. Можно отметить довольно высокий процент (34%) отсутствия толкований значений используемых в речевой практике слов.

Полученные нами данные опровергают (по крайней мере, для младшей возрастной группы носителей языка) общепринятое мнение, что абстрактное имя в дискурсе обрастает образами и гештальтами, которые становятся **мерой** абстрактных сущностей и обуславливают возможность как внутрисистемного, так и межсистемного сопоставления абстрактных имен. Сместем предположить, что иррациональная сущность абстрактного имени продолжает находиться (по крайней мере, для младших носителей языка) в области иррационального, не стремясь к поиску опоры в материальном мире. Конечно, осмысление абстрактных слов требует определенных интеллектуальных усилий, но достаточно активное их использование без «наглядности», т.е. без проекции стоящей за ним сущности, лишает эти сущности необходимых вещных коннотаций.

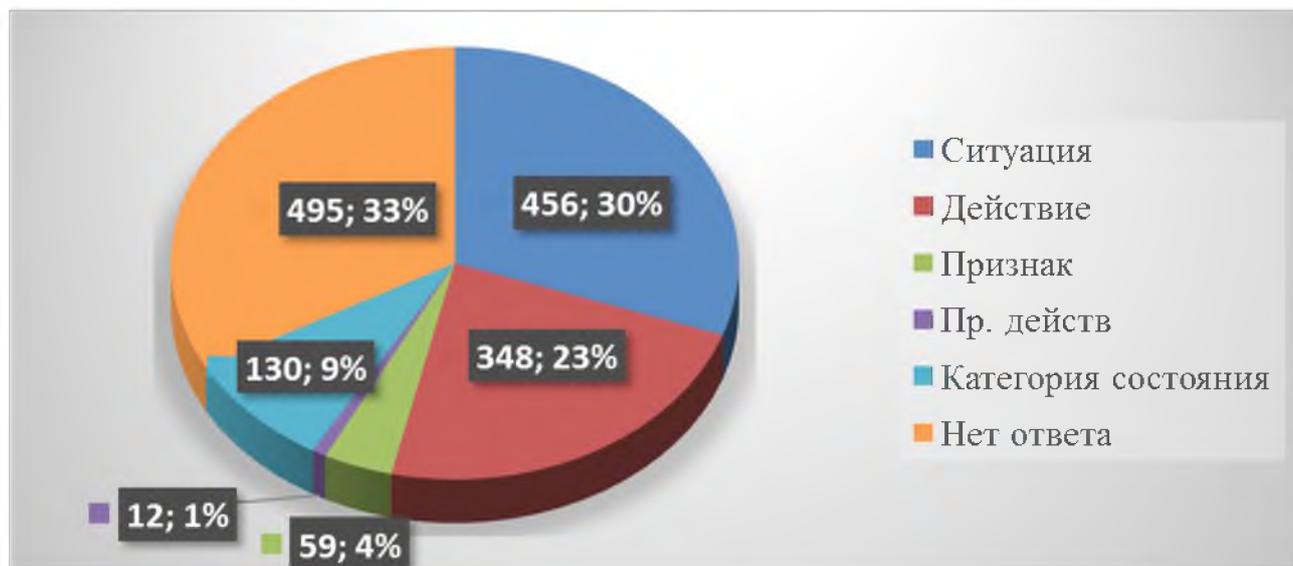

Рисунок 1 – Общий выбор

Заключение. В современном функционировании абстрактного имени проявляется закон психологической относительности. Семантический инвариант содержания абстрактного имени, определяющий его существование в коллективном сознании (выбор слова и возможности его понимания), становится больше его варианта, производного от опыта конкретной личности и уровня ее интеллекта.

Такая диалектика взаимодействия абстрактных и конкретных имен в дискурсе была «преддугадана» профессором В.А. Масловой при описании ею структуры концепта: «Структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого «лежит» основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится всё то, что привнесено культурой и личным опытом. Построенные посредством языка концептуальные структуры скорее относятся к **возможному**, чем актуальному опыту индивида» (см. подробнее [1; С. 42]).

Концепты абстрактных понятий «надличностны», носители языка овладевают абстрактными номинациями бессознательно, в силу своей принадлежности к определенному языковому кол-

лективу. Становление языковой личности нельзя представлять, как однонаправленное движение, ибо разные его периоды характеризуются различными доминантами, определяющими эволюцию речевого развития.

Литература

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Мн., 2004. – 256 с.
2. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М., 1997. – С. 344–349.
3. Оксенчук, А.Е. Экспериментальное исследование способа восприятия категории отвлечённости детьми младшей возрастной группы // в сборнике материалов 69-ой Региональной конференции «Наука – образованию, производству, экономике» (9–10 февраля 2017 г.) Т. 2. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 144–145.
4. Омельницкая, И.М. Использование категории конкретности/абстрактности как показатель уровня речевого развития / И.М. Омельницкая // Вестник Адьгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. – 2010. – № 2.
5. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kategorii-konkretnosti-abstraktnosti-kak-pokazatel-urovnya-rechevogo-razvitiya>.– Дата доступа: 01.05.2016.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.161.3

Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы

Петрушэўская Ю. А.

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова

У артыкуле вызначаецца і дыферэнцыюецца нацыянальны кампанент прыказкавага фонду (парэмікона) беларускай мовы.

Мэта — вызначыць аб'ём і структуру нацыянальнага (спецыфічнага) кампанента, ступень яго нацыянальна-культурнай абумоўленасці, суадносіны з іншанацыянальным (агульным) кампанентам у парэміконе беларускай мовы.

Матэрыял і метады. У даследаванні выкарыстаны дэскрыптыўны і супастаўляльны метады, метадыкі структурна-семантычнага мадэлявання, лінгвакультуралагічнага апісання, колькаснага аналізу і інш. Матэрыялам даследавання з'яўляюцца адзінкі прыказкавага мінімуму, асноўнага прыказкавага фонду, прыказкавага складу сучаснай літаратурнай мовы (усяго каля 1500 прыказак і больш за 5000 іх варыянтаў).

Вынікі і іх абмеркаванне. У парэміконе беларускай мовы спалучаюцца агульны з іншымі мовамі (інтэрнацыянальны ці ўніверсальны) і спецыфічны (уласна нацыянальны) кампаненты. Нацыянальна адметная частка парэмікона складаецца не толькі з адзінак уласна беларускага паходжання, але і з нацыянальна дэтэрмінаваных варыянтаў іншамоўных і агульных з іншымі мовамі прыказак. Значная частка прыказак запазычаных з іншых моў ці агульных з іншымі мовамі асімілявалі ў беларускай мове, набылі нацыянальна маркіраваныя элементы і ўспрымаюцца носьбітамі мовы як уласна беларускія.

Заклучэнне. У складзе нацыянальнага кампанента ў парэміконе беларускай мовы пераважаюць не ўласна беларускія па паходжанню адзінкі, а нацыянальна дэтэрмінаваныя варыянты і элементы іншамоўных ці агульных з іншымі мовамі прыказак.

Ключавыя словы: беларуская мова, спецыфічнае, агульнае, парэмікон, прыказка, нацыянальнае, інтэрнацыянальнае, ўніверсальнае, нацыянальна маркіраваны варыянт, нацыянальна-культурны кампанент

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 150–154)

National Feature of the Proverbial Fund of the Belarusian Language

Petrushevskaya J.A.

Mogilev State A.A. Kuleshov University

The article defines and differentiates the national component of the proverbial fund (paremikon) of the Belarusian language.

The purpose is to determine the volume and structure of the national (specific) component, the degree of its national and cultural conditionality, the relationship with the non-national (common) component of the paremikon of the Belarusian language.

Material and methods. The descriptive and comparative methods, the methods of structural and semantic modeling, the linguistic and cultural descriptions, the quantitative analysis and others are used in the study. The research materials are units of the proverbial minimum, units of the main proverbial fund, units of the proverbial stock of the modern literary language (about 1,500 proverbs and more than 5,000 variants of these proverbs).

Findings and their discussion. The paremikon of the Belarusian language combines the common components with other languages (international or universal) and specific components (national). The national and distinctive part of the paremikon consists not only of the units of the Belarusian origin, but also of the nationally determined variants of foreign proverbs and proverbs common with other languages. The majority of the proverbs borrowed from other languages or common with other languages have assimilated in the Belarusian language, they take on the characteristics of nationally marked elements so that native speakers perceive these units as proper Belarusian.

Conclusion. The nationally determined variants and the elements of foreign proverbs or common with other languages predominate in the national component of the paremikon of the Belarusian language.

Key words: the Belarusian language, specific, common, paremikon, proverb, national, international, universal, nationally marked variant, national and cultural component.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 27. — P. 150–154)

У канцы XX – пачатку XXI стагоддзя ў сувязі з імклівым развіццём лінгвакультуралагічных, этналінгвістычных, лінгвакагнітыўных даследаванняў значна павялічылася ўвага лінгвістаў да вывяслення суадносін нацыянальнага і ўніверсальнага ў моўнай сістэме і яе падсістэмах, асабліва ў фразеалогіі і парэміялогіі, у тым ліку і ў беларускай мове. Велізарную ролю ў фарміраванні і развіцці ў сучаснай лінгвістыцы культуралагічнага і кагнітыўнага кірункаў вывучэння мовы адыгралі працы прафесара В.А. Маславай [1; 2; 3 і інш.].

Асобных даследаванняў, прысвечаных вызначэнню нацыянальнага кампанента прыказкавага фонду беларускай мовы, не праводзілася, за выключэннем прац Я.Я. Іванова, у якіх прапануюцца і абгрунтоўваюцца прынцыпы і метады лінгвакраізнаўчага апісання нацыянальна-культурнай семантыкі беларускіх моўных афарызмаў, у тым ліку прыказак [4; 5; 6, с. 106–117]. Нацыянальнае (спецыфічнае) адзначаецца і апісваецца мовазнаўцамі пры даследаванні прыказкавых адзінак у межах этналінгвістычнага, лінгвакультуралагічнага, лінгвакраізнаўчага (а таксама лінгвакразнаўчага), этымалагічнага, параўнальна-гістарычнага, супастаўляльнага вывучэння беларускай мовы. Пры гэтым аб'ём нацыянальнага кампанента ў беларускай парэміялогіі, як правіла, неапраўдана перабольшваецца, што датычыцца найперш вызначэння ўласна беларускага паходжання прыказак, якія кваліфікуюцца як уласна беларускія на падставе ўжывання ў іх лексічных кампанентаў-рэалій, адлюстравання ў прататыпах прыказак гістарычных, географічных, сацыяльных, культурных умоў жыцця беларускага народа, карэляцыі прыказкавага зместу з духоўным светам беларусаў, наяўнасці ў лексічна-фразеалагічным складзе прыказак кампанентаў, якія адсутнічаюць у іншамоўных прыказкавых адпаведніках і г.д. Найбольш яскрава перабольшванне нацыянальнага кампанента ў прыказкавым фондзе беларускай мовы праўляецца пры этымалагічным аналізе прыказак [7; 8; 9].

Вызначэнне агульнага (універсальнага) і спецыфічнага (нацыянальна-культурнага) кампанентаў беларускай парэміялогіі на фоне іншых славянскіх і неславянскіх моў з'яўляецца, як было акрэслена Я.Я. Івановым на XV Міжнародным з'ездзе славістаў (Мінск, 2013 г.), адной з актуальных праблем беларускага мовазнаўства [10].

Мэта даследавання – вызначыць аб'ём і структуру нацыянальнага (спецыфічнага) кампанента, ступень яго нацыянальна-культурнай абумоўленасці, суадносін з іншанацыянальным (агульным) кампанентам у парэміконе беларускай мовы.

Матэрыял і метады. Фактычны матэрыял даследавання – прыказкавы адзінкі трох аб'ектыўна абмежаваных мностваў у беларускай мове: прыказкавага мінімуму (вызначанага эксперыментальным шляхам М. Ю. Котавай [11] і Я. Я. Івановым [6, с. 99–106]), асноўнага прыказкавага фонду (вызначанага Я. Я. Івановым [6, с. 85–99]) і прыказкавага складу сучаснай літаратурнай мовы (вызначанага І. Я. Лепешавым і М. А. Якалцэвіч [12]), а таксама некаторыя варыянты гэтых адзінак, зафіксаваныя ў парэміялагічных даведніках М. Федароўскага, Ф. М. Янкоўскага, А. С. Аксамітава, Я. Н. Рапановіча, М. Я. Грынблата, З. Ф. Санько, Я. Я. Іванова і інш. (усяго каля 1500 прыказак і больш за 5000 іх варыянтаў).

Метадалагічнай асновай даследавання з'яўляюцца асноўныя палажэнні агульнай парэміялогіі і асобныя палажэнні тэорыі парэміялагічнага складу славянскіх моў, у тым ліку беларускай мовы (распрацаваныя ў даследаваннях Р.Л. Пермякова, В. Мідэра, В.М. Макіенкі, Х. Вальтэра, Д.А. Дабравольскага, Э.М. Саладухі, А.С. Аксамітава, І.Я. Лепешава, Я.Я. Іванова і інш.) У даследаванні выкарыстаны дэскрыптыўны метады, метадыкі структурна-семантычнага мадэлявання, фіксацыі, сістэматызацыі і канфрантацыйнага аналізу іншамоўных адпаведнікаў (у кірунку ад беларускай мовы да іншых моў), лінгвакультуралагічнага апісання, колькаснага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду (парэмікона) беларускай мовы дэтэрмінавана яго спецыфічнымі (унікальнымі) адзінкамі і адлюстраваннем фактаў беларускай гісторыі і культуры, светапогляду беларусаў у прыказках, але колькасна і якасна абмежавана агульнымі з іншымі мовамі прыказкамі (інтэрнацыянальнымі і ўніверсальнымі). Ступень нацыянальнай адметнасці парэмікона беларускай мовы залежыць ад суадносін у ім нацыянальнага і іншанацыянальнага кампанентаў, якія складаюцца не толькі з асобных прыказкавых адзінак, але таксама і з іх варыянтаў, з элементаў іх формы і зместу. Суадносін нацыянальнага і іншанацыянальнага

кампанентаў у складзе парэмікона найбольш аб'ектыўна выяўляюцца ў сінхранічным плане і рэпрэзентатыўна адлюстроўваюцца на матэрыяле трох процінастаўленых мностваў прыказак, абмежаваных паводле лінгвістычна значных крытэрыяў: прыказкавага мінімуму (дыяхранічны зрэз парэмікона), асноўнага прыказкавага фонду (сінхранічны зрэз парэмікона), прыказкавага складу літаратурнай мовы (функцыянальны зрэз парэмікона).

Прыказкі, якія ўжываюцца ў беларускай мове, дыферэнцыююцца паводле крытэрыя нацыянальнай дэтэрмінаванасці на дзве процінастаўленыя групы – нацыянальныя (уласна беларускія) і іншанацыянальныя (агульныя з іншымі мовамі). Да нацыянальна дэтэрмінаваных адзінак адносяцца тыя, што не сустракаюцца ў іншых мовах (унікальныя). Напр.: *А калі што якое, дык што тут (там) такое; Вялікаму каню – вялікі хамут; Галота хоць у балота; Гультаю – хлеб на кію; Добрае карэнне, добрае і насенне; Дурныя жарты плачу варты; З музыкі хлеб невялікі; Карову б'юць за зык, а бабу за язык; Лепей вучоны, як залачоны; Не заўсягды, як на Дзяды; Праца і рукі – моцныя зарукі; Служачы хлеб – сабачы; У жыцці згода як у жніво пагода; Цянькі адбіраюць дзянькі і інш.* Яны могуць як мець, так і не мець эквіваленты ці адпаведнікі ў іншых мовах.

Агульныя з іншымі мовамі прыказкі размяжоўваюцца ў сінхранічным плане паводле фактару кантактавання моў на два колькасна нераўнаважныя класы адзінак – інтэрнацыянальныя (абумоўленыя моўнымі кантактамі) і ўніверсальныя (не абумоўленыя моўнымі кантактамі). Напр.: *Адна галава добра, а дзве <яшчэ> лепш (лепей)* мае аналагі ў пяцідзесяці сямі мовах свету, што належаць да розных моўных сямей, і з'яўляецца адным з двух варыянтаў універсальнай прыказкі *Two / four / more eyes see more / better / farther than one / two* V1 – *Two heads / brains are better than one* V2, паводле даведніка G. Raczolay “European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese” (1997, p. 72–76). Або: *Адзін за ўсіх і ўсе за аднаго* з'яўляецца інтэрнацыянальнай адзінкай, якая ўжываецца ў англійскай, нямецкай, польскай, рускай, украінскай, французскай і інш. мовах і трапіла з беларускую ў выніку запазычання з рускай або з польскай мовы. Нацыянальна дэтэрмінаваныя прыказкі колькасна пераважаюць у прыказкавым складзе літаратурнай мовы (каля 20%), крыху менш прадстаўлены ў прыказкавым мінімуме

(больш за 15%) і ўдвая менш – у асноўным прыказкавым фондзе (каля 10%), што сведчыць пра павелічэнне ў ўдзельнай вагі нацыянальна дэтэрмінаваных прыказкавых адзінак у сучаснай беларускай мове.

Нацыянальны кампанент парэмікона беларускай мовы падзяляецца ў семіятычным плане на нацыянальна дэтэрмінаваныя адзінкі як цэласныя знакі (уласна беларускія прыказкі) і на нацыянальна дэтэрмінаваныя элементы іх формы і зместу (нацыянальныя прататыпы прыказак: рэаліі і безэквівалентныя словы ў прыказках; нацыянальныя ўяўленні і вобразы ў прыказках; уласна беларускія прыказкавыя мадэлі; лексіка і фразеалогія ўласна беларускага паходжання ў прыказках). Напр.: *Каб яды, як на Дзяды, а рабіць (працаваць, работы), як у нядзельку* (нацыянальны прататып – вялікая колькасць страў на свята Дзяды, рэалія – Дзяды); *Каму па каму, а каму (нам, мне) <дык> два камы* (рэалія – камы ‘нацыянальная беларуская страва’; прыказкавая мадэль “Каму мала / нешта адно, каму многа / шмат чаго”); *Жыве кот і сабака, ды жытка не аднака* (беларускі прыказкавы наватвор – жытка); *Калі няма ішчасця зрання, то не будзе да змяркання* (уласна беларуская лексіка – зрання, змяркання); *Летш старожэ, як варожэ* (уласна беларускія формы – старожэ, варожэ) і да т.п. Сярод уласна беларускіх прыказак пераважаюць адзінкі дыскурсіўнага паходжання, што паказвае на прыярытэтную ролю гутарковага маўлення як крыніцы нацыянальна-культурнага кампанента ў прыказкавым фондзе беларускай мовы. Зусім няшмат прыказкавых адзінак, што паходзяць з уласна беларускіх фальклорных ці з літаратурных тэкстаў, напр.: *З рога ўсяго многа* (з беларускай народнай казкі); *Няма таго, што раньш было* (з вершаванага апавядання М. Багдановіча “Вераніка”) і інш. Сярод нацыянальна адметных элементаў формы і зместу прыказак пераважаюць уяўленні і вобразы нацыянальнай карціны свету беларусаў, нацыянальна дэтэрмінаваныя прыказкавыя прататыпы, што характарызуе структуру парэміялагічнага фона ў беларускай мове. Напр.: *А калі што якое, дык што тут (там) такое; Галота хоць у балота; Душа як лес; Лёгка сказаць, ды далёка дыбаць; Не было б тое, было б што другое; Не заўсягды, як на Дзяды; Няма лепшага панства, як гаспадарства; Няма той (тае) крамы, каб прадаваліся мамы; Хата рагата; Цянькі адбіраюць дзянькі і да т.п.* Нацыянальна дэтэрмінаваныя элементы формы і зместу характэрны для значнай колькасці прыказак уласна беларускага паходжання, што

сведчыць аб дастаткова высокай ступені іх нацыянальна-культурнай маркіраванасці.

Іншанацыянальны кампанент парэмікона беларускай мовы членіцца паводле суаднесенасці формы і зместу з нацыянальнай культурай беларусаў на іншанацыянальна маркіраваныя, нейтральныя і акультураваныя прыказкі. У выніку акультурацыі ўзнікаюць нацыянальна дэтэрмінаваныя варыянты і элементы інтэрнацыянальных і ўніверсальных прыказкавых адзінак (нацыянальныя варыянты прыказкавых прататыпаў, рэаліі ў лексічным складзе прыказак, спецыфічныя вобразы і паняцці ў прыказках, унікальныя варыянты прыказкавых мадэляў, лексічнага складу і граматычнай арганізацыі прыказак). Напр.: *Ліхтаром пушчы не асвеціш* (нацыянальны прататып – “ліхтар свеціць у пушчы”, параўн. руск. *Искрой избы не осветишь*); *Язык Вільні дапытас* (рэалія – *Вільня*, параўн. ісп. *Quien boca ha, a Roma va*, іт. *Chi lingua ha a Roma va*, польск. *Język i do Krakowa (Rzymu) doprowadzi*, руск. *Язык до Киева доведёт*, укр. *Язык до Киева доведе*, фр. *Qui langue a, à Rome va*); *Каму густа, <a> каму пуста* (беларуская прыказкавая мадэль “Яму / таму многа, а яму / таму нічога” як варыянт інтэрнацыянальнай прыказкавай мадэлі “Аднаму / іншым многа, а іншаму / іншым / нам нічога”, параўн. польск. *Jednym rydz, drugim nic*, руск. *У кого густо, а у нас пусто*, укр. *Один му густо, а другому пусто*); *Круцячы (круцельствам, хітрацю) свет пройдзеш, але назад не вернешся* (адметныя лексічныя кампаненты – *круцельствам, хітрацю*, параўн. польск. *Klamstwem świat przejdiesz, ale się nie wrócisz*, руск. *Кривдой свет пройдёшь, да назад не вернёшься*, укр. *З неправдою світ пройдеши, а назад не вернешся*); *Хоць і відаць, але (ды) далёка дыбаць* (іншая мадэль складанага сказа – складаназалежны сказ, параўн. бяззлучнікавы сказ у польск. *Blisko widać, daleko dybać*, складаназлучаны сказ у руск. *Близко видать, да далеко шагать*, укр. *Близько видати, та далеко дибати*) і да т.п. Удзельная вага акультураваных адзінак перавышае 70% інтэрнацыянальных і ўніверсальных прыказак, што сведчыць аб высокай ступені нацыянальнай дэтэрмінаванасці іншанацыянальнага кампанента парэмікона беларускай мовы.

Колькасць інтэрнацыянальных і ўніверсальных адзінак амаль у чатыры разы перавышае колькасць уласна беларускіх прыказак у парэміконе беларускай мовы, што паказвае на ўбудаванасць яе прыказкавага

фонду ў агульнаславянскі і агульнаеўрапейскі парэміялагічны кантынуум. Разам з тым удзельная вага нацыянальна-культурна маркіраваных прыказкавых адзінак уласна беларускага паходжання роўная ўдзельнай вазе нацыянальна-культурна дэтэрмінаваных паводле формы і зместу інтэрнацыянальных і ўніверсальных прыказак, што сведчыць аб высокай ступені нацыянальна-культурнай адметнасці прыказкавых адзінак беларускай мовы.

Заклучэнне. У выніку даследавання вызначана метадыка выяўлення нацыянальнага кампанента ў парэміконе беларускай мовы на падставе дыферэнцыяцыі спецыфічнага (нацыянальна дэтэрмінаванага) і агульнага з іншымі мовамі (іншанацыянальнага) у сінхранічным плане на матэрыяле прыказкавага мінімуму, асноўнага прыказкавага фонду, прыказкавага складу літаратурнай мовы. Вызначаны і дыферэнцыяваны адзінкі, якія належаць да нацыянальнага і іншанацыянальнага (інтэрнацыянальнага і ўніверсальнага) кампанентаў парэмікона беларускай мовы, вызначаны інтэрнацыянальны характар каля 1000 прыказак, устаноўлена прыналежнасць да ўніверсальных адзінак больш за 70 прыказак, якія ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове.

Комплексна дыферэнцыявана нацыянальна-культурная семантыка ўласна беларускіх прыказкавых адзінак, вызначана і ранжыравана структура парэміялагічнага фона, устаноўлена ступень нацыянальнай дэтэрмінаванасці формы і зместу прыказак уласна беларускага паходжання, вызначана каля 300 адзінак, якія ўтвараюць нацыянальны кампанент прыказкавага складу сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Устаноўлена нацыянальна-культурная маркіраванасць іншанацыянальнага кампанента парэмікона беларускай мовы, вызначаны і дыферэнцыяваны нацыянальна абумоўленыя варыянты і элементы інтэрнацыянальных і ўніверсальных прыказкавых адзінак, вызначана ступень нацыянальнай дэтэрмінаванасці інтэрнацыянальнага і ўніверсальнага кампанентаў прыказкавага складу сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Вызначаны суадносіны паміж нацыянальным і іншанацыянальным кампанентамі парэмікона беларускай мовы, устаноўлена і дыферэнцыявана ступень нацыянальна-культурнай адметнасці прыказкавых адзінак беларускай мовы.

Вынікі даследавання маюць тэарэтычную і эмпірычную значнасць у лінгвакультуралагічным і этналінгвістычным апісанні беларускай мовы (у прыватнасці нацыянальна-культур-

най семантыкі беларускіх прыказак), а таксама з'яўляюцца важнымі ў прыкладным плане ў сферы лінгвадыдактыкі пры выкладанні беларускай мовы як роднай (у лінгвакультуралагічным і лінгвакраязнаўчым аспекце), як замежнай і як няроднай ва ўмовах блізкароднаснага білінгвізму (у лінгвакраізнаўчым аспекце), у галіне нарматыўнай і вучэбнай лексікаграфіі (у межах гістарычна-этымалагічнай зоны слоўніка) і двухмоўнай лексікаграфіі (пры ўкладанні іншамоўна-беларускіх парэміялагічных слоўнікаў), у тэорыі і практыцы перакладу публіцыстычных і літаратурна-мастацкіх тэкстаў (з беларускай на іншыя мовы).

Літаратура

1. Маслова, В. А. Лінгвокультурология : учеб. пособие для вузов / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М. : Академия, 2007. – 202 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
3. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре : монография / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 319 с.
4. Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраізнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) / Я. Я. Іваноў // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) : манаграфія / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Веды, 1998. – С. 33–62.
5. Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб'ект лінгвакраізнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) / Я. Я. Іваноў // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы / рэдкал.: Г. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2001. – С. 285–290. – (“Беларусіка = Albaruthenica”. Кн. 19)
6. Іваноў, Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. –Петрушэўская, Ю.А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Адна галава добра, а дзве лепш* / Ю. А. Петрушэўская // Вестник Минского гос. лингв. ун-та. Серия 1, Филология. – 2015. – № 5 (78). – С. 84–96.
7. Петрушэўская, Ю.А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *З вялікага грому малы дождж* / Ю. А. Петрушэўская // Роднае слова. – 2016. – № 1. – С. 44–47.
8. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Хто мажа, той і едзе* / Ю. А. Петрушэўская // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуманитар. науки. – 2016. – № 2. – С. 138–144.
9. Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) / Е. Е. Иванов // Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie = Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : XV Междунар. съезд славистов, Минск, 20–27 августа 2013 г. : [kollektive Monographie] / Internationales Slawistenkomitee, Phraseologische Kommission ; Hrsg. H. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald : E. M. A.-Universität, 2013. – S. 111–116.
10. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / М. Ю. Котова ; под ред. П. А. Дмитриева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
11. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – [2-е выд., дап.]. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.

Паступіў у рэдакцыю 17.12.2018 г.

УДК 81-119

Еще раз о концептуальной метафоре

Руденко Е.Н.

Белорусский государственный университет

К активно разрабатываемым областям когнитивной лингвистики относятся теория базового уровня, теория прототипов, теория метафоры и др. Целью настоящей статьи является познакомить русскоязычных читателей с малоизвестными англоязычными работами в этой области применительно к русскому языковому материалу.

Материал и методы. *Материалом для статьи послужила живая русскоязычная речь. Методологически преобладает когнитивное моделирование.*

Результаты и их обсуждение. *Мысль о принципиальной метафоричности концептосферы информационных процессов в современной когнитивной лингвистике является общепризнанной. Базисность пространственных представлений для формирования абстрактной концептосферы информационных процессов неоднократно обсуждалась представителями разных научных школ и направлений.*

Заключение. *Отечественная лингвистика не остается в стороне от магистральных научных направлений. И это, безусловно, в первую очередь относится к трудам профессора В.А.Масловой. Исследования когнитивной метафоры продолжаются и развиваются в работах по когнитивной метонимии, диахронической проекции когнитивной лингвистики, когнитивных аспектах дериватологии.*

Ключевые слова. *Базисная метафора, когнитивная модель, семантический перенос, область-источник, область-цель, информационные процессы, когнитивная деятельность.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 155–159)

Once Again About Conceptual Mataphor

Rudenko E.N.

Belarusian State University

The areas of cognitive linguistics that are actively developed include the basic level theory, the theory of prototypes, the theory of metaphor, and others. The purpose of this article is to acquaint Russian-speaking readers with little-known English-language works in this area as applied to Russian language material.

Material and methods. *The material for the article was an every-day Russian-language speech. Methodologically, cognitive modeling prevails.*

Results and its discussion. *The fundamental metaphorical character of information processes is generally recognized in modern cognitive linguistics. The spatial source area for the formation of target conceptual area of information processes was repeatedly discussed by representatives of various scientific schools and directions.*

Key words. *Basic metaphor, cognitive model, semantic transfer, source area, target area, information processes, cognitive activity.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 155–159)

Книга В.А. Масловой “Когнитивная лингвистика” (3 изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.) тесно связала имя Валентины Авраамовны с этой исследовательской областью для русскоязычного читателя.

Нет необходимости повторять общеизвестные истины о возникновении и развитии когнитивной лингвистики, ее направлениях и связях с психолингвистикой и теорией речевой деятельности. Скажем только, что существует два типа когнитивных исследований: формально-когнитивные и описательно-когнитивные, и русскоязычная ког-

нитивная лингвистика в основной своей массе относится ко второй разновидности.

Сегодня в славянском мире чрезвычайно распространены когнитивные исследования, цель которых – выявить этнокультурную специфику носителей того или иного языка. К ним можно отнести многие труды Московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, Ю. С. Степанов, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и др.) или группы Логический анализ языка, возглавляемую Н.Арутюновой, в которых исследуется русская языковая картина мира. Исследования такого рода распространены во всех славяноязычных странах.

Многие из этих работ имеют сопоставительный характер. Сопоставляются языковые особенности, имеющие культурные причины: лингвистические лакуны (рус. *интеллигентность*, англ. *neckware*), речевое поведение, содержательные отличия сходных понятий (ср. рус. *счастье* и англ. *happiness*), прагматически нагруженные понятия (рус. *хлеб*, англ. *challenge*). Ключевыми понятиями для таких исследований являются *картина мира* и *концепт*. В. А. Маслова [1] выделяет три основных подхода к изучению концепта. В рамках первого подхода (Ю. С. Степанов, В. Н. Телия) большое внимание уделяется культурологическому аспекту, соответственно концепт трактуется как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Представители второго подхода (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв) единственным источником формирования концепта считают семантику языкового знака. Третий подход – это рассмотрение концепта как слияния значения слова и личного и общенародного опыта человека, т.е. концепт представляется как медиатор между языком и реальностью. По мнению профессора Масловой, “если понятие – это совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – ментальное, национально-специфичное образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств... Но концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру” [2].

К настоящему времени представителями когнитивной лингвистики разработано значительное количество методов изучения концептов, в том числе этноспецифических. Помимо концептологии, к активно разрабатываемым областям когнитивной лингвистики относятся теория среднего (базового) уровня, теория прототипов, теория метафоры и др.

Материал и методы. Остановимся еще раз на теории метафоры. Целью настоящей статьи является познакомить русскоязычных читателей с малоизвестными англоязычными работами в этой области применительно к русскому языковому материалу.

Как известно, концептуальная метафора – это установление связи между двумя разными фреймами на основании сходства некоторых их признаков.

Метафоризация может осуществляться:

1) путем начального вычленения некоторых сходных признаков с последующей генерацией в метафоризируемой области признаков, свойственных области-основанию. Например: на дереве растет мох – на лице человека растет борода, мох похож на бороду ⇒ дерево обрастает боро-

дой; при повреждении коры дерева появляются капли смолы – при повреждении кожи человека появляются капли крови, при нанесении морального ущерба человеку появляются капли слез; дерево плачет, дерево истекает кровью ⇒ дерево – человек (здесь и ниже примеры наши – Е.Р.). Приведенный пример – одна из возможных реализаций антропоморфности картины мира.

2) Метафоризируемая область (как правило, речь идет о фрейме, организующем абстрактные понятия) полностью описывается в терминах другого фрейма (это фрейм более освоенной человеком области знания), т.е. изначально какое бы то ни было сходство концептуальных областей отсутствует, сходные признаки заимствованы у фрейма-основания и полностью приписаны метафоризируемой области в процессе ее генерации. Т.е. здесь метафора вызвана не изначально сходством сравниваемых областей, а свойством человеческого познания осваивать (= моделировать) новое через сравнение с уже известным, причем метафоризация осуществляется на базе наиболее важных, наиболее глубинных областей для биологического и социального существования человека, наиболее присущих его природе и культурному бытию (сознание — вместилище, мысли — физические объекты, познание — движение к цели ⇒ идеальное, сфера сознания может описываться в терминах пространства). Для концептуальных метафор характерно то, что они продолжают действовать как модели развития метафоризируемого фрейма, т.е. они служат основанием для установления все новых частных концептуальных структур и связей на основании заданной модели метафоризации. В языке все сказанное выше проявляется в: а) сходстве синтагматического окружения лексем, номинирующих концепты уподобляемых фреймов; б) возможности порождения бесконечного количества высказываний о метафоризируемой области знания, построенных на основании заданной модели метафоризации. Например, общеизвестная метафора время – это пространство [3] реализуется в том, что все временные предлоги изначально – это предлоги пространственные (*отложить проблему на пять дней*) и выражения, базирующиеся на этой метафоре, бесконечны (*время идет, дни летят, заседание состоится в пятницу* – как *в аудитории* и под.).

Виды когнитивных метафор, выделенные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, общеизвестны:

1) пространственная – базируется на опыте человека, связанном с работой собственного тела;

2) онтологическая – признаки и процессы биологической жизни природы и человека переносятся на социум, на когнитивную сферу и др.;

3) структурная – имитируется структура концептуальной области-источника.

Авторы выделили также основные механизмы метафоризации: 1) контейнер-схема, 2) сила-схема, 3) путь-схема [4].

Как известно, путь-схема трактуется Дж.Лакоффом как одна из немногих возможных базисных имидж-схем наряду с упомянутой контейнер-схемой [5]; пожалуй, ни одна концептосфера абстрактного знания не обходится без этой метафоры: любое развитие, или поиск, или способ – это путь, любые причинно-следственные отношения или отношения вывода – это путь, любой выбор – это распутье. Приведем только несколько примеров использования этой метафоры для объективации Интернета как информационного пространства: *Интернет – универсальное средство транспортировки; маршрутизация трафика; информация перенаправляется и под.* Помимо информации в Интернете передвигаются также пользователи, бывает, что им сложно в Интернете *сориентироваться*. Они неустанно *ищут* нужную информацию или *бесцельно бродят по просторам Сети*.

Результаты и их обсуждение. Названные выше работы Дж.Лакоффа и М.Джонсона переведены на русский язык и хорошо известны. Менее известны другие работы, в частности статья О.Йекеля, где автор формулирует девять положений о когнитивной метафоре:

1. Языковая метафора не есть только проявление поэтической активности, а проявляется в любом виде дискурса, см. рус. разг. *купаться в славе*, научн. *вывод*, *введение*, публицист. *предвыборная гонка*.

2. Когнитивные метафоры формируют модели знания, которые прагматически упрощают сложную реальность. Эти когнитивные модели – элемент культуры, они способны регулировать (неосознанно) мировоззрение языкового сообщества. Например, такими метафорами являются подсознательные модели земного существования, которые обуславливают менталитет представителей разных христианских конфессий: для православных жизнь – это зал ожидания (в преддверии лучшего мира); для протестантов – это мастерская или стройплощадка.

3. Большинство языковых выражений не изолированы, а являются реализациями когнитивной метафоры. Это проявляется в устойчивой связи между двумя разными концептуальными областями: областью-источником (X) и областью-целью (Y). X концептуализируется как Y, одна концептуальная область понимается с привлечением ресурса другой области опыта. Если в нашей языковой картине мира эмоции метафоризируются как жидкости, то они всегда будут *захлестывать нас*, *чаша терпения будет переполняться*, *чувства – кипеть*, *радость – заливать нас* и под.

4. Большинство метафорических переносов значения не являются изолированными, отдельными случаями, а самым очевидным образом указывают на систематическое взаимодействие посредством метафоры между целыми концептуальными областями. Именно поэтому когнитивный подход к метафоре только выигрывает от диахронической проекции. Например, известно, что понимание, узнавание описывается в терминах принятия, овладения, и эта метафора реализуется во всех индоевропейских языках, ср. нем. *begreifen* ‘понимать’ < *greifen* ‘брать, хватать’, англ. *to catch an idea* ‘понимать’, лат. *comprehendo* ‘хватая, ловлю’ < ‘понимаю’, которое сохранилось во всех романских (и в английском – из французского) языках; рус. *схватывать на лету*, *улавливать мысль*, *усваивать материал* и под. Если обратиться к истории русского языка, то в эту модель легко вписывается рус. *понимать* < др.-рус. *понимати* < *имети*, *имати* ‘иметь’, ‘брать’, см. такие древнерусские контексты, как *понял ежену из варягов*, *понял дани немало*.

Приведенным выше примером иллюстрируется и следующее положение О.Йекеля.

5. Метафора “X есть Y” связывает абстрактную и сложную область-цель X с более конкретной областью-источником, более простой и открытой чувственному восприятию.

6. При концептуальной метафоре некоторые схемообразующие элементы переносятся с области-источника на область-цель без изменения базовой структуры. Эти досознательные имидж-схемы обеспечивают обоснование опытом даже самых абстрактных концептуальных областей. К таким имидж-схемам может быть, например, отнесена метафора “память – это библиотека (хранилище)”. Там можно “все разложить по полочкам”, “навести порядок” и под.

И строгая память, Такая скупая теперь, Свои терема Мне открыла с глубоким поклоном (А. Ахматова).

Структурные метафоры, те самые досознательные имидж-схемы, часто обуславливают логику нашего мышления. Такие метафоры, как “уровни” (ср. уровни языковой системы), “иерархия” (ср. организация социума, дерево биологических видов), “противопоставление” (мужчина – женщина, молодой – старый), представляются нам чуть ли не единственными способами освоения действительности.

7. Метафоры выполняют экспланаторную функцию. Некоторые вещи вряд ли могут быть поняты или концептуализированы без обращения к метафоре, см., например, объяснение информационных процессов посредством метафоры “канал” (пример Дж.Лакоффа) [4].

8. Потенциальная значимость метафоры не сводится к простой перифразе, ее значение не мо-

жет быть сведено к неметафорическому без потерь. В этом причина мощной креативности метафоры. В повседневной жизни метафора может стать причиной реструктуризации значительных паттернов мышления, об этом мы говорили выше на примере метафоризации жизни представителями разных христианских конфессий. К таким же метафорам относятся приведенные в пример Дж.Лакоффом “Верх – это хорошо”, “Спор – это война” [4], причем последняя, как известно, свойственна европейской культуре и абсолютно не свойственна, например, китайской.

Помимо всего вышесказанного, для не-лингвиста метафора – это способ приращения знания. Общеизвестен пример “Свет – это волна”, взятый физиками из обыденного языка и позволивший объяснить и формульно описать волновые свойства света.

9. Метафоры предлагают лишь частичное описание и объяснение концептуальной области-цели, причем некоторые аспекты проявляются, а некоторые затеваются. Именно в фокусировании разница между альтернативными метафорами, обслуживающими одну и ту же область-цель [6].

Последнее из положений О.Йекеля требует развития и развивается в малоизвестной и не переведенной на русский язык работе Дж.Лакоффа “The System of Metaphors for Mind and the Conceptual System of Analytic Philosophy: A Study of the Metaphorical Constraints on Philosophical Discourse” (“Система метафор для описания разума и концептуальной системы в аналитической философии: исследование ограничений на метафору в философском дискурсе”) [7].

Автор рассматривает конкурирующие метафоры в описании разума. Передадим конспективно основные идеи.

1. Разум – это тело.

Разум – это тело (рус. *большое воображение*). Эта метафора реализуется в многочисленных частных устойчивых семантических переносах: мышление – это физическое функционирование; идеи – это независимые сущности, - и далее:

1.1. Мышление – это движение.

Мышление – это движение. Идеи – это объекты. Причина – это сила. Рациональное мышление – это движение, прямое, последовательное и обусловленное причинной-силой. Быть неспособным мыслить – значит быть неспособным двигаться. Линия мысли – это путь. Думать о X – значит перемещаться в пространстве вокруг X. Коммуникация – это ведение, руководство. Понимание – это следование. Повторное обдумывание – это движение по той же дороге (рус. *в этих вопросах ты тормозишь, я застряла на этой проблеме*).

1.2. Мышление – это ощущение.

Мышление – это восприятие. Идеи – воспринимаемые объекты. Узнавание – это рассматрива-

ние (рус. *не вижу разницы в ваших аргументах*). Коммуникация – это показ. Попытка получить знание – это поиск. Помощь в познании – это источник света (рус. *осветить проблему*). Быть способным понимать – значит быть зрячим. Быть невежественным – значит быть слепым. Стремление знать – это стремление видеть. ... Объяснять в деталях – значит рисовать картину. Принимать всерьез – значит слушать (рус. *вы меня не слышите!* = *вы меня не понимаете*). Персональные предпочтения – это вкусы.

1.3. Мышление – это манипулирование объектами.

Мышление – это манипулирование объектами. Идеи – это объекты, которыми манипулируют (рус. *со-поставить мнения*). Коммуникация – это пересылка (рус. *передать привет*). Понимание – это схватывание. Неспособность понимать – это неспособность хватать. Память – это хранилище. Воспоминание – это возвращение (рус. *я вернулась в мыслях к вчерашним событиям*). Структура идеи – это структура объекта. Анализ идей – это расчленение, разделение объектов.

1.4. Мышление – это питание.

Хорошо функционирующий разум – это здоровое тело. Идеи – это еда. Восприятие идей – это поедание, питание. Интерес к идеям – это аппетит к еде. Хорошие идеи – полезная пища. Плохие идеи – вредная пища. Распределение идей – раздача пищи. Познать идею – значит попробовать на вкус или на запах (рус. *я не воспринимаю ваш образ мыслей*). Разъяснение идей – это разжевывание (рус. *школьникам нужно разжевывать новый материал*), приготовление пищи.

2. Мышление – это язык, лингвистическая деятельность (говорение или писание) (рус. *мы говорим на разных языках* = *мы не понимаем друг друга*).

Запоминание – это запись. Понимание – это чтение (рус. *ты читаешь мои мысли*).

3. Мышление – это вычисление.

Обоснование – это прибавление. Объяснение – это подсчет.

4. Разум – это механизм.

Нормальное мышление – нормальная работа механизма. Невозможность думать – неисправность механизма.

4.1. Разум – это компьютер.

Компьютер – это человек (или его мозг). Компьютерная программа – это разум. Манипулирование формальными символами – это мышление. База данных – это память. Содержание базы данных – это знание.

О компьютерной метафоре немало написано, в том числе и автором этих строк. Во избежание повторений сошлемся только на нашу статью [8], где метафора “Разум – это компьютер” рассмотрена в деталях.

Заключение. Мысль о принципиальной метафоричности концептосферы информационных процессов в современной когнитивной лингвистике является общепризнанной. Базисность пространственных представлений для формирования абстрактной концептосферы информационных процессов неоднократно обсуждалась представителями разных научных школ и направлений. Интериоризованные информационные процессы, т.е. когнитивная деятельность как частный случай информационной деятельности, и когнитивная система человека в целом также рассматриваются как сформированные метафорически преимущественно на основе первичного для человека фрейма «пространство». Во-первых, эта метафоричность проявляется непосредственно в способах мотивации ряда переносных обозначений исследуемой семантической сферы *вникнуть, схватить, разобраться* и мн.др.). Во-вторых, она отражается в способах семантико-синтаксической организации “когнитивных” обозначений, в частности глаголов. Обозначенная тематика исследована и в наших работах, см., например, [9; 10].

Сказанное выше подтверждает, что отечественная лингвистика не остается в стороне от магистральных научных направлений. И это, безусловно, в первую очередь относится к трудам профессора В.А. Масловой. Исследования когнитивной метафоры продолжают и развиваются в работах по когнитивной метонимии, диахронической проекции когнитивной лингвистики, когнитивных аспектах дериватологии.

Литература

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – С. 46.
2. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – С. 56.
3. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – С. 93.
4. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By* / G.Lakoff, M.Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
5. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М.: Наука, 1995. – С. 143-184.
6. Jäkel, O. How Can Mortal Man Understand the Road He Travels? Prospects and Problems of the Cognitive Approach to Religious Metaphor / O.Jäkel // *The Bible through Metaphor and Translation. A Cognitive Semantic Perspective* / Ed. K. Feysaerts. – Bern: Peter Lang, 2003. – P. 55-85.
7. Lakoff, G. *The System of Metaphors for Mind and the Conceptual System of Analytic Philosophy: A Study of the Metaphorical Constrains on Philosophical Discourse* // *Cognition and Function in Language*. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – P. 85-116.
8. Руденко, Е.Н. Подъязык информационных технологий как объект лингвистического исследования / Е.Н.Руденко // *Slavia orientalis*. – R. L. – # 2. – Kraków, 2001. – С. 287–302.
9. Руденко, Е.Н. Глаголы с семантикой мыслительных процессов в русском языке / Е.Н.Руденко // Доклад на IX Конгрессе МАПРЯЛ. – Мн.: БГУ, 1999. – 26 с.
10. Рудэнка, А.М. Дзеясловы з семантыкай разумовых працэсаў у беларускай мове / А.М.Рудэнка. – Мн.: БДУ, 2000. – С. 183-188.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.161.1'36'243:908

Обучение грамматике РКИ сквозь призму краеведения

Синкевич Т.И., Слесарева Т.П.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В статье излагается один из алгоритмов обучения иностранцев русскому языку сквозь призму краеведения. Общеизвестно, что основной алгоритм обучения иностранным языкам, в том числе и русскому языку как иностранному, состоит из следующих основных компонентов: лексика, грамматика, текст. Важно не только овладеть определенным запасом лексических единиц, нормами грамматики и познакомиться с культурно-языковым фондом, понять, усвоить полученные знания, но гораздо важнее потом применять полученные знания в речевых ситуациях и на занятиях с сокурсниками и в языковой среде носителей языка (что сделать всегда значительно труднее).

Ключевые слова: алгоритм обучения, речевая ситуация, семантика, грамматика, структура предложения, фоновые знания, язык, речь, процесс говорения, поток мыслей, процесс коммуникации, игровые технологии, краеведение.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 160–163)

Training Grammar of RFL Through the Prism of Regional Study

Sinkevich T.I., Slesareva T.P.

Vitebsk State P.M.Masherov University

The article presents one of the algorithms for teaching Russian as a foreign language through the prism of local history. It is well known that the basic algorithm for teaching foreign languages, including Russian as a foreign language, consists of the following main components: vocabulary, grammar, text. It is important not only to master a certain stock of lexical units, grammar norms and get acquainted with the cultural and linguistic fund, understand, learn the knowledge gained, but it is much more important to then apply the knowledge gained in speech situations and in classrooms with fellow students and in the language environment of native speakers.

Key words: learning algorithm, speech situation, semantics, grammar, sentence structure, background knowledge, language, speech, speaking process, thought flow, communication process, gaming technology, local history.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 160–163)

Изучение любого иностранного языка сопряжено с рядом проблем. Важно не только то, какую базу преподаватель заложит в студента, но и то, как студент – иностранец будет потом использовать накопленные знания, приобретая опыт общения с другими людьми. Безусловно, важную роль в подготовке будущего специалиста играет личность самого преподавателя, уровень его подготовки, эрудированность, умение найти правильный подход к каждому человеку, но, на наш взгляд, не менее важное значение имеет и личная заинтересованность студента в получении знаний, а также наличие языковой среды для общения. Общеизвестно, что основной алгоритм обучения иностранным языкам, в том числе и русскому языку

как иностранному, состоит из следующих основных компонентов: лексика, грамматика, текст. Следовательно, основное направление работы над языком состоит в том, чтобы овладеть определенным запасом лексических единиц, нормами грамматики и познакомиться с культурно-языковым фондом.

Мы предлагаем ряд занятий посвятить обучению грамматике РКИ на основе текстов, посвященных интересным событиям и фактам страны изучаемого языка, то есть *наша цель* – попытаться сквозь призму краеведения помочь студентам-иностранцам усвоить не только определенный запас лексических единиц, но и попытаться разобраться, вспомнить и усвоить некоторые грамматические нормы русского языка. Почему так? По-

тому что самые большие проблемы наблюдаются тогда, когда в текстах упражнений современных учебников предлагается, во-первых, очень объемный материал (часто без учета фоновых знаний), во-вторых, не всегда хорошо продуман и отбор лексического и грамматического материала (например, большое количество разговорных речевых оборотов, крылатых фраз и выражений, фразеологизмов и т.п.), который с трудом усваивается студентами, да и сами тексты и видеосюжеты несколько устарели, не совсем актуальны сегодня. К сожалению, во многих учебных пособиях практически отсутствуют задания, которые бы обеспечивали студентам, изучающим русский язык в условиях языковой среды, выход в речевую коммуникацию. А ведь им могут быть предложены различные ролевые игры, задания типа «продолжи рассказ, выскажи свое мнение, прими решение и докажи свою правоту, опровергни мнение коллеги и т.п.», то есть должна быть у ребят возможность проверить на практике полученные ими теоретические знания (сначала навыки должны быть отработаны в аудитории, а потом непосредственно в языковой среде, дабы уменьшить проблему «преодоления языкового барьера»).

Та информация, которую получают студенты, должна быть строго дозированной, системной (должно быть постепенное привлечение нового материала, его нанизывание на старый, «этакий принцип матрешки»). Любое речевое явление должно изучаться нами как часть грамматической системы русского языка, должно подводиться под строгую грамматическую модель (абстрактную схему), у которой есть типовое, яркое, запоминающееся воплощение (речевой образец). Например, сущ.+ прил. (яркое солнце, голубое небо и т.д.):

Какое небо голубое,

Мы не сторонники разбоя...

Для того чтобы языковой материал запомнился и отложился в языковом сознании, мы используем яркие примеры (строчки из известных песен к мультфильмам, кинофильмам), а также пытаемся достичь успеха через представление (через систему упражнений), путем многократного повторения образца (через заучивание образца), цель студентов-иностранцев – понять, усвоить полученные знания, чтобы потом применять их в речевых ситуациях не только на занятиях с сокурсниками, но и в языковой среде носителей языка, что сделать всегда значительно труднее, как показывает наш многолетний опыт работы с китайскими и туркменскими студентами. Наша речь, речь преподавателя является образцом, а образец должен быть ярким, запоминающимся, в меру эмоциональным. Возможно и ассоциативное восприятие языковой действительности некоторыми студентами. При этом всегда надо помнить о том, что мы даем полную грамматическую информа-

цию, например, яркое (какое?) солнце (он, она, оно), сущ. м.р., ж.р., с.р., одуш. ~ недуш. (кто? что?), солнце еще какое? и т.д.

Исправление речевых ошибок студентов тоже должно осуществляться с использованием и привлечением примеров, которые им понятны. Например, я читал газета. Читал (что?) газету, она -- что? – газета. Книга – она -- что? Я читал – прочитал (что?) газету, книгу, афишу и т.д.

Студентам должны быть предложены яркие, современные тексты, сюжетные ситуации для речевого общения, ролевые игры, молодежные современные фильмы и т.п. Все это, на наш взгляд, будет способствовать речевому общению не только внутри студенческой русскоговорящей среды, но призвано активизировать общение с преподавателем, а в дальнейшем и с другими носителями языка.

Например, когда к нам приезжают туркменские студенты, то мы уже знаем, что их удивляет наш растительный мир (у них, например, не растет сирень, нет берез и некоторых других видов кустарников и деревьев, встречающихся у нас). Можно предложить познакомиться с нашим удивительным растительным миром сначала на основе текстов, а потом и гуляя в парке или сквере.

Береза (см. определение в словаре).

Лингвистический комментарий

Былина – русская народная эпическая песня о богатырях.

Почка, мн. почки, почек – не развившийся еще побег растения, зачаток цветка, листка или стебля с листьями. – Почки на деревьях.

Береста – верхний слой коры, содранный с березы. // прилаг. берестяной.

Умелец, умельца – умелый и искусный работник. – Народный умелец.

Лучина – тонкая длинная щепка.

Век – столетие. Двадцать первый век.

Жилище – помещение для жилья.// прилаг. жилищный. Жилищные условия.

Вырубать, вырубить (что?) – уничтожить рубкой. – Вырубить рощу.

Задание 1. Прочитайте текст и ответьте на вопрос: «Как люди используют березу?»

Красавицей русского леса называют люди березу. Стройная, с тонкими длинными ветвями и раскидистой кроной, она привлекательна во все времена года. О березе сложили много песен, преданий, создали много картин. Ее все знают, это самое распространенное дерево. Символ и гордость русского народа.

Зацветает береза в конце апреля и в первых числах мая. Цветки у нее скромные – сережки. А когда появятся на березе желтые листья, -- значит, пришла осень.

И все из березы используют люди. Из почек приготавливают лекарство. Из ветвей делают

метлы и веники. Из бересты народные умельцы мастерят лукошки для сбора грибов и ягод. Из ствола березы делают мебель, прочные лыжи и т.д. Березовый сок идет на приготовление напитков и кваса.

Нельзя представить себе жизнь наших предков без березы. Источником света служила березовая лучина, которая много веков освещала их жилища.

Всего насчитывается более 140 видов берез. В Беларуси их 70 видов. Но некоторые виды берез из-за неразумных вырубок исчезают. Ныне занесены в красную книгу пять видов берез. В среднем возраст березы достигает 120 лет.

Задание 2. Ответьте на вопросы.

Как люди называют березу?

Как выглядит береза?

Чем является береза для русского народа?

Чьим символом является береза?

Что делают из березовых почек?

Что мастерят народные умельцы из бересты?

Что еще можно сделать из березы?

Чем служила березовая лучина предкам белорусов?

Сколько существует видов берез?

Сколько видов берез занесено в Красную книгу?

Из-за чего исчезают некоторые виды берез?

Сколько лет может жить береза?

Ответы на вопросы по тексту должны быть полными, грамотно построенными. Преподаватель обращает внимание на род, число, падеж существительных, вид глагола, на лексическую сочетаемость слов.

Задание 3. Поставьте слова в скобках в нужном падеже.

Люди называют березу красавицей ... (русский лес). 2. О березе сложили много ... (песни, предания). 3. Береза – символ и гордость ... (русский народ). 4. Из ... (березовые почки) приготавливают лекарство. 5. Из ... (береста) народные умельцы мастерят лукошки для сбора ... (грибы и ягоды). 6. Жизнь наших предков нельзя представить без ... (береза). 7. Березовая лучина служила нашим предкам ... (источник света). 8. Всего насчитывается 140 ... (виды берез). 9. Березовый сок идет на приготовление ... (квас).

Задание 4. Составьте вопросный план текста.

Задание 5. Перескажите текст по составленному плану.

Задание 6. Расскажите по плану, составленному вами, о любом другом дереве.

ЗАПОМНИТЕ

Сок из березы – березовый сок

Задание 7. Измените словосочетания по образцу: каша из риса — рисовая каша.

лучина из березы –

напиток из яблок –

дом из дерева –

мороженое из молока –

часы из золота –

вино из винограда –

платье из шелка –

Образец: рыбный суп – суп из рыбы.

берестяное лукошко –

стеклянная ваза –

бумажный самолетик –

железная дверь –

кофейный напиток –

резиновый мяч –

яблочный пирог –

Задание 7. Перевести русский текст на родной язык, а потом обратно.

Цель такой работы – рассмотреть текст оригинала и перевода и сделать выводы об изменениях текста в процессе перевода.

В качестве творческого задания можно предложить выучить наизусть и рассказать, например, стихотворение С. Есенина «Береза».

На старших курсах, когда уже есть определенный уровень знаний, можно предложить следующее задание:

Перепишите текст. Расставьте в нем знаки препинания. К какому стилю можно отнести этот текст? Докажите правильность ваших рассуждений

В прибрежных водах озер болот рек и речек нередко заросли камыша тростника рогоза этими словами в русском языке называют сходные но разные водные растения с высоким стеблем из них тростник отличается пустотелым коленчатым как у бамбука стеблем с соцветием в виде метелки а рогоз выделяется соцветием в виде бархатно-коричневой палки наиболее употребительны из трех слов камыш и тростник в повседневной разговорно-бытовой речи они нередко смешиваются и взаимозаменяются хотя и обозначают разные растения часто встречаются эти слова в поэтических произведениях в ряде южных говоров например в курских как и в украинском языке тростник называют очеретом языковеды видят связь этого наименования со словами чертить черта в их древнем значении резать нарезка зарубка для этого сопоставления есть основания ведь стебель тростника имеет коленчатое как и бамбук строение и кольца утолщения на его стебле отделяющие одно колено от другого и есть своеобразные нарезки зарубки.

Цель такого задания не только проверить навыки грамотного письма (в данном случае постановка знаков препинания), но и проверить навыки в области стилистики, логики, самостоятельности мышления и т.п.

На занятиях по РКИ уместно и нужно использовать игровые технологии. Игра способствует закреплению грамматических и лексических знаний, развивает коммуникативные навыки. Игры,

как нам кажется, можно применять на всех этапах обучения русскому языку как иностранному, начиная с алфавита и заканчивая изучением текста. Особенно полезно «поиграть» на последних занятиях, когда чувствуется усталость, нет той серьезности, что была вначале. Именно игра способна придать занятию неофициальный характер и в то же время она способна заставить заниматься языком до последней минуты, давая возможность преподавателю подытожить пройденный материал.

В качестве игрового материала можно предложить провести экскурсию по университету, своим любимым местам в городе, а также виртуальную экскурсию по родному городу и стране. Игровые технологии помогут, например, и при выполнении такого вида работы, как озвучивание мультфильма или эпизода фильма и т.п.

Можно подготовить презентацию с использованием изученного лексического и грамматического материала.

Как и в любом деле, так и при изучении иностранного языка должен быть стимул, например, лучшие студенты едут учиться в страну изучаемого ими языка, посещают ее как туристы (если

они изучают язык вне у себя в стране), получают определенные бонусы, которыми смогут воспользоваться во время экзамена, получают возможность провести занятие со студентами младших курсов (смогут убедиться в своих знаниях, проявить умения и навыки, приобретенные за время обучения) и т.д.

Заключение. Итак, наша основная цель – дать ключ к употреблению слов в речи, к построению словосочетаний, предложений, закрепив это через представление, путем многократного повторения образца. Основная задача студентов-иностранцев – поняв, усвоить полученные знания с целью применения их в речевых ситуациях не только на занятиях с сокурсниками, преподавателем, но и в языковой среде носителей языка, что сделать всегда значительно труднее.

Таким образом, мы видим, что проблема методики преподавания русского языка как иностранного остается актуальной и сегодня, требуя от нас новых подходов и методов обучения иностранных специалистов в современных условиях.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г

УДК 811.161.3:801:81'42

«Няхай крыштальная ваза вашага жыцця нападуняецца чыстай крынічнай вадою», или Поздравительный текст в сопоставительном аспекте

Сладкевич Ж.Р.
Гданьский университет

Статья посвящена анализу специфики русских, белорусских и польских юбилейных поздравлений, адресованных женщинам — научным сотрудникам, ученым. Автор указывает на особенности сложившейся культурной парадигмы, а также историю жанра поздравлений. Определив прагматические параметры жанра поздравления, автор отмечает общие для рассматриваемых культур черты конструирования поздравительных текстов. Юбилейное поздравление имеет канонический инвентарь выразительных средств, позволяющий из набора речевых клише сконструировать поздравление, адекватное ситуации, гендерной принадлежности и статусу юбиляра. Статью завершает выявление национально-культурных различий русских, белорусских и польских поздравительных текстов.

Ключевые слова: поздравление, гендер, культурная парадигма, речевое клише, сопоставительный ракурс.

(Ученые записки. — 2018. — Том 27. — С. 164–171)

«Няхай крыштальная ваза вашага жыцця нападуняецца чыстай крынічнай вадою», or Birthday Greetings in a Comparative Aspect

Sladkevich Zh.R.
University of Gdansk

The article is devoted to the analysis of the specifics of Russian, Belarusian and Polish jubilee greetings addressed to women scientists. The author points out the characteristic features of the current cultural paradigm and the history of the genre of greetings. Having determined the pragmatic parameters of the genre, the author notes the features of the texts composition that are common in the considered cultures. The birthday greeting possesses a canonical inventory of expressive means, which allows with the help of a set of speech clichés to create wishes appropriate to the occasion and the celebrant's gender and status. The article identifies the national cultural differences in birthday jubilee greetings of Russia, Belarus and Poland.

Key words: congratulation, gender, cultural paradigm, speech cliché, comparative perspective.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 27. — P. 164–171)

Витиеватый слог – подарок мой!
Ажурных рифм орнамент непростой.

В современной культурной парадигме, отмеченной не только динамическими преобразованиями, связанными с бурным развитием интернет-технологий, экспансией экранно-визуальных форм передачи информации, иконизацией семиосферы, но и общей установкой на интертекстуальность, игру с языковыми и культурными кодами, жанрология (жанристика) становится популярным направлением гумани-

тарных наук [1], позволяющим определить как набор клишированных форм для определенных типов высказываний, так и национально-специфичный характер языковой креации.

В настоящее время предпочтительными становятся иные варианты речевого поведения, особенно в электронной среде. Следует отметить его игровой характер, ориентацию на языковую моду и общее усиление фатического начала в публичном общении, т.е. коммуникативной интенции, направленной на установление и поддержание контакта с другими членами коммуникативного

пространства [2]. Одним из фатических жанров, отвечающих задачам современного общения и легко адаптировавшихся в электронной среде, является гипержанр *поздравления*.

Материал и методы. Изучению поздравлений, как в национальной, так и межкультурной перспективе, посвящены труды О.А. Евтушенко, Э. Лассан, Ж. Сладкевич, Т.В. Сухотериной и др. Согласно Т.В. Шмелевой, речевой жанр – это устойчивое вербальное оформление особого сочетания коммуникативной цели автора, направленной на адресата, с факторами речевого и событийного прошлого и будущего при типовом диктумном содержании [3]. Гипержанр объединяет ряд собственно жанров, обладающих вариативными содержательными, формальными и коммуникативно-семиотическими признаками (в нашем случае это поздравительная записка, открытка, валентинка, поздравительный тост и т.п.). Развернутое поздравление расширяется за счет субжанров – пожеланий, похвал, комплиментов, благодарностей, шуток и т.д. В интернет-пространстве можно отметить детальную дифференциацию рассматриваемого гипержанра на множество отдельных субжанров, т.е. адресативно-тематических групп: поздравления с праздником (Новым годом, 8 Марта, Днем победы и т.п.), с юбилеем, годовщиной свадьбы, новосельем; поздравления с днем рождения женщине, мужчине, сестре, бабушке и т.п.

В данной работе вкратце опишем генезис поздравительного жанра, его типовую специфику, а также укажет на общие и дифференциальные черты русских, белорусских и польских поздравлений, адресованных женщине-ученому. Материалом для исследования послужили поздравительные тексты, размещенные на сайтах: http://bookz.ru/authors/elena-kara/million_251/page-3-million_251.html; <http://pozdravok.ru>; <http://vseh-pozdravim.ru>; <http://best-pozdravleniya.ru>; <http://otebe.info/pozdravlenie>; <http://zyczenianaurodziny.com.pl>; <http://www.wierszykolandia.pl>; <http://alekartki.pl>; <http://skarbniczyczen.pl>; <http://zyczeniaurodzinowe.net>; <https://mag.relax.by/prazdnik/dr/10443475-pozdravlenija-s-dnem-rozhdenija-na-beloruskom-jazyke/>; <http://vlio.ru/birthday/na-raznyh-yazykah>.

Результаты и их обсуждение.

Генезис жанра. Историю отдельных поздравительных жанров прослеживают с 17 века, когда правилам составления поздравлений обучали в Киево-Могилянской академии, согласно поэтике того времени – в стихотворной форме. Воспитанники академии должны были уметь «прилично поздравлять приятелей, говорить за бокалами благожелательные речи друзьям и торжественным образом встречать известные годовые праздники» [4]. В эпоху просвещения материальным

эффектом возросшего внимания к эпистолярным жанрам стало первое печатное руководство по составлению сочинений (1708) – «переводный письмовник, давший начало “кумплиментарной” переписке, содержащий 130 образцов писем, в том числе и поздравительных» [5]. В 19 веке стабилизируются каноны жанра, а поздравительные тексты отличаются большей изысканностью стиля и строгой нормативностью языковых средств. Поздравительные открытки ведут свое происхождение от визитных карточек, появившихся в Париже в середине 18 в., выражавших личные чувства и отношения (в отличие от современных визиток, несущих служебно-адресную информацию). В праздники было принято объезжать родственников, знакомых, а также сослуживцев и давать визитные карточки с поздравлениями. До середины 20-х годов 20 столетия прямоугольные бумаги с линиями для адреса и местом для марки на одной стороне и каким-либо изображением на другой называли «открытым письмом», «гравированной» или «поздравительной карточкой», что со временем редуцировалось до короткой и удобной лексемы «открытка».

В советский период возросло значение коллективных поздравительных текстов, которые оглашались публично; расширился выпуск стандартных открыток по случаю семейных и государственных праздников, что в конечном итоге привело к клишированию поздравительных текстов.

В настоящее время не только возросло количество поводов для поздравлений (с личными, государственными, светскими или религиозными праздниками), но и появился богатейший ассортимент печатных поздравительных открыток со стандартными текстами, под которыми поздравителю достаточно подписаться. Более того, повысилась степень публичности частных поздравлений посредством масс-медийных ресурсов: радиопередач, бегущих строк на телевидении либо поздравительных колонок в местной прессе. Сетевое же пространство просто изобилует готовыми текстами, составленными копирайтерами: прозаическими и рифмованными, по разному поводу, с самым разнообразным графическим оформлением, анимацией и эффектами 3D. Появились и новые субжанры – антипоздравления и всевозможные «прикольные» поздравления, ставшие реакцией на трансформацию в культурно-коммуникативном пространстве новейшего периода, прежде всего, общую ориентацию на поддержание шуточного общения и гедонистический характер современной культуры.

Специфика жанра. Поздравление – это фатический этикетно-ритуальный жанр, основной задачей которого является приветствие по поводу знаменательного, радостного для адресата события, включающее приятные пожелания в

адрес получателя. Поздравление как одно из проявлений национальной культуры можно рассматривать многопланово – в культурологическом, социологическом, гендерном, собственно лингвистическом аспектах.

Для определения специфики юбилейного поздравления женщине-профессору принципиальными представляются следующие параметры:

форма речи: устная или письменная речь, выполненная в верхнем стилистическом регистре;

сфера общения: как правило, институциональная (корпоративная);

коммуникативная ситуация поздравления предполагает минимум три компонента: адресата (юбиляра – женщину, академического сотрудника), адресанта (поздравителя) и повод для поздравления, который в случае юбилейного поздравления становится основанием для порождения поздравительного текста – празднование круглой даты, важной для адресата речи;

поздравление – фатический жанр; коммуникативная цель – сделать приятное партнеру коммуникации, выразить позитивные эмоции по поводу радостного события в жизни адресата, включающее приятные пожелания в адрес получателя; среди вторичных целей можно отметить как выражение благодарности Учителю, так и – в жанре корпоративного поздравления – объединение и сплочение коллектива, а также стремление продемонстрировать свою принадлежность к данному «кругу»;

признак спонтанности креации поздравительного текста вариативен: он ослаблен в поздравительных открытках, альбомах, плакатах, коллажах, стихах, надписях на подарочных вещах, но усилен, например, в устном поздравлении или короткой поздравительной записке; рассматриваемый субжанр носит, скорее, запланированный характер;

языковая реализация жанра: определяется конфигурацией различных факторов, прежде всего социопрагматического статуса поздравителя и юбиляра, их отношений, а также экстралингвистических обстоятельств произнесения поздравления: «...в каждой культуре поведение людей регулируется представлениями о том, как человеку полагается вести себя в типичных ситуациях в соответствии с социальными ролями» [6];

ответная реакция: в поздравительном жанре она коррелирует с таким коммуникативно-прагматическим качеством, как взаимность-невзаимность поздравлений (так, ожидаемой реакцией на поздравление с общенациональным поводом – Новый год, Рождество, Пасха – является ответное поздравление, диктуемое этикетом). В анализируемом субжанре ответом является прежде всего перлокутивный эффект эмоционального типа (ощущение адресатом радости, удовлетворения,

благодарности), при непосредственной коммуникации выражаемый также на вербальном уровне;

структурные элементы: 1) обращение к адресату, 2) конгратulatoryнная часть – обозначение повода и поздравление с ним, 3) оптативная часть – пожелания юбиляру, иногда с элементами промессива – выражением обещания или надежды, 4) подпись – в случае письменного поздравления; ритуальный характер рассматриваемого жанра – обращение к юбиляру перформативно, носит приподнятый характер и локализовано во времени (приурочено к дате рождения адресата), «поздравление как явление ритуально-праздничной культуры представляет собой комплекс ритуалов, ценностей, устоев, норм, предполагающих соблюдение определенных стереотипов поведения» [7].

Спектр речевых средств, задействованных в поздравительном тексте, обусловлен несколькими факторами: социальным статусом адресата и адресанта, их полом и возрастом, характером взаимоотношений, жизненным опытом, а также актуальной речевой модой, общими национально-культурными образцами. Поздравление имеет свой специфический инвентарь выразительных средств, типовую модель жанра и набор тасуемых речевых клише, усвоенных в процессе семейной и публичной коммуникативной практики. Задачей поздравляющего является создание вариаций по известному образцу, в лучших случаях с небольшой долей импровизации посредством набора условных риторических приемов.

Итак, рассмотрим подробнее специфику юбилейных поздравлений, адресованных женщине-ученому.

Поздравление женщине-ученому в дескриптивном аспекте. Поздравление женщине-профессору – это диффузный субжанр, сочетающий в себе черты эмоционально нагруженных, гендерных поздравлений и официальных поздравлений, связанных со статусом профессора. Опишем в нескольких словах особенности указанных выше типов поздравлений.

Спектр поздравительных текстов, адресованных женщинам по поводу разных праздников, достаточно широк: это поздравления с 8 марта (социальная значимость этого праздника значительно выше в России и Беларуси, где «Международный женский день» является красным днем календаря, официальным государственным праздником и отмечается с большей торжественностью, чем Dzień Kobiet в Польше, ассоциирующийся в сознании представителей социокультурной общности с эпохой коммунизма), в Польше – Днем матери /Dzień Matki/ (26 мая), Днем бабушки /Dzień Babci/ (21 января), с именинами, а также интересующими нас поздравления с днем рождения / юбилеем.

Для поздравлений, ориентированных на женщину-адресата, текстообразующими являются единицы лексико-семантических групп, отмеченных положительной коннотацией и коррелирующих в обыденном представлении с ранжированием ценностей в аксиологической иерархии женщин: любовь, красота, семья, нежность, финансовое благополучие, дружба [8]. Иллюстрируют это положение могут стандартные поздравления, как-то:

Желаю, чтобы этих красивых глаз касались лишь только слезы радости, очаровательных губ – лишь искренняя улыбка. Руки эти, чтобы делали только добрые дела, а сердце всегда переполняла лишь любовь и ощущение счастья.

Дорогая именинница! Ты – как ларец, наполненный самыми удивительными сокровищами: здесь и лучезарная улыбка, и сияющий взгляд и мерцающий блеск волос. Всё это и многое другое – не рассмотреть до конца жизни. Оставайся всегда такой же восхитительной шкатулкой драгоценностей! С Днём рождения!

(<https://xn---8sbggdekzmzvejcmfh8a7s.xn-p1ai/973-pozdravleniya-zhenschine-v-prozhe-krasivo-i-korotko.html>)

Каноническими для поздравлений в адрес женщин в оптативной части являются поэтические метафорические фигуры, связанные в массовом сознании с положительными эмоциями: *аромат цветов, букеты роз, весна / лето, солнце / сияние луны, пение птиц, звон бокалов вина, а в «заклинательной» части (с модальностью нежелательности – «пусть не коснется», «пусть уйдет»)* лексемы с антонимичной коннотацией: *осень, ненастье, слезы, печаль:*

*Няхай крышталёная ваза вашага жэўцыя
Напаўняецца чыстай крынічнай вадою
І ў ёй ніколі не звянуць:
чырвоныя ружы каханья,
белыя лілеі вернасці
і сціплыя рамонкі надзеі!*

(https://vk.com/topic-18923125_27496028)

*Urodziny – dzień radosny,
Pelen kwiatów zapach wiosny.
Dziś chcę złożyć Ci życzenia,
Szczęścia, zdrowia, powodzenia.
Niech Ci słońce jasno świeci,
I w radości dzień przeleci.
Niech odejdą smutki, troski,
By nastąpił dzień radości.
Te życzenia choć z daleka,
Płyną niby wielka rzeka.
I choć skromnie ułożone,
Są dla Ciebie przeznaczone.*

(<http://wierszykolandia.pl/urodziny?start=30>)

На сегодняшний день структура и языковые формы выражения поздравительных текстов клишированы в высокой степени (ср. обычный «набор» пожеланий: *крепкого / сибирского здоровья, кавказского долголетия, цыганского веселья, моря улыбок, океана любви / цветов; spełnienia marzeń, pogody ducha, oddanych przyjaciół, cudownych chwil*):

Море счастья, океан везения.

Много денег, и здоровья,

И удачи, и любви.

Чтоб, конечно исполнялись,

Все желания твои!

Я желаю только света,

Теплоты, любви земной,

Чтоб печали и ненастья

Не угнались за тобой.

(<https://pozdrav.org/more-schastya-ocean-vezeniya>)

*W jesieni życia spełnienia marzeń,
pogody duchy na co dzień,
morza radości, życzliwych ludzi
wokół siebie, którzy sprawią, że
Twoje siedemdziesiąte urodziny będą wyjątkowe.*

(<http://powinszowania.pl/zyczenia-urodzinowe-na-70/page/2/>)

Таким образом, механизм создания поздравительного текста «можно уподобить встряхиванию калейдоскопа, при котором складываются все новые и новые комбинации замкнутых в тесном пространстве элементов» [9]. С одной стороны, стандартизированные поздравительные тексты создают впечатление «отписки», поскольку юбиляр ожидает индивидуализированного послания, созданного «от души» персонально для него; с другой же – клишированность поздравительного текста, доведенная до абсолюта и нагромождение в нем речевых штампов, сегодня может быть ключом к юмористическому прочтению текста.

Следует отметить, что, несмотря на то, что отличительной чертой русской лингвокультуры является некоторое «размывание» повода в поздравительном сообщении, в юбилейном тексте обозначение круглой даты рождения в начальном или финальном блоке становится ключевым элементом наррации: *Юбилей для женщины – повод не для грусти. Это повод гордости, опыта, признания, это полоса любви, что вновь не отпустит, это уважение и всегда внимание; Сёння дзень твайго юбілею, і ў гэта свята жадаю шчодра здароўя, незлічонага багацця, шмат доўгіх гадоў жэўцыя!; W tak uroczystym dniu Urodzin Twoich, przyjmij tych życzeń garść z rąk moich.* В юбилейном поздравлении снимается табу на вопрос о возрасте женщины, поскольку именно дата может быть доминантой смысловой структу-

ры такого текста. Заметим, что при экспликации юбилейной даты в поздравительной наррации зачастую задействованы различные стратегии аппрециации, т.е. «повышения» значимости повода, в т.ч. путем выявления культурно обусловленной символики юбилейной даты:

*70 lat, to piękny wiek,
a tyle jeszcze dobrego może zrobić człek.
Siódemka to liczba szczęśliwa,
siedem dni w tygodniu, siedem nocy też bywa.
Kiedyś siedmiolatek zdrowy i wesoły
zasuwał rankiem do odległej szkoły.
A po siedmiu latach – już wyuczony
niejeden szedł do pracy, inny szukał żony.
Dawniej w Egipcie było siedem tłustych lat,
potem było 7 chudych, by opamiętał się świat.
Jest siedem sakramentów świętych –
Ile jest przy tym uroczystych momentów!
Jest też siedem głównych grzechów,
żeby człowieka oderwać od uciech(ów).
Było też siedmiu dzielnych samurajów
i tyleż siedmiu kowbojów wspaniałych.*
(<http://wiersze.kobieta.pl/wiersze/70-lat-185117>)
Ср.:

*Семерка – это счастье, удача и везение,
Поэтому сегодня не просто день рождения –
Сегодня юбилей ваш, красивый и прекрасный,
И дней больше не будет печальных и ненастных.*

(http://privetpeople.ru/index/krasivye_pozdravlenie_s_jubileem_70_let_zhenshhine/0-2003)

Вторым слагаемым юбилейного поздравления женщине-профессору является субжанр поздравления учёному, отмеченный усилением черт официальности и институциональности. В значительной степени меняется ценностная парадигма, выстраиваемая в тексте: доминирует пожелание успехов и достижений, великих возможностей и перспектив, полезных идей и креативных новшеств, общественного признания и поддержки заявки на грантах; акцентируется вклад юбиляра в развитие науки, а среди личных качеств подчеркиваются глубокий интеллект, талант и целеустремленность:

*Солидный опыт, кладезь знаний,
И череда почётных званий...
Отдали службе много лет,
Нам не сравниться с Вами. Нет.
У вас нет времени для скуки,
Вы — занимаетесь наукой.
Статьи, учебники, доклады...
Сейчас трудиться много надо,
Чтоб без лукавства, без бравад
Иметь в науке результат!*

*Сегодня — праздник! Нам утеха,
А Вам желаем мы успехов,
Статей научных, монографий,
Почётных грамот, фотографий...
Семь футов под килём — всегда,
Удач — на многие года!*
(<http://pozdravok.ru/pozdravleniya/den-rozhdeniya/professionalnye/uchenomu/>)

Отметим, что поздравительные тексты этой группы, особенно прозаические, как правило, можно разложить на составляющие их субжанры, к примеру:

*Wielce Szanowna Pani Profesor!
Z okazji tak pięknego jubileuszu, pragniemy z całego serca podziękować Pani Profesor za:
- sprzyjającą pracy naukowo-dydaktycznej przyjazną i twórczą atmosferę;
- naukową oglądę i klucze do bram wiedzy, obecność w naszym życiu naukowym;
- atencję dla naszych indywidualizmów;
- za to, że mieliśmy szczęście mieć Mistrza i Przewodnika (...)*

Gratulujemy wszystkich sukcesów zawodowych, wypromowanych magistrów, doktorów i „zaopiekowanych” habilitantów. Wyrażamy dumę dla tak pięknej ścieżki awansu naukowego, i wielu dowodów poważania w środowisku, w tym zwłaszcza związanych z pełnionymi funkcjami. (...)

Życzymy Pani Profesor jeszcze wielu lat w zdrowiu, przychylności Fortuny, spełnienia marzeń i realizacji planów życiowych i zawodowych zamierzeń, a także sił do aktywności na tych polach.

(http://www.ezit.ue.wroc.pl/p/katedry/katedra_gospodarki_regionalnej/o_katedrze/3d_jubileuszowe_zyczenia_dla_prof_danuty_strahl.pdf)

В последнем тексте можно усмотреть, по меньшей мере, трехчастную субжанровую структуру: 1) благодарность профессору за научное руководство и творческую атмосферу на работе, 2) поздравление по поводу выдающихся профессиональных достижений и 3) оптимизм – пожелания здоровья, сил и реализации личных и творческих планов.

Для поздравительных текстов в адрес людей науки характерно обилие прецедентных имен, реминисценций и другого рода интерсексуальных ссылок, что коррелирует со спецификой научно-исследовательской сферы:

*Нерукотворный памятник оставил Пушкин по себе,
Куинджи памятник оставил рукотворный...
А что ученый сделал на земле,
Всю жизнь прожив со взглядом отрешенным?
(...)*

Веласкес-гений, Репин, Пикассо...

Их имена мелькают на страницах.

Ученый изобрел — и вот, пожалуй, все...

Но видит Бог, мы вправе им гордиться!

(<https://www.pozdravunchik.ru/pozdravleniya/s-dnem-rozhdeniya/professionalnie/uchenomu/page/4/>)

Отметим, справедливости ради, что в абсолютном большинстве своем «поздравления ученому» адресованы мужчинам, что проявляется не только в вокативах, но и всей грамматической структуре текста.

Сопоставительный анализ русских, белорусских и польских юбилейных поздравлений. Переходя к сравнительному анализу поздравительных контентов, адресованных женщинам, отметим, что на русских, белорусских и польских сайтах наблюдается различная типология поздравительных текстов. Так, поздравления с круглой датой дня рождения гораздо проще найти на русских интернет-страницах, причем в «разветвленной версии»: юбилейное поздравление для мужчин / женщин, коллег, начальников / подчиненных, с разной датой (25, 40, 50, 60, 70 и т.п.) Белорусскоязычных поздравительных сайтов значительно меньше, чем русскоязычных и они не дифференцированы по субжанрам. На польских же сайтах на запрос «*zyczenia jubileuszowe*» появляются исключительно поздравления с очередным десятилетием совместного проживания /z okazji Godów/ на rocznicę ślubu/), индивидуальные же юбилейные поздравления в контенте структурно не вычленены, по этому случаю обычно выбираются поздравительные тексты на день рождения /urodzinowe/, отдельно рубрикой среди них представлены поздравления с совершеннолетием /na 18-tkę/; в свою очередь польские электронные поздравления с днем рождения, в отличие от русских, не дифференцированы по гендерному признаку.

В результате исследования поздравительных текстов, приуроченных к юбилейному дню рождения женщины, нами были сделаны некоторые обобщения относительно специфики данного речевого жанра в рассматриваемых коммуникативных культурах (см.: 5) и, несмотря на их близость, выявлены некоторые различия.

(1) Для русских и белорусских поздравительных текстов, по сравнению с польскими, характерно более осязаемое присутствие поздравляющего субъекта в тексте поздравления — через местоимение *я* /*мы*, личное окончание или чувственное выражение своего отношения к поздравляемому посредством эпитетов и обращений, свидетельствующих о включении адресата в ближайший круг адресанта (*родная, любимая, дорогая*):

С юбилеем вас, родная, Пусть везет всегда во всем;

Тебе, родная, семьдесят настало! Хочу тебе я многое сказать;

Хотим тебя поздравить и с нежностью сказать, В душе ты молодая, как будто 25!

(<http://otebe.info/pozdravlenie/70-let-zhenshhine.html#ixzz4bs9MV5PY>);

Віншаваць добрых людзей заўсёды прыемна, а такога выдатнага чалавека, як ты, прыемна ўдвая. Я шчыра жадаю, каб у цябе, дарагая, заўсёды было досыць усмешак, сонечных дзён, удалых сітуацый, поспеху, захапленняў, кахання, віншаванняў, падтрымкі, верных сяброў, геніяльных ідэй, цікавых задумак, толькі важных людзей, грошай, пачуццяў і эмоцый, сілы, смеласці!

(<https://mag.relax.by/prazdnik/dr/10443475-pozdravlenija-s-dnem-rozhdenija-na-beloruskom-jazyke/>)

(2) Для трех национальных культур характерно использование определенного набора поздравительных речевых клише. В русских поздравлениях частотным выражением (поздравляю) *от всей души / от всего сердца*, которое можно связать с признанием *души* ключевым концептом русской ментальности, равно как и белорусской:

Ад шчырага сэрца ў дзень юбілею

Жадаем радасці, светлай надзеі.

Шчасця ў будні, шчасця ў святы,

Хай добрыя весткі прыходзяць у хату,

Хай будуць заўсёды здароўе і сіла,

Жыццё няхай будзе доўгім, шчаслівым.

https://vk.com/topic-18923125_27496028

Сегодня светлый праздник — юбилей!

Спешит поздравить Вас весь круг друзей.

Слова хочу от всей души сказать:

Любви, здоровья, счастья пожелать!

<http://pozdravok.ru/pozdravleniya/yubiley/zhenshhine/7.htm>

В польских поздравлениях, рассмотренных автором, не были зафиксированы лексемы *pogratulować / powinszować*. Стиль прозаического (а также и рифмованного) поздравления, в начале которого всегда указан повод — *z okazji jubileuszu / urodzin*, по сравнению с русским и белорусским представляется более официальным: *Z okazji urodzin przyjmij z głębi serca płynące życzenia; Z okazji urodzin pięknie życzę Ci wszystkiego co najlepsze; W dniu Twych urodzin, w dniu pełnym radości, życzę; W dniu urodzin życzę Ci; Kiedy dzień Twych urodzin nadchodzi, Oddać życzenia mnie się godzi!* Эта формула (*z okazji* — ‘по поводу, по случаю’) в польских поздравлениях встречается весьма часто,

что не столь характерно для восточнославянского корпуса.

(3) Необходимо обратить внимание на высокую частотность использования в русских и белорусских пожеланиях формы повелительного наклонения с частицей *пусть* / *пускай*, *хай* / *няхай* / *каб*. В таком случае побуждение в третьем лице адресовано некоторой безличной силе, способной выполнить желаемое, поздравляемый же предстает пассивным получателем даров судьбы:

*Пусть радостным будет Ваш дом.
Достаток, уют пусть в нём будут,
Друзья пускай Вас не забудут.
Пусть сил Вам хватает на всё,
Стремленья зовут далеко.
И каждое Ваше желание
Пусть сбудется без ожидания.
Пусть в сердце пребудет любовь,
А счастье пусть в Ваш входит кров.*

(<http://pozdravok.ru/pozdravlениya/yubiley/zhenshchine/4.htm>)

*Няхай вам сонца смяецца,
Няхай вам усё ўдаецца.
Хай вас любяць родныя,
і шануюць людзі.
Хай ясным і светлым
Кожны дзень будзе.*

(https://vk.com/topic-18923125_27496028)

Э. Лассан отмечает, что частица *niech* ('*пусть*') «встречается в польских текстах (*niech życie słodko płynie*), однако гораздо реже, чем в русских, что лишает их заклинательного характера русских поздравлений» [10].

(4) С отмеченной выше синтаксической формой оптативных предложений с частицей *пусть* / *няхай* связан не только ритуализованный, заклинательный характер русских поздравлений, но и безграничный оптимизм пожеланий, в которых жизненная перспектива мыслится как полоса ничем не омрачаемого счастья, а также некий фатализм, ожидание помощи от некой могущественной и безличной силы [11]:

*Жадаю, каб шчасце табе ўсміхалася,
І мара любая заўсёды здзяйснялася.
Вяселле і радасць, і добры настрой
Хай крочаць заўсёды з табой!
(https://vk.com/topic-18923125_27496028)
Родная, я счасця жэлаю тебе і сямье,
Пусть невзгоды не коснутся тебя вообще,
Солнечное настроение пусть будет всегда,
И каждый миг жизни счастьем будет для тебя!*

<http://pozdravok.ru/pozdravlениya/yubiley/zhenshchine/7.htm>

И несмотря на иррациональность и некоторую семантическую опустошенность таких пожеланий, можно предположить, что именно они обнаруживают мечтательность национального способа мышления, специфику концепта «счастье» в восточнославянской лингвокультуре, проявляющуюся в христианской благодати и умиротворенности, а также несокрушимой вере и надежде на то, что «лучшее, конечно, впереди».

(5) В аксиологическом ракурсе следует отметить, что «счастье», «любовь», «семья» и «здоровье» – это ценности совпадающие. Однако если преобладающее большинство русских и белорусских юбилейных поздравлений характеризуется некоторой абсолютизацией счастья, то в польских можно отметить большую рефлексивность, рациональность и рассудительность:

*Gdy świat ogłosi Twoje urodziny,
spójrz wstecz, wspomnij minione dni i godziny.
Pomyśl, czy masz to, co chciałaś,
czy zdobyłaś tego, którego kochałaś.
A jeśli nie, to niech dni wolniej biegną
i wszystkie życzenia się spełnią!*

(<http://www.wierszykolandia.pl/urodziny>)

*Z dumą przyznaj się do wieku,
Bo wiek świadczy o człowieku.
Ogrom wiedzy, doświadczenia
Godny jest pozazdroszczenia.
Każdy dzień witaj z radością,
Darz swych bliskich szczerą miłością.
Przez życie idź z uśmiechem szerokim,
Stawiaj czoła górą wysokim.*

(<http://alekartki.pl/zyczenia/urodziny/na-70-tke>)

В таких текстах заметно восприятие жизненных невзгод как неизбежности, а пожелания направлены скорее на их быстротечность, чем отсутствие:

*Niech anioł Cię chroni przed złem tego świata,
a miłość da Ci siłę na walkę z przeciwnościami losu.
Wszystko co piękne i wymarzone niech w Twym
życiu będzie spełnione. Niech życie słodko płynie,
a wszystko, co złe niech szybko minie.*

(<http://www.gazetawroclawska.pl/artukul/3410739,zyczenia-urodzinowe-zobacz-tutaj-zyczenia-na-urodziny-zyczenia-sms,id,t.html>)

Заключение. Завершить наш обзор поздравительных текстов хотелось бы искренними словами восхищения глубокими познаниями и научными достижениями Профессора Валентины Авраамовны Масловой – выдающегося белорусского ученого мирового уровня. Из уважения к Профессору финальное поздравление выражу на родном для нее языке:

*Няхай здзяйсняяцца ўсе надзеі,
Расце павага, слава на вачах,
У жыцці здараюцца цудоўныя падзеі,
І будзе доўгім Ваш вучоны шлях!*

Литература

1. Вежбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / А. Вежбицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 68-80.
2. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. С. 108-109.
3. Шмелёва, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. С. 90-91.
4. Граудина, Л.К., Миськевич, Г.И. Теория и практика русского красноречия. М.: Наука, 1989. С. 23.
5. Сухотерина, Т.П. Поздравление как гипержанр естественной письменной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук, Барнаул 2007. С. 69.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 74.
7. Сухотерина, Т.П. Поздравление как гипержанр естественной письменной русской речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Кемерово 2007. С. 11.
8. Сладкевич, Ж. Роз душистых, вечеров тенистых: юбилейное поздравление женщине как фатический сетевой жанр (в сопоставительном ракурсе) / Ж. Сладкевич // Magia ksiąg. Księgi magii, Gdańsk: WUG, 2017. С. 225-242.
9. Карпова, Е.В. Речевой жанр поздравление: на границе культуры и масс-культуры / Е.В. Карпова // Русская словесность. 2002. №3. С. 62.
10. Лассан, Э. Об обрядовых жанрах интернета (на примере поздравительных текстов, связанных с появлением новорожденного) / Э. Лассан // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 129.
11. Колесов, В.В. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности / В.В. Колесов // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 98-106.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81-23

Билингвальное мировидение и образы мира в художественном тексте

Тагаев М.Дж., Борчиева Б.Т.
*Киргизско-Российский Славянский университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

В статье М.Дж. Тагаева и Б.Т. Борчиевой «Билингвальное мировидение и образы мира в художественном тексте» на материале произведений Чингиза Айтматова исследуется вопрос о том, каким образом билингвальное мировидение писателя при помощи образных средств контактирующих языков (метафор, фразеологических оборотов и паремнологических средств) удается соткать художественный текст, в котором органично сопряжены культурно-языковые ценности русского и тюркского мира.

В произведениях Ч. Айтматова на русском языке мы находим образные средства, которые принадлежат к разным культурам и эпохам, со времен античности до наших дней. В них много устойчивых оборотов, пословиц и поговорок, мифологических сюжетов, навеянных киргизской культурой. Они естественным образом, ненавязчиво вплетаются в художественный текст, образуя интернациональную матрицу архетипов сознания, благодаря чему книги писателя находят живой отклик у каждого читателя независимо от его национальной принадлежности.

Ключевые слова: текст, метафора, фразеологизм, пословицы, поговорки, паремнология, аксиология, мировидение, когнитивная лингвистика, языковая картина мира, образ мира, билингвизм, языковое сознание.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 172–177)

Bilingual View and Images of the World in Literary Text

Tagaev V.D., Borchieva B.T.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after Boris Yeltsin

The article “The bilingual view and images of the world in a literary text” written by Mamed Tagaev and Baktygul Borchieva and based on the works of Chingiz Aitmatov examines the question of how the writer's bilingual world view with the help of figurative means of contacting languages (metaphors, phraseological units and paremiological means) can weave a literary text which organically combines cultural and language values of the Russian and Turkic world.

In the works of Ch. Aytmatov in Russian we find figurative means that belong to different cultures and eras, from antiquity to the present day. There are a lot of stable figures of speech, proverbs and sayings, mythological plots inspired by the Kyrgyz culture. They are naturally, unobtrusively intertwined in the artistic text forming an international matrix of the archetypes of consciousness, thanks to which the books of the writer find a ready response from every reader, regardless of their nationality.

Key words: text, metaphor, idiom, proverbs, sayings, paremiology, axiology, world view, cognitive linguistics, language picture of the world, image of the world, bilingualism, language consciousness.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 172–177)

Имя профессора В.А. Масловой, истоки профессионального становления которой как выдающегося ученого-языковеда современности берут начало в Кыргызстане, широко известно лингвистической общественности нашей страны. Редкая работа, написанная на киргизском или русском языках, обходится без обращения и цитирования ее научных положений. Основные результаты исследований В.А. Масловой стали методологической базой и надежным инструментом для многих лингвисти-

ческих описаний киргизского языка в когнитивном и, особенно, в лингвокультурологическом аспекте. В сопоставительном языкознании они позволяют выявить особенности иной культуры, отраженные в языке, бросив взгляд с позиций другого, контактирующего языка.

В этой юбилейный год мы хотим пожелать В.А.Масловой крепкого здоровья, творческих успехов и подчеркнуть, что она для нас самый желанный гость, внесший огромный вклад в науку и образование Кыргызстана.

В качестве ведущей характеристики лингвистики начала 21 века В.А. Маслова называет нацеленность ее на междисциплинарное осмысление языковых явлений и переход от фактического знания к глубинному [1].

Данная мысль перекликается с идеями классиков языкознания. Подчеркивая значимость формы и внешней структуры языка для выявления его индивидуальности, тем не менее В. Гумбольдт указывал, что «сущность языка..., его более своеобразный и подлинный характер покоится на чем-то более тонком, сокровенном и менее доступном для анализа» [2, 162]. Различие между языками он видит не столько в их внешних проявлениях, сколько в различиях самом мироведении наций [2, 319]. Более того, мироведение этноса, составляющее глубинный уровень языка, предопределяет технику языка, мотивирует появление и характер самих грамматических форм.

К примеру, формирование изафета и наличие притяжательных аффиксов в субстантивных формах киргизского языка объясняется особенностями тюркского мироведения, где каждая вещь представляется принадлежащей кому-то (ср. *досум* 'друг мой', *досуң* 'друг твой', *досу* 'друг его'). Этот расклад в мышлении тюркского этноса отражается закрепляется в формах языка, и «причина здесь явно не синтаксическая, но какая-то другая, глубже залегающая в способе представления народа» [2, 153].

Следовательно, глубинные основы языка лежат не в плоскости его формального устройства; они кроются глубже и обнаруживаются на уровне творческих интенций и аксиологических представлений нации, в совокупности создающих это мироведение.

Глубинные знания, отраженные в лексическом богатстве родного языка, ассоциативных метафорах, паремиологических средствах, мифах и сказаниях народа, в наибольшей степени воздействуют на эмоциональную сферу и восприятие мира человека и влияют на поведение личности. Об этом хорошо сказал Ч.Т. Айтматов: «Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве может напоить душу поэзией, рожденное опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков» [3, 112].

Через слово проявляют себя концепты родного рода: идеи, фреймы, образы, представления, сценарии. Их национально-культурная специфика не только в наличии или отсутствии их в том или ином языке, но и в глубинной интерпретации, связанной с мироведением этно-

са. Так, например, слово *грызть* в русском языке имеет значение 'крепко сдавливая зубами, раздроблять крепкое, твердое; раскусывать'. В киргизском языке ему соответствуют два слова *кемируу* и *мулжсуу*. Если первое из них полностью соответствует по семантике русскому слову *грызть*, то значение второго представляет собой результат национально-культурной интерпретации данного концепта: *мулжсуу* включает в себя сему 'кость' и имеет значение 'грызя зубами или срезая с кости ножом есть мясо'. Национально-культурная семантика концепта в том, что уже в акте его наименования, закладывается программа его использования в дискурсе для обозначения в определенной национально ориентированной коммуникативной ситуации.

Ч. Айтматов – писатель двуязычный, который прекрасно владел обоими языками – и киргизским, и русским. Феномен языкового сознания билингвальной личности является одной из загадочных проблем психологии и лингвистики. С точки зрения психологии, сознание – это внутренний мир человека, представляющий способ отношения к объективной действительности [4]. Психологический подход к его изучению основывается на положении Л.С. Выготского, суть которого А.Р. Лурия излагает следующим образом: следует искать источники сознательной деятельности не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни [5, 23]. «Смысл мира должен находиться вне мира», – утверждал Л. Витгенштейн [6, 70]. Поэтому сознание в самом себе не может быть изучено; изучать его можно по внешним проявлениям, важнейшим из которых является речевая деятельность человека, а для мастеров слова – художественный текст.

У писателя, владеющего двумя языками как способами этнокультурного мировосприятия и оценки мира, они оба во взаимодействии движутся к одной цели – передать и описать авторскую интерпретацию действительности. Поэтому писатели-билингвы обретают особое многоаспектное мышление, которое позволяет иначе взглянуть на события и оценить их с разных сторон, синтезировать и связать воедино в создаваемой ткани художественного текста национально-культурное содержание двух миров, что недоступно человеку, владеющему одним языком. В сознании Ч.Айтматова удивительным образом сопологаются и взаимодействуют между собой смысловые пространства двух образов мира, которые отражают национально-культурную идентичность современного киргиза.

Мы мыслим образами, представлениями. Эти образы и представления складываются в нашем сознании как результат интерпретации мира представителями данного этноса и откладываются в формах родного языка. Когда писатель начинает творить средствами второго языка, он переносит и вкладывает в слова смыслы и образы, укоренившиеся в его сознании под влиянием родного языка. Благодаря этим процессам создается художественный текст, обретающий особый колорит, иное видение мира, которое и можно назвать стереоскопическим.

В творениях Ч. Айтматова можно выделить, по крайней мере, три способа внесения в текст на русском языке образов киргизского мира: 1) обращение к этнокультурной лексике; 2) создание лексических метафор на базе киргизского мировидения; 3) перенесение фразеологических оборотов и паремиологических средств из киргизского языка.

Этнокультурные реалии киргизского быта представлены лексическими единицами, вкрапленными в художественный текст на русском языке: *бешик, курджун, тебетей, чапан, талкан, аскер, келин, конул, бозо, байбиче* и др. *С тех пор, как Сейде родила, сон у нее чуток, как у птицы. Перепеленав ребенка в сухое, она сидела при свете фитиля, приткнувшись боком к бешику**. Такие обращения к лексике контактируемого языка следует охарактеризовать как кодовые смещения, используемые в тех случаях, когда писатель-билингв считает, что русский эквивалент не может в полной мере передать национально-культурный образ как элемент языковой картины мира. Они придают тексту своеобразный колорит и билингвальную стереоскопичность, позволяющие рельефно обрисовать национально-культурный образ мира с позиций киргизского этноса.

В процессах кодовых смещений принимают участие такие лексические единицы киргизского языка, которые служат для обозначения концептов и реалий киргизской действительности, которым нет соответствий в русском языке. Сравните, *кайни* 'младший брат в роду по мужу'; *джеге* 'жена старшего брата'; *джаргылчак* 'каменная ручная мельница'; *талкан* 'молотое жареное зерно'; *бозо* 'хмельной напиток из пшеницы или кукурузы'; *ырчи* 'аильный певец'; *темир комуз* 'киргизский музыкальный инструмент', *конул* 'пространство под нарами, на которые складывают тюки одеяла и кошмы'.

Благодаря включению киргизских слов с национально-культурной семантикой русский читатель имеет возможность окунуться в особый мир внутренних переживаний героев. Сравните, *Ее*

[Сейде] ухо слышит его гудение: словно темир комуз выводит тоскливый «Плач верблюдицы» – 'народную киргизскую песню о верблюдице, потерявшей верблюжонка'.

В совершенстве владея арсеналом языковых средств русского языка, тем не менее Айтматов считает нужным бросить взгляд на окружающий мир с позиций культурно-языкового мышления и оценки мира представителя киргизского этноса. Это выражается в языковой интерпретации лексических единиц. Писатель точно подметил, что в ту эпоху языковое сознание киргиза воспринимало слово *германия* в усеченной форме как *герман**, а слова *фашист* и *повестка*, несмотря на то, что в тексте представлены так же, как и в русском языке, артикулировались соответственно, как *башыст* и *бавестке*.

Киргизский образ мира представлен необычными для русского сознания сравнениями. Обратим внимание на следующий текст: *В углу, накрывшись поверх одеяла чапанами, спала све-кровь. Старая она, слабая, кашляет со стоном, как больная овца*, Киргизам, испокон веков занимавшимся разведением овец, знакомо состояние болящей овцы, в их сознании отразился ее тихий и частый кашель. Поэтому сравнение кашля старой больной женщины с овцой ярко передает этот образ. Поиски в национальном корпусе русского языка дают совершенно другие результаты: *кашлять, как старый курильщик поутру, кашлять, как туберкулезный, кашлять как Бальмонт, кашлять, как перегруженный воз, кашлять, как это всегда бывает, если оборвешь курево.*

Необычным является и сравнение снега с квиллой (расползающейся от ветхости) кошмой: *Снег, точно квелая кошма, сразу расплзся рваными прогалинами, земля дышала паром.* В Национальном корпусе русского языка этот образ уходящей зимы выражен в языке русских писателей следующими сравнениями: *Вдоль дороги лежал неопрятный снег, точно его полили спитым чаем; Через мокрый, почерневший снег, точно изъеденный червями, пробивается своей желтой головкой первый Подснежник и весело крикнул тоненьким голоском.*

Отполированная до блеска каждодневным трудом земледельца мотыга у Айтматова сравнивается с зеркалом: *Темно-густым багрянцем полыхало зарево по верхам клевера, и при каждом взмахе ослепительно ярко блестел в руках Байдалы отполированный землей зеркальный кетмень.* Не без влияния киргизского языка появилось и сравнение *сон как у птицы 'куш уйку'* в тексте: *С тех пор, как Сейде родила, сон у нее чуток, как у птицы.*

Не только окружающий мир, но и национально-культурные модели социального поведения и взаимоотношения людей в художественном тексте Айтматова обретают свой колорит. Сравните: – *Сын свекрови! Сын моей свекрови!* – сдавленным шепотом выговорила она по привычке и, уже большие не в силах сдерживаться, назвала его по имени: «Исмаил!».

Концепт-представление, обозначенное собственным именем Исмаил, в речи его жены Сейде выражается пропозицией *сын моей свекрови*, так как нормы киргизского этикета в прошлом не позволяли женщинам называть супруга или его старших родственников по имени. В этих случаях им приходилось прибегать к подобного рода эвфемизмам.

Другого рода эвфемизмы встречаются, когда женщинам необходимо обратиться к старшему родственнику мужа. В этом случае для этой цели избирается наиболее характерный признак (физический, по роду деятельности и др.) того, к кому обращаются. К примеру, для называния субъекта использован признак по роду занятий в следующем отрывке: – *Ай, почточу-аке, нет ли мне письма?* – кричала она робким, неуверенным голосом.

Находим у Ч. Айтматова и иную, отличную от русского языка, лексическую сочетаемость слов: *Далеко отсюда кочевали мысли Сейде*. Слово *кочевать*, отражающий образ жизни киргизов-номадов, является более объемным по содержанию и имеет более широкий круг сочетаемости, чем в русском языке.

Мир, населенный героями из повести Ч. Айтматова “Лицом к лицу”, состоит, как и положено горной местности, из овечьих троп, дальних лугов, поросших чийняком и кураем, увалов и бугров. Сравните, *Почти каждый день, в сумерках, с дальних лугов, густо поросших чийняком и кураем. Долго бредет она по неприметным овечьим тропам с увала на увал и, когда аил уже близко, присаживается на бугре отдохнуть в последний раз.*

Представление “овечья тропа” почти незнакомо человеку из России. Для киргиза *овечья тропа* – это узкие протоптанные овцами дорожки, по которым они идут и возвращаются с пастбища. Это тропы, которыми испещрены горные местности, составляют природный мир киргиза. Русскому языковому сознанию представляется необычным сочетание *овечья тропа*, создающее подобную картину мира. Для русского человека *овечьей* скорее может быть *шерсть, шкура, морда* и др. К примеру, у А.И.Куприна встречаем поговорку: *рожа овечья, а душа человечья.*

Айтматов с легкостью создает новые словообразовательные формы на базе тюркских названий для обозначений реалий окружающего мира.

Так, к примеру, слово *чийняк*, которое не зафиксировано в словарях русского языка (отсутствует оно и в Национальном корпусе русского языка), образовано от тюркского слова *чий* со значением ‘многолетнее травянистое растение семейства злаков, произрастающее обычно в степях и полупустынях или на каменистых склонах’ при помощи суффикса *-няк*. Слово *чий* заимствовано русским языком и отмечено в ряде словарей русского языка. Однако в русском языке нет слова для обозначения совокупности растений *чий*, покрывающих определенное пространство, как, например, *березняк, дубняк, ивняк, прутняк* и др., обозначающие соответствующие реалии в российской действительности.

В тексте повести находим и окказиональные мотивированные образования на базе киргизских вкраплений, созданные по продуктивным словообразовательным моделям русского языка. Сравните, *Беспрерывно хлопали двери бозокерской кибитки, слышны были пьяные голоса поющих*. Такими же необычными представляются словообразовательные окказионализмы, как *чабанить, засаманить*, которые созданы по образцу продуктивной словообразовательной модели, представленной в русском языке словами *рыбачить, батрачить, пророчить, шоферить*.

Билингвальное языковое сознание Ч. Айтматова представлено не только внешними языковыми формами, но и внутренней семантикой киргизского языка, что передается на русском языке путем соположения слов и предложений, создающих своеобразие текста. Сравните: *Кто из этих цветущих юношей вернется, а кто ляжет в могилу на чуждедальной земле?*

В русском языке причастие *цветущий*, как правило, обретает метафорический смысл в сочетании с абстрактными существительными (вид, молодость, рай) и при обозначении лиц женского пола, сохранивших здоровый внешний вид (дама, женщина). В этой связи употребление, *цветущий юноша* в тексте Айтматова не соответствует логике языкового мышления на русском языке, где понятие само слово *юноша* уже подразумевает молодого человека в начале расцвета жизненных сил.

К такого же рода словоупотреблениям с национально-культурной спецификой относятся выражения *базарный день* со значением времени, *дух предков*, отражающее доисламские верования киргизов и др., отмечаемые в текстах: *Бог даст, привезу в базарный день... – Оо мин! Да поможет вам дух предков, возвращайтесь с победой!*

Средствами русского языка Ч. Айтматов отображает смысл существования киргиза, его жизненную философию. Главная ценность для кир-

гиза – это его дети. В тексте его книг встречаем выражение *богоданный*, которое выходит из активной лексики русского языка, однако так близко и понятно киргизскому читателю, поскольку представляет собой точную кальку киргизского слова – *Кудай берген*. Сравните: – *Ну-ка, поди, в каждой ли семье по три сына? Ты мне их родила, а другого богатства мне не надо... Вот они, мои богоданные молодцы!*

Действительно, Ч. Айтматов тонко передает это трепетно-благодостное отношение в народе к детям, который воспринимает каждое дитя как божий дар. Возможно, ребенок и не самый лучший, каким бы он ни был, он свой, ибо другого никто не даст. Отсюда у писателя и рождается текст: – *Если женщина змею родит, то и змея для нее своя плоть, как своя печень, не отделишь от себя*. В сознании киргизов змея есть метафора, олицетворяющее зло, и его невозможно отвергнуть, если это (ребенок) вышедший из нутра женщины плоть от плоти, он становится близким и неотторжимым, словно печень (печень для киргиза – средоточие родственных чувств).

Особое место в художественном тексте Ч.Айтматов занимают паремиологические средства и фразеологические обороты, калькированные с киргизского языка или навеянные киргизскими образами мира. К ним относятся выражения типа *вместе с чубом сносятся и голова*, используемое в тех случаях, когда хотят осудить чрезмерную прыть. «Вырвать из жизни кыргызского народа «Манас – то же самое, что отрезать язык всему народу. Избавится ли, наконец, наше общество от излишней прыти, когда *вместе с чубом сносятся и голова?*» – сказал в конце своей речи Ауэзов. (Ч. Айтматов, М. Шаханов. Плач охотника над пропастью).

Писатель отдает себе отчет, что истоки используемых оборотов берут начало в национальных образах киргизского языка, и поэтому он вводит их в текст при помощи пропозиций «истари говорят», «так появилось у народа выражение», «это так принято у киргизов». Подчеркивая близость духовного и культурного родства и образных средств тюркских народов, в частности – киргизского и казахского, Ч.Айтматов говорит: «Тогда и появилось у наших народов выражение: *«Если в горах плачет ребенок кыргызов, в долине у матери-казашки болит грудь...»*».

Окружающая среда, род занятий этноса становятся источником формирования мировидения этноса. Киргизы-кочевники, основным занятием которых было разведение скота, и поэтому зоонимические образы становятся для них своеобразной призмой, через которую они видят мир, переносят поведение животных на человеческие

отношения. Отсюда рождаются необычные для русского языкового сознания калькированные выражения: 1) « – *Ничего, конь по одному следу тысячу раз ступает, может, еще когда-нибудь встретимся...»* («Тополек мой в красной косынке»). 2) *Я в замешательстве. Вот уж в самом деле: потянешь так – арбу поломаешь, потянешь эдак – быка покалечишь.* (Ч. Айтматов, М. Шаханов. Плач охотника над пропастью).

Это и создает «стереоскопичность зрения» писателя-билингва, которая выстраивает мировидения через призму двух языковых кодов культуры. Мастерство Ч.Айтматова состоит в том, что образы киргизского мира, вкрапленные в русский текст, не выглядят навязчивыми, а органично вплетаются в создаваемую картину мира. Сравните, « – *Недаром говорили истари: жена ночью кошкой ластится, а днем змеей*».

Целый ряд выражений из киргизского языка создают в художественном тексте на русском языке национально-культурный колорит, взрывающая сознание читателя необычностью образов. К примеру, такими являются выражения *играть на конских ушах*, использованное во фразе: «*Стар он был, но «играл на конских ушах», что у нас означает – быть ловким наездником*».

Обратим внимание еще на один оборот – *как камень в печенку* из текста «– *Попробуй объяснить. Хотя разговор этот для меня – как камень в печенку.* («Когда падают горы»). В аксиологии киргизов камень и печень – воплощение мертвого и живого. *Печень* ‘боор’ – это символ близости как по крови, так и по духу (*боорум* ‘кровный родственник’, *боордош* ‘имеющие общую печень, близкие по духу’). Следовательно, выражение *как камень в печенку* приобретает способность обозначить резкое противостояние, создающее смысл «Против силы, против воли, очень болезненно, неприятно».

Билингвальное творчество основано на семантике двух языков, и процесс создания художественного текста идет путем сопряжения образов двух разных миров. В конечном итоге творческий замысел писателя реализуется в форме одного языка с вкраплениями языковых форм и представлений из другого языка, благодаря чему происходит процесс органичного перетекания, взаимопроникновения и взаимовлияния языков и культур. «Писать на русском языке для меня, что снимать широкоформатно», «опыт другого языка с большим «литературным стажем» и стоящей за ним культурой постоянно присутствует и помогает мне исподволь...» [7, 181].

Билингвальный образ мира, создаваемый творческим воображением Ч.Айтматова, позволяет читателю понять и осмыслить окружающую

действительность с разных позиций, проникнуться ценностями другой культуры, совершить современному киргизу культурный сдвиг в сторону евразийской ментальности. Национально-культурную идентичность современного киргиза Ч. Айтматов видел в прообразе человека, в котором органично соединяются национальное своеобразие, идущее из глубины веков, и то, новое, что рождено современной действительностью [4, 112].

Феномен Ч. Айтматова как великого писателя заключается не только в высокой художественности его произведений. Велика в этом и лингвистическая составляющая, представленная главным образом метафорами, фразеологическими и паремиологическими средствами из разных языков и культур, что позволяет мастеру слова выстроить такую межкультурную матрицу архетипов сознания, которая близка и понятна каждому читателю независимо от его национальной и культурной принадлежности.

Литература

1. Маслова В.А. Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Филология: история и современность. Philology: history and the present. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennaya-lingvistika-nauka-o-cheloveke-ego-soznanii-yazyke>.
2. Гумбольдт В.фон. Избранные работы по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000.
3. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983.
4. Айтматов Ч.Т. Чудо родной речи // Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: АПН, 1988.
5. Лурья А. Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
7. Айтматов Ч. Человек между двумя языками // В соавторстве с землей и водой... Очерки, статьи, беседы, интервью. Фрунзе, 1978.
8. Дмитриева Л.И., Тагаев М.Дж., Шепелева Г.П. Фразеологический мир Чингиза Айтматова. – Бишкек, 2018. – 329 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 811.161.3

Ускладненыя тыпы эліптычных канструкцый у беларускай мове

Чайка Н.У.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. Танка

Артыкул прысвечаны аналізу канструкцый з эліпсісам дзеяслова ўскладненых тыпаў. Апісаны структурна-сінтаксічныя фактары функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова на аснове ўзаемадзеяння рознаўзроўневых адзінак сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы. У даследаванні прадстаўлены ўскладненыя структурныя тыпы канструкцый з эліпсісам дзеяслова – ускладнена-паўпрэдыкатыўны, ускладнена-далучальны, ускладнена-інтрадуктыўны – і спецыфічныя сродкі і спосабы рэалізацыі семантыкі ў названых канструкцыях, выяўлены заканамернасці іх функцыянавання ў беларускай мове.

Ключавыя словы: канструкцыі з эліпсісам дзеяслова, структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі, кампенсаторны кампанент, ускладнена-паўпрэдыкатыўны, ускладнена-далучальны, ускладнена-інтрадуктыўны тыпы.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 178–183)

The Complicated Types of the Ellipsis Constructions in the Belarusian Language

Chaika N.Y.

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank

The article deals with the verb ellipsis constructions of the complicated types. The structural-syntactic factors of the verbs ellipsis constructions are described on the basis of the correlation of the split-level syntactic units in the Belarusian language. The study presents different ellipsis constructions of the complicated types – complicated semi-predicate, complicated-conjunctive, complicated-introductive – and specific means and methods of semantics realization in these constructions; functioning principles in the Belarusian language are revealed.

Key words: ellipsis constructions, structural-syntactic modifications, a compensative component, complicated semi-predicate, complicated-conjunctive, complicated-introductive types.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 178–183)

Развіццё сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы на сучасным этапе выклікала значнае пашырэнне структурна-сінтаксічных мадыфікацый: канструкцый з эліпсісам дзеяслова, парцэляваных канструкцый, канструкцый з імпліцытнай семантыкай, з сінтаксічнай рэдукцыяй і кампрэсіяй, вытворных канструкцый, падпарадкаваных універсальным філасофскім законам актуалізацыі неабходнай інфармацыі. Антрапацэнтрычны характар сучасных моўных працэсаў выклікаў тэндэнцыю да ўдасканалення механізмаў рэгулявання моўнай сістэмы, што паўплывала на карэляцыю паміж развіццём мыслення і матэрыяльнымі сродкамі яго выражэння. У сувязі з гэтым тыпалагічнае апісанне адзінак дынамічнага сінтаксісу з выяўленнем спецыфікі моўных з'яў і заканамернасцей іх функцыянавання стала

адным з прыярытэтных напрамкаў айчыннага і замежнага мовазнаўства. Гэту працу ў поўным аб'ёме магчыма ажыццявіць толькі з дапамогай вытлумачальнага патэнцыялу тыпалагічнай характарыстыкі аб'екта і метадалогіі, якая выяўляе сутнасць і прыроду сінтаксічнай з'явы.

Адным са складаных і актуальных феноменаў дынамічнага сінтаксісу з'яўляецца эліпсіс. Названая праблема разглядалася ў межах розных сінтаксічных школ і напрамкаў – логіка-граматычнай, псіхалагічнай, структурнай, семантычнай, функцыянальнай. Моўная варыятыўнасць разглядалася таксама на аснове метадалагічных прынцыпаў тыпалагічнага мовазнаўства. Сучасныя канцэпцыі сінтаксічных тыпалогій – кантэнсіўная (Г.П. Мельнікаў [1]), парадку слоў (А.У. Цымерлінг [2]), граматыка-

структурная (J. Pottelberge [3]), семантика-дыстрыбутыўная (В.А. Круглякова [4]), сінтактыка-семантычная (S. Karolak [5]), статычна-дынамічнай антыноміі (І.А. Неўская [6]), структурна-граматычная (Р. Симић [7]), структурна-семантычная (І.І. Дзягавец [8]), логіка-сінтаксічная (Н.У. Князева [9]), семантика-граматычная (S. Kittil [10]), тыпалогія семантычных адносін (Т.М. Андрэева [11]), семантика-сінтаксічная (E. Thompson [12]) – заснаваны на характары класа аб'ектаў. Аднак тыпалогія канструкцый з эліпсісам дзеяслова ў названых працах не даследавалася. Актуальнасць даследавання абумоўлена адсутнасцю ў лінгвістычнай літаратуры канцэптualaнага апісання структурнай арганізацыі канструкцый з эліпсісам дзеяслова, неабходнасцю выяўлення кваліфікацыйных, класіфікацыйных і сістэмаўтваральных параметраў для іх аналізу і ўпарадкавання. Такі падыход дазволіць ахарактарызаваць ускладнены тыпы канструкцый з эліпсісам дзеяслова.

Эліптычныя канструкцыі з адасобленымі акалічнасцямі назіраюцца не часта. Параметры структурнай тыпалогіі, заснаваныя на відах сінтаксічнай сувязі, што забяспечваюць кампенсаторную функцыю, дазваляюць нам вылучыць ускладнена-паўпрэдыкатыўны тып. Адметнай асаблівасцю названага тыпу выступае тое, што кампенсаторная функцыя членаў сказа ажыццяўляецца на аснове паўпрэдыкатыўнай і далучальна-паўпрэдыкатыўнай сінтаксічнай сувязі.

Часцей назіраюцца адасобленыя акалічнасці, звязаныя з сінтаксічнай пазіцыяй выказніка паўпрэдыкатыўнай сувяззю, якая надзвычай рэдка мае дамінантны характар і вызначае сэнс элінсаванага дзеяслова. У большасці выпадкаў семантика падобных сказаў маркіруецца канстантным кампанентам – лакатывам: У глыбокай даліне, нібы прытаіўшыся, – хутар з вялікім садамі і стогадовай хатай (Янка Брыль) або кампанентамі з манафункцыянальным характарам: дырэктыву-фінішам: Ліда, усё гэтак жа сама сабе ўсміхаючыся, шклянкі і цукар – на стол... (А. Жук); тэмпаратывам: Ад цямна да цямна я – «Лявоніху», крукам сагнуўшыся (М. Гарэцкі); спосабам: І раптам гул, запаўняючы вестыбюль і лесвіцу (А. Федарэнка); Белазэраў, жмурачы вочы, тонкім голасам да Ваціка (С. Баранавых) і інш. Выражаюцца такія акалічнасці пераважна дзеепрыслоўямі, а самі сказы часта выкарыстоўваюцца ў якасці загаловаў да інфармацыйна-публіцыстычных тэкстаў: Па Нёмане – перасякаючы межы («Настаўніцкая газета»). Кампенсаторная функцыя падобных кампанентаў мае выражаны ха-

рактар у эліптычных канструкцыях з поліфункцыянальным лакатыўным кампанентам.

Кампенсаторны кампанент у такіх сказах адмяжоўвае семантыку статычнай лакалізацыі: За ракой – невялічкая вёска, прыгожа атуляючы пакручасты бераг (Янка Брыль); На ўзлесці, снегам абцярушаныя, марозам умарожаныя, – Халімонавы ды Якушавы сані (С. Баранавых) ад семантыкі руху: Макрына моўчкі ў бок жытняга поля, раскідаючы скрадзены позірк паабпал агародаў (С. Баранавых); Васька, шоргаючы нагавіцамі па асфальце, – у бок клуба (А. Жук); Загацкі, гуляючы, у бок пошты (А. Жук). У выпадках, калі спосаб у эліптычных сказах мае поліфункцыянальны характар (можа спалучацца з прэдыкатамі руху і статычнай лакалізацыі), адасобленыя акалічнасці выразна маркіруюць сказ семантыкай руху, указваючы яго на спосаб: Наперадзе, выцягнуўшыся ў шнур, увесь табун аленяў (В. Карамзаў). Аднак у большасці выпадкаў спосаб маркіруе эліптычны сказ семантыкай актыўнага дзеяння: А чаго госць стоячы? (Г. Марчук).

У пераважнай большасці адасобленая акалічнасць назіраецца ў эліптычных канструкцыях з канстантна маркіраванай семантыкай статычнай лакалізацыі: А ў вачах – смугою – сіняе Палессе, // А на губах – тугою – далёкай мяты пах (Г. Бураўкін). Намі выяўлены канструкцыі з кантэкстуальным эліпсісам, дзе адасобленыя акалічнасці ўдакладняюць асноўнае дзеянне: Найчасцей людзі сыходзілі раней. Адны – проста спатоліўшы цікавасць, другія – як бы выканаўшы неадменны, нялёгка абавязак (І. Мележ); І ў гэты дзень тыя, што назіралі, глядзелі па-рознаму. Адны – чапляючы смяшкі, другія – гамонячы, спрачаючыся паміж сабой, трэція – моўчкі, хаваючы ў сабе сваё думанне (І. Мележ).

Эліптычныя канструкцыі з адасобленымі азначэннямі ў беларускай мове адзінаковыя. Самі ж адасобленыя азначэнні ў такіх сказах характарызуюцца адвольным месцаразмяшчэннем адносна элінсаваных членаў сказа, разнастайнасцю будовы і спосабаў выражэння. Іх кампенсаторная функцыя мае нявыражаны характар і рэалізуецца на аснове ўзаемадзеяння з сінтаксічнай пазіцыяй выказніка.

Адасобленыя азначэнні ў адзінаковых выпадках здольны маркіраваць семантыку руху: Паспрабуй, акальцаваны, // Не па кругу – папярок (Я. Янішчыц).

У большасці выпадкаў адасобленыя азначэнні звязваюцца атрыбутыўнай або далучальнай сінтаксічнай сувяззю. Пры гэтым кампенсаторны

кампанент у такіх сказах мае канстантны характар – лакатыў з указаннем на дынамічную лакалізацыю: Мае ласкава-сумныя радкі, // Народжаныя сумнымі начамі, – у сшытак // Спешна, ад рукі. // Сустрэнуцца не хутка з чытачамі (М. Шабовіч) або лакатыў з указаннем на статальную лакалізацыю аб'екта: Перад фасадам дома – гародчык, абнесены частаколам (В. Хомчанка). Адасобленыя азначэнні выражаюцца дзееспрыметнікамі і прыметнікамі.

Граматычныя ўмовы адасаблення спрыяюць разгортванню сінтаксічных пазіцый шляхам ускладнення структуры, што дае магчымасць лексемам узаемадзеінічаць паміж сабой на аснове рознай сінтаксічнай сувязі. Працінастаўленне выражанага і нявыражанага (камунікатыўныя ўмовы адасаблення) прадвызначае дадатковае ўскладненне і ўзмацненне сэнсавай важнасці адасаблення. Сэнсавыя ўмовы адасаблення дазваляюць пераразмяркоўваць семантычныя функцыі кампанентаў: адасоблены член страчвае якасці дадатковага паведамлення і становіцца сэнсавай дамінантай выказвання.

Структурна-сэнсавае ўзаемадзеянне паміж адасобленым членам сказа і сінтаксічнай пазіцыяй выказніка ажыццяўляецца на аснове паўпрэдыкатыўнай (адасобленыя азначэнні і акалічнасці) і далучальнай (адасобленыя акалічнасці) сувязі. Іншыя віды сувязі (атрыбутыўная або паясняльна-ўдакладняльная) прадвызначаюць сінтаксічную сувязь з недзеяслоўнымі кампанентамі, таму з эліпсаваным выказнікам не ўзаемадзеінічаюць.

Паўпрэдыкатыўныя адносіны абумоўліваюць наяўнасць дадатковай мадальнасці і тэмпаральнасці, якая мае індикатыўны характар.

Выпадкі, калі ў якасці кампенсаторнага кампанента выступае параўнальны зварот, выключна рэдкія. Прычынай выступае той фактар, што кампенсаторная функцыя ўласціва параўнальным зваротам са скрытай прэдыкатыўнасцю. Пры гэтым у эліптычных канструкцыях павінны адсутнічаць паралельныя кампаненты аб'ектнага або суб'ектнага тыпу, а інакш параўнальныя адносіны не будуць ахопліваць прэдыкатыўны кампанент.

Сутнасць скрытай прэдыкатыўнасці заключаецца ў тым, што параўнальны зварот звязваецца не з асобнымі славаформамі, а са зместам астатняй часткі сказа, таму эліптычная канструкцыя ўспрымаецца як цэласная сітуацыя: Молат, кавадла ды сэрца Багрыма. // Іскры – як сноп агнявы – з-пад рукі (З. Дудзюк) (Іскры выбіваюцца з-пад рукі, як сноп агнявы выбіваецца); Ды нямецкі цягнік бранявы // Ля

паўстанка – нібы ля парога (П. Прыходзька) (Ды нямецкі цягнік бранявы спыняецца ля паўстанка – нібы спыняецца ля парога). Прэдыкатыўны кампанент у такіх канструкцыях мае скразны характар – адносіцца адначасова да асноўнай і да параўнальнай частак.

Уласнае параўнанне, што ўласціва канструкцыям з эліпсісам дзеяслова, фарміруе двунакіраваную сувязь – адносіць увесь параўнальны зварот да выказніка: Воблакі на небе – як светлыя верхавінні далёкіх гор у белым, бліскучым снезе (М. Гарэцкі). Часцей параўнальны зварот маркіруе семантыку статальнай лакалізацыі: Слупы, як прывіды, назбоч (У. Скарынкін); Усё тут, як у матчыным пакоі (Г. Багданава); Нібыта кветкі, // На сініх вербах снегіры (А. Вялюгін); Наўсцяж – палі, як на далоні, // І кропкі сцірт, і ржэўя шчэць (М. Калачынскі), семантыку руху: На поплаве – шчаслівая дзяўчынка, // Як матылёк, – Упрыскач па траве (А. Грачанікаў); А гарматы зенітныя // Нібы з вады, з глыбіні – // Кракадзілы (З. Бядуля), семантыку зрокавага ўспрыняцця: А потым, як праз ваду, праз хвалі, – айчымаў твар (Г. Багданава); Знізу не відаць, што на іх, за грэбнем. А стуль усё – як на далоні. Берагі блізка – нейкія тры крокі ў бакі (І. Мележ). У эліптычных канструкцыях з семантыкай актыўнага дзеяння або адносінаў параўнальны зварот выконвае функцыю акалічнасці спосабу дзеяння і выразна маркіруе адпаведную семантыку: Дзятлік еты і Глушак. Як каршакі, следацельна, удваіх – каля адной (І. Мележ); Сонца за Нёманам – як праз закапцелае шкло (Янка Брыль); Візантыя да цябе з чыстым сэрцам, як некалі варагі... (М. Матукоўскі). У канструкцыях з сінанімічным пераўтварэннямі параўнальны зварот можа паясняць вытворны прэдыкат: Я буду ў працы пасільнай і ў чаканні... як твае іншыя жоны (А. Петрашкевіч), выконваць функцыю вытворнага прэдыката: І зоркі пяцікутныя для нас – як маякі (А. Куляшоў) або разгорнутага прэдыката без пераўтварэнняў: Як хмарны дзень – // Так маю сэрца сёння... (Л. Геніюш).

Скрытая прэдыкатыўнасць можа рэалізавацца ў тоеснай семантыцы прэдыката: Там жа, як лёду, мёду (Р. Барадулін); Апошні выбух // Аканіца бою. // За ім, як за гулкай сцяною, – // Цішыня (З. Дудзюк).

Часам скрытая прэдыкатыўнасць рэалізуецца ў канструкцыях з кантэкстуальным эліпсісам. Прычым у такіх сказах назіраюцца паралельныя кампаненты – прадмет параўнання. Узаемадзеянне паміж эліпсаваным выказнікам і прадметам параўнання найбольш моцнае, а

паміж элінсаваным выказнікам паслабленае: На зайздрасць усім жыць будзем! Удваіх – дружно, шчасліва, як ніхто (І. Мележ).

Часцей жа назіраюцца выпадкі, калі параўнальны зварот уводзіцца ў структуру эліптычнага сказа з канстантнай маркіроўкай семантыкі. У такіх сказах звычайна прысутнічае паралельны суб'ектны кампанент, які ўступае ў параўнальныя адносіны: На лузе кветкі веснавыя, // Нібы замочки залатыя (А. Пысін); Унізе горад – як макет // Майго дыпломнага праекта (З. Дудзюк); На нізінах туман, бы кудзельнае мора (З. Бядуля); Бярозкі, аптэка, птушка, а пасярэдзіне, як айсберг – баржа (Г. Марчук); Навокал – самотны роздум, // Бы ў хаце пасля вяселля (С. Грахоўскі); У хаце, як святыня, – стол! На ім – надзённы хлеб і соль, // А гэта ўжо дастатак, значыць (Я. Крупенька); На нізінах – туман, бы кужельнае мора (З. Бядуля).

Структурна-сэнсавае ўзаемадзеянне магчыма толькі паміж сінтаксічнай пазіцыяй эліпсаванага выказніка і параўнальным зваротам пры наяўнасці скрытай прэдыкатыўнасці і адсутнасці паралельных кампанентаў.

Падобныя сінтаксічныя ўмовы дазваляюць акрэсліваць кола лексем, якія могуць запаўняць сінтаксічную пазіцыю эліпсаванага выказніка. Скрытая прэдыкатыўнасць падразумявае не толькі агульны прэдыкатыўна-катэгарыяльны план асноўнай часткі сказа і параўнання, а і тоесную семантыку прэдыкатаў асноўнай часткі і параўнальнай. Атрымліваецца, што скрыты прэдыкат у параўнальным звароце больш выразны, напрыклад: што салдаты стаяць; як цымбальныя струны звяняць.

Значэнне элінсаванага дзеяслова рэалізуецца на аснове семантычнай тоеснасці скрытай і эліпсаванай прэдыкатыўнасці. Адсутнасць паралельных кампанентаў падразумявае прамое структурна-сэнсавае ўзаемадзеянне эліпсаванага дзеяслова з параўнаннем. Структура параўнальных зваротаў не вызначаецца разнастайнасцю: гэта пераважна адзіночныя развітыя або неразвітыя параўнанні, звязаныя са сказам параўнальнымі злучнікамі.

Эліптычныя канструкцыі з адасобленымі дапаўненнямі рэдка назіраюцца ў беларускай мове. У адрозненне ад адасобленых азначэнняў і акалічнасцей сінтаксічная пазіцыя адасобленых дапаўненняў фіксаваная (яны размяшчаюцца ў абсалютным канцы сказа), а іх кампенсаторная функцыя магчыма выключна пры далучальнай сінтаксічнай сувязі. Адасобленыя дапаўненні, звязаныя са сказам паясняльна-ўдакладняльнай сувяззю, паясняюць суб'ект або (радзей) аб'ект і ў якасці кампенсатора нага кампанента

не выступаюць: Падлога ў прыхожай таксама пафарбавана. І шпалеры – замест парудзелых абарваных газет (А. Жук); Цяпер, замест шасейкі, – асфальт, наўзбоч вуліцы незнаёмыя шматпавярховыя блокі (І. Навуменка); Замест ягоньх твораў – старажытная гісторыя беларуска-расійскага памежжа, лёсы гістарычных персанажаў («Звязда»).

Паміж адасобленым далучальным дапаўненнем і астатняй часткай сказа выражаюцца пераважна аб'ектныя або абмежавальна-вылучальныя адносіны. Аб'ектныя адносіны характарызуюцца разнастайнасцю: адасобленае далучальнае дапаўненне можа ўказваць на аб'ект сумеснага дзеяння, надалучаемага аб'ект, што проціпастаўляецца далучальнаму, аб'ект з адмоўным значэннем, аб'ект узаемадзеяння (перцэптыў), дадатковы аб'ект, з дапамогай якога ажыццяўляецца дзеянне, аб'ект маўленчай дзейнасці.

Эліптычныя сказы з устаўнымі канструкцыямі рэдка назіраюцца ў творах мастацкай літаратуры. Кампенсаторныя ўласцівасці ўстаўных канструкцый маюць нявыражаны характар і могуць рэалізавацца выключна ў выпадках, калі здольны маркіраваць эліптычны сказ пэўнай семантыкай. Гэта ажыццяўляецца ў выпадках, калі ўстаўная канструкцыя ўказвае на спосаб дзеяння: Дзяўчаты і хлопцы (дзе падбегам, дзе прыскокам) у бок школы («Настаўнік»), змяшчае лексему, што дубліруе эліпсаваную: Бабуля ўвесь час – пра даваеннае мінулае пасёлка (а ёй было што расказаць) («Настаўнік»), змяшчаюць лексему, сінанімічную ў адносінах да эліпсаванай: Дзяўчаты з дачкой Анелькай – у Краснагорку (яго ўзяўся падвезці сусед Панцялей) (А. Кулакоўскі); Хлопцы дружнай грамадою – у бок Дняпра (а яны любілі прагульвацца вечарамі) («Мы і час»), са значэннем мімалётнай заўвагі: Сляды за хатай (на бяду? на грэх?) (М. Шабовіч); А што там з вашаю сям'яй? // У сорок восем. Нечакана. // Відаць, не думала яна... // (Усплыло акно, нібы з туману, // А ці туман усплыў з акна. // Усплыў яе апошні дзённік, // Журботны, як акна праём) (Я. Янішчыц); Злева – школа (тут летась да вясны вучыў дзяцей і Алесь), справа – даліна валаснога старшыні Сяргееўкі (Г. Далідовіч); Безумоўна, іншым рэгіёнам ёсць чаму павучыцца ва ўладаў Віцебска. Яны робяць усё для таго, каб першыя гадзіны сумеснага жыцця новаспечаных мужа і жонкі былі насычаныя мноствам сюрпрызаў. Маладыя цяпер пасля вяселля – у выканкам (а традыцыя падымацца на вежу і паглядзець адтуль горад ужо моцна прыжылася) («Звязда»).

У большасці ж выпадкаў падобныя ўстаўныя канструкцыі назіраюцца ў сказах з выразнай

маркіроўкай семантыкі: Дзяўчаты (пашанцавала важатым – толькі адна з косамі, не трэба заплятаць) – паперадзе (Г. Багданава); І раптам... (Вось табе і на ...) Аксана (А. Бачыла); Мужчыны вас любіць павінны. // Вам штосьці часта не вязе. // Вось і ў яе таго каханні... // (З чаго б пяклася за мяне?) (Я. Янішчыц); Хоць стаміўся я ад доўгай бяссонніцы, // Чамадан – пад ложка (пасля будзем спаць), // І хутчэй – з Масквою знаёміцца (Е. Букаў).

Як бачна, сэнсавае ўзаемадзеянне паміж эліпсаваным дзеясловам і ўстаўнымі канструкцыямі абумоўлена іх аб'ектыўна-паясняльнай функцыяй, якая рэалізуецца ва ўдакладненні, паясненні, дапаўненні асноўнага зместу сказа. Гэта істотна адрознівае такія сказы ад сітаксічных адзінак з пабочнымі канструкцыямі, што выступаюць у якасці мадальна-ацэнных кампанентаў сказа і таму сэнсавага ўзаемадзеяння паміж імі і астатняй часткай сказа не адбываецца.

Структура ўстаўных канструкцый разнастайная. Гэта могуць быць асобныя кампаненты з паясняльна-ўдакладняльным значэннем (яны ўказваюць пераважна на спосаб дзеяння), прэдыкатыўныя адзінкі, простыя паводле структуры, самастойныя прэдыкатыўныя адзінкі, аднак характар сітаксічных і сэнсавых адносін пры гэтым не мяняецца. Звязваюцца ўстаўныя канструкцыі з астатняй часткай сказа бяззлучнікавым спосабам або з дапамогай гіпатаксічных ці паратаксічных злучнікаў, якія набываюць змястоўна-асацыятыўны характар.

Сэнсавае ўзаемадзеянне эліпсаванага дзеяслова ажыццяўляецца толькі з тымі ўстаўнымі канструкцыямі, якія паказваюць на акалічнасці, што суправаджаюць асноўнае дзеянне. Толькі ў гэтых выпадках устаўныя канструкцыі маюць сэнсавую абумоўленасць, аналагічную ўсталяванай паміж выказнікамі і акалічнасцямі спосабу дзеяння (толькі сэнсавую, а не граматычную). Адметнасць іх у тым, што пры змене сітаксічнай сувязі з інтрадуктыўнай на іншую (гіпатаксічную, паўпрэдыкатыўную, далучальную і інш.) яны могуць пераходзіць у разрад даданых або адасобленых членаў сказа і мець з эліпсаваным дзеясловам, акрамя сэнсавай, граматычную сувязь.

У эліптычных сказах, дзе ўстаўныя канструкцыі выконваюць ролю мімаходнай заўвагі (а пры гэтым яны афармляюцца як прэдыкатыўныя адзінкі), назіраецца двухбаковае сэнсавае ўзаемадзеянне (нават пры адсутнасці граматычнай сувязі паміж устаўнай канструкцыяй і астатняй часткай эліптычнага сказа). У падобных сказах узаемадзеянчаюць

паміж сабой прэдыкаты асноўнай часткі сказа і ўстаўнай канструкцыі, што звычайна прадвызначае ўжыванне ў якасці паказчыка семантыкі дзеяслоўную лексему, якая з'яўляецца сінанімічнай у адносінах да эліпсаванай, а то і ўвогуле дубліруе яе.

Эліптычныя канструкцыі са звароткамі, функцыянаванне якіх рэгулюецца сэнсавымі моўнымі механізмамі, рэдка назіраюцца ў беларускай мове. Звароткі ў такіх сказах маюць неразвітую структуру, выражаюцца тыповымі сродкамі (назоўнікі ў назоўным склоне). Акрамя гэтага, зваротак у структуры эліптычнага сказа здольны адмежаваць дзеянне, уласцівае адушаўленаму або неадушаўленаму суб'екту: Ты, наша песня, – ад вёскі да вёскі (П. Броўка); А вы, дзяўчаты, у хату (Л. Левановіч), адмежаваць семантычныя функцыі кампанентаў, напрыклад аб'екта і лакатыва, дзе ў спалучэнні з парцэляванай канструкцыяй ён выконвае функцыю структурна-семантычнага паказчыка: Я – да цябе ізноў, мой Нёман родны (ЛіМ); Я – да цябе, Мікола. З просьбай (Г. Каржанеўская), указваць на няпэўную асобу і выражацца іншымі формамі – назоўнікамі ва ўскосных склонах з прыназоўнікамі, якія змяшчаюць пры сабе і імператыўныя выклічнікі: Гэй, у лодцы! Ану – да берага (Г. Марчук). Указвае на няпэўную асобу праз месца яе знаходжання і вызначае канкрэтнае значэнне эліпсаванага дзеяслова ў межах лексіка-семантычнай групы руху.

Такім чынам, асноўным фактарам функцыянавання эліптычных канструкцый з эліпсісам дзеяслова ўскладненай будовы выступае структурна-сэнсавае (эліптычныя сказы з аднароднымі і адасобленымі членамі) або сэнсавае (эліптычныя сказы са звароткамі і ўстаўнымі канструкцыямі) узаемадзеянне паміж эліпсаваным выказнікам і сродкамі ўскладнення структуры сказа. Структурна-сэнсавае ўзаемадзеянне часцей рэалізуецца на аснове паўпрэдыкатыўнай сітаксічнай сувязі, радзей на аснове паратаксічнай, параўнальнай, інтрадуктыўнай, далучальнай сітаксічнай сувязі. Інтрадуктыўная сітаксічная сувязь характарызуецца толькі сэнсавай узаемаабумоўленасцю. Структурна-сэнсавыя моўныя механізмы спрыяюць кампенсацыі эліпсіса шляхам пашырэння, разгортвання або ўскладнення структуры сказа рознымі сітаксічнымі пазіцыямі – аднапланавымі, разнапланавымі, свабоднымі і абумоўленымі, са скрытай прэдыкатыўнасцю і інш. Закон семантычнага ўзгаднення рэгулюе найбольш эфектыўнае выкарыстанне моўных

сродкаў у элінтычных сінтаксічных канструкцыях розных відаў.

Структурна-сінтаксічныя фактары функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова прадугледжваюць узаемадзеянне рознаўзроўневых адзінак сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы. Прычым кожны структурны тып сінтаксічнай адзінкі сфарміраваў спецыфічныя сродкі і спосабы рэалізацыі семантыкі эліптычных канструкцый, якія ў сукупнасці і складаюць заканамернасці функцыянавання іх у беларускай мове.

Структурная арганізацыя канструкцый з эліпсісам дзеяслова абумоўлена структурна-сэнсавымі моўнымі механізмамі – законамі рэгулявання сінтаксічных сувязей і адносін. Структурныя фактары праяўляюцца ў сінтаксічных сувязях і адносінах, якія забяспечваюць ускладненне і пашырэнне сінтаксічнай структуры сказа, разгортванне сінтаксічных пазіцый эліптычнага сказа, структурна-сэнсавас узаемадзеянне частак складанага сказа з эліпсісам дзеяслова, а таксама элінтычных і парцэляваных або самастойных канструкцый у структуры звышфразавога адзінства. На аснове ўзаемадзеяння рознаўзроўневых сінтаксічных адзінак можна кваліфікаваць кампаненты паводле іх сінтаксічнай функцыі, а таксама паводле прыналежнасці да таксанамічнага класа. Сэнсавыя фактары праяўляюцца ў абмежаванні кола лексем, якія могуць запаўняць незамешчаную сінтаксічную пазіцыю выказніка. Названыя фактары дазваляюць кампенсаваць эліпсіс дзеяслова, а самім канструкцыям свабодна функцыянаваць у мове.

Такім чынам, асноўным фактарам функцыянавання эліптычных канструкцый з эліпсісам дзеяслова ўскладненай будовы выступае структурна-сэнсавас (элінтычныя сказы з аднароднымі і адасобленымі членамі) або сэнсавас (элінтычныя сказы са звароткамі і ўстаўнымі канструкцыямі) узаемадзеянне паміж эліпсаваным выказнікам і сродкамі ўскладнення структуры сказа. Структурна-сэнсавас узаемадзеянне часцей рэалізуецца на аснове паўпрэдыкатыўнай сінтаксічнай сувязі, радзей на аснове паратаксічнай, параўнальнай, інтрадуктыўнай, далучальнай сінтаксічнай сувязі. Інтрадуктыўная сінтаксічная сувязь характарызуецца толькі сэнсавай узаемаабумоўленасцю. Структурна-сэнсавыя

моўныя механізмы спрыяюць кампенсацыі эліпсіса шляхам пашырэння, разгортвання або ўскладнення структуры сказа рознымі сінтаксічнымі пазіцыямі – аднапланавымі, разнапланавымі, свабоднымі і абумоўленымі, са скрытай прэдыкатыўнасцю і інш. Закон семантычнага ўзгаднення рэгулюе найбольш эфектыўнае выкарыстанне моўных сродкаў у элінтычных сінтаксічных канструкцыях розных відаў.

Літаратура

1. Мельников, Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г. П. Мельников ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 2003. – 393 с.
2. Циммерлинг, А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков / А. В. Циммерлинг. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 895 с.
3. Pottelberge, J. van. Defining grammatical constructions as a linguistic sign: the case of periphrastic progressives in the Germanic languages / J. van Pottelberge // Folia Linguistica. – 2007. – Vol. 41, Iss. 1/2. – P. 99–134.
4. Круглякова, В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. А. Круглякова ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2010. – 25 с.
5. Karolak, S. O założeniach składniowo-semantycznego opisu języków naturalnych / S. Karolak // Studia z Filologii Pol. i Słowiańskiej / Pol. Acad. Nauk, Inst. Slawistyki. – 2004. – T. 39. – S. 219–228.
6. Невская, И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири: на материале шорского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / И. А. Невская ; Рос. акад. наук, Ин-т филологии. – Новосибирск, 1997. – 45 с.
7. Симић, Р. Српска синтакса : у 4 књ. / Р. Симић, Ј. Јовановић ; Филол. фак. у Београду [и др.]. – Београд [и др.] : Филол. фак. [и др.], 2002. – 4 књ.
8. Дяговец, И. И. Типология русских придаточных предложений нетипичного построения: синтаксические единицы с отклоняющейся структурой : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. И. Дяговец ; Моск. гос. ун-т. – М., 2006. – 30 с.
9. Князева, Н. В. Семантико-синтаксические типы предложений с предикативным ядром N1-N1 : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Князева ; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2006. – 22 с.
10. Kittil, S. A typology of tritransitives: alignment types and motivations / S. Kittil // Linguistics. – 2007. – Vol. 45, Iss. 3. – P. 453–508.
11. Андреева, Е. Г. Сопоставительный анализ моделей глагольного управления в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Г. Андреева ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1991. – 17 с.
12. Thompson, E. Temporal dependency and the syntax of subjects / E. Thompson // J. of Linguistics. – 2001. – Vol. 37, № 2. – P. 287–312.

Паступіў у рэдакцыю 17.12.2018 г.

УДК 811.111. К 78

Интегративный подход к обучению иностранному языку специальности в предметной сфере «МЕДИЦИНА»

Черкашина Е.И.

Московский городской педагогический университет

Вопросы формирования лингвопрофессиональной компетенции специалистов для современного рынка труда остаются актуальными в течение последнего десятилетия. Лингводидактические подходы меняются, но остается открытым вопрос эффективного обучения иностранному языку представителей технических профессий, медицинских работников, персонала туристической индустрии. Для решения этой задачи моделирование образовательных программ должно основываться на принципах интеграции содержания образования в различных предметных областях, профилях, направлениях подготовки. Результаты экспериментального обучения врачей французскому языку специальности позволили нам смоделировать процесс обучения узкопрофильных специалистов, интегрирующий результаты исследований когнитивной лингвистики и теории дискурса.

Цель статьи – рассмотреть формирование способности профессионального владения иностранным языком на основе базовых концептов, отражающих картину мира врача как профессионала и его языковую картину мира как носителя определенной национально-культурной ментальности.

Материалы и методы. Статья написана на основе работ таких авторов, как Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, Л.В. Стецюра. Исходя из принципов научности, системности и достоверности, использовались следующие эмпирические методы: наблюдение, эксперимент, моделирование.

Результаты и их обсуждение. В представленной публикации рассмотрено функционирование профессионального дискурса в предметной сфере «медицина», приводится пример обучения медицинскому языку специальности на основе концептуальной картины мира специалиста. Как показал наш опыт подготовки будущих врачей, модель обучения, считавшаяся универсальной многие десятилетия, не дает результата, требуемого новыми федеральными государственными образовательными стандартами и условиями рынка труда. Интеграция лингводидактики и лингвоперсонологии, психолингвистический подход к феномену общения, а также учет особенностей профессионального мышления и профессиональной коммуникации позволяют сформировать некоторую общность сознаний носителей двух культур в предметной сфере медицины, где зоны пересечения когнитивных пространств носителей «изучаемой» и «изучающей» культур станут «зонами понимания» для потенциальных участников профессионального дискурса.

Заключение. В плане постановки задач последующих исследований, необходимо обратить внимание на разработку типологии профессиональных дискурсов, построение своей коммуникативной модели для каждого типа профессионального дискурса, а также выявление иерархии составляющих коммуникативной компетенции, необходимой при развертывании определенного типа профессионального дискурса.

Ключевые слова: интеграция, медицинский дискурс, профессиональная картина мира, концепты, язык специальности.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 184–188)

Integrative Approach to Teaching Foreign Language for Specific Purposes in the Domain of Medicine

Cherkashina E.I.

Moscow State Pedagogical University

The issues of developing linguo-professional competence of specialists for the modern job market remain relevant for the last decade. Linguodidactic approaches are changing, but there remains an open question as how to effectively teach foreign languages to representatives of technical professions, medical workers, and tourism industry personnel. To solve this problem, the modeling of educational programs should be based on the principles of integration of the content of education in various subject areas, educational program specializations, areas of training. The results of the experimental teaching the French language of the specialty to doctors allowed us to model the process of teaching narrow-focused specialists, that integrates the results of studies of cognitive linguistics and discourse theory.

The purpose of the article is to consider the development of foreign language proficiency with the help of basic concepts, reflecting the physician's world view as of a professional and his linguistic view of the world as of a carrier of a certain national cultural mentality.

Materials and methods. The article is based on the works of authors such as E.S. Kubryakova, A.A. Leontyev, L.V. Stetsyur. Taking into account the principles of science, consistency and reliability, the following empirical methods were used: observation, experiment, modeling.

Results and their discussion. The presented publication considers the functioning of the professional discourse in the subject area “medicine”, it provides an example of teaching the medical language of a specialty based on the conceptual picture of the specialist’s world. Our experience in training future doctors has shown, that the training model, which has been considered universal for many decades, does not provide the result required by the new federal state educational standards and labor market conditions. The integration of linguodidactics and linguistic personalities, the psycholinguistic approach to the phenomenon of communication, as well as taking into account the peculiarities of professional thinking and professional communication make it possible to form a certain commonality of the minds of carriers of two cultures in the subject field of medicine, where the intersection zones of the cognitive spaces of the carriers of the “studied” and “studying” cultures will become “zones of understanding” for potential participants in a professional discourse.

Conclusion. In terms of setting the objectives of subsequent research, it is necessary to pay attention to the development of a typology of professional discourses, building one’s own communicative model for each type of professional discourse, as well as identifying the hierarchy of the components of communicative competence required when deploying a certain type of professional discourse.

Key words: integration, medical discourse, professional worldview, concepts, language for specific purposes.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 184–188)

На современном этапе развития образования и науки междисциплинарность как форма организации научного знания приобретает особую актуальность. Применение междисциплинарного подхода рассматривается как часть общей проблемы повышения уровня профессиональной, мировоззренческой, коммуникативной и кросскультурной компетентности современных ученых. Междисциплинарность характеризуется свойствами интегративности дисциплин, основанными на переносе методов исследований по одной дисциплине в другую и требует синтеза полученных в рамках различных научных дисциплин результатов [1]. Моделирование образовательных программ должно основываться на принципах интеграции содержания образования в различных предметных областях, профилях, направлениях подготовки, что позволит решать задачи формирования профессиональных компетенций специалистов в различных областях знаний. Например, интеграция лингводидактики и лингвоперсонологии в рамках личностно-ориентированного обучения (психология личности, основанная на выявлении психофизиологических, этнокультурологических и лингвистических особенностях субъектов изучения иностранного языка; психология деятельности и психолингвистический подход к феномену общения и понимания), специфика будущей деятельности обучающихся, особенности мышления и речевой деятельности, профессиональный аспект типологии языковой личности, который органично входит в систему профессионально-ориентированного обучения, позволяет смоделировать лингвообразовательный процесс обучения узкопрофильных специалистов (пилотов международных авиалиний, авиадиспетчеров, судоводителей, медицинских работников, персонала в сфере туризма).

Для эффективного обучения иностранному языку специальности важен выбор преподавателем методической стратегии, включающей интеграцию лингводидактических, психолингвистических, профессионально-ориентированных аспектов языковой подготовки на каждом из этапов обучения специалистов. Для представителей этих профессий способность и готовность осуществлять профессиональное взаимодействие на иностранном языке является ключевым условием их профессиональной деятельности. Изучение иностранного языка диктуется характерными особенностями профессии или специальности. Применительно ко всем этим профессиям иноязычный компонент профессиональной компетенции будет узкоспециализированным, он выполняет свою узкопрофессиональную лингвоинструментальную функцию. В этом случае от специалиста требуется выполнение конкретных, четко определенных действий и операций, требующих использования иностранного языка. Полагаем, что в основе модели языковой подготовки, предлагаемой нами для подготовки узкопрофильных специалистов [2], лежит профессиональная картина мира изучаемого языка. Согласимся с мнением И.Ю. Марковиной, что содержание обучения целесообразно структурировать в соответствии с базовыми концептами, составляющими основы профессиональной иноязычной культуры, которую необходимо усвоить будущим специалистам в той или иной области. Одной из актуальных задач при таком подходе к обучению языкам в неязыковом вузе является, прежде всего, составление набора базовых концептов, репрезентирующих «профессиональный фрагмент» образа мира носителей изучаемого языка [3]. Основой для понимания чужой реаль-

ности является усвоение тех или иных фрагментов «чужой» профессиональной культуры в процессе формирования общности сознаний потенциальных участников межкультурного общения.

Реализация профессионального дискурса происходит через речевые произведения (тексты), служащие основой профессионального дискурса. Эти тексты выступают в качестве источников сведений об особых профессиональных (ментальных) мирах. Е.С. Кубрякова указывает, что «в процессе создания дискурса особого типа (как и в процессе его восприятия) человек функционирует в одном из возможных миров и погружен в особый ментальный мир» [4]. Речь идет о профессиональной картине мира говорящего и о функционировании дискурса в рамках какой-либо одной сферы профессиональной деятельности человека (в настоящее время выделяют экономический, политический, юридический, экологический и др. дискурсы). А. В. Романтовский отмечает, что «дискурс» позволяет терминсистеме лингвистики в полной мере отображать открытость языковой системы в область социально-исторического, с одной стороны, и психокогнитивного – с другой. При этом, «методологическая ценность термина «дискурс»... состоит именно в его исходном междисциплинарном потенциале. Иными словами, в его способности концептуализировать пограничные явления, свойства, отношения, эффекты» [5].

Считаем, что профессиональный дискурс реализуется в структуре профессиональной картины мира специалиста, в которой, в идеале, когнитивные пространства, отражающие профессиональную картину мира специалиста должны совпадать. Как отмечал А.А. Леонтьев, «обязательным условием адекватности профессиональной коммуникации является единое или сходное понимание реальности участниками профессионального взаимодействия» [6]. Для этого в процессе обучения иностранному языку необходимо сформировать некоторую общность сознаний носителей двух культур. Зоны пересечения когнитивных пространств носителей «изучаемой» и «изучающей» культур станут «зонами понимания» для потенциальных участников коммуникации.

Профессиональная коммуникация, также как и межкультурная, прежде всего, представляет собой межличностное общение, которое строится на системе национально-культурных стандартов, функционирующих в сфере профессиональной активности носителей данной культуры. Специфика профессионального общения заключается не столько, как принято считать, в выборе стереотипов, сколько в умении постичь и овладеть

чуждым для себя культурным стандартом, принятым в определенной сфере профессионального общения. Несмотря на то, что межкультурная коммуникация в профессиональной области подразумевает обязательность речевого общения (речь – «ядро» профессионального дискурса), формирование межкультурной компетенции, особенно в сфере профессиональной деятельности, происходит в первую очередь на экстралингвистической основе.

Рассмотрим функционирование медицинского дискурса в структуре профессиональной картины врача. Л.В. Стецюра в своем исследовании определила специфику профессиональной картины мира медика, которая включает в себя «этнокультурную составляющую, определяется доминирующей научной парадигмой и реализуется определенным набором научных понятий и концептов». При этом концептосфера «организм человека» занимает центральное место в профессиональной картине мира медика. Базовыми концептами, «репрезентирующими организм человека в профессиональной картине мира представителя западной медицины, являются концепты *клетка, ткани, органы, системы органов, микроорганизмы, тело человека*» [7]. Автор также анализирует характерные особенности профессиональной речевой коммуникации в сфере медицины, указывая, что понятия «профессия», «профессиональная коммуникация», «профессиональная картина мира» самым тесным образом связаны между собой.

В современной лингвистике большое внимание уделяется проблеме изучения конкретной языковой личности, основными социальными характеристиками которой, являются образование и профессия человека. Медик как носитель языка одновременно является носителем определенной национально-культурной ментальности и индивидуального способа восприятия действительности. Для профессиональной языковой личности медика характерны такие особенности, как формирование научной картины мира в процессе образования (последовательный переход от наивной картины мира к научной), профессиональная деятельность разной сложности в сфере медицины, владение профессиональным медицинским языком.

В профессиональной картине мира медика доминирует принцип биоцентризма, согласно которому любая составляющая организма человека обладает уникальной биологической ценностью. Профессиональная картина мира медика реконструируется в процессе его практической деятельности в сфере медицины и представляет собой сложное ментальное образование в его

сознании. Л.В. Стецюра выделяет три основных уровня данной системы: «национальную картину мира медика как представителя определенной национальной культуры, концептуальную картину мира медика как профессионала и его языковую картину мира» [7]. Все три уровня тесно взаимосвязаны и определяют особенности языковой личности медика как члена определенного профессионального, национального и языкового коллектива. Л.Г. Викулова отмечает, что картина мира специалиста, работающего в медицинской и фармацевтической области (врач, фармацевт, провизор), отличается от картины мира потенциального покупателя лекарственного средства. «У обыкновенного читателя инструкции ('наивного' пользователя) картина мира складывается как ответ, главным образом, на практические потребности, это своего рода необходимая когнитивная основа его адаптации к миру, которая отличается своей прагматичностью» [8].

Для модели культуры, изучаемой при подготовке специалистов в области медицины, в качестве ключевых могут быть выбраны следующие компоненты: «Здоровье/норма», «Болезнь/патология», «Анатомия», «Физиология», «Врач», «Пациент», «Здоровый образ жизни», «Качество жизни» и т.д. Опора на ключевые концепты при структурировании и организации содержания обучения профессиональному общению может оказаться весьма перспективным подходом к подготовке учебных материалов нового поколения.

При рассмотрении особенностей профессионального медицинского языка мы опираемся на характеристику основных черт «специального языка», выделенных авторами учебника «Культура русской речи», где медицинский язык рассматривается как вербальный, национальный язык с постоянной тенденцией к интернационализации [9]. Так, например, в основе французского медицинского языка лежит лексика греко-латинского происхождения, а также англо-американские заимствования. Ядром профессионального языка медика является медицинская терминология, которая складывалась на протяжении всей истории медицины и продолжает развиваться вместе с медицинской наукой. Профессиональный медицинский язык охватывает научный язык, профессиональный разговорный язык, язык учебников, язык практики и язык клиник. Основные его функции: хранение и получение медицинского знания, а также передача специальной информации в области медицины.

При оценке потребностей обучающихся необходимо определить, что включает целевой диалог в случае обучения иностранному языку для

медицинских целей. При этом необходимо знать, что обычно пишут, читают, говорят и должны понимать на слух специалисты в данной сфере: врачи, медсестры, фармакологи и пр. Иначе говоря, в чем состоит их обычная устная и письменная практика общения в профессиональной сфере.

Наш опыт преподавания языка для специальных целей показывает, что наиболее эффективными учебными стратегиями при узкофокусном подходе являются: симуляции, обучение при постепенно снижаемой поддержке, так называемый, «лестничный» метод и осознанное обучение в развитии. К симуляциям относят ролевые игры, например, после просмотра видео об опытных врачах, либо с профессиональными актерами в качестве пациентов, либо волонтерами-преподавателями в качестве тех, кто ведет практические занятия в мединститутах. Проблемное обучение строится по принципу нахождения решения для поставленной задачи, скажем, для определения диагноза студенты по очереди докладывают о своих соображениях по поводу диагноза и определяют заболевание. «Лестничный» метод [10] предполагает моделирование (дискурсивный анализ) через сотрудничество (с преподавателем, всей группой, в малых группах, парах) и порождение своего дискурса. Таковым может быть изучение документов, необходимых для работы медсестры с преподавателем, затем совместная подготовка такого документа в классе и самостоятельное его написание студентами. Использование текстового материала, в котором характеризуется то или иное заболевание, позволяет создавать профессиональные диалоги, которые включают жалобы больного, анамнез, осмотр врача, предполагаемый диагноз и рекомендованное лечение. Контроль знаний обеспечивается заполнением медицинской карты больного. Это дает возможность студенту почувствовать себя в роли врача, повышает мотивацию и позволяет обеспечить непрерывную связь с практикой.

Следует отметить, что профессиональная коммуникация, так же как и межкультурная, представляет собой межличностное общение, которое строится на системе национально-культурных стандартов, функционирующих в сфере профессиональной активности носителей данной культуры. Специфика профессионального общения заключается не столько, как принято считать, в выборе стереотипов, сколько в умении постичь и овладеть чуждым для себя культурным стандартом, принятым в определенной сфере профессионального общения [3]. Обязательным условием адекватности профессиональной коммуникации является единое или сходное понимание реаль-

ности участниками профессионального взаимодействия. Степень полноты и близости профессионального миропонимания коммуникантами детерминируется коммуникативными ролями, исполняемыми участниками коммуникации в той или иной ситуации профессионального общения.

В плане постановки задач последних исследований, необходимо обратить внимание на разработку типологии профессиональных дискурсов, тщательное построение своей коммуникативной модели для каждого типа профессионально дискурса, а также выявление иерархии составляющих коммуникативную компетенцию, необходимой при развертывании определенного типа профессионального дискурса.

Литература

1. Боруха, С.Ю. Технология междисциплинарной опережающей подготовки профессиональных кадров в условиях интеграции образования, науки и производства [Текст] / С.Ю. Боруха, Л.В. Верзунова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С. 267.
2. Черкашина, Е.И. Новый подход к преподаванию иностранного языка специальности в неязыковом вузе» [Текст] / Е.И. Черкашина // Профессиональное образование: модернизационные аспекты: коллективная монография/ в 9-ти томах. – Том 9. – Ростов-на-Дону: Издательство Международного исследовательского центра «Научное сотрудничество», 2016. – С. 179-210.
3. Марковина, И.Ю. Этнопсихолингвистический подход к содержанию УМК по иностранному языку для вузов неязыкового профиля (на примере учебного комплекса для студентов-медиков) [Текст] / И.Ю. Марковина // Учебно-методический комплекс в системе подготовке по иностранным языкам в неязыковых вузах: теория и практика разработки. Вестник МГЛУ Выпуск 538, серия Лингводидактика, М., 2006. – С. 114-122.
4. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова // Дискурс. Речь. Речевая деятельность. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 7-25.
5. Романтовский, А. В. Понятие дискурса в расширении интерпретационных возможностей лингвистических моделей [Текст] / А.В. Романтовский // Вестник МГЛУ. Выпуск 10 (803), серия Гуманитарные науки, Москва ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – С. 146-160.
6. Леонтьев, А.А. Язык не должен быть «чужим» [Текст] / А.А. Леонтьев // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М.: ММА им. И.М. Сеченова, Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 41-47.
7. Стецора, Л.В. Концептосфера «организм человека» в профессиональной картине мира медика [Текст] / Л.В. Стецора // Дис...канд. фил. наук. – Челябинск, 2010. – 203 с.
8. Викулова, Л. Г. Социально востребованный текст в гуманитарной практике: инструкция к лекарственным препаратам [Текст] / Л.Г. Викулова, Э. М. Рянская // Верхневолжский филологический вестник. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – № 4. – С. 124-129.
9. Граудина, Л.К. Культура русской речи [Текст] / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев // [Учебник для вузов] – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 560 с.
10. Hyland, R. Genre and seconde language writing [Text] / R. Hyland – Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2004.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'373.2:82

Социопрагматический подход к исследованию литературных онимов

Шеверина О.В.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

В настоящее время наблюдается интерес белорусских и зарубежных лингвистов к вопросу изучения социальной специфики онимов, их социопрагматической информативности. Такой подход, несмотря на незначительную библиографическую представленность на современном этапе, видится весьма перспективным.

Цель статьи – определение новых векторов исследования литературных онимов как компонентов коммуникативной организации высказывания.

Материал исследования. *В статье использованы теоретические и эмпирические исследования отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики, прагматики и социопрагматики. основополагающим для принятого исследования является метод теоретического анализа, описательный метод, включающий приемы интерпретации, сопоставления и обобщения языковых и научных фактов.*

Результаты и их обсуждение. *В статье определяется, что исследование специфики функционирования лексических единиц в русле теории речевых актов представлено семантической, коммуникативной и референциальной векторной направленностью. При этом традиционная модель организации коммуникативного акта «адресант – адресат – ситуация общения – языковой код» в настоящее время начинает рассматриваться в новом социально-ориентированном преломлении: участники коммуникативного акта анализируются с позиций их социального статуса и выполняемых социальных ролей. Устанавливается, что исследование онимов как компонентов коммуникативной организации высказывания позволяет определить роль имен собственных в регуляции общения и их социостилистические характеристики по таким параметрам, как место и время действия, модель поведения участников общения, зона комфорта и приватности, степень дистанцированности между адресатом и адресантом.*

Заключение. *Эмпирические исследования, выполненные в русле прагматического и социопрагматического направлений, позволят произвести анализ имени собственного и определить совокупность социальных параметров: роль и статус говорящих, возрастные особенности участников коммуникации, национальную принадлежность и др.*

Ключевые слова: *художественный дискурс, номинация лиц, литературный антропоним, коммуникативный акт, социопрагматическая информация.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 189–194)

Sociopragmatic Approach to the Study of Literary Onyms

Sheverinova O.V.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Currently, Belarusian and foreign linguists are being interested in studying of the social specifics of onyms, their sociopragmatic information. Despite the poor bibliographic representation at the present stage, this approach seems to be of great significance.

The objective of the article is to identify new vectors for the study of literary onyms as the components of the communicative organization of the utterance.

Material and methods. *The theoretical and empirical studies of Belarusian and foreign scholars in the field of linguistics, pragmatics and sociopragmatics are used. The method of theoretical analysis, the descriptive method, which includes the methods of interpretation, comparison and generalization of linguistic and scientific facts are the fundamental ones to the given research.*

Findings and their discussion. *The article proves that the study of the specificity in the functioning of linear lexical units with the theory of speech acts is represented by a semantic, communicative and referential vectors. At the same time the traditional model of the organization of the communicative act «addresser - addressee - the situation of communication - language code» is now represented in a new socially-oriented way: the participants of the communicative unit are analyzed from the standpoint of their social status and social roles. It is established that the study of onyms as components of the communicative organization of a statement allows to determine the role of proper names in the regulation of communication and their socio-stylistic characteristics according to such parameters as place and time of action, participants' behavior pattern of communication, comfort zone and privacy, distance between addressee and addresser.*

Conclusion. Empirical studies carried out in the pragmatic and sociopragmatic fields will make it possible to analyze the Proper name and determine the totality of social parameters: the role and status of the speaker, the age characteristics of the communication participants, nationality, etc.

Key words: literary discourse, personal nomination, literary anthroponym, communicative act, sociopragmatic information.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 189–194)

Прагматическое направление в исследовании языковых единиц, зародившееся в 20-х гг. прошлого столетия в русле семиотической концепции Ч.У. Морриса и Ч.С. Пирса и в течение долгого времени рассматривавшееся как «автономная, прикладная к семантике область» [1, с. 75], получило развитие в 1960–1970-х гг. в рамках теории речевых актов, предложенной Дж. Остином и Дж.Р. Сёрлем. Данное направление изучения особенностей функционирования лексических единиц характеризуется трехчастной векторной ориентированностью:

1) *семантической* (изучение значений высказываний, в частности, установление явных и скрытых целей высказываний);

2) *коммуникативной* (анализ речевых актов, речевых тактик и типов речевого поведения, правил коммуникации, смысловых установок говорящего и др.);

3) *референциальной* (реакция собеседника, влияние коммуникативной ситуации на понимание высказывания и др.).

Номинация выступает своего рода деятельностью, направленной на идентификацию лица, поскольку антропонимы, как часть лексической системы любого языка, являются идентификационными и дифференцирующими знаками, которые не только выделяют индивида среди совокупности других, но и являются средством хранения и передачи информации. При именовании персонажа художественного произведения такая информация обретает дополнительные корреляции (социосемиотические, культурносемиотические и т.д.), поскольку выбор имени литературного героя – результат преломления мировидения и мироощущения автора и один из емких выразительных стилистических способов создания и интерпретации читателем образа-персонажа.

Язык представляет собой сигнификативно-репрезентативную систему, способную отразить любую деятельность человека. При этом, по мнению В.А. Звегинцева, любой языковой знак при взаимодействии с другими знаковыми единицами становится полисемантическим, вступает в системные отношения с другими знаками и несет определенную эмоциональную или экспрессивную нагрузку [2]. Следовательно, такие семио-

тические возможности знака распространяются также на антропонимные единицы, которые функционируют в тексте художественного произведения, в частности, в коммуникативных актах между действующими лицами.

Таким образом, **целью статьи** является определение новых векторов исследования литературных онимов как компонентов коммуникативной организации высказывания.

Материал исследования. В статье использованы теоретические и эмпирические исследования отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики, прагматики и социопрагматики. Основополагающим для предпринятого исследования являются метод теоретического анализа, описательный метод, включающий приемы интерпретации, сопоставления и обобщения языковых и научных фактов.

Результаты и их обсуждение. Ономастические исследования в русле прагматики, по мнению Ю.А. Степанова, направлены на установление «наиболее оптимальных ... средств для наиболее успешного воздействия на адресата, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения» [3, с. 324]. В прагматике онима, по мнению И.В. Крюковой, описывающей прагматический аспект в изучении онимов и методологию исследования, традиционно выделяется три направления:

1) *исследование прагмакомпонента в значении онима*, ориентированное на выявление ономастической коннотации, актуализаторами которой выступают историко-культурный фон онима, положенный в основу его возникновения. Объектом прикладных изысканий в русле данного направления выступают прецедентные имена собственные, говорящие имена, прозвища, прагматонимы (названия торговых марок, предприятий и др.);

2) *характеристика автора, адресата и условий номинации*. Анализ номинативной ситуации предполагает изучение условий, в которых происходит номинация, и выявление зависимости выбора онима от ряда объективных и субъективных параметров (историко-культурный фон, иллокутивное намерение говорящего, особенности речевого акта и т.д.);

3) *описание функциональных свойств онима* [4, с. 139–142]. Функционируя в художественном произведении, онимы взаимодействуют с ближним и дальним контекстом, обретая дополнительные функции и коннотации, изучая которые можно установить не только специфику речевых актов, но и различные иллюкативные замыслы автора в построении идейно-сюжетной линии художественного произведения.

О становлении антропонимной прагматики как науки и ее исследовательском потенциале в описании номинативных единиц заявил в своем исследовании С.И. Гарагуля (см. подробнее [5]). Автор, сопоставив имя существительное и личное имя как два понятия, используемые для идентификации (номинации / категоризации) объектов окружающей действительности, приходит к выводу о двуплановости последнего. В отличие от имени существительного, которое генерализирует объект как представителя класса однородных, содержательная сторона онима намного шире, поскольку кроме первичной этимологии, выраженной апеллятивом, послужившим основой для образования онима, включает «много компонентов: прагматический, культурный, исторический, социальный и т.д.», которые появляются в процессе употребления личного имени в той или иной ситуации [5, с. 15]. План выражения онима способен актуализироваться посредством структурной организации онима (использование гипокористик, деминутивов) и / или звуковой оболочкой, придавая имени дополнительные (прагматические) «смыслы»: восприятие имени, его воздействие на адресата, отношение к имяносителю и др. Исследователь приходит к выводу, что прагматические возможности номинативного знака являются деривативно обусловленными, а следовательно, установить весь спектр прагматических значений возможно при изучении линейной организации онима. На наш взгляд, такая организация онимических единиц, используемых для номинации персонажа художественного произведения, может быть представлена в качестве номинативного ряда, в частности ономастического, что позволит установить широкий спектр прагматических значений и проследить динамику словообразовательных и структурных изменений формул именования отдельного действующего лица. Работа С.И. Гарагули вносит вклад в становление прагматического направления литературной ономастики, поскольку акцентирует внимание также на проблеме антропонимической идентичности литературно-художественного персонажа. Изучив функциональную систему именований персонажа в контексте различных речевых ситуаций,

ученый разработал прагматические параметры антропонимической идентичности, которые позволяют рассматривать имя как «свернутый лингвокультурный текст» [5, с. 34], в котором прослеживается жизненный путь героя, ассоциативный фон имени, социальные роли субъекта с учетом когнитивных, социальных, национальных, географических, исторических факторов. Автор констатирует, что идентичность персонажа (его личные черты, поведение, внешний вид, а также его личное имя) «способна оказывать ... влияние на читателя» [5, с. 37], что проявляется не только в случаях деонимизации, когда имя персонажа становится определенным дескриптивным элементом в описании личности реального носителя этого имени, но и в понимании роли того или иного действующего лица в раскрытии идейно-художественного замысла произведения в целом.

Однако изучение функциональной стороны (собственно прагматики) языкового явления не дает полного представления о возможностях и специфике языкового знака, поскольку акт коммуникации имеет непосредственную связь с человеческой деятельностью, следовательно, участники коммуникации привносят в функционирование лексических единиц дополнительную экстралингвистическую информацию. Иными словами, функционируя в речи, лексические единицы зависят от «социальных параметров» говорящего и слушающего [6]. Прагматический подход к описанию онимов (см., например, работы И.В. Крюковой, Т.В. Нестеровой, Т.В. Шенкнехт) репрезентирует главным образом статистическую вертикаль, а линейная организация номинативных единиц, с помощью которой можно проследить интенции коммуникантов, остается дисперсной в научном и практическом освещении. Одностороннее изучение специфики функционирования лексических единиц, в том числе онимов, обуславливает появление нового, симбиотического, направления в лингвистических исследованиях. Интерес ученых к речевой деятельности во всех ее проявлениях и «человеческому фактору» в языке инициировал также смену парадигм со статистической на антропоцентрическую. Приоритетность антропоцентризма в изучении языкового материала привела к смещению исследовательского вектора от статичного изучения лексического материала к анализу изменений, которые претерпевают элементы системы языка, функционируя в том или ином высказывании [8]. Справедливо мнение Ю.С. Степанова, который считает, что в своем развитии наука «идет вслед за сторонами изучаемого объекта... Современное состояние гуманитарных наук позволяет сделать

вывод о превалировании интереса к пользователю коммуникативных систем, к человеку...» [3], т.е. к появлению нового направления в исследовании языка – социопрагматического.

Данный подход к описанию лексического пространства, частью которого выступают имена собственные, строится на изучении речевой деятельности человека с учетом ряда лингвистических и экстралингвистических особенностей. Невзирая на то что терминологический инструментарий вышеуказанной научной области находится в стадии становления, эмпирическая база коммуникативно-ориентированной лингвистики свидетельствует о перспективности социопрагматического направления.

Как самостоятельное научное направление социопрагматика зародилась в зарубежном научном знании и была нацелена на установление языковой специфики речевого общения официально-делового характера. Введение Дж. Личем в 1983 г. данного термина для определения способов влияния специальных условий на использование языковых единиц было инициировано разработкой модели эффективного воздействия языка на реципиента в ситуации общения, что служило главным образом прагматическим целям связи с общественностью (public relation) и повышению эффективности в изучении языка и специфики его функционирования в акте коммуникации и тексте (см., например, труды А.Р. Абитовой, П. Гранди, В. Локастро, А.И. Милостивой, Б.Ю. Нормана, Н.И. Формановской, А.Д. Швейцера и др.).

В соответствии с Общеввропейскими компетенциями владения языками, установленными в 1999 г. (The common European Framework of Reference for Languages), социопрагматическая компетенция предполагает сформированность у индивида умений осуществлять эффективную коммуникацию, использовать социальные маркеры в той или иной коммуникативной ситуации, обладать знаниями о социальных и контекстуальных языковых разновидностях, которые обуславливают выбор той или иной языковой единицы в ситуации общения [8].

Следуя цели диссертации, мы установили, что исследования социопрагматической направленности характерны главным образом для медиадискурса и корпоративной культуры (см. работы И.В. Герасименко, А.А. Колобовой, И.Н. Пьязиной, Ю.А. Сальниковой, Н.В. Царикевич). Поскольку в основе использования языкового знака лежат три фундаментальные функции: номинация, предикация и локация, – перспективность обретают также социопрагматические исследования онимического материала.

Заслуживают внимания труды, посвященные установлению стратегических возможностей художественных онимов (построение стратегий общения) в распределении регулятивных действий, фазы которых (например, установление контакта, поддержание контакта и др.) включают онимическую единицу, функционирующую в роли обращения. Изучение онимов как конструкторов, участвующих в коммуникативной организации высказывания, позволяет определить роль имен собственных в регуляции общения и их социостилистические характеристики. В частности, в исследовании Т.В. Нестеровой в синхроническом и диахроническом аспектах проанализированы основные типы обращений-антропонимов в семейной сфере на материале произведений русской литературы XIX–XX вв. Автор, представив различные структурные модели антропонимов, используемых в качестве обращений, установила качество (гармоничное / дисгармоничное) и динамику речевых тактик и жанровую специфику прагматических и регулятивных свойств антропонимов-обращений в малой социальной группе – семье (см. подробнее [9]).

Функционируя в ситуативно-коммуникативных отрезках, онимы, относящиеся к одному лицу, получают дополнительные возможности и обладают, как отмечает А. Вежбицкая, «важными ... значениями, в которых отражен характер человеческих взаимоотношений» [10, с. 192]. Иными словами, рассматриваемая традиционная модель организации коммуникативного акта с прагматической позиции «адресант – адресат – ситуация общения – языковой код» в новом (социально-ориентированном) преломлении репрезентирует дополнительную информацию. Так, участники коммуникативного акта анализируются со следующих позиций:

- 1) социальный статус говорящего и слушающего;
- 2) социальная роль, указывающая на «поведение, предписанное человеку его социальными (возрастными, гендерными, должностными и т.д.) положением или статусом» [6, с. 282].

Перлокутивное воздействие («желаемое» воздействие высказывания на получателя сообщения) обусловлено также особенностями ситуации общения, которая выражается в «языковом коде», т.е. лексическими единицами (в частности, словообразовательными средствами) и синтаксическими конструкциями. Коммуникативная ситуация с данной точки зрения анализируется по таким параметрам, как место и время действия, модель поведения участников общения, зона комфорта и приватности, степень дистанцированности меж-

ду адресатом и адресантом. В рамках коммуникативной ситуации используемые языковые единицы, в том числе онимические, характеризуют как естественные, т.е. релевантные ситуации, так и искусственные – специально созданные для достижения той или иной коммуникативной цели.

Таким образом, социопрагматический ракурс исследования языкового материала направлен на установление новых (дополнительных) характеристик. Являясь частью лексической системы, онимы подлежат также изучению с социопрагматических позиций. Пространство художественного текста, моделируемое автором в определенном хронотопе (пространственно-временная плоскость произведения), экстраполирует определенные социокультурные, исторические, национальные особенности на языковой код коммуникантов, что повышает эвристический и научно-исследовательский потенциал анализируемого онимического корпуса.

Отметим, что текст, в том числе художественного произведения, рассматривается как макрознак, включающий «материального носителя информации и социокультурную среду функционирования языковых знаков» [11]. Онимы как часть лексической системы языка имеют знаковую природу, следовательно, изучение социопрагматической специфики номинативных единиц представляется актуальным. В отличие от чисто прагматического аспекта, такой подход к анализу онимов позволит установить приращения и коннотации, возникшие в лингвистических и экстралингвистических условиях их функционирования в коммуникативных актах и сюжете повествования с учетом ряда социальных параметров, присущих:

1) коммуникантам (социальный статус адресанта и адресата, социальная роль говорящего и слушающего, ареал проживания), а также, что значимо,

2) речевой ситуации (обстановка официальности / неофициальности, количество участников и их взаимоотношения, устанавливающие зону приватности, коммуникативная цель; особенности коммуникативной ситуации и т.п.).

Кроме дифференциации ситуативно-коммуникативного отрезка на структурные составляющие (субъект-участник и собственно речевая ситуация и ее фазовые компоненты), в современной лингвистике социопрагматические исследования в области литературной ономастики направлены на решение ряда проблем. Во-первых, художественные онимы рассматриваются как единицы, способные реализовать прагматические потенции (эмоционально-оценочное отношение) в

коммуникативном пространстве. Так, Л. Линский впервые заявил о взаимосвязи акта референции с говорящим субъектом. Точка зрения ученого коррелирует со взглядами лингвиста Дж. Сёрля, который сформулировал правила референции и выявил линейную зависимость между намерениями говорящего и адресата и контекстуальной информацией, которая дополняет семантику референтного выражения с опорой на когнитивную базу участников коммуникации. Дж. Сёрль отмечал, что именование может быть косвенным, когда обращение к объекту речи осуществляется дистанцированно, но при этом не лишается прагматической составляющей. В основе процесса номинации и референции в художественном произведении лежит причинно-следственная связь, установить которую возможно путем анализа контекста и сюжетных линий отдельных персонажей.

В научно-исследовательской парадигме начала XXI в. в рамках разработки социопрагматического направления труды лингвистов главным образом направлены на установление индивидуально-авторской совокупности языковых средств (индивидуального стиля) как «структурно единой и внутренне связанной системы средств и форм словесного выражения» [12, с. 105]. Одним из способов словесного выражения речевого поведения действующих лиц выступает номинация, как прямая, так и косвенная. Всестороннее изучение онимического материала позволит выделить более широкую стратификационную типологию персонажей, которая строится на ряде параметров:

1) гендерные различия между действующими лицами произведения – участниками коммуникации;

2) языковые национальные особенности говорящих;

3) антропологическая специфика – набор черт, присущих индивиду в процессе его развития и деятельности в определенной естественной (природно-географической) и искусственной (культурной) среде. Поскольку текст литературного произведения может быть рассмотрен как искусственная (литературная) реальность, созданная автором как представителем той или иной антропологической системы, а герои произведения выступают персонифицированными образами языковой личности, изучение ономастикона (прецедентные именованья, этнически маркированные онимы, заимствования, национальный именной репертуар и др.) позволит установить сходства и различия между коммуникантами антропологического характера;

4) возрастные признаки участников коммуникации. Структурный анализ формул именования (моделей), используемых участниками коммуникации, совместно с исследованием морфемной специфики онимов (использование квалитативов, деминутивов, пейоративов и т.п.) дает возможность стратифицировать персонажей по возрастному параметру и

5) социальному статусу;

6) национальная принадлежность действующих лиц.

Заключение. Такая типология персонажей, основанная на социопрагматическом анализе онимического корпуса и вариативности вербального выражения номинативных единиц, а также использование антропонимного инструментария для идентификации персонажа позволит произвести «лингвистическую идентификацию личности» действующего лица художественного произведения и установить специфику индивидуально-авторской языковой картины мира писателя.

Литература

1. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика: Антология. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.
2. Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию [Электронный ресурс] / В. А. Звегинцев. – М. : Либроком, 2009. – Режим доступа: http://royallib.com/book/zvegintsev_vladimir/ocherki_po_obshchemu_yazikoznaniyu.html. – Дата доступа: 11.02.2016.
3. Степанов, Ю. А. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю. А. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 323–326.
4. Крюкова, И. В. Прагматика онима: направления исследования и методика анализа / И. В. Крюкова // Изв. ВГПУ. Сер. Филол. науки. – 2011. – № 8 (62). – С. 139–142.
5. Гарагуля, С. И. Антропонимная прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / С. И. Гарагуля ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 42 с.
6. Киньябузова, Л. А. Предмет изучения социопрагматики / Л. А. Киньябузова // Наука и современность. – 2010. – № 3-2. – С. 279–283.
7. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 3–43.
8. The common European Framework of Reference for Languages [Electronic resource]. – Mode of access: <https://hal.archives-ouvertes.fr/halshs-00689854/document>. – Date of access: 01.05.2017.
9. Нестерова, Т. В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Нестерова ; Гос. ин-т русского языка. – М., 1999. – 28 с.
10. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 413 с.
11. Сальникова, Ю. А. Социопрагматический подход в изучении медиатекстов американской качественной прессы / Ю. А. Сальникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2008_8-1_72.pdf. – Дата доступа: 02.05.2017.
12. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : АН СССР, 1963. – 256 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 81'37.7:81'42

Лингвокогнитивный аспект исследования фразем с компонентом душа (В.М. Шукшин «Калина красная»)

Ященко Т.А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье представлены результаты исследования концепта Душа, его аксиологической составляющей и роли фразем как образных средств реализации концепта в тексте киноповести В.М. Шукшина «Калина красная».

Ключевые слова: лингвокогнитология, лингвокультурология, фразема, концепт Душа, дискурс-анализ, В.М. Шукшин.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 195–198)

Linguo-Cognitive Aspect of Research of Idioms With the Component of Soul (V. M. Shukshin "Red Kalina")

Yashchenko T.A.

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

The article presents the results of the study of the concept of Soul, its axiological component and the role of an idiom as a figurative means of implementing the concept in the text of the film "Red Kalina" by V.M. Shukshin

Key words: linguistic and cognitive science, linguistic cultural studies, phraseology, concept Soul, discourse analysis, V.M. Shukshin.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 195–198)

Исследованию особенностей реализации культурного концепта Душа посредством фразем русского языка, а также изучению аксиологической и образной составляющих этого концепта посвящено значительное количество современных работ, написанных преимущественно в рамках когнитивного и концептуально-культурологического подхода к анализу концепта (Н.Н. Арват, Т.В. Булыгина, Л.Ю. Буянова, А. Вежбицкая, О.Н. Кондратьева, В.А. Маслова, М.Ю. Михеев, С.Е. Никитина, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов, Е.В. Урысон, В.А. Успенский, А.Д. Шмелев и др.).

В первом учебном пособии по лингвокультурологии В.А. Маслова обращается к концепту Душа при рассмотрении вопросов отражения в славянской фразеологии мифов, обрядов и обычаев (подраздел *Душа и сердце как духовные центры человека*) [1, с. 155-159].

На рубеже 20-го и 21-го веков утверждается новое направление в междисциплинарном изучении концептов, основанное на холистическом подходе и философии «всеединства» (Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев) и теоантропокосмической парадигме исследования, разработанной В.И. Постоваловой [2]. По утверждению В.И. Постоваловой, для полноты видения концепта и корректности проведения концептуального анализа необходимо возвращение исследователей к «гносеологическим истокам открытия концепта как особой смысловой реальности и понимания его эпистемологического статуса в духовном мире человека» [2, с. 216]. При интерпретации духовности с позиций трансцендентной установки «духовное начало в человеке связывается с соприкосновением человеческого духа с Божественным началом (Святым Духом), а также с миром духовных существ

(ангельским миром» [2, с. 219]. Именно в таком направлении представлен сравнительно-типологический анализ концепта Душа в лингвистических исследованиях, В.А. Степаненко [3; 4], где обосновывается каузирование онтологического концепта Душа онтологическим концептом Бог, а также раскрываются каузируемые отношения концепта Душа с онтологическими концептами Дух, Сердце, Совесть, Тело, Плоть, Грех. Утверждая определенное место любого онтологического концепта в концептосфере, автор приходит к выводу: «изучение концептов вносит определенный вклад не только в познание, но и в формирование ноосферы» [4, с. 7].

В работах В.А. Масловой и М.В. Пименовой исследуются вопросы реконструкции изначально онтологического духовного кода лингвокультуры, который не только формирует ментальность, но и обуславливает поведение и деятельность человека [5 с. 147-165]. Во многих отношениях коды культуры схожи с метафорами и другими тропами, но в то же время они не тождественны им: «соотношение кода и метафоры имеет диалектический характер», что выразительно проявляется в духовных кодах, связанных с категорией ценности – центральной категорией для культуры (П.А. Сорокин). Отмечая проявления духовного кода в двух ипостасях (сакральной и светской), авторы показывают, формирование духовного кода Рождество Христово не только через богословское учение и пласт религиозной лексики, но и через огромный пласт духовной поэзии.

Цель нашей работы: выявить сюжетобразующую роль концепта Душа и образные средства его реализации в целостном художественном тексте.

Новизна работы заключается в реализации когнитивно-дискурсивного анализа целостного художественного текста, а также в установлении взаимосвязи концепта Душа с другими культурными концептами, характерными для русского языкового сознания.

Материал и методы исследования. Соглашаясь с утверждением В.А. Масловой о том, что «истинными хранителями культуры являются тексты», считаем, что исследование ключевых концептов русской культуры, к числу которых, несомненно, относится концепт Душа, следует проводить на материале художественных текстов, отражающих в значительной мере концептосферу национального языкового сознания. В круг этих текстов входят произведения В.М.Шукшина, в частности, киноповесть «Калина красная» [6].

В ходе исследования использована общенаучная методология (методы наблюдения и интерпретации, дедукция и индукция, аналогия) и логико-философская методология (закон единства и борьбы противоположностей, принцип все-

общей связи явлений, принцип причинности). К числу лингвистических методов относятся метод сплошной выборки, когнитивно-дискурсивный анализ, компонентный анализ семантики слова, сравнительно-исторический метод, метод описательного и дистрибутивного анализа. Понимая, вслед за В.А. Масловой, методы лингвокультурологии как «совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры» [7, с. 34], назовем методики лингвокультурологического комментирования, методику контент-анализа, а также нарративный анализ.

В рамках разработанной В.А. Масловой концепции лингвокультурологического анализа, наряду с интерпретацией национально-культурных смыслов языковых единиц с позиции «внутреннего наблюдателя», «изнутри» языка (В.Н. Телия), утверждается также необходимость анализа языковых фактов «с позиции внешнего наблюдателя» [8, с. 134].

Результаты и их обсуждение. При всем разнообразии определений концепта Душа мы вполне разделяем мнение Ю.С. Степанова, что лучшее из них было дано еще в «Словаре» В.И. Даля: «**Душа**» ж. бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении // человек с духом и телом; в более тесном: // человек без плоти, бестелесный по смерти своей; в смысле же теснейшем: // жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа (...). *Душа* также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр. *Душа есть бесплотное тело духа*; в этом значении *дух* выше *души* [9, с. 504]. Весьма важную информацию находим в статье «Дух», где определение основного значения слова базируется на богословском понятии: бестелесное существо, обитатель не вещественного, а существенного мира; бесплотный житель недоступного нам духовного мира» [9, с. 503]. В последующем тексте говорится о возможности разных пониманий соотношенности Духа с Душой: «Относя слово это к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному» (там же).

Общеизвестно, что корень слов *душа* и *дух* соотносится с *дыханием*, *дуновением*, *воздухом* и принадлежит к числу самых древних корней, в которых, как правило, и заключаются наиболее устойчивые народные представления о самых жизненно важных вещах.

Неотъемлемой составляющей культурного концепта является его образность. Образной составляющей концепта Душа посвящены многие современные работы. Как показано в исследовании М.Ю. Михеева [10], выделяются следующие

наиболее типичные образы Души (включая мифологемы и фразеологию): 1) огонь; 2) воздух, дыхание (см. также: дым, пар); 3) птица, летающее существо; 4) представление о загробном мире; предки; 5) ребенок; 6) вместилище и в то же время его содержимое; «пленница тела»; 7) сущность, основа чего-нибудь; 8) «сокровенный» человек, *Alter ego*; 9) особо чувствительный орган; 10) нечто, располагающееся на горизонтальной поверхности; 11) залог в отношении со сверхъестественными силами; 12) двойник человека, как 'Судьба' и 'Доля'.

Как показал анализ текста киноповести «Калина красная», онтологическое имя *душа* соотносится чаще всего с образной фраземой *сокровенный человек*. Главный герой произведения Егор Прокудин говорит о своей душе как о своеобразном двойнике, о существе, которое живет своей нелегкой жизнью: его душа болит, устает, нуждается в отдыхе. Он испытывает острую потребность в «празднике» не столько для себя как человека во плоти, сколько для своей души: *душе нужен праздник, отдых душе устроить*. Очевидно, можно говорить о восприятии героем своей души как «внутреннего человека», но не в религиозном понимании воцерковленной личности, воспринявшей тексты Священного Писания: *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (Второе послание к коринфянам Апостола Павла, 4, 16). Исходя из коллизий сюжета произведения и логики развития образа, можно предположить, что Егор непосредственно ощущает, что в нем живет, по выразительному определению В.И. Даля, «существо, воображаемое отдельно от тела и от духа». При этом ему кажется (или точнее: он *понимает*), что эта «сущность» часто бывает лучше и мудрее, чем он сам. Очевидно, в таком случае можно говорить о мирской (светской) ипостаси религиозной ценности души. Герои В.М. Шукшина в сложных ситуациях спрашивают совета у своей души, считают, что к ее голосу надо прислушаться. Так, например, свое решение ехать из села Ясное в райгород Егор так и объясняет: *Останусь один и спрошу свою душу. Мне надо. Люба*. И Люба с полным пониманием отвечает: *Делай, как тебе душа велит, Егор*.

В результате дискурс-анализа текста «Калины красной» установлено, что весьма значимым для характеристики психологического состояния главных персонажей является представление о душе как особо чувствительном органе. В таких случаях выразительно доминирует сема 'боль' и 'страдание': *многострадающая душа, болит душа, ноет душа, плачет душа, перемотаться душой, душа больно толкается в груди, жечь душу*. Эта многократно повторяющаяся *боль души* не только соответствует драматизму характера Его-

ра Прокудина и глубине переживаний Любви Байкаловой, но и подчеркивает семему: «живое», столь существенную для русской концептосферы в целом и для анализируемого художественного дискурса, в частности. Известно, что в христианской традиции понятие «душа» неразрывно связано с понятием «живое». «Важнейшей универсальной единицей субстанционально-семантической структуры суперконцепта «Душа» является, как видно из речевых реализаций, семема «живое».

Душа представляется одновременно и как «вместилище» чувств, эмоций: *вспомнилась в душе какая-то радость, жило в душе предчувствие, тревога вкралась ей в душу*, и как содержимое «вместилища»: *Нет, она плачет! – остервенело сказал Егор. – Плачет! Тесно ей там – плачет!.. – Он рванул рубаху...* Слова Егора о «стеснении души» сопровождаются характерным для русской культуры жестом: рвануть ворот рубахи. – дать волю душе. Сравним это также с распространенным фразеологизмом *душа нарасташку* 'откровенный, прямой человек', причем в этой фраземе можно видеть и осуждение (преимущественно на бытовом уровне): не следует ходить «расхристанным», в незастегнутой одежде, оставляя открытой «душу» (т.е. место под кадыком, где по народным представлениям располагается душа), и одобрение: «открытый человек» в представлении русских – это хорошо [10, с. 149].

Душа предстает в этом эпизоде киноповести (первая встреча Егора с Губошлепом и его бандой после освобождения из заключения) как «пленница тела». Образ «пленницы тела» перекликается с образом птицы в клетке: *она (душа) устала в клетке*. Кстати, взаимное наложение образов (или – фреймов) в мифологических представлениях о душе, отмеченное М.Ю. Михеевым, довольно часто встречается и в нашем материале. Как видим, обращение к образной составляющей концепта позволяет увидеть области пересечения разных концептов; в данном случае – таких основополагающих для русской культуры, как Душа и Воля.

Мифологема 'душа – птица (или другое летающее существо') является одной из древнейших в мировой культуре. А.Н. Афанасьев замечает, что в отдаленные века язычества душа человека роднилась с молнией и ветром, которым придавались соответственно мифические образы гусеницы и птицы. Наблюдательный, но «младенчески неразвитый язычник» пришел к мнению, что: а) душа, подобно гусенице, воскресает в виде бабочки или другого летающего насекомого; б) душа подобна птице, которая рождается дважды – в виде яйца и в виде цыпленка. Вот почему птица в санскрите называется «дважды рожденной»; тот же взгляд отражен и в славянских народных

загадках: «Двѣчи родиться, а раз помира» [11, с. 257-258]. Сходные значения выявляет и М.М. Маковский на материале индоевропейских языков [12, с.157-158]. Богатый материал о мифологическом образе 'души – птицы' в восточнославянских языках представлен в работах В.А. Масловой [1; 7].

Вернемся к тексту «Калины красной». Образный сценарий 'души – птицы' является ключевым для понимания представленного выше эпизода. Суть конфликта Прокудина с Губошлёпом, главарём банды, заключается в столкновении живой души Егора (*души-птицы*, которая плачет и мучается стеснением клетки, *души-голубки*), отчаяния в душе танцующей Люсьен («как птица билa крыльями – чтобы отлететь») – и цинизма Губошлёпа, которого «живая душа» больше всего злит и беспокоит: *По темечку ее... Прутиком (...)* Она успокоится.

Встречается также в тексте киноповести образ, связанный с мифологемой «душа – маленький ребенок», характерной для славянской культуры (см., например, изображение Души в виде ребенка на русской иконе «Успение Божьей Матери») [1]. Известна гипотеза, согласно которой во фразеологизмах «закодирован» процесс рождения ребенка. У В.М. Шукшина есть метафора такого типа при описании состояния обиды Егора после разговора с девушкой на почте в райгороде: – *Шалашовка, – ругался Егор, выходя с почты. – Вы у меня танец маленьких лебедей будете исполнять (...)* Егор накалял себя. В глазах появился тот беспокойный блеск, который свидетельствовал, что душа его тронулась и больно толкается в груди.

Душа, как «нечто, располагающееся на горизонтальной поверхности» со взваленным грузом [10, с. 154] представлена в исследуемом материале фразеологизмом *на душе сделалось легче* в эпизоде, когда Егор освобождается от того, что его «стесняет» – должности личного водителя директора совхоза, а заодно – от галстука, и шляпы, как от «не своего», наносного.

Метафорическое представление 'Души' в виде двойника 'Доли', 'Судьбы', находим в выражении: *Душа у меня... наскитидаренная какая-то, Михайлыч. Заведет она меня куда-нибудь.*

Заключение. Концепт Душа определяется нами как ключевой (т.е. смысло- и системообразующий) в концептосфере киноповести В.М. Шукшина «Калина красная», что доказывается следующим: 1) в тексте реализован практически весь набор сем, заключенный в значении концепта и его образных представлениях; 2) дан-

ный концепт является основным в раскрытии характеров главных героев и в мотивации большинства сюжетных коллизий; 3) именно концепт Душа оказывается непосредственно связанным с другими важнейшими концептами произведения (Любовь, Жалость, Радость, Воля).

Исследование языка текста показало, что преобладающими являются образы: «особо чувствительный орган», «сокровенный человек», «пленница тела» и «птица».

Причинно-следственное объяснение важнейших событий в повести невозможно без обращения к концепту 'Душа', что представляется типичным для русского менталитета.

Проведенное исследование подтверждает целесообразность обращения к эпистемологическому статусу концепта в духовном мире человека в процессе дискурсного анализа целостного текста.

Литература

1. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию / В.А. Маслова. – М.: «Наследие», 1997. – 207 с.
2. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
3. Степаненко В.А. Слово / Logos / Имя – имена – концепт – слова (сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul» на материале русского, немецкого и английского языков): Монография. – Иркутск, 2006. – 312 с.
4. Степаненко В.А. Слово / Logos / Имя – имена – концепт – слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul» (на материале русского, немецкого и английского языков) // Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук – ИРКУТСК – 2006. – 38 с.
5. Маслова В.А. Коды лингвокультуры: учеб. пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.
6. Шукшин В.М. Калина красная. Киноповести, рассказы / В.М. Шукшин. – Эксмо-пресс, 1999. – 768 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
8. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – т.1. – М.: «Русский язык», 1978. – 699с.
10. Михеев М.Ю. «Душа» в наивной мифологии русского языка //Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С.145-158.
11. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи / А.Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1983. – 464 с.
12. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений / М.М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1989. – 200 с.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.

Правила для авторов

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
  - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
  - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
  - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
  - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
  - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

Guidelines for authors

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.

6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.

7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.

8. The list of literature shouldn't include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author's certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.

9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.

11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).

12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is *nauka@vsu.by*).

13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:

- *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
- *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
- *author's home address, telephone number, e-mail address;*
- *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
- *expert conclusion on the feasibility of the publication.*

14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.

15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»**

Сборник научных трудов

Том 27

Компьютерный дизайн Е.А. Барышева

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 24,19. Тираж 100 экз. Заказ 177.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.